

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

**Материалы
V Всероссийской научной конференции
10 апреля 2017 года**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

**Материалы V Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции**

(г. Пермь, 10 апреля 2017 г.)

Пермь 2017

УДК 80
ББК 80
Ф54

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 10 апр. 2017 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – 355 с.

ISBN 978-5-7944-2992-3

В сборнике представлены материалы V Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

*Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензент: кафедра общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия:
В. В. Абашев, Е. А. Баженова, Е. В. Ерофеева,
Б. В. Кондаков, И. И. Русинова

Ответственный редактор: И. И. Русинова

ISBN 978-5-7944-2992-3

© ПГНИУ, 2017
© Писорогло Л. Г., оформление, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Социо- и психолингвистические аспекты функционирования языка

<i>Абрамян С. А.</i>	Политическая коммуникация в лингвокультурном контексте	7
<i>Данилевская Н. В.</i>	Слово в социальной рекламе: когнитивно- прагматический аспект	13
<i>Ерофеева Т. И.</i>	Субкультурные локальные маркеры в городском пространстве.....	19
<i>Павлова Д. С.</i>	Зависимость семантических полей в структуре устного спонтанного текста от образования и гендера говорящего	26
<i>Талески А.</i>	К вопросу о пересечении дейксиса разных типов (на примере русских и македонских сказок)	32
<i>Худякова Е. С.</i>	Образ адресата монологического текста и выбор идиома чехами и русскими	39
<i>Яруллин Д. В.</i>	Комбинаторный аспект восприятия жанровой формы	49

Стилистика, текст, дискурс.

Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Габдуллина М. В.</i>	Об особенностях преподавания русского языка в Китае	55
<i>Гричин С. В., Демешкина Т. А.</i>	Комплексное исследование авторизации в научном тексте: когнитивно-дискурсивный подход	62
<i>Карзенкова Е. П., Кыркунова Л. Г.</i>	Духовно-нравственное воспитание как основа социальной безопасности ребенка	68
<i>Кыркунова Л. Г.</i>	Формирование профессионально- педагогических умений и навыков филологов-бакалавров в курсе «Методика обучения и воспитания (русский язык)»	73
<i>Медведева Н. В., Фоминых Л. С.</i>	Создание информационно-содержательных моделей текста как прием совершенствования речевой подготовки студентов-билингвов	79

<i>Рябухина Е. А.</i>	Аспекты обращения к тексту в обучении старшекласников речевой деятельности	87
<i>Соловьева Н. В.</i>	Полемическая функция цитаты (на материале научных текстов)	93
<i>Ширинкина М. А.</i>	Языковое выражение способов правового воздействия в документах исполнительной власти	99
Современное коммуникативное пространство		
<i>Антипина З. С., Пустовалов А. В.</i>	Комьюнити-медиа Пермского края: «общинной, для общины и об общине»	105
<i>Антипина З. С., Салимовский В. А.</i>	Пермские средства массовой информации: состав и типология	112
<i>Катаев П. В.</i>	Районные газеты Пермского края в социальной сети «ВКонтакте»: особенности контента и продвижения	120
<i>Крижановская Е. М.</i>	Языковые особенности создания имиджа политика в региональных печатных и интернет-СМИ во время проведения предвыборной кампании партии «Единая Россия» в 2016 году	127
<i>Куличкина Г. В.</i>	Функционирование современной региональной арт-журналистики (на примере пермской краевой газеты «Пермь Великая»)	132
<i>Масальцева Т. Н.</i>	Литературная жизнь земских изданий: на материале «Пермской земской недели»	139
<i>Мишланов В. А.</i>	О диглоссии современного коммуникативного пространства	145
<i>Попова Ю. В.</i>	Проблемно-тематическое и жанровое своеобразие районных газет (на примере изданий Куединского района)	156
<i>Пустовалов А. В.</i>	Википедия как инструмент продвижения Пермского университета (на примере статей об ученых)	166
<i>Салимовский В. А., Черепанова Л. Л.</i>	Лингво-идеологический анализ районной прессы: к обоснованию подхода	174
<i>Старкова А. А., Харбова Е. Н.</i>	Репрезентация массового сознания в комментариях пользователей Рунета	179

Язык и культура

Бакланова И. И.	Глаголы, обозначающие явления природы, и их роль в формировании структуры предложения (на материале пермских говоров) 184
Боброва М. В., Посохина Ю. Ю.	Прозвища жителей Троельжанского сельского поселения Пермского края 190
Гарина А. В.	Названия коми-пермяцких мифологических персонажей: словообразовательный аспект 198
Гранова М. А.	Неоднословные номинации домового и лешего как объект описания в электронном словаре: к постановке проблемы (на материале пермских говоров) 203
Жидких М. Г.	Особенности лексических единиц коми-пермяцких загадок о растениях и диких животных 212
Зверева Ю. В.	Отражение влияния русского языка в коми-пермяцких микропонимах Пермского края ... 220
Клюйкова Е. А.	Сюжеты о старообрядцах в губернской газете (на материале «Пермских губернских ведомостей» середины XIX века) 228
Колегова О. А.	Мифологические представления Прикамья на страницах «Пермских губернских ведомостей» 1840–1860-х годов 234
Лобанова А. С.	О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан «снять», пистик «хвощ полевой», горадуль «купальница» 240
Межевая Д. А.	Троицкая обрядность в с. Кулига Кезского района республики Удмуртия..... 249
Осипова К. В.	Символика пива в свадебном обряде Русского Севера: этнолингвистический аспект 255
Подюков И. А.	Фразеологические заимствования в коми-пермяцком языке 263
Русинова И. И., Шкураток Ю. А.	Мифологические значения слов <i>икота</i> , <i>икотка</i> (по данным говоров Юрлинского района Пермского края) 270

<i>Савельева М. А.</i>	Модели толкования народных названий растений в диалектном и фитонимическом словарях	276
<i>Сазина Д. А.</i>	Ономасиологический портрет комара	283
<i>Свалова Е. Н.</i>	Жанр приметы в коми-пермяцкой словесности: семантика и форма	289
<i>Четина Е. М., Колегова О. А.</i>	Военная тема в фольклорно-обрядовой традиции: поминание на 9 мая	296
<i>Шахторина М. А.</i>	Мотивационный анализ наименований трав (по данным русских говоров Пермского края) ...	302
Литература и культура		
<i>Березина В. Ю.</i>	Визуальный мир советской культуры в контексте визуального поворота в гуманитарных науках (на примере обложек журнала «Огонёк»)	308
<i>Воловинская М. В.</i>	Экфрасис картины Г. Гольбейна Младшего «Мертвый Христос» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» и его кинематографические репрезентации	314
<i>Михайлов С. С.</i>	Чистильщик обуви и знаменитость. Забытая страница городской культуры	320
<i>Моисеева А. А.</i>	Образ Марсия в русской поэзии XX–XXI вв.	327
<i>Роготнев И. Ю.</i>	Античная мениппея и «ложная сатира» в русской литературе	333
<i>Туманова О. С.</i>	«Но дерзкого в Валгалле ты найдёшь...»: к вопросу о восприятии Скандинавии русской поэзией конца XVIII – первой четверти XIX века	343
<i>Ши Шаньшань</i>	А. П. Чехов и Пермь	349

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

Абрамян Самвел Абрамович
декан факультета романо-германской филологии,
доцент кафедры английской филологии
Ереванский государственный университет
samvel.abrahamyan@ysu.am

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье исследуется политическая коммуникация в лингвокультурном контексте. Политическая коммуникация непосредственно связана с социально-культурными условиями и обстоятельствами общения. Поэтому разные жанры политического дискурса имеют определенную лингвокультурную специфику. На примере британского и американского парламентского дискурсов показаны их специфические лингвокультурные особенности, понимание которых требует соответствующих фоновых знаний.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политический дискурс; парламентский дискурс; лингвокультурный контекст; фоновые знания.

Политическая коммуникация представляет собой речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, отвечающим интересам адресанта [Чудинов 2012: 6]. Иными словами, главной целью политической коммуникации является оказание прямого или косвенного воздействия на реципиента для формирования у него нужного для адресанта мнения и поведения.

Лингвокультурная специфика политической коммуникации проявляется в вербальных отражениях политических реалий, в аксиологической картине мира, создаваемой политическим дискурсом, а также в нормах, принципах и традициях институционального речевого дискурса [Шейгал 2004]. Тексты политической коммуникации характеризуются высокой степенью персуазивности [Чернявская 2006: 23], которая имеет определенную лингвокультурную маркированность и присуща всем жанрам политического дискурса [Wodak 2009: 577].

Как отмечает Т. А. ван Дейк, политический дискурс зависит не столько от темы и стиля, сколько от того, кто говорит, кому, что, в какой ситуации и с какой целью. Иными словами, политический дискурс явля-

ется собственно политическим, поскольку его функции реализуются непосредственно в ходе политического процесса, происходящего в определенном контексте. Контексты, являясь субъективной интерпретацией коммуникативной ситуации ее участниками, вместе с тем социально обусловлены, т. к. основываются на идеологиях, общих и специальных знаниях, правилах, нормах, ценностях и других когнитивных компонентах определенного дискурсивного сообщества [Дейк 2013: 216].

Контексты политического дискурса лежат в основе контекстных моделей, которые определяют как семантику, так и структуру политического дискурса. При этом, поскольку контекстные модели связаны с языковой действительностью, они характеризуются определенной национально-культурной спецификой, оказывающей свое влияние и на языковые модели политического дискурса.

Так, речи членов британского парламента в ходе парламентских сессий или дебатов строго регламентированы определенными процедурами, многие из которых культурно маркированы и отражают многовековые национально-культурные традиции британского парламентаризма. Это находит свое отражение в специфических формах обращения, этикетных формулах, стиле речи, а также в коммуникативном поведении выступающих и слушающих. Например, члены Палаты общин имеют право выступать в ходе дебатов только 1 раз (это правило не распространяется на членов Палаты лордов). Чтобы получить слово, депутаты Палаты общин должны перехватить взгляд спикера (*catch the Speaker's eye*), встав со своего места, в результате чего в ходе дебатов они постоянно встают или приподнимаются со своих мест. Они имеют право с согласия выступающего прервать докладчика и задать ему вопрос, который порой превращается в выступление. Подобная процедура ведения парламентских дебатов является примером конституционного обычая, представляющего собой неформальное и некодифицированное процедурное соглашение, которого придерживаются государственные институты, в данном случае члены Палаты общин британского парламента. Это, по сути дела, является контекстной моделью для участников парламентских дебатов в Палате общин. В результате следования подобной процедуре речь выступающего в британском парламенте ведется не в виде монолога или диалога, а в форме полилога.

Члены парламента во время дебатов не обращаются непосредственно друг к другу на вы (*you*), не используют имен и фамилий, а прибегают к таким выражениям, как *my right honourable friend, the honourable Member for...* («мой глубокоуважаемый друг», «глубокоуважаемый представитель...»), с последующим упоминанием изби-

рательного округа) или *the honourable Member* без упоминания избирательного округа, который представляет данный член парламента.

При этом в использовании указанных обращений имеются свои особенности. Например, члены парламента от одной и той же партии во время дебатов обращаются друг к другу со словами *my right hon. Friend*, в том числе они могут делать это и при обращении к Премьер-министру. Последний к члену парламента от своей же партии может обратиться как *my hon. Friend*, *my right hon. Friend* или *my right hon. and learned Friend*, в том числе и к представителям женского пола. К членам парламента от других партий, в том числе и к лидеру оппозиции, Премьер-министр обращается как *the right hon. Gentleman*, а если член парламента от оппозиции женского пола – *the hon. Lady* или *the right hon. and learned Lady*.

Следует учесть, что британский парламентский дискурс носит опосредствованный характер, так как говорящий обращается не к выступающему, а к спикеру, что приводит к использованию моделей, характерных для непрямой коммуникации, например, местоимений 3-го лица *he*, *she* вместо местоимения 2-го лица *you*. Сказанное не относится к членам Палаты лордов, которые, в отличие от депутатов Палаты общин, обращающихся исключительно к спикеру Палаты общин посредством выражения *Mr Speaker*, обращаются не к лорду-спикеру, а к другим членам палаты, используя, в частности, обращение *My Lords*.

Так, во время дебатов по Сирии в Палате общин 7 сентября 2015 г. Д. Кэмерон в своем ответе на выступление члена парламента от лейбористской партии, и.о. лидера парламентской оппозиции Г. Гарман, не обращаясь непосредственно к ней, но имея в виду ее, 1 раз использовал выражение *the right hon. and learned Lady*, 14 раз местоимение *she* и 4 раза местоимение *her*. Однако в официальном отчете о заседании парламента использованные Д. Кэмероном местоимения *she* и *her* в 10 случаях были заменены на выражение *the right hon. and learned Lady*, в результате чего местоимение *she* в тексте выступления встречается лишь 6 раз. Данный пример свидетельствует о разных требованиях, предъявляемых к устной и письменной речи. Если в устной речи британский премьер-министр позволил себе 14 раз повторить местоимение *she* имея в виду сидящую прямо напротив него Г. Гарман, то в официальном отчете заседаний парламента это было сочтено неприемлемым. В то же время отметим, что местоимения *we* и *I* были употреблены соответственно 35 и 15 раз, причем местоимение мн. числа *we*, использованное в эксклюзивном смысле (т. е. без включения в себя адресата сообщения), имело наибольшую частотность из всех значимых слов (2,83 %) и противопоставлялось местоимению ед. числа *she* с имплицитным смыслом

того, что говорящий выражает мнение большинства, в то время как противоположная сторона находится в меньшинстве.

Вместе с тем следует также учитывать специфику жанра политических дебатов. Хотя для парламентских дебатов присущ формальный стиль общения, нередко парламентарии говорят в разговорном тоне, поскольку во время дебатов они обычно выступают с того места, где сидят и не всегда прибегают к заранее подготовленному тексту. Письменный текст используют главным образом те депутаты, которые выступают с докладом или содокладом по конкретному вопросу, но и в этом случае докладчик при ответе на вопросы вынужден переходить от формального стиля к разговорному. Например, Д. Кэмерон в своем ответе Г. Гарман использовал такие разговорные выражения: *I would say, What is going to happen here is, What I would say is, Look* (для привлечения внимания) и т. д., которые не были включены в официальный отчет о заседании парламента.

Отметим также, что в официальном отчете выражение *I think, I thought / we think* в упомянутом ответе Д. Кэмерона Г. Гарман встречаются в 2 раза меньше (6/1), чем, как свидетельствует официальная видеозапись, это было на самом деле в его речи (12/1). Для сравнения отметим, что в основном докладе Д. Кэмерона по Сирии, который был зачитан им непосредственно до этого, выражение *I think* встречается лишь 1 раз, да и то в качестве цитаты из его выступления годичной давности. Это связано с тем, что использование глаголов мнения в функции введения аргумента менее желательно по сравнению с введением тезиса аргументации, ибо речь политика должна отличаться уверенностью и полной аргументированностью.

Культурная маркированность политического дискурса определяется использованием в речах политиков эксплицитных дейктических описаний и выражений, для интерпретации и понимания которых требуются соответствующие фоновые знания. Так, для понимания того, что используемые в речах членов Палаты лордов дейктические выражения *this place* и *the other place* означают Палату лордов и Палату общин британского парламента, нужны соответствующие знания, которыми британские парламентарии, естественно, владеют, но которые могут не иметь люди, не знакомые с политическими реалиями Великобритании.

Национально-культурная специфика политической коммуникации, в том числе невербальной, ярко проявляется в ее ритуальности. Ритуалы имеют символическое значение и предназначены для поддержания авторитета государственной власти. Они находят свое знаковое выражение в языке, выполняя роль культурно-исторического кода. При этом некоторые ритуалы с точки зрения чужой культуры могут пока-

заться совершенно неприемлемыми, если не задействовать характерный для данной культуры фоновые знания. Среди них можно отметить, например, такие ритуальные действия: удержание заложника из числа членов парламента в Букингемском дворце (*hostage MP*) на период церемонии открытия парламента Великобритании (*State opening of Parliament*) и тронной речи (*Queen's / King's speech*) во избежания того, чтобы депутаты незаконно не лишили монарха свободы; осмотр подвалов Вестминстерского дворца, производимый со времен порохового заговора 1605 г.; (*Gunpowder Plot*), запрет монарху заходить в Палату общин и пренебрежительное поведение членов нижней палаты по отношению к посланнику монарха (*Black Rod*), который отправляется в Палату общин, чтобы пригласить депутатов присутствовать на королевской речи. Не менее странным может показаться поведение спикера Палаты общин, который после своего избрания на эту должность отказывается занять положенное для него кресло в Палате общин, на которое с применением физической силы его усаживают другие члены парламента (*Dragging the Speaker*).

Сравнивая британский парламентарский дискурс с американским, можно заметить как сходства, так и различия. Например, каждое заседание обеих палат британского парламента и обеих палат американского конгресса начинается с молитвы. Члены американского конгресса вслед за молитвой произносят Клятву на верность флагу (*Pledge of Allegence to the Flag*). Дебаты в американском конгрессе регламентируются правилами обеих палат, причем в палате представителей действуют более жесткие правила, чем в сенате. Если в палате представителей выступающие в дебатах не могут отклоняться от обсуждаемого вопроса, а продолжительность их выступлений не должна превышать 1 часа, то сенаторы могут выступать по любому вопросу и без временных ограничений. В силу этого они могут прибегать к обструкции (*filibuster*), т. е. тактике умышленного затягивания хода сессии, чтобы оттянуть принятие неудобного им решения или его не допустить. В Палате представителей такая тактика практически невозможна из-за процедурных ограничений. Желающие выступить должны встать и обратиться к Спикеру палаты представителей или Временного президента Сената США, который обычно председательствует в отсутствие Вице-президента США, являющегося председателем сената. При обращении используются соответственно слова *Mr Speaker* и *Mr President*. При обращении к члену палаты представителей используется слово *gentleman* с указанием штата, который депутат представляет, например, *gentleman from (of) Massachusetts*. Если депутат женщина, используется политкорректное слово *gentlewoman*. Используются также выражения *Representative* или *Senator* с указанием фамилии.

В отличие от британского парламента члены американского конгресса хотя и не часто, но позволяют себе в ходе дебатов использовать местоимение *you* в адрес своих коллег.

Таким образом, коммуникативно-речевые процессы непосредственно связаны с социальными и национально-культурными условиями и обстоятельствами общения. В первую очередь для успешной коммуникации необходимо знание не только языка, но и национальной культуры. Особая роль при этом принадлежит лексике языка, которая формирует мировосприятие народа и в то же время наиболее ярко отражает специфику его культуры. Однако знание лексики, грамматики и синтаксиса не является достаточным условием для эффективной коммуникации: необходимо наличие соответствующих знаний культурно-исторического развития своего народа, его духовно-нравственных ценностей.

Библиографический список

Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

Wodak R. Language and Politics // English Language: Description, Variation and Context. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 577–593.

S. A. Abrahamyan

Dean of the Faculty of Romance and Germanic Philology

Associate Professor of English Philology Department

Yerevan State University

LINGUOCULTURAL CONTEXT OF POLITICAL COMMUNICATION

The article examines political communication in linguocultural context. Political communication is immediately connected with sociocultural conditions and circumstances of communication. That is why different genres of political discourse have definite linguocultural characteristics. On the basis of analysis of British and American parliamentary discourse their sociocultural peculiarities are shown. Appropriate background knowledge is required to understand them.

Key words: political communication; political discourse; parliamentary discourse; linguocultural context; background knowledge.

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
danil6@mail.ru

СЛОВО В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу текстов современной телевизионной рекламы. Утверждается, что в последние годы телевизионный рекламный текст характеризуется функциональной бинарностью, сочетая в себе функции коммерческой и социальной рекламы. Рассматривается содержательное наполнение данных текстов и выявляются их специфические темы. Делается вывод о появлении воспитательной направленности телерекламы и определяются механизмы этой направленности.

Ключевые слова: реклама; социальная реклама; функции рекламы; воспитательная направленность рекламы; механизмы воспитательной функции рекламы.

Как вид специфической деятельности реклама чаще всего ассоциируется с коммерцией, продажей товаров и услуг. Между тем с древнейших времен существовала реклама политическая, а на рубеже XX–XXI вв. укрепилось понятие социальной рекламы.

Социальная реклама – это особый вид распространяемой в учреждениях и средствах СМИ некоммерческой информации, направленной на достижение государством или органами исполнительной власти определенных общественно значимых целей.

О. В. Аронсон справедливо полагает, что социальная реклама – это реклама не конкретного товара, а некоторого отношения к миру. Оно может проявиться (или не проявиться) только в долгосрочной перспективе. Причем результат заранее неизвестен [Аронсон: эл. ресурс].

Уже давно в медиaprостранстве многих западных стран социальной рекламе отводится важная роль – формирование нравственного здоровья общества. Однако в современной России этот вид рекламной коммуникации долгое время не был активным, почти не использовался. И только в последние годы в русском рекламном дискурсе начал интенсивно формироваться «социальный сектор».

Основная задача социальной рекламы – привлечь внимание людей к той или иной общественно значимой проблеме, например к вопросам социального неравенства, низкого уровня жизни, здоровья нации, отношений между поколениями и т. д. Востребованность такого рода рек-

ламных текстов значительно выросла в последнее время в связи с известными негативными процессами, развивающимися в российском обществе. Так, например, захлестнувшая мир глобализация все сильнее подавляет самобытность того или иного «малого» народа, его национальные традиции и культурные стереотипы, растворяя их в общем пространстве глобального (вненационального) мира. При этом естественное стремление человека сохранить *свое* место в обществе и *свою* культуру вызывает реакцию противодействия, сопровождающуюся агрессией не только по отношению к представителям других национальностей, но зачастую и к представителям своей национальности, поскольку исчезновение традиционных культурных ценностей неизбежно приводит к разрушению вековых связей между их носителями. Ср. избыточные в последние годы в средствах массовой информации сообщения о росте неприятия, нетерпимости, агрессии, а часто даже ненависти россиян по отношению друг к другу. Образ войны, не связанный с реальными военными действиями, все чаще появляется в текстах, посвященных повседневной жизни России, о чем свидетельствуют, например, такие рубрики теле-, радио- и печатной журналистики, как «Дорожные войны», «Дачные войны», «Коммунальные войны», «Семейные войны», «Школьные войны», «Криминальная хроника» и т. п.

Между тем известно, что медиакоммуникация – мощнейший инструмент формирования общественного сознания. Отсюда понятно, насколько опасны с социальной точки зрения «полюбившиеся» журналистам темы о межличностной агрессии. В этой ситуации как попытку развернуть внимание общества к иным (противоположным) темам, как возможность снизить уровень агрессивной тематики в масс-медиа можно рассматривать появившиеся в последнее время в рамках телевизионной рекламы тексты социальной направленности, которых еще полтора-два года назад практически не было.

Так, например, всем известна телевизионная реклама Газпрома, информирующая о строящемся газопроводе «Сила Сибири»; этот рекламный текст довольно часто присутствует в рекламных блоках таких каналов, как «Россия 1», «Россия 24», «Первый канал». Интересен вербальный текст рекламы, ср.:

Сила тайги, сила реки, сила гор, сила духа, сила воли, сила красоты, сила семьи, сила традиций, сила движения, сила света, сила Сибири – национальное достояние.

В этом тексте последовательно перечисляются традиционные русские ценности: просторы природы (тайга, реки, горы), особенности русского характера (сила, дух, воля), общезначимые жизненные стереотипы (красота, семья, традиция, движение, свет). Однако объединяются все

перечисляемые ценности одним понятием – *сила*, пожалуй, главным, исходным среди других представлений о русском характере. Ср. общеизвестные представления о русских: это люди с твердым характером и непобедимой волей, все, чего добился этот народ за свою многовековую историю, исходит от силы его духа. Иными словами, в данной рекламе эксплицируется стереотипное представление о специфике русского характера.

Национальный характер, по мнению Т. А. Квашиной, это «компонент психического склада нации, определяемый как отношение к различным сторонам действительности, закрепившееся и проявляющееся в устойчивых стереотипах мышления, эмоционального реагирования и поведения в целом» [Квашина 2011: 23. Разрядка наша. – *Н. Д.*]. Она же приводит высказывание В. Г. Белинского о том, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде или кухне, а в <...> манере понимать вещи» [там же. Разрядка наша. – *Н. Д.*]. Вот эта устойчивая, типичная манера понимать «русское начало» как сильный дух, способный на любые победы, и эксплуатируется в рекламе Газпрома, которому, собственно, рекламировать себя нет никакой необходимости (россияне и без рекламы пользуются газом так же естественно, как, например, водой или электричеством). Появление данной рекламы имеет иную цель – воспитательную, а значит, культурно значимую. Эта реклама как бы напоминает потребителю о таких ценностях, как сила, дух, воля, семья, красота, движение, свет, т. е. о том, что всегда было концептуально важным для русской картины мира, что традиционно относилось к истинным нравственным ценностям ее носителей.

Если, как утверждают специалисты, реклама детерминирует социальное поведение человека, во многом формируя его мировоззрение [Симонова 2010: 5–7; Измайлова 2011: 34–40; Ученова 2012], то роль в этом процессе социальной рекламы очень велика. Весьма важно, что в последнее время на основе высоких нравственных ценностей все чаще начинают создаваться тексты не только собственно социальной рекламы, но и коммерческой. В этом случае коммерческая составляющая текста как бы уходит на второй план, становится сопутствующей информацией, приобретая при этом, за счет ценностных смыслов «социального» плана, акцентированный, усиленный характер звучания в общем контексте рекламного сообщения.

Так, например, авторы телерекламы детской игрушки-лакомства «Киндер Сюрприз» избрали неожиданную форму «Имя мамы знаменитого человека – Киндер Сюрприз». См. текст рекламы:

Знаете, как звали маму Пушкина? – Ее звали Надежда. – А маму Галины Улановой? – Мария. – А маму Леонардо Да Авинчи? – Катерина. – А маму Моцарта? – Анна Мария. – А маму Эйнштейна? – Паулина. – А мою маму зовут Наташа. Я вырасту и тоже прослаблю имя моей мамы. Киндер – выбор мам замечательных детей.

Как видно, на 45 слов этого рекламного текста всего 5 (*Киндер – выбор мам замечательных детей*) формируют коммерческий план содержания (11 % от 100 % целого текста), остальные 40 слов (89 % от всего текста) формируют социально направленный план содержания. Этот социально направленный план текста выражает гуманистическую идею «матери, вырастившие талантливых людей, ставших достоянием мировой культуры». Но, пожалуй, главное в том, что завершает формирование «социального» плана данного текста мысль перспективной направленности – «я тоже прослаблю свою маму». Тем самым акцентируются (выносятся в сильную, завершающую, позицию текста) значимые для русской картины мира концепты «семья», «мать», «личность и общество», «ответственность перед теми, кто тебя любит».

Подобных примеров можно привести много. Особенно часто они стали появляться в телерекламе в последнее время. Таков, например, текст рекламы МТС:

Для тебя, кто покажет ему Байкал. Кто изменит Красному с Черным морем. Кто приедет, как обещал; кто Третье променяет на Золотое. Для тебя, кто любовь расстоянием не мерит; кто на коне встречает старость; и для тебя, кто прокричит: «Бабушка, я научилась плавать!» Мы отменили роуминг в России. МТС – ты знаешь, что можешь.

Содержание социально направленного плана здесь цементируют следующие ключевые смыслы: «забота» / «опека» / «наставничество» (*кто покажет ему Байкал*), «верность слову» (*Кто приедет, как обещал*), «верность Родине» / «любовь к Родине» (*Кто изменит Красному с Черным морем*), «истинная любовь» (*Для тебя, кто любовь расстоянием не мерит*), «активная жизнь» (*кто на коне встречает старость*), «семья» («*Бабушка, я научилась плавать!*»). Все эти смыслы отражают традиционные ценности русской картины мира, благодаря которым текст приобретает тональность доброты, душевного тепла, красоты, надежды на будущее.

Еще пример. Телереклама «Боксер»:

Тренер по боксу принимает вызов по мобильному телефону от беременной жены: – *Опять дерется? Давай поговорю.* – [Жена подставляет трубку к своему животу] *Привет, хулиган! Ты уже большой парень, почему так себя ведешь? Давай так: успокойся, а я вернусь пораньше.*

Договорились? – [В диалог вступает жена] *Кажется, успокоился.* – [Голос за кадром] *Не жалейте слов, чтобы быть услышанными!*

Эта реклама так же, как и предшествующие, основана на концепте «семья»: муж-отец помогает жене-матери воспитывать еще не родившегося ребенка, заботится о семье, думает о поведении сына, а значит, о его будущем. Интересно здесь последнее предложение текста, тоже несущее социально-воспитательную – не коммерческую (!) – направленность и звучащее как аксиома, как «изречение мудрых».

Основываясь на приведенных примерах, можно утверждать, что с помощью внедрения в коммерческую рекламу фрагментов с социально значимым содержанием рекламодатели стремятся не только информировать адресата о своем продукте, но и придать ему «человеческое» звучание, так сказать, вписать в матрицу общечеловеческих ценностей. А поскольку среди телевизионных рекламных текстов таких – социально-коммерческих – становится все больше, можно говорить об определенной тенденции: современная телереклама «берет курс» на усиление воспитательной функции и постепенно «дрейфует» в область социальной рекламы.

Таким образом, российская реклама и, в частности, ее телевизионный сегмент, сегодня характеризуется ориентацией на высокие человеческие ценности, в том числе на духовно-нравственную зону сознания массового потребителя. Результатом этого процесса становится утверждаемый в рекламных текстах новый образ жителя России – сильного духом, ответственного, доброго, заботливого человека. Этот образ противостоит агрессивному блоку телеэфира и, на наш взгляд, свидетельствует о начале возрождения одной из самых главных функций государства – воспитательной.

Хочется подчеркнуть: без продуманной и последовательно проводимой государством стратегии воспитания гражданина невозможно создать гармоничное общество, нельзя правильно выстроить взаимоотношения между отдельной личностью и властью, между разными людьми и разными национальностями. Не случайно такие великие русские просветители, как Д. И. Фонвизин, А. Я. 8Поленов, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, считали, что только *государственное* воспитание способно «множить истинных сынов Отечества», носителей подлинной нравственности, «стремящихся к трудолюбию, прилежанию, скромности, любви к наукам и ремеслам, расширению своих знаний, самосовершенствованию и великим делам во славу Отечества» [Моряков 1996: эл. ресурс].

Библиографический список

Аронсон О. В. О социальной рекламе // URL: <http://www.socreklama.ru> (дата обращения: 30.01.2017).

Измайлова М. А. Психология рекламной деятельности. М.: Дашков и К°, 2011. 444 с.

Квашина Т. А. Телевидение и общество: Этнокультурные факторы телевизионного дискурса. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. 24 с.

Моряков В.И. Екатерина II и русские просветители о воспитании «истинного сына Отечества» // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796) к 275-летию Академии наук». Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. URL: http://ekaterina2.com>konf/konf_031.php (дата обращения: 25.05.2016).

Симонова А. К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности: автореф. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 19 с.

Ученова В. В. Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа? М.: ЮНИТИ, 2012. 232 с.

N. V. Danilevskaya

Professor of Russian Language and Stylistics Department

Perm State University

THE WORD SOCIAL IS: THE COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT

The article is devoted to the analysis of texts of modern television advertising. It is argued that in recent years television advertising the text is characterized by functional binary, combining the functions of commercial and social advertising. Examines the substantive content of these texts and identify their specific topics. The conclusion about the emergence of educational television commercials and mechanisms of this orientation.

Key words: advertising; social advertising; functions of advertising; the educational focus of the advertising; the mechanisms of educational functions of advertising.

Ерофеева Тамара Ивановна
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00381
«Взаимодействие субкультур и их языков»*

Речь носителей литературного языка испытывает заметное влияние диалектов. Этот процесс можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, горизонтально, т. е. территориальное варьирование; во-вторых, вертикально, т. е. в культурном отношении. Субкультурные диалектные элементы особенно заметны на лексическом уровне. Их описание ведется в статье с использованием термина локализм, под которым понимается слово диалектного происхождения. Описаны группы локальных субкультурных лексических единиц, отмеченных в речи носителей литературного языка.

Ключевые слова: культура; субкультура; устная форма литературного языка; взаимодействие; локализм; типы локализмов.

Проблема изучения языка города, поднятая в работах профессора Б. А. Ларина в 20-е годы XX столетия, актуальна и в настоящее время. Известно достаточно много работ, посвященных рассмотрению лингвистического пространства города. Сегодня в Пермском государственном научном исследовательском университете изучение языка города – солидная область лингвистических исследований. При этом язык города рассматривается как социально-коммуникативная система, используемая в различных функциональных областях и реализующаяся в кодифицированной литературной речи, локально окрашенной литературной речи, городском просторечии, социальных жаргонах и аргю.

Следовательно, структура языка не гомогенна, а отражает в своей вариативности социальную гетерогенность общества, в котором имеются различные классы, социальные слои, профессиональные, культурные и иные группы.

Сегодня, в XXI в., особенно важным представляется исследование культурно-речевой ситуации города.

В самом общем определении *культура* – исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и фор-

мах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [БЭС 1997].

Наряду с элитарной культурой в городском пространстве существуют и разнообразные субкультуры. Термин *субкультура* образован от латинского *sub* ‘под’ и *cultura* ‘воспитание’. Под субкультурой понимается какая-либо разновидность культуры вообще или культурной, профессиональной или другой общности людей; система, определяющая стиль жизни, ценностную ориентацию и менталитет ее носителей. Субкультура как общность людей формируется под влиянием таких факторов, как возраст, этническое происхождение, религия, социальная группа или место жительства [Толковый словарь русского языка 2006].

Как правило, изучение субкультурных образований ограничивается описанием субкультуры неформальных молодежных объединений. Однако всегда существовали и существуют сегодня различные профессиональные сообщества, характеризующиеся своими ценностями и установками, отраженными в профессиональной микросфере языка [Ерофеева Е., Грачева 2008; Ерофеева Т., Набока 2007] и др. На наших глазах рождаются игровые субкультуры, связанные с Интернетом или другими коммуникативными пространствами [Ерофеева Т., Малинина 2008]. При рассмотрении городского топоса в целом мы обнаруживаем еще один вариант субкультуры – культуру просторечия со своими моральными ценностями, установками, правилами и языковыми особенностями [Шалина 2005]. С возникновением устной формы литературного языка формируется субкультурная составляющая обиходной формы литературного языка как региональный вариант литературного языка.

Городские субкультуры, носителями которых являются различные слои городского населения, взаимодействуют в едином городском пространстве.

Эта статья посвящена рассмотрению особенностей устной формы речи носителей литературного языка с точки зрения представленности в ней субкультурных диалектных элементов.

Прежде всего отметим, что устная форма литературного языка испытывает достаточно сильное воздействие диалекта. [Ерофеева Е., Ерофеева Т., Скитова 1992, 2002; Ерофеева Т. 1991, 2004, 2010, 2016]. Элементы, характерные для диалекта, в рамках устной формы литературного языка выполняют иную функцию – социально-культурную, являясь маркерами иной, диалектной, субкультуры. Локальные субкультурные элементы прослеживаются на всех уровнях литературного языка.

Однако научно плодотворным представляется описание таких элементов, встречающихся на лексическом уровне, поскольку именно в

лексике обнаруживается общественное сознание носителей языка, их взгляд на материальную, производственную и духовную культуру.

Лексический уровень литературной речи характеризуется наличием слов диалектного происхождения, связанных со следующими темами: человек, его домашняя обстановка, пища, одежда; животный и растительный мир, окружающий человека; местность, природные явления и др.

В большинстве случаев диалектные слова и выражения в литературной речи используются горожанами неосознанно, поскольку локализмы являются органической частью их идиолексикона с детства. Например, в сочинении школьника встречаем: *Партия ушла в глубокий голбец* (подполье!); студентка не знает литературного синонима локализма *взади*; многие удивляются тому, что *засоня* не является литературным словом. Некоторые локализмы широко употребляются в речи: *Я не слышала, чтобы кто-то в уральской среде называл синявки сыроежками. Везде: от рынка до высоких сфер – все зовут их синявками.*

Лексический уровень рассматривался в речи 115 жителей г. Перми. Речь информантов оказалась неоднородной. В связи с этим они разделены на 3 группы, критерием чего явилась степень сознательного отношения говорящих к языковой культуре. В группу I вошли информанты, не обращающие внимания на правильность своей речи, а в группу II – информанты, стремящиеся к соблюдению литературных норм. Группу III образовали информанты, имеющие высшее филологическое образование, непосредственно соприкасающиеся в своей работе с наукой о русском языке: преподаватели русского языка и литературы, журналисты, библиотечные работники и т. п.

Фактор отношения говорящих к языковой культуре оказался теснейшим образом связанным с фактором воздействия диалекта на их речь. В речи информантов группы I обнаруживается постоянное воздействие диалекта благодаря их тесной связи с диалектной средой (родители, окружающая обстановка). Поэтому данная группа оказалась более или менее однородной. В группах II и III выделяются две подгруппы: в одну вошли говорящие, речь которых подвергается опосредованному, но устойчивому влиянию диалекта (а); в другую (б) – говорящие, в речи которых воздействие диалекта нейтрализуется какими-либо факторами (например, родом деятельности, влиянием культурных традиций в семье и т. д.).

В пределах анализируемого материала наметилась группа в 120 слов, не являющихся литературными. Они зафиксированы диалектными словарями, словари литературного языка либо вообще их не отмечают, либо сопровождают пометой «областное». Такого рода диалект-

ные слова, отмеченные в речи носителей литературного языка, назовем локализмами.

По своему составу локализмы неоднородны. Они отличаются от единиц литературного языка либо значением (полностью или частично), либо морфологической структурой, либо фонематическим составом. В соответствии с этим среди них можно выделить 4 подгруппы.

1. Семантические диалектизмы – слова, совпадающие с литературными по звучанию, но имеющие иное значение. В данную подгруппу вошли такие слова, как *водиться* – ‘нянчить детей’, *вышка* – ‘чердак’, *девка* – ‘дочь’, *держать* – ‘тратить, расходовать деньги’, *живой* – ‘целый, невредимый’, *камень* – ‘высокая гора, стоящая около берега реки’, *катушка* – ‘ледяная горка’, *ладиться* – ‘улаживать, договариваться’, *мякина* – ‘ботва’, *навяливать* – ‘настойчиво предлагать’, *ну* – ‘да, хорошо’, *ограда* – ‘двор’, *похлебка* – ‘суп без мяса’, *сады* – ‘комнатные цветы’, *тюричок* – ‘катушка для намотки ниток’, *ухать* – ‘громко кричать, звать’ и др. Часть этих единиц (например, *водиться*, *вышка*, *девка*, *катушка* и др.) широко используются в речи. Так, в записи речи информанта 38 лет, окончившего Пермский политехнический институт и работающего инженером-конструктором (I группа), дважды встретилось слово *водиться*, причем в первом случае в литературном значении, во втором – в диалектном:

– *Между прочим, в этой речушке водились хариусы.* Слово употреблено в значении ‘находиться, встречаться; плодиться, размножаться. О животных’ [БАС 2: 503].

– *Нет, вчера я ничего не читал, вчера я водился.* Здесь *водиться* – семантический диалектизм, означающий ‘нянчить ребенка’, отмечен лишь диалектными словарями [Уральский словарь 1: 85; Архангельский словарь: 20; Словарь старожильческих говоров 1: 75] и широко представленный в диалектной речи Пермского края:

– *В поводицах жила; зимой и летом водилась* (Соликамский район).

– *Хоть девки были на каникулах, пестовали его, водились все, а теперь в школу все убежали* (Красновишерский район).

Широко употребляется слово *водиться* в значении «нянчить детей, присматривать за детьми» в пермской городской речи:

– *У нас дома такое правило: если мы уходим в кино, а мама остается водиться, то мы должны принести ей дорогих конфет* (III б).

– *По воскресеньям мама отказывается водиться. Она своих подруг навещает* (III б).

2. Собственно лексические диалектизмы – слова, не употребляемые в литературном языке. Такие слова, как *вехоть*, *вехотка* – ‘мочалка’, *вица* – ‘отломленная ветка без листьев, розга’, *галить* – ‘вести игру

в прятки’, *жареха* – ‘жареные грибы’, *калега* – ‘брюква’, *красноголовик* – ‘подосиновик’, *понужать* – ‘заставлять помимо воли, желания’, *синявка* – ‘сыроежка’, *скать* – ‘раскатывать тесто’, *сочень* – ‘тонко раскатанный круг теста’, *угор* – ‘пригорок, небольшая гора’, *уросить* – ‘капризничать, упрямиться’, *шаньга* – ‘печное изделие в виде ватрушки или лепешки’, знают и употребляют все информанты. Например, диалектное слово *синявка* зафиксировано в речи тех, кто знает литературное *сыроежка*:

– *Синявки? Всегда так зову. Сыроежки? Ни один дурак тут их не ест сырыми-то, так зачем сыроежками звать?* (II б)

– *Я не слышала, чтобы кто-то в уральской среде называл синявки сыроежками* (III б).

Слово *синявка* (мн. *синявки*) отмечено в речи 59 человек. Проникнув из диалекта в разговорный язык пермяков, оно прочно закрепилось, почти вытеснив литературное *сыроежка*.

3. Словообразовательные диалектизмы – слова, отличающиеся литературных аффиксами. Так, локализм *засоня* и общеразговорное *соня* различаются приставками. 66 человек, в речи которых отмечено слово *засоня*, считают его популярным, общеупотребительным. Например:

– *Ох, какая засоня: долго спала!* (II а)

– *Я самая страшная засоня!* (III а)

– *Как-то пришла к ней в одиннадцать часов, они обе засони, спят* (III б).

Хорошо известное пермякам слово может быть употреблено и в переносном значении: так называют медлительного, нерасторопного человека:

– *Засоня! На ходу спит, никогда уж не торопится* (II б).

Диалектизм *засоня* выступает производным и для слова с уменьшительно-ласкательным значением:

– *Ох и засонюшка ты у меня!* (III б).

Информанты Москвы употребляют в этом значении слово *соня* с производным от него *сонюшка*.

4. Фонематические диалектизмы – слова, отличающиеся от литературных фонемным составом. Диалектное *наростопашку* используется в речи наших информантов как литературное слово. Некоторым даже неизвестно его общеразговорный вариант *нараспашку* – ‘в расстегнутом виде, с распахнутыми полами’ [БАС 7: 431]. Например:

– *Ясно: сам без фуражки, пальто наростопашку. Как в песне* (I).

– *И всегда-то у него пальто наростопашку* (III а).

– *Что? Вот уж никогда не думала, что нарастопашку – диалектное слово. Я и выговорить не могу – нараспашку. Да и ассоциации какие-то другие связываются с этим словом* (Ш б).

В этом же значении слово *нарастопашку* встречается в говорах Зауралья, Сибири, а также в вологодских, кировских, пермских, свердловских (данные картотеки СРНГ). Кроме того, СРНГ зафиксировал характерное для пермских говоров вхождение его во фразеологические сочетания типа *жить нарастопашку, душа нарастопашку*. Они используются в речи информантов:

– *А Лена там все знает. Я нарастопашку живу, секретов никаких нет* (Ш б).

При этом значение сочетания *жить нарастопашку*, т. е. ‘открыто, у всех на виду’, близко диалектному и не соответствует значению сочетания *жить нараспашку*, которое БАС толкует как ‘жить по-барски, на широкую ногу’ [БАС 7: 431].

Как видим, речь носителей литературного языка испытывает заметное влияние диалекта. Субкультурные диалектные маркеры особенно ощутимы на лексическом уровне. Их использование в литературной речи не однозначно и связано с языковой культурой носителей литературного языка.

Библиографический список с сокращениями

Архангельский словарь – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

БАС – *Словарь* современного русского литературного языка в 17-ти томах. М.-Л.: АН СССР, 1950–1965.

БЭС – *Большой* энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997. 1456 с.

Ерофеева Е. В., Грачева Д. С. Организация лексикона профессиональной среды // *Живая речь в синхронии и диахронии: материалы и исследования* / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 2. С. 152–164.

Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан: учеб. пособие. Пермь, 2002. 108 с.

Ерофеева Т. И. Лингвистика городского пространства. Социолингвистический подход изучения: учеб. пособие. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 196 с.

Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1979. 91 с.

Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свдловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 134 с.

Ерофеева Т. И. Современная городская речь: избр. тр. / Перм. ун-т; Прикам. соц. ин-т; Прикам. соц.-гуманит. колледж. Пермь, 2004. 316 с.

Ерофеева Т. И., Малинина Е. В. Молодежная субкультура: словарь ролевиков // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова, Перм. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 2. С. 125–151.

Ерофеева Т. И., Набока Л. Н. Словарь профессиональных единиц автоспортивной среды «Формулы-1» // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ерофеева; Перм. ун-т. Вып. 9. Пермь, 2007. С. 18–27.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977.

МАС – *Словарь* русского языка в 4-х томах. М.: АН СССР, 1957–1961.

Словарь старожильческих говоров – *Словарь* русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / под ред. В. В. Палагиной. Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1964.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. Вып. 1 / под. ред. Ф. П. Филина. М.-Л.: Наука, 1965. 302 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Т. Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Уральский словарь – *Словарь* русских говоров Среднего Урала. Т. 1. Свердловск, 1964.

Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 444 с.

T. I. Erofeeva

Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

SUBCULTURAL LOCAL MARKERS IN CITY SPACE

Locally painted speech of native speakers of the literary language comes under noticeable influence of a dialect. This process can be considered in two aspects. First, horizontally, i.e. territorial variation; secondly, vertically, i.e. culturally. Subcultural dialect elements are especially noticeable at the lexical level of language's system. Their description is kept in article with use of the term a lokalizm – the word of a dialect origin. Groups of the subcultural lexical units noted in the speech of native speakers of the literary language are described.

Key words: culture; subculture; oral literary language; interaction; lokalizm; types of lokalizm.

Павлова Дарья Сергеевна
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
pavlovads@mail.ru

ЗАВИСИМОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В СТРУКТУРЕ УСТНОГО СПОНТАННОГО ТЕКСТА ОТ ОБРАЗОВАНИЯ И ГЕНДЕРА ГОВОРЯЩЕГО

В статье рассматриваются промежуточные результаты эксперимента, проведенного на материале устных спонтанных текстов «о себе». Дается определение семантической структуры текста. Акцент сделан на выявлении тенденций влияния факторов «гендер» и «образование» на семантические поля в структуре устного текста.

Ключевые слова: семантическая структура текста; семантическое поле; устная речь; спонтанная речь; гендер; образование.

Исследование текста и, в частности, его смысловой структуры, представляет собой актуальную лингвистическую проблему, отражающую теоретические и практические потребности сегодняшнего дня. Изучение структуры текста связано с изучением языкового сознания. А языковое сознание, как известно, занимает одно из центральных мест в лингвистических и психолингвистических исследованиях: в силу сложности самого явления одним из способов его описания является изучение порождаемых человеком текстов.

Несмотря на то что понятие «текст» является одним из базовых в лингвистике, до сих пор не существует его единого определения. Это обусловлено, во-первых, многообразием явлений, подводимых под категорию «текст», а во-вторых, различными аспектами его изучения: текст можно рассматривать в статике и в динамике, с точки зрения формы и содержания, в широком и узком смыслах и т. д.

Не углубляясь в рассмотрение различных подходов к тексту, отметим, что в качестве рабочего мы примем определение текста, данное Ю. С. Масловым: «В лингвистике термином “текст” обозначают не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное “речевое произведение” любой протяженности – от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги» [Маслов 1998: 11].

Базовыми свойствами текста являются цельность, связность, информативность, компрессивность, отдельность, ситуационность, адресованность и др. Особенно важными для нас будут свойства цельность и связность, и к ним мы вернемся чуть позже.

Одним из центральных вопросов текстологии является установление (разработка) типологии текстов. Типология текстов основывается, с одной стороны, на их структуре, с другой – на семантике. Структура и семантика текста взаимно влияют друг на друга, следовательно, можно говорить о семантической структуре текста.

Под семантической структурой текста мы будем подразумевать совокупность важных тем и микротем текста, семантических единиц, реализующих эти микротемы, и разнообразных связей (семантических и грамматических) между элементами и темами / микротемами (подробнее см. [Павлова, Ерофеева 2015: 5]). Совокупность тем и микротем, связь элементов и тем, на наш взгляд, и реализуются через базовые свойства текста – цельность и связность.

Кроме того, тексты как результат речевой деятельности зависят от коммуникативной ситуации, и в том числе от характеристик говорящего или пишущего. Поэтому типология семантической структуры текста должна строиться с учетом характеристик говорящего / пишущего. Нас будут интересовать следующие социальные параметры говорящего: «гендер», «образование», «возраст».

Предметом исследования, рассмотренным в настоящей статье, являются семантические поля, реализованные в спонтанных текстах одного типа на одну тему. А задачей – определение тенденций влияния факторов «гендер» и «образование» на состав и объем семантических полей.

Материалом данной работы выступили устные спонтанные тексты, которые представляют для исследования особый интерес, обусловленный самой природой устной формы языка, первичной по отношению к письменной, т. е. устные тексты являются наиболее естественными и наименее изученными.

В настоящей статье представлен анализ расшифровок аудиозаписей 16 спонтанных устных монологов «О себе». Социальные характеристики информантов сбалансированы по факторам «гендер» (мужчина, женщина) и «образование» (среднее, высшее). Фактор «возраст» в данной выборке нивелировался, т. к. все информанты были из возрастной группы 25–34 года.

Традиционно как типы устного спонтанного текста выделяют диалог и монолог. Мы исследуем именно монолог. Монолог – тип текста, являющийся цельным и связным и не рассчитанный на немедленную реакцию собеседника. Н. В. Богданова выделяет следующие типы моноло-

гов в зависимости от их подготовленности: чтение – неподготовленное, подготовленное, наизусть; подготовленная речь – пересказ текста, описание зрительного ряда, лекция (доклад); неподготовленная речь по знакомой и незнакомой темам [Богданова 2001]. В данной работе нас интересует монолог – рассказ на заданную тему. Н. В. Богданова считает, что «такой тип монолога свободен почти полностью, и эта свобода отличается <...> максимальной спонтанностью (близкой к 100 %). Текст такого рода предопределяется только тематически – вопросом, заданным экспериментатором» [там же: 17]. Таким образом, данный тип текста определяется как спонтанный монологический текст.

Уже известно, что многие характеристики устного спонтанного монолога зависят от его темы, например, произношение лексических единиц (стиль, вариативность нормы и т. д.) [Давлетшина, Ерофеева 2005; Ерофеева, Русиешвили 2008 и др.] и, что особенно важно для данного исследования, тематическая структура [Худякова 2013 и др.]. В связи с этим изучение разных параметров устного спонтанного текста лучше начинать с текстов одного типа на одну тему.

Тема рассматриваемых нами устных спонтанных монологов – «О себе». Е. С. Худякова отмечает, что «такое формулирование темы дает информантам широкие возможности самостоятельно избирать подтему и способ структурирования монолога. Тема “О себе” предполагает свободу моделирования ситуации текста (макропропозиции), выбора жанровой модели и отбора поверхностного ее заполнения (грамматического и лексического)» [там же: 33]. Мы считаем, что в монологе «О себе» человек говорит о действительно важных и актуальных для него темах, использует наиболее частотные слова своего лексикона и, что самое важное, моделирует свое физическое, временное и психическое пространство. В поле нашего интереса включены семантические особенности таких монологов.

Метод, применяемый в нашей работе, разработан на основе метода полевого анализа, реализованного в информационной системе «Семограф». Система разработана К. И. Белоусовым, Н. Л. Зелянской, Д. А. Барановым для анализа языковых, литературных и культурных объектов [<http://semograph.com>].

Все существующие компьютерные программы, предлагающие семантический анализ, далеки от совершенства, так как полностью формализовать особенности смысла не удалось еще никому и вряд ли полностью удастся. Однако данная программа интересна тем, что ее разработчиками являются одновременно программисты и лингвисты, которые вложили в нее гибкую систему управления: программа позволяет исследователю выбирать компоненты и контексты для анализа, а кроме того,

устанавливать связи между компонентами в контекстах, объединяя их в любые семантические (или иные) поля. Очевидно, что часть работы приходится выполнять вручную, однако есть процессы, которые быстрее и качественнее выполняет программа.

При использовании метода полевого анализа помимо семантики также учитывался и ближайший синтаксический контекст каждого слова. Так, анализ текста производился путем отнесения каждого знаменательного слова текста к одному или нескольким семантическим полям. Принципиально важно, что слово относится к полю / полям с учетом контекста, в котором оно встречается. Например, слово *университет*, которое встречается в контексте *я филолог закончила университет...* относится одновременно к полям ОБРАЗОВАНИЕ и МЕСТО, поскольку информант в данном случае говорит именно о месте, где она получала образование. В то же время слово *вуз*, которое встречается в контексте *работаю в вузе // всегда хотела работать в вузе* относим к полям ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и МЕСТО, поскольку в данном случае информант сообщает о месте работы.

Все исследуемые тексты были обработаны в упомянутой ИС «Семограф».

Для анализа была посчитана относительная частота семантических полей путем деления количества элементов поля на общее количество элементов в тексте. Затем выявлена средняя относительная частота семантического поля путем сложения относительных частот и деления на количество информантов. В таблицах представлены только те семантические поля, средняя относительная частота которых больше 0,5 (значимые семантические поля).

Рассмотрим влияние фактора «образование» (см. табл. 1).

Таблица 1

**Средняя относительная частота значимых семантических полей
в зависимости от фактора «образование»**

<i>Семантическое поле</i>	<i>среднее</i>	<i>высшее</i>
ОБРАЗОВАНИЕ	0,10	0,11
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	0,12	0,18
ДОСУГ	0,15	0,08
АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	0,05	0,06
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	0,12	0,04

Как видим из табл. 1, люди с высшим образованием больше и чаще говорят о профессиональной деятельности, тогда как люди со средним образованием охотнее рассказывают о своем досуге. Родственные отно-

шения оказываются более актуальными и важными для людей со средним образованием, причем под родственниками подразумеваются и родители, и собственные дети, и мужа / жены, и братья с сестрами.

Корреляции в зависимости от фактора «образование» в семантических полях ОБРАЗОВАНИЕ и АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ не выявлено.

Рассмотрим влияние фактора «гендер» (см. табл. 2).

Таблица 2

Средняя относительная частота значимых семантических полей в зависимости от фактора «гендер»

<i>Семантическое поле</i>	<i>ж</i>	<i>м</i>
ОБРАЗОВАНИЕ	0,09	0,13
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	0,17	0,13
ДОСУГ	0,13	0,10
АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	0,03	0,08
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	0,11	0,05

Как видим из табл. 2, для женщин оказывается более актуальным «вписать» себя в профессиональную деятельность, тогда как для мужчин важнее образование. Мужчины в большей мере нацелены на активное действие (стоит отметить, хоть данные и не вошли в таблицу, для женщин актуальнее эмоциональная и интеллектуальная деятельность).

И для мужчин, и для женщин важным оказывается досуг. И вполне ожидаемо, что родственные отношения важнее для женщин, чем для мужчин.

Таким образом, стереотипные ожидания о связи определенных семантических зон с социальными группами вполне оправдываются. Выявленные тенденции будут рассмотрены в дальнейшем на большем объеме материала.

Библиографический список

Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи: учеб.-метод. пособие по современному русскому литературному языку. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 186 с.

Давлетшина Я. Р., Ерофеева Е. В. Особенности членения спонтанной речи (социолингвистический подход) // Проблемы социо- и психолингвистики / отв. редактор Т. И. Ерофеева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. Вып. 7: Динамика языковых ситуаций. С. 43–47.

Ерофеева Е. В., Русиешвили С. Б. Реализация региолектных произносительных особенностей в словах в зависимости от фактора частотности слова // Проблемы социо- и психолингвистики / отв. редактор Т.И. Ерофеева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 11: Языковая вариативность. С. 108–119.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.

Павлова Д. С., Ерофеева Е. В. Семантическая структура устного спонтанного текста: теоретические и методологические подходы к исследованию // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. №1 (29). Пермь, 2015. С. 5–17.

Худякова Е. С. Особенности структуры устных спонтанных текстов монолингвов и билингвов (на материале монологов русских, татар и коми-пермяков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2013. Вып. 4(24). С. 33–46.

D. S. Pavlova

Postgraduate Student of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

DEPENDENCE OF SEMANTIC FIELDS IN THE STRUCTURE OF ORAL SPONTANEOUS TEXT FROM THE SPEAKER'S EDUCATION AND GENDER

In this article are considered intermediate results of an experiment conducted on oral spontaneous texts “about myself”. The semantic structure of the text is defined here. The emphasis is on identifying influencing trends of “gender” and “education” on semantic fields in the oral text’s structure.

Key words: semantic structure of text; semantic field; spoken language; spontaneous speech; gender; education.

Талески Александар
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
taleski87@yahoo.com

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДЕЙКСИСА РАЗНЫХ ТИПОВ (на примере русских и македонских сказок)

Задача работы состоит в попытке показать сферу пересечения разных типов дейксиса, обозначить те средства выражения дейксиса, которые обладают амбивалентной семантикой. Материалом для исследования послужили примеры из русских и македонских народных сказок.

Ключевые слова: македонский язык; русский язык; персональный дейксис; пространственный дейксис; темпоральный дейксис; первичный дейксис; вторичный дейксис; средства выражения; пересечение.

В «Большом энциклопедическом словаре» понятие «дейксис» (греч. *deixis* – указание) – это указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами [Виноградов 1990: 128].

Выделяются три основных типа дейксиса – **персональный, пространственный** и **временной**. Основным средством выражения дейксиса в языке являются местоимения. В качестве центральных языковых единиц этих трех типов дейксиса выделяют местоимения 1-го и 2-го лица (я, вы), локативные (здесь) и временные выражения (сейчас). Эти единицы представляют собой эгоцентрический дейктический центр, на который ориентируются участники коммуникативного акта.

Определим термины «персональный дейксис», «пространственный дейксис» и «временной дейксис». **Персональный дейксис** – это тот дейксис, что указывает на участников речевого акта. Персональный дейксис, как и предметный дейксис, указывает на предметы и лица с использованием личных местоимений или личных окончаний глаголов. О.Л. Муковский обозначает персональный дейксис как указание на коммуникантов первого и второго лица [Муковский 2015]. В электронном словаре Т. В. Жеребило под **пространственным дейксисом** понимается «шифтерная ориентация объекта или ситуации, указание на положение в пространстве или времени относительно дейктического центра, связанного с речевым актом. Он является указанием на расположе-

ние объекта относительно говорящего» [Жеребило: эл. ресурс]. **Временной дейксис** – это указание на время протекания речевого акта.

Кроме того, мы должны определить термины «**первичный**» и «**вторичный дейксис**». Е. В. Падучева различает первичный и вторичный дейксис в зависимости от режима. Она предлагает выделять речевой (дейктический, диалогический) режим интерпретации, в котором роль говорящего выполняет реальный говорящий, и нарративный, когда текст интерпретируется в неканонической коммуникативной ситуации и полноценный говорящий отсутствует. На основе этого она дает понятия первичного и вторичного дейксиса, первичный – это тот, что ориентирован на говорящего и слушающего, а вторичный – это тот, что ориентирован на наблюдателя интерпретации [Падучева 2011: 265].

Ю. Д. Апресян определяет первичный дейксис как дейксис диалога, который используется в нормальных ситуациях общения, например, когда говорящий и слушающий видят друг друга и их понимание связано с их окружением [Апресян 1997]. В качестве вторичного дейксиса понимается процесс, не связанный непосредственно с речевой ситуацией. Этот дейксис называется нарративным, мы встречаем его в пересказе, в художественном тексте. Вторичный дейксис характеризуется несовпадением места говорящего с пространственной точкой отсчета, и дейктические слова здесь используются для изображения чужого сознания. Дж. Лайонз понимает вторичный дейксис как замену пространственно-временных параметров первичного дейктического контекста [Лайонз 2003].

Ю. Д. Апресян в своей работе «Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира» указывает, что в качестве классических дейктических слов используются *здесь – там, сейчас – тогда, тот – тот, вот – вон, я – ты*, строящие многочисленные взаимосвязанные подсистемы производных слов, отражающих некоторые общие черты, а вместе с тем и ряд особенностей различных языков. Они представляют «определенную систему понятий, которую можно было бы назвать наивной физикой пространства и времени» [Апресян 1997: 274].

Большинство ученых согласно с тем, что персональный и пространственный, а вместе с тем пространственный и временной дейксис часто бывает трудно различить. Так, М. Хаспельмат указывает на то, что временные процессы возникают из пространственных, исходя из универсальной метафоры «время – это пространство» [цит. по: Кибрик: эл. ресурс].

В данной работе мы постараемся определить сферы пересечения разных типов дейксиса на материале русских и македонских сказок.

Персональный дейксис обычно выражается личными местоимениями, формами лиц глаголов, указательными, притяжательными и неопределенными местоимениями, а также формами «датовус этикус», повелительным наклонением и синтаксическими конструкциями. Пространственный дейксис представлен в языках формальными элементами двух основных типов: именными группами, включающими указательные местоимения, и обстоятельствами. Временной – темпоральными формами глагола и наречиями. Существуют более сложные пространственные и временные дейктические выражения, указывающие не непосредственно на объекты, места и моменты, совпадающие с дейктическим центром, а через их посредство на другие объекты, места и моменты. Что касается первичного и вторичного дейксисов, ядро первичного – это местоименные формы 1-го и 2-го л., вторичного – 3-е л.

В фольклорных текстах русского и македонского языков присутствуют единицы, которые выражают значение как персонального, так и пространственного дейксисов. Прежде всего, это указательные местоимения. Они способны указывать на положение предметов в пространстве и во времени, однако в контексте они часто ведут себя как анафорические, отсылая читателя к определенному референту.

В русском языке имеется бинарная система указания, маркирующая близость или удаленность предмета в пространстве: *этот – тот*. В македонском представлена троичная система указания: *овој – тој – оној*. Первая форма указывает на близость предмета к говорящему, вторая – к слушающему, третья – на его удаленность от обоих участников коммуникации. Следует отметить, что личное и указательное местоимение в македонском языке формально совпадают.

В русских примерах – *Ах, – говорят меж собой, – да ведь это тот самый, что королевну избавил; давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит; Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит:– У меня денег нет!* – при использовании указательных местоимений *тот/этот* происходит пересечение персонального дейксиса с пространственным. Употребляя местоимение *этот*, рассказчик указывает на близость объекта в пространстве, а местоимением *тот* определяет объект, который давно известен и знаком всем участникам речевого акта. В македонском языке встречаются местоимения *овој/оној/тој* с подобной характеристикой: *Мајката – рече – овој е голем чорбација, кума лисо. ‘Ого-го! – ответила она – он (буквально – этот) очень богатый, кума лиса’.*

Сходные черты присущи членной форме македонского языка. Основная функция членных форм – выражение определенности. Однако, кроме определенности, они обладают семантикой указательности. Три

членные формы македонского языка соотносятся с личными местоимениями (см. [Боронникова 2010]).

В примерах с членной формой *Си било едно дете многу сиромашко. ...Детево ги пасело овците во планината и...* 'Жил был один очень бедный паренек. ... Этот паренек пас овец в горах и...' и *И детето станвит, напротив, право во ливадата и пуштит да пасет.* 'Паренек же, наоборот, встанет на лугу и пустит овец пастись', – находим пересечение разных типов типов дейксиса. Артикль *-в* в нарративе часто выполняет анафорическую функцию. Используя эту форму в слове *детево* 'этот ребенок', говорящий относит нас к ранее упомянутому объекту, т. е. собеседник знает о существовании ребенка. На эту характеристику указывает Л. Минова-Гюркова, подчеркивая, что членная форма в такой ситуации выполняет свою основную, анафорическую функцию. Что касается первичного дейксиса, артикль *-в* означает, что лицо, на которое мы указываем, находится здесь и сейчас, т. е. в фокусе участников речевого акта, в непосредственной близости от говорящего [Минова-Гюркова 1994: 133].

С другой стороны, артикль *-т* в слове *детето* 'тот ребенок', указывает на то, что хотя объект не находится в фокусе участников речевого акта, но уже был упомянутым раньше, известен участникам коммуникации, прежде всего, слушающему.

Утверждение относительно изменения позиции рассказчика, т. е. засвидетельствование, можно выразить и с помощью других категорий. Одним из таких средств является указание на позицию наблюдателя с помощью эвиденциальных форм. В этом случае наблюдается пересечение персонального с пространственным и темпоральным дейксисами. Наблюдается также переключение «дейктической проекции».

Ю. Д. Апресян, ссылаясь на теории Г. Рейхенбаха и В. Эрих о пространственном и временном дейксисе, подчеркивает, что они содержат в себе и черты сходства, и черты различия. В работе Г. Рейхенбаха говорится, что временной дейксис описывается с помощью трех понятий: «место говорящего», «денотативное пространство», «точка отсчета в пространстве». В. Эрих сделала попытку распространить эти понятия на пространственный дейксис. Ю. Д. Апресян добавляет, что эти три участка пространства не совпадают друг с другом, по-видимому, только в случае вторичного дейксиса. И подчеркивает, что «для пространственного дейксиса существенна, помимо говорящего, еще одна фигура – наблюдатель» [Апресян 1997: 275–278].

Е. В. Падучева под наблюдателем подразумевает лицо в качестве невидимого участника в разных ипостасях, нужного для соответствующего представления смысла слов и грамматических категорий. Это лицо,

у которого, в отличие от говорящего, нет способности называть себя. Оно располагается в определенном моменте речи и может быть отсылкой к участникам речевой ситуации. Поэтому она предлагает собственное деление наблюдателей на внешних и внутренних. Внешний наблюдатель – «это закадровый экспериент с фиксированным местом в пространстве ситуации, а внутренний является в ситуации действующим лицом» [Падучева 2008: 377].

Ю. Д. Апресян вводит понятие «дейктических проекций в тексте» [Апресян 1997]. Они представляют собой набор характеристик, в состав которых входят указания на лицо, время и пространство, существование точки отсчета, присутствие наблюдателя и его позиция в пространстве и времени по отношению к объекту. «Дейктические проекции», или «нарративный дейксис», непосредственно связаны с пересказом [Сребрянская 2005: 5].

Покажем это на примере: *Си биле три самовили, имала некоја ливада шо не можеше живо пиле да влезе внатре. И станвит еден стар човек, (си бил и тој самовила, и ова детево шо пак измекар се глави кај самовилава, ама го гледа, како стар човек, а не го знае оти е самовила) оди таму му викат?* ‘Жили-были три самовилы, и был луг, куда отродясь не ступала нога человека. Встает старик (это тоже была самовила, а мальчишка, который стал служить у него, нанялся к нему как к старому господину, не зная, что он самовила) и говорит ему: «Иди туда!»’

В македонском языке повествование часто начинается с л-форм (форм пересказа, эвиденциальных форм), которые указывают на чужие мысли или события. Таким образом повествователь показывает, что он не являлся свидетелем указанных событий. Однако в том же предложении мы встречаемся с использованием глагола в имперфекте *можеше*, который, по словам Б. Конеского, характеризуется выражением засвидетельствованного длительного или незаконченного действия. Иначе говоря, повествователь наблюдал данное событие лично [Конески 1967: 423–433]. Здесь, несомненно, идет речь об определенном противоречии. С одной стороны, рассказчик, используя глагол в л-форме, указывает на то, что он не является свидетелем / наблюдателем данного события, он не присутствовал в том месте тогда, когда происходило событие, а с другой стороны, используя глагол в имперфекте, является свидетелем / наблюдателем или непосредственным участником события.

Кроме того, в связи с понятием пересечение дейксисов мы должны упомянуть личные и обобщенно-личные конструкции.

В личных предложениях с глаголами несов. в. в наст. в.: *Ј, ба-тјушка, избираю себе мешок с мелким песочком,..; Ке ја кажувам приказната со двајца браќа.* ‘Я расскажу сказку о двух братьях.’ – тоже на-

блюдается пересечение персонального с пространственным дейксисом. Форма глагола настоящего времени указывает на лицо, в обоих случаях речь идет о 1-ом л. ед. ч., а с другой стороны, обозначает, что событие происходит *здесь-и-сейчас*.

А. В. Бондарко отмечает, что взаимодействие персональности с временной локализованностью/нелокализованностью особенно четко представлено при функционировании обобщенно-личных конструкций [Бондарко 2002: 549]. В примерах: *Жили они как у бога за печкой, всего было довольно: лошадей, коров и овец – видимо-невидимо; а разной рухляди да богатели и с сором не выметешь; Да мало ли чего он нам рассказывал: всего не складешь и в три короба; Говорил он по-русски не больно хорошо: много в речах его, хоть лоб взрежь, никак не выразишь; а начнет, бывало, рассказывать – так и сыплет речами: инда уши развесишь и о работе забудешь.* – 2-е л. указывает на генерализованный адресат, а форма наст. в. показывает отсутствие конкретной временной отнесенности.

Итак, можно отметить, что пересечение различных типов дейксиса выражено рядом категорий. Оно совершается как на лексическом, морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. На лексическом уровне с пересечением мы встречаемся при использовании указательных местоимений как в русском, так и в македонском языках. На морфологическом уровне находим его в формах лица глаголов в обоих языках, в членных формах и использовании л-формы глагола и имперфекта в македонском языке. Что касается синтаксиса, следует сказать, что пересечение происходит в личных и в обобщенно-личных конструкциях.

Список источников

Вражиновски, Танас. 1986. Македонски народни волшебни приказни. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков». 297 с.

Русские народные волшебные сказки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/other/rnvs.htm> (дата обращения: 08.12.2016).

Библиографический список

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 272–298.

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

Боронникова Н. В. Проблема «двойной определенности» в современном македонском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 5(11). 2010. С. 58–68.

Виноградов В. А. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 128.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 18.03.2017).

Кибрик А. А. Дейксис // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (дата обращения: 15.03.2017).

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1967. 552 с.

Муковский О. Л. Дейксис и анафора в русском, английском и испанском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Л. Муковский. Санкт-Петербург. 2015.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: введение / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.

Минова-Ѓуркова Л. Синтакса на македонскиот стандарден јазик. 1994. Скопје. 308 с.

Падучева Е. В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2006. Вып. 5(12). С. 403–413.

Падучева Е. В. Семантические явления в высказываниях от 1 лица: Говорящий и Наблюдатель // Доклады к Съезду славистов. Охрид., 2008. С. 372–395.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2011. 480 с.

Сребрянская Н. А. Статус дейктических проекций в художественном тексте // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2005, № 1. С. 24–27.

A. Taleski

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

THE QUESTION OF THE INTERSECTION OF DIFFERENT TYPES OF DEIXIS

The objective of this work is an attempt to show the intersection of different types of deixis, to designate those means of expressing deixis that have ambivalent semantics. The material for the study was the examples from the Russian and Macedonian folk tales.

Key words: Macedonian language; Russian language; Personal deixis; Spatial deixis; Temporal deixis; Primary deixis; Secondary deixis; Means of expression; Intersection.

Худякова Екатерина Сергеевна
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
khudiakova.es@gmail.com

ОБРАЗ АДРЕСАТА МОНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ВЫБОР ИДИОМА ЧЕХАМИ И РУССКИМИ

В статье рассматриваются средства моделирования адресата монологического текста молодыми русскими и чехами. Показано, что выбор идиома национального языка говорит о фиксации говорящим официальности или неофициальности общения (и референтности или нереперентности адресата).

Ключевые слова: идиомы национального языка; литературный язык; разговорный язык; адресат текста.

Изучать взаимообусловленность социальных и речевых параметров можно, исследуя либо различные страты [Ерофеева Т. И. 1991], либо типовую ситуацию общения. В статье применяется второй (микросоциолингвистический) подход.

Социальная обусловленность речи проявляется, по мнению Л.П. Крысина, в форме бытования текста и типе речи, средствах создания официальности / неофициальности общения (использовании этикетных средств, особых местоименных форм, модальных слов), средствах организации контакта с адресатом (местоименные, вокативы, синтаксические средства, указывающие на прямоту / косвенность выражения интенции), а также в средствах, очерчивающих сферу употребления текста и социальную принадлежность говорящего [Крысин 2003: 79].

В нашем исследовании поставлена проблема выявления социальной обусловленности выбора средств коммуникации, поэтому нами рассматривались средства создания официальности / неофициальности общения, средства диалогизации и маркированные единицы, закрепленные за идиомами национальных языков.

Основной целью исследования является анализ выбора идиома национального языка чехами и русскими в неофициальном неформальном общении с единственным незадаанным компонентом коммуникативной ситуации – адресатом.

Коммуникативная ситуация – понятие, широко применяющееся во всех речеведческих дисциплинах и определяющее экстралингвистические факторы, влияющие на ход речевого общения. Количество этих

факторов разными исследователями указывается неодинаковое: от минимального набора – места и времени протекания высказывания [Иванов 2007: 252], партнеров коммуникации и темы [Китайгородская и др. 2003: 104], до расширенного [Беликов и др. 2001; Долинин 2001].

Языковая ситуация в каждой стране уникальна, и говорящие на конкретном национальном языке избирают средства коммуникации в соответствии с доступным для них набором идиомов. Идиомный состав каждого языка является производным и от синхронных социальных условий, и от истории языка и народа.

В чешской лингвистической традиции базовое членение национального языка касается его литературной формы и нелитературных вариантов, включающих территориальные диалекты и общий чешский язык – интердиалект, обладающий некодифицированной нормой и использующийся в неформальной устной коммуникации, а также в некоторых СМИ и не имеющий существенных социальных ограничений использования [Hronek, Sgall 1999: 185]. Устной формой литературного языка иногда считают разговорный чешский [Šechová 2011: 23], но его статус не однозначен – иногда его понимают не как идиом, а как подвижную буферную зону между литературным чешским и общим чешским.

Дискуссия о статусе общего чешского развернулась в 1960-х гг. на страницах журнала «Вопросы языкознания», а затем – в “Slovo a slovesnost”. Первую точку зрения на вопрос об идиомах чешского языка сейчас представляет Ф. Данеш, развивающий теорию членов Пражского лингвистического кружка, который отстаивает статус литературного разговорного языка, а также вводит понятие диглоссии для характеристики чешской языковой ситуации [Daneš 1997: 16].

Вторую точку зрения с шестидесятых годов XX века развивает П. Сгалл, а также недавно присоединившаяся к нему группа молодых ученых, работающих над созданием Национального корпуса чешского языка. Они стремятся вообще отказаться от использования термина «литературный язык» в отношении чешского (указывая на прескриптивный, а не вероятностный характер этого понятия), отрицают диглоссию, утверждают искусственность понятия «разговорный чешский» и по корпусным данным фиксируют общеупотребительность, малую социальную ограниченность и функциональную широту общего чешского [Hronek, Sgall 1999: 185; Cvrček 2010: 21–23] (заметим существенные отличия от языковой ситуации в России, где нелитературные идиомы не являются общеупотребительными).

Говоря о российской языковой ситуации, выделяют четыре макроидиома: литературный русский, русскую разговорную речь, городское

просторечие и территориальные диалекты, а также ряд микроидиомов – разнообразных социальных диалектов [Ерофеева Е. В. 2005: 61].

Изменение языка или подъязыка в рамках одной ситуации общения, или переключение кода (сознательное или неосознанное), согласно мнению Л. П. Крысина, происходит под влиянием трех типов факторов: социальных (статусно-ролевые отношения говорящих, тональность), ситуативных и коммуникативных [Крысин 2003: 377]. В условиях эксперимента были унифицированы как ситуативные характеристики (все записи сделаны в учебной обстановке в свободное время), а также была задана тема и указана продолжительность говорения (не менее 3 минут). Социальные характеристики говорящих также примерно одинаковы – это мужчины – студенты старших курсов, а вот адресат текста в условиях эксперимента всегда неопределен: есть конкретный интервьюер – также студент, но есть и абстрактный адресат записи. Выяснение того, с кем «разговаривали» наши информанты при порождении текста, и является целью исследования.

Материалом для изучения послужили спонтанные монологи, записанные от молодых чехов и русских. Всего было собрано и расшифровано 10 текстов от чехов в возрасте от 21 года до 24 лет (6 негуманитариев и 4 гуманитария), проживающих в Чешской Республике (Прага, Млада Болеславль, Пльзень). Выборка русских информантов соответствующая – это студенты в возрасте от 20 до 22 лет, распределение по специальности такое же, как у чехов.

Сначала рассмотрим способы диалогизации у чехов и русских.

Приветствия в чешских текстах использованы только неформальные: *ahoj* (4 случая) и *šau* (1 случай), без уточнения характера адресата.

Приветствия в текстах русских студентов весьма разнообразны: выбраны и неформальные варианты (*привет; всем привет*), и официальные (*добрый вечер / дамы и господа / леди и джентльмены; здравствуйте / х-хе*), обращают на себя внимание формы множественного числа и игровое обращение к массовой аудитории (*дамы и господа, леди и джентльмены*).

Обращение к адресату, всегда маркированное формами второго лица, встречается в 3 чешских текстах. Оно отсылает к общему опыту адресата и адресанта: *kousek od Karlových Varů / ty možná znáš*. В одном случае информант выбирает «ты»-форму обращения, в двух других случаях использована «вы»-форма: *já posílám pozdrav do Ruska / doufám že přijedete někdy podívat do Prahy // proto že to za to stojí* (5) *Stejně vám chvástám tady / přesně s holkama jsem*.

Только один информант указывает, что его адресат – из России, и передает туда привет.

Обращение к аудитории у русских студентов встретилось только в 2 текстах, но они весьма примечательны: в обоих случаях выбраны «вы»-формы, причем информанты абстрагируются от конкретного экспериментатора и адресуют свой текст неопределенному множеству адресатов. В первом случае – филологам, которые будут «разбирать» его текст, во втором – множеству, вероятно, сверстников, которым студент даже дает советы: *Меня зовут *** / и вы слушаете моё интервью // Оно будет сумбурно отвратительно / но тем не менее / вам ничего не остается кроме как сидеть и разбирать его; Тут кстати / вот я слышал / что... // Ты / по-моему восьмого и девятого марта / в Перми будут выступать / э-э / звезды мирового балета // Так вот / я / всем советую туда сходить // Сам я уже купил / туда / два билета // Пойду с подругой // Может / там кстати с вами и встретимся // Э-э / всем спасибо за внимание // Мне было / очень приятно / рассказать о себе // Пока.*

Авторы относят момент восприятия своего текста к будущему (заметим интересный экспериментальный эффект в случае с устным текстом, предполагающим непосредственное неотсроченное восприятие).

При большем количестве средств диалогизации в чешских текстах только в одном (как и в случае с концертом) студент рекомендует слушателям посетить Прагу.

Метакоммуникативные вставки также могут быть отнесены к средствам поддержания контакта с адресатом. Под метакоммуникативными вставками понимаются «вставные фразы говорящего, обращенные к самому себе или адресату, облегчающие процесс поиска “связующей нити” с последующим контекстом и обеспечивающие непрерывный контакт с собеседником» [Александрова, Иваницкий 2003: 95]. Эти средства выполняют хезитативную (свидетельствуют о трудностях в порождении текста) и адресующую функции. В чешских текстах они встретились лишь в 2 текстах: *Mám říct něco o sobě / no tak dobra; Tak to u mě vše // Vše důležité.*

Метаинформация также вводит спонтанный текст и завершает его, то есть выполняет наряду с хезитационной и композиционную функцию: *Mám ještě 30 sekund něco říkat / a nevím co.*

Как видно из предыдущего примера, **метакоммуникативные вставки** показывают контроль адресанта над процессом порождения речи – русские, как и чехи, контролируют прежде всего время: *Я не знаю что можно рассказать о себе на три минуты // Это очень непросто / э- / какой-то связный текст должен быть;* в четырех текстах русские просто фиксируют момент затруднения: *Ну / что ещё рассказать-то?; Так / что можно ещё рассказать; А-а / ну что можно о себе рассказать //; Та-ак / чё еще рассказать (шёпотом) //; Чё еще можно рассказать?*

Отсылка к экстралингвистическому контексту (обстоятельствам вокруг адресанта) у чешских студентов встречается, у русских отсутствует вообще: чехи вводят упоминание о том, что делают прямо сейчас, причем не стесняются неформальности происходящего (сидит с девушками; собирается на свидание; пьют водку). Неудивительно, что все эти фрагменты оформлены с использованием ресурсов общего чешского: *Přesně s holkama jsem; A ted' / sedím u playstationu se Zekem // A za chvíli jdu na randé s holkou // se kterou se znám 4 týdny / tak doufám že dneska už dojde na věc // Jsem vybavený //; Ted' mě porazil NHL 74 / a mě hrozné štěstí / protože já jsem víc měl na bránu / víc času v útoku přehrával jsem ho // A jenom můj gomon měl špatný den // Ted'ka tady pijeme vodku.*

Таким образом, чешские студенты выбирают неформальный тип общения, пытаются «ввести» адресата в курс текущей ситуации (часто фривольной), показывая равенство по возрасту и статусу (адресат – тоже студент, не чуждый такого образа жизни). Количество адресатов не определено: использование форм 2-го лица обращений не маркировано по числу.

Русские студенты выбирают обращение в форме 2-го лица множественного числа, причем в 2-х случаях референт однозначно является множественным. В отличие от чехов, русские не вводят потенциального адресата в суть ситуации, наоборот, момент взаимодействия относят в будущее, воспринимая запись не как разговор с товарищем, а как материал для будущих филологических изысканий, обрисовывая официальный (профессиональный) множественный адресат. Рассмотренные средства создания образа адресата представлены в таблице.

Средства создания образа адресата

Средства создания адресованности	Абсолютная частота в текстах чехов	Абсолютная частота в текстах русских
Неформальное приветствие	5	2
Формальное приветствие	0	2
Обращение	3	2
Метакоммуникативные вставки	2	7
Ссылки на контекст	4	0

Далее рассмотрим использование идиомов (прежде всего литературного чешского и общего чешского) в контексте моделирования адресата текста. Набор средств, свойственных общему чешскому, подробно описан в монографии [Sgall, Hronek 2014].

Один чешский текст полностью создан на разговорном литературном чешском – он нейтрален, синтаксические особенности (пропуск глагола-связки и повторение тематического личного местоимения после

существительного) обусловлены не идиомом, а устным характером порождения текста: *Mezi má koníčky patří sport / to hlavně / v létě je to brusle běh / v zimě je to lyžování.*

Интересны три текста, в которых авторы осуществляют переключение кодов в связи со сменой темы. В одном случае использован книжный и даже устаревший союз *Jelikož* (носкольку) в микроблоке «работа», остальной текст создан с использованием общего чешского: *Jelikož jsem nenašel ve svém rodném městě co se týče práce // Tak jsem se odstěhoval za práce do Čech z Moravy.* Еще в одном тексте микроблок «работа» также маркирован книжными союзами, при том что следующий микроблок «хобби» оформлен единицами общего чешского, прежде всего грамматическими – см. союзы *a to, co* и унифицированное окончание винительного падежа множественного числа прилагательных и лексические единицы общего чешского: *Zároveň však pracuji v podniku Škoda auto AS // Mezi má koníčky patří především sport / a to jízda na kole bowling fotbal / a pasivně i rad **koukám** na chokej // Kromě sportu / také rád počítačový hry a TV seriály v televizi / především Big Bang theory a How i met your mother / co je v češtině Jak se poznal vaši matku.*

Еще в одном тексте информант переключает коды даже два раза (в одном случае также в связи с микроблоком «работа»): *Ten zdravotnický záchranář / je dobrá příležitost pomáhat těm lidem v těch situacích kde / tu pomoc opravdu potřebují / a proto vybral jsem ten obor // Každopádně mejm největším koníčkem není **medicína** / ale studování cizích jazyků.* Обращает на себя внимание переход к общему чешскому в соседнем контексте (о хобби). Данный информант меняет код на литературный и при порождении микроблока о Праге (городе, где сейчас живет и который, по видимому, любит): *Praha je nádherná / je to město příležitosti / totiž pracovních a taky jiných kulturních a sociálních.* Очевидно, что для данных информантов тема «работа» закреплена за официальным дискурсом и «включает» литературный чешский, а тема «хобби» маркирует неофициальность и предполагает использование общего чешского.

6 остальных информантов текстах регулярно используют только общий чешский. В методических целях полезно показать наиболее частотные формы общего чешского в спонтанных текстах. Самыми частотными являются лексические признаки – *kousek od Karlových Varů, malenky, Tedka, grilovačky* (всего 12 случаев), из них выделяются глагольные идиоматические выражения *přišlo mě to, přišel na něco normálního, a to mě šlo.* Один раз использован сленгизм (*začal chodit do střední do Chomutova*) и один – вульгаризм (*kariéra byla docela v prdele*).

К фонетическим чертам общего чешского у наших информантов регулярно относится только разложение долгих гласных *u* и *i* до *ej*: *mejch, tejch, mejm, dobrej, blaznejvůch* (всего 6 случаев).

Среди грамматических признаков общего чешского выделяются общечешские союзы (*a to, co*), отсутствие глагола-связки «быть» (3 случая), унификация окончания прилагательных в винительном падеже множественного числа (типа *počítačový hry*) и окончания творительного падежа множественного числа существительных (*s kamarádama, s hol-kama*) (2 случая) и расширение местной функции предлога *na* (*na bytě*).

Выбор идиома русскими иной: все 10 информантов-русских порождали текст в рамках русского литературного разговорного языка. Свойственные всем текстам особенности объясняются хорошо известными чертами разговорности (см. [Земская 2011]): эллипсисом (*Когда читаешь / у тебя есть время и на то чтобы какие-то может быть интересные мысли э- / обдумать / какие-то идеи / связанные с развитием сюжета / там / книги; Ну / м / так / мини хобби так сказать тоже / м / как в принципе как и танцы тоже хобби / ну тут / такие / нравственные приоритеты берут*), наличием лексикализованных хезитативов (*вот и так*), использованием именительного темы (*Очень много работаю в творческой сфере // Э- / придумывание различных проектов / создание газет / э- / манифестов каких-то интересных / э- / м- / бизнес-планов*), грамматическим рассогласованием (*М / ну / примерно / часов семь / уделяю / это / в неделю*), специфическими разговорными формами числительных (*Собираем / конференцию за двадцать с лишним человек / и-и / время пролетает / вообще / незаметно / и удивляешься порой что / на дворе уже ночь наступила*).

К нелитературным единицам относятся только встретившееся 2 раза наречие «тупо» (*Для тебя это какое-то знакомое / и ты должен просто / вот сидеть и повторять тупо одно и то же // Это / мне кажется / как-то очень угнетает*) и номинация своей этничности «хохол» (*Да и сам такой немножко темненький / конечно русский / ну хохол / поэтому / н(ор)мально*).

В отличие от чешских текстов, переключения кода в текстах русских не обнаружено. Например, два информанта включают в свой текст микроблоки – философские размышления о жизни и о себе, которые отличаются от соседних изменением лица, диалогизацией, но также создаются в рамках литературной разговорной речи: *Что мне не нравится // Не нравится делать что-то такое / ну / чересчур понятное и определённое // Когда ты чувствуешь что у тебя есть какие-то рамки // и вот ты должен / и ты уже как бы знаешь всё / что нужно делать // Сразу понимаешь / ты теряешь время зря / ничего нового для себя не узнаёшь /*

никаких позитивных эмоций не получаешь // Вот просто / просто тра-
тишь попусту время // Хотя конечно / это / может / полезная работа //
Я не спорю // Э- / и вообще у меня складывается такое ощущение что /
ну поскольку попал я туда случайно / у меня складывается такое ощу-
щение что / э- / вот всё что в жизни происходит / ну / к- / каким-то
своим чередом должно идти / как-то / э- / ну по какой-то определённой
/ я не знаю / линии су- / судьбы что ли // Э- / если есть какие-то может
быть жизненные / там / повороты / то просто или / там / те вещи ко-
торые нельзя тебе делать / вот / м- / мне кажется что жизнь даёт
просто тебе об этом знать каким-то / какими-либо знаками // Э- / ну
вот так и живём.

Некоторое «повышение» тональности наблюдается за счет использо-
вания книжной лексики в высказываниях, посвященных учебе (Гимна-
зическое воспитание откладывало свои отпечатки / домашний образ
жизни; Я очень рад что туда попал / потому что совершенно потря-
сающее заведение / э- / с высоким уровнем / э- / которое / ну кардиналь-
но изменило моё вообще / мои взгляды на жизнь; Был небольшой конкурс
/ около четырёх человек на место / э- / экзамены прошли успешно / по-
ступил без всяких сложностей), но, в отличие от чехов, русские не соз-
дают на книжном целые микроблоки и грамматически книжными они не
становятся.

Наконец (и это объяснимо русской нарративной традицией), два
информанта реализовывали сказовое игровое начало в своих текстах;
эти блоки отличаются особым порядком слов (несвойственным разго-
ворной речи), ритмизацией и попытками шутить: Родился я на хуторе
Казюльки / ну почти // В маленьком провинциальном городе Кизеле / что
находится к северо-востоку от города Пермь // Вот / а случилось это
знаменательное событие году в девяносто втором / летом / я обрадо-
вал родителей // Дальше что? // Рос себе / никого не трогал / тихо-
мирно бегал по полям долинам и весям с другом Пашкой // Бегали мы бе-
гали // а потом разъехались / вот // <...> На химию / на физику / да на
математику / английский язык // В общем / жуть насыщенное было
детство // Дарили кучу книжек // которые стоят пылятся на полке /
почти ни разу не открыты; Ну / я обычный человек // Наверно(е) / та-
ких как я / очень и очень много // И достаточно // Землян // Зовут меня
Дмитрий // М-м / учусь я на втором курсе / физического факультета /
Пермского национально(го) исследовательского университета // По-
ступил я туда / из города Губахи.

Тексты русских информантов демонстрируют единообразие в вы-
боре идиома: это литературный разговорный язык с незначительным
вкраплением нелитературной, книжной лексики, а также сказового син-

таксиса. Русские, в отличие от чехов, порождали свой текст, воспринимая отношения с потенциальным адресатом как более формальные и несимметричные.

В целом анализ показал существенную разницу образа адресата. У чехов – это паритетный симметричный партнер, присутствующий при порождении текста, такой же студент, как и информанты, незримый собеседник. Чехи продемонстрировали фатическое взаимодействие в естественной коммуникативной ситуации.

У русских адресат – несимметричный, обобщенный и множественный, причем контакт с ним отнесен к будущему – моменту анализа текста. Русские создавали не спонтанный текст, а материал для исследователей-филологов, не забывая об экспериментальном, искусственном характере коммуникативной ситуации.

Второй вывод касается статуса идиомов: русская разговорная речь, по нашим данным, выступает общим средством устного общения русских студентов в ситуации неопределенности социальных характеристик адресата, при этом чешские студенты, во-первых, показали частую смену кода национального языка (разговорный литературный связан с темой работы), во-вторых, основные блоки их монологов созданы с использованием общего чешского, что подтверждает мнение об употребительном характере данного идиома в ситуации устной коммуникации, а также демонстрируют тенденцию к «демократизации» (и даже вульгаризации) устного неформального общения чехов [Daneš 1997: 10].

Библиографический список

Александрова О. А., Иваницкий В. В. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского Государственного университета, 2003. Вып. 25. С. 95–10.

Беликов В. И. и др. Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.

Долинин К. А. Высказывание и ситуация общения // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения / под ред. проф. В. Д. Черняк. СПб.: Искусство-СОЮЗ, 2001. С. 17–24.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социоллингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан: (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 136 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2011. 240 с.

Иванов Л. Ю. Коммуникативная ситуация // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 252–253.

Китайгородская М. В. и др. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современ-

ный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 103–126.

Крысин Л. П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С.375–379.

Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 79–100.

Daneš F. Situace a celkový stav dnešní češtiny // Daneš F. a j. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha: Academia, N. AVČR, 1997. S. 12–24.

Cvrček V. Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.

Čechová M. a j. Čeština – řeč a jazyk / Čechová M., Dokulil M., Hlavsa Z., Hrbáček J., Hrušková Z. Praha: SPN – pedagogické nakladatelství, a.s., 2011. 443 s.

Hronek J., Sgall P. Sbližování spisovné a obecné češtiny // Naše řeč. Vol. 82 (1999). N. 4. S. 184–191.

Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha: Karolinum, 2014. 180 s.

E. S. Khudiakova

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

THE IMAGE OF THE RECIPIENT OF THE MONOLOGIC TEXT AND THE CHOICE OF THE IDIOM BY THE CZECHS AND RUSSIANS

The article considers the problem of modeling the addressee of the monologic text by the young Russians and Czechs. It is shown that the choice of the national language idiom indicates the fixation of the speaker's on formality or informality of communication (and the referral or non-referral status of the addressee).

Key words: the idioms of the national language; the literary language; the spoken language; the addressee of the text.

Яруллин Денис Владимирович
преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
d.v.yarullin@gmail.com

КОМБИНАТОРНЫЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ

В работе рассматривается жанровая форма с позиции восприятия ее коммуникантом. Указывается на ее типичность и детерминированность коммуникативной ситуацией. Делается вывод о ее объективном характере и схожести ее восприятия большинством коммуникантов. Проводятся параллели с когнитивными моделями, в частности идеализированными когнитивными моделями Дж. Лакоффа и фреймами Ч. Филлмора. Делается выбор в пользу фрейма на основании его строгой структуры и упорядоченности. Жанровая форма трактуется как фрейм, описываемый набором слотов и значений. Выделяются опциональные, нормативные и ядерные слоты жанра. Дается определение инвентарю жанровой формы. Выдвигается гипотеза о корреляции личностных характеристик и процесса восприятия жанра. Предлагается подход к формализации и автоматизации жанровой атрибуции текста на базе фреймовой модели.

Ключевые слова: фрейм; жанр; жанровая форма; речевая ситуация.

Речевой жанр, будучи культурной формой, тесно связан с понятием человеческой деятельности. Любая деятельность представляет собой конгломерат частных деятельностей, типовых действий, которые являются экстралингвистической основой жанровой формы [Салимовский 2006]. С развитием новых жанровых форм, охватывающих сразу несколько сфер социокультурной и духовной деятельности человека, возникает вопрос определения границ отдельного жанра и тождественности друг другу частных жанровых форм, в основе которых лежит один и тот же вид деятельности.

При этом в повседневных коммуникативных ситуациях наблюдается интуитивное распознавание жанров наивными носителями языка, чаще всего оказывающееся верным. Косвенное определение механизма такого распознавания могло бы помочь в решении поставленной задачи.

Примем во внимание, что и первичные, и вторичные жанры вырабатываются в коммуникации в соответствии с текущими условиями и требованиями коммуникативной среды. Будучи нормативными и объективными по отношению к индивиду, они одинаковым образом воспри-

нимаются подавляющим большинством коммуникантов. Таким образом, мы можем отметить, что конечным моментом при интерпретации любого текста становится авторский замысел, осуществляемый в выборе определенной жанровой формы, которая в значительной степени детерминирует тип смысловой системы текста, как и особенности его поверхностно-речевой организации [Салимовский 2002].

Устойчивость жанровой формы создает в сознании индивида определенный когнитивный шаблон, которым он оперирует в различных коммуникативных ситуациях как при продуцировании, так и при интерпретации вновь встреченных текстов. Так жанр выполняет в том числе функцию интеграции индивида в социум. В связи с этим мы предлагаем далее рассматривать структуру, определяющую ту или иную жанровую форму в сознании индивида, в рамках теории фреймов [Филлмор 1988, Fillmore 1976].

Заметим, что при описании жанра в рамках когнитивной модели мы не ставим перед собой задачи исчерпывающей характеристики жанровой формы с точки зрения когнитивистики, допуская, в частности, что жанр, будучи комплексным образованием, может более точно описываться как идеализированная когнитивная модель [Lacoff 1987]. Главным отличием данных моделей от используемых нами фреймов является относительность входящих в них понятий и их культурная обусловленность [там же: 70], что в определенном аспекте лучше подходит для моделирования жанра, возникающего в конкретной коммуникативной среде. Вместе с тем теория фреймов кажется нам более выгодной с точки зрения описания структуры жанра и ее упорядочивания, что имеет существенное значение в нашем прикладном исследовании.

Рассматривая жанр как фрейм, мы определяем его как совокупность слотов и их значений. При этом одни и те же слоты неравнозначны для каждого отдельно взятого жанра: часть из них для жанровой формы опциональна, часть необходима для восприятия текста как нормативного в этом жанре, часть же обязательна, без них жанровая форма разрушается.

Опциональные слоты не оказывают существенного влияния на жанр, не требуются для его полноценного продуцирования и восприятия коммуникантами, но могут ими задействоваться в подходящей коммуникативной ситуации. Так, к примеру, для многих жанровых форм опционален слот «время».

Часть слотов задает нормативность жанровой формы: при их отсутствии или неправильных значениях жанр продолжает считываться коммуникантами, но текст оценивается как ненормативный, содержащий ошибки. Это можно хорошо проиллюстрировать на жанрах офици-

ально-делового стиля: отсутствие формального обращения к адресату в деловом письме или неверная форма заявления не препятствует узнаванию соответствующих жанров, но при этом адресат воспринимает такие тексты как содержащие определенные отступления от нормы.

Последняя группа слотов является ядерной для продуцирования и восприятия жанровой формы, без нее жанр не может существовать, распознаваться и воспроизводиться. В нее входят, в частности, коммуникативная цель, вид адресата, иллокутивная сила, вид коммуникации и иные характеристики (слоты), влияющие на жанровую дифференциацию и лежащие в основе различных жанровых классификаций и типологий [Арутюнова 1992, Вежбицка 1997, Дементьев 1997, Земская 1988, Шмелева 1997].

Данную группу слотов мы предлагаем обозначить как инвентарь жанровой формы, необходимый минимум, требующийся носителю языка для восприятия текста как созданного в том или ином жанре. При этом мы полагаем, что именно эти слоты позволяют провести границу между жанрами или же установить, что частные жанры в своем базисе являются тождественными друг другу.

При этом мы должны отметить, что трактуем коммуникативную ситуацию предельно широко, опираясь на модель К. А. Долинина [Долинин 1987], и конкретная реализация жанрового инвентаря зависит от выбранного медиума и может быть вербальной, невербальной, а также поликодовой.

Мы полагаем, что при восприятии того или иного текста индивидом считывается в первую очередь инвентарь жанровой формы; таким образом решается локальная задача классификации текста, происходит его жанровая атрибуция и выбирается соответствующий фрейм. Далее заполняются нормативные и необязательные слоты, значения которых есть в тексте. Мы также считаем, что последовательность восприятия элементов инвентаря частично зависит от личности индивида.

Исходя из этого, мы выдвигаем гипотезу о том, что люди со схожими личностными характеристиками схожим образом воспринимают инвентарь жанровой формы, позволяя тем самым ориентировать тексты одного жанра на определенные группы адресатов.

Для первичной проверки гипотезы мы обратились к жанру коммерческой рекламы [Имшинецкая 2005] автомобилей. Выбор обусловлен его широкой целевой аудиторией, использованием различных медиумов, поликодовым характером большинства текстов, легкостью определения инвентаря.

В нашем пилотном исследовании 44 респондентам обоих полов (23 девушки, 21 юноша) в возрасте от 18 до 31 года (было выделено две

возрастных группы – 18–24 и 25–31) трех категорий занятости (полная занятость, неполная занятость, обучение в вузе) было предложено ознакомиться с видеороликом «Toyota RAV4 2016 – Впечатления в движении», после чего указать последовательно 3 типичных сценария использования продукта. Такой подход к эксперименту обусловлен структурой выбранного нами поликодового текста; демонстрация различных сценариев использования характерна для жанра коммерческой рекламы («образ желаемого будущего») и отнесена нами к его инвентарю.

Всеми респондентами жанр поликодового текста был считан однозначно. В предложенных ответах выявилось несколько трендов, связанных с характеристиками респондентов.

В частности, респонденты с полной занятостью наряду с респондентами из возрастной группы 25–31 сначала указывали использование продукта именно для решения повседневных задач в черте города, тогда как люди с неполной занятостью и студенты, составляющие большинство в возрастной группе 18–24, в качестве наиболее приоритетных сценариев выбирали развлекательные городские поездки и путешествия. Мы интерпретируем данные результаты в пользу нашей гипотезы: характеристики аудитории оказывают свое влияние на последовательность восприятия инвентаря жанровой формы. В дальнейшем следует изучить степень данного влияния и его корреляцию с другими факторами.

Представление жанра в виде фрейма и выделение определяющего его инвентаря позволяет также рассмотреть перспективу автоматической жанровой атрибуции текстов. Данная система актуальна в случаях сознательных попыток разрушить или подменить жанровую форму, например, скрытая реклама, так называемые «фейковые» новости, ставящие перед собой задачу мимикрии под информативные жанры. В таких ситуациях восприятие жанра текста для коммуниканта существенно затруднено. Подход может найти применение и в рамках экспертизы эффективности различных медиатекстов (СМИ, рекламы).

Используя методы машинного обучения на базе искусственных нейронных сетей (ИНС), возможно последовательно формализовать инвентарь жанровой формы в два этапа. На первом мы формируем для обучающей выборки пары «элемент текста – элемент инвентаря» (под элементом текста мы понимаем здесь и вербальные, и визуальные, и аудиальные элементы). На втором – сопоставляем элемент инвентаря с непосредственно с жанровой формой. Метод позволяет описывать жанр относительно небольшим количеством слотов инвентаря, не ограничивая при этом набор возможных реализаций этих слотов в конкретных текстах. Наилучшей архитектурой ИНС для решения задачи с нашей

точки зрения являются сверточные нейронные сети, последовательно редуцирующие признаки объекта с выявлением наиболее существенных.

Следующим шагом может стать моделирование процесса восприятия одного и того же текста различной аудиторией. Достичь этого возможно, задавая различный вес тем или иным элементам инвентаря.

Основной трудностью на этапе формализации является создание адекватной обучающей выборки для каждой интересующей нас жанровой формы и целевой аудитории, поскольку ее формирование должно быть сопряжено с рядом психолингвистических экспериментов во избежание субъективной оценки жанрового инвентаря и наиболее частотных его реализаций в каждом из медиумов.

Комбинаторный аспект восприятия жанровой формы также может быть важен в решении теоретических вопросов тождества друг другу нескольких близких жанров.

Библиографический список

Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–111.

Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997.

Долинин К. А. Стилистика французского языка. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1987. 303 с.

Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 5–44.

Имшинецкая И. А. Жанры печатной рекламы // Лаборатория рекламы, маркетинга и Public Relations. 2005. № 3. С. 28–32.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Салимовский В. А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М., Флинта: Наука, 2006. С. 352–353.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.

Fillmore C. J. Frame semantics and the nature of language: In Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Volume 280: 20-32 // URL: <http://www.icsi.berkeley.edu/pubs/ai/frame-semantics76.pdf> (дата обращения: 31.03.2017).

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

D. V. Yarullin

Teacher of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

COMBINATORIAL ASPECT OF A GENRE FORM PERCEPTION

The article considers a genre form in a process of its perception by communicants. The genre form is described as typical and determined by speech situation. Thus the article states that genre is an objective phenomenon and its perception is similar for a majority of communicants. The genre form is compared with various cognitive models, e. g. Lacoff's idealized cognitive models and Fillmore's frames. The latter is taken for the genre model due to its structural qualities. The article describes the genre form as a frame with a set of slots and values. Optional, normative and core slots are described. Genre form inventory is defined. The hypothesis of correlation between personal characteristics and perception of a genre is advanced. The article also gives a possible option for formalization and automation of a text genre attribution based on the frame model.

Key words: frame; genre; genre form; speech situation.

СТИЛИСТИКА, ТЕКСТ, ДИСКУРС. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 378:811.161.1

Габдуллина Марина Васильевна
преподаватель русского языка
Цзянсуский педагогический университет
江苏师范大学
gabdullina.mv@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ

В последние годы значительно выросло число китайских студентов, которые выбирают обучение будущей профессии на русском языке вне российского образовательного пространства. При этом сложившаяся система преподавания русского языка как иностранного (РКИ) остается ориентированной на функционирование в русскоязычной среде. Обучение РКИ за рубежом имеет свои особенности, которые необходимо учитывать, для того чтобы сохранить и укрепить интерес китайских студентов к изучению очень трудного для них языка. В связи с этим автор считает необходимым внести изменения в процесс обучения: провести мероприятия организационного характера, которые, в свою очередь, создают базу для введения в содержание языкового курса заданий культуроведческого плана. Результативность и эффективность данной коррекции учебного процесса в условиях иноязычной среды подтверждены на практике.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному; дидактическая система; условия обучения; иноязычная среда; организация учебного процесса; содержание аудиовизуального курса.

Проблема эффективности и результативности обучения русскому как иностранному (РКИ) за рубежом в последние годы становится все более актуальной. Это связано в первую очередь с тем, что происходит значительный рост числа студентов, выбирающих обучение будущей профессии на русском языке вне России. Так, например, в Китайско-русском институте Цзянсуского педагогического университета (ЦПУ) за последние два года количество студентов увеличилось с 200 до 700, русскоязычных преподавателей – с 7 до 15. При этом существующая система преподавания РКИ в большей степени остается ориентированной на функционирование в русскоязычной среде [Быкова: эл. ресурс]. Для того чтобы обеспечить успешность китайских студентов в овладе-

нии таким трудным для них языком, как русский, необходимо принимать во внимание традиции страны, в которой ведется обучение.

Цель данной статьи – рассмотреть вариант коррекции отдельных компонентов дидактической системы РКИ (аудиовизуального курса – АВК), который учитывает специфику китайской образовательной и культурной среды и позволяет успешно решать указанную выше проблему.

Исследованию национально обусловленных методических и культурологических особенностей преподавания РКИ в иноязычной среде посвящены работы Т. М. Балыхиной, О. П. Быковой, В. Вегвари, Р. А. Кульковой, Е. В. Поповой, Н. А. Решке, Ю. А. Тумановой, Л. Шипелевич.

Наиболее значимой в аспекте нашей темы является работа О. П. Быковой, которая исследует проблему эффективного обучения РКИ за рубежом с позиций системного подхода. Она считает главным компонентом дидактической системы преподавания РКИ в иноязычной среде условия обучения. Автор предлагает рассматривать наличие / отсутствие русскоязычной среды как главный методологический принцип, в соответствии с которым целесообразно скорректировать всю систему преподавания РКИ. Под условиями обучения учёный понимает социальный заказ государства и общества и образовательную среду, при этом именно образовательная среда оказывает формирующее влияние на содержание и характер взаимодействия между участниками учебного процесса. Образовательная среда в конкретном университете складывается из традиционной системы образования данной страны, современного её состояния и наличия/отсутствия преподавателя, носителя изучаемого языка.

О. П. Быкова обращает внимание на важность учёта условий обучения русскому языку студентов в странах дальневосточного региона, образовательное и культурное пространство которых значительно отличается от российского [там же].

В результате осмысления опыта преподавания РКИ за рубежом и аналитических материалов по этому вопросу нами определены два направления, по которым можно скорректировать процесс обучения в условиях китайского учебного заведения.

В Китайско-российском институте ЦПУ студенты, будущие инженеры и экономисты, изучают русский язык в течение четырёх семестров. Как и во многих вузах Китая, в этом институте курс по грамматике читают китайские преподаватели, а базовый АВК – русскоязычные. При этом на изучение грамматики отводится больше часов, чем на АВК. Данный факт свидетельствует о том, что важность овладения аудиовизуальными умениями при обучении РКИ и сложность процесса их форми-

рования осознаются участниками учебного процесса не в полной мере. Как отмечает Л. Н. Мурзин, считать аудирование и чтение пассивными видами деятельности не совсем правильно, поскольку «восприятие текста, устного или письменного, – сложный процесс, и обучить механизмам текстовосприятия не так-то легко» [Мурзин, Сметюк 1994: 27]. Мы считаем, что обучению данным видам речевой деятельности необходимо уделить самое пристальное внимание, так как овладение ими является необходимым условием успешной коммуникации китайских студентов на русском языке в России.

Для оптимизации процесса преподавания АВК и придания ему целенаправленного характера нами определено **первое направление** в коррекции обучения, которое реализуется путем проведения мероприятий, максимально учитывающих этнопсихологические и этнокультурные особенности китайских студентов [Балыхина 2008: 206–210]. Ниже приведены примеры данных мероприятий.

1. Взаимодействие китайских и российских преподавателей предполагает: синхронизацию учебных программ; взаимопосещение занятий для соблюдения единства требований к знаниям и умениям студентов; организацию и проведение семинаров по обмену опытом; участие во внеучебных мероприятиях (экскурсиях, тематических вечерах, конкурсах, спортивных состязаниях).

2. Разнообразие форм деятельности студентов на занятиях и во внеучебное время реализуется через: выполнение заданий в парах и в малых группах; подготовку и участие студентов во внеучебной практике; проведение экскурсий на русском языке; подготовку и защиту проектных заданий, например, своего учебника; проведение динамических пауз (сочетание фонетической зарядки с физической).

3. Создание психологического комфорта на занятиях осуществляется через: обращение к студентам в соответствии с правилами делового этикета, принятыми в Китае; моральную поддержку студентов, у которых имеются трудности в обучении русскому языку, обусловленные объективными причинами (нарушения слуха, зрения, речевого аппарата); предоставление студентам возможности высказать своё мнение об услышанном и увиденном по теме, поделиться своими наблюдениями, чувствами, рассказать о себе и о ярких событиях в своей жизни; проявление преподавателем интереса к достижениям и успехам студентов, доброжелательное отношение к ним, использование юмора.

4. Обеспечение преемственности китайской образовательной системы и технологии преподавания РКИ при помощи: визуализации всего учебного материала через презентации РРТ, фото, видео, таблиц в соответствии с конкретно-символическим мышлением китайских сту-

дентов; оформления учебного материала и презентаций на высоком качественном уровне, т. к. они становятся для студентов неким эталоном при создании собственных работ.

5. Техническое обеспечение учебного процесса осуществляется через проведение занятий в лингафонном кабинете, использование современных технических средств, качественных аудио- и видеозаписей, презентаций и раздаточного материала.

6. Мониторинг процесса обучения и его результатов происходит через: взаимодействие с администрацией и преподавателями университета с целью улучшения процесса преподавания; систематическое информирование студентов о порядке оценивания контрольных работ и регулярное ознакомление с результатами их выполнения; анкетирование студентов в конце семестра с целью совершенствования учебного процесса.

Мероприятия, предложенные нами в рамках первого направления, носят в большей степени организационный характер, но, как показал наш опыт, именно они позволяют уже на первых занятиях создать ситуацию успеха для каждого студента и вызвать интерес к изучаемому предмету. Благодаря общему положительному отношению студентов к русскому языку появляется возможность реализовать **второе направление** в коррекции обучения, включив в АВК задания культуроведческого характера.

Содержание АВК русского языка (составитель И. В. Таюрская) [Таюрская: эл. ресурс] позволяет организовать общение студентов и преподавателя в основном на бытовом уровне. Однако удержать и развить интерес студентов к трудному для них языку на таком материале довольно сложно. Современные китайские студенты имеют широкий кругозор, они проявляют большой интерес к окружающему миру, в т. ч. к России и ее культуре. Это обстоятельство делает возможным дополнить содержание АВК культуроведческим материалом.

При обучении РКИ, на наш взгляд, надо руководствоваться словами В. Гумбольдта о связи языка с духовной жизнью народа: «Язык народа есть его дух...» [Гумбольдт 1985]. На занятиях важно демонстрировать взаимосвязь русского языка и национальной культуры. При этом необходимо учитывать, что материал о русской культуре в иноязычной среде должен сопровождаться рассказами о Китае. Такой способ подачи информации позволяет организовать межличностное общение студентов и преподавателя и в целом создаёт благоприятный эмоциональный фон занятия.

Культуроведческий компонент, по нашему мнению, играет интегративную, системообразующую роль в содержании учебного материала

[Габдуллина 2013: 26–28]. Эта роль заключается в том, что каждая тема учебного плана как бы разворачивается вокруг соответствующего культуроведческого компонента (центра), который придаёт учебному материалу смысловую целостность.

В ходе обучения мы установили, что почти во все темы АВК органично вписываются задания культуроведческого характера. Покажем это на конкретных примерах.

Учеба. Сообщения студентов о крупнейших университетах мира, в т. ч. России и Китая. Круглый стол по теме «Высшее образование: за и против». Беседа на тему «Почему вы выбрали эту специальность?».

Новая квартира. Беседа «Что «говорит» о человеке интерьер его комнаты?» Работа в группах: описание комнаты по картинам и рисункам, например, по картине Ван Гога «Спальня в Арле».

Климат, погода. Презентации студентов о погоде в разное время года в России и в Китае с демонстрацией репродукций картин известных художников.

Отдых. Беседа на тему «Что такое отдых?». Презентации студентов «Виды культурного отдыха в России и в Китае», «Основные праздники в России и в Китае».

Спорт. Сообщения студентов о ярких событиях в мире спорта России и Китая. Диалог о великих спортсменах России и Китая. Презентация «Самые популярные виды спорта в России и в Китае». Дискуссия на тему «Движение – это жизнь! Почему?».

В городе. Рассказы о достопримечательностях Москвы, Санкт-Петербурга, Пекина, Шанхая. Рассказ о малой родине. Знакомство с песней «Александра» из кинофильма «Москва слезам не верит» (слова Ю. Визбора и Д. Сухарева, музыка С. Никитина): чтение и лингвокультуроведческий комментарий, исполнение песни студентами.

У врача. Рассказ о великих целителях (врачах, учёных) России и Китая; презентация «Что такое здоровый образ жизни?». Беседа на тему «Что такое здоровье?».

В магазине. Презентация «Развитие торговли между Китаем и Россией: вчера и сегодня». Сообщение студента о международном проекте «Шелковый путь» («Один пояс – один путь»).

Внешность и характер. Индивидуальные задания: описать внешность и характер литературного героя или известного человека в России и в Китае.

Путешествия. Рассказы студентов «Великие путешественники России и Китая», «Достопримечательности России и Китая». Презентация «Мои путешествия с семьей в каникулы».

Библиотеки и книги. Презентация «Афоризмы великих китайских мыслителей» (задание: перевести афоризм на китайский язык и раскрыть его смысл, привести примеры афоризмов русских писателей). Рассказы о российских и китайских лауреатах Нобелевской премии.

Компьютер и интернет. Рассказы об истории создания компьютера, iPad, iPhone; беседы о социальной сети «ВКонтакте», китайской интернет-компании Alibaba. Диспут на тему «В сетях Интернета».

Кроме того, на занятиях можно знакомить студентов с важными календарными событиями. Так, например, в Международный день русского языка студенты узнали, что эта дата связана с именем А. С. Пушкина; с большим интересом они прослушали информацию о том, что поэт готовился к путешествию в Поднебесную. «При жизни Александру Сергеевичу так и не удалось пересечь таинственную российскую границу. Но спустя столетие поэтический гений Пушкина сумел преодолеть не только государственные границы, но и хронологические и, может быть, самые сложные – языковые» [Черкашина 2009]. Творчество Пушкина знают и любят в Китае, так, например, китайский художник, писатель и переводчик Гао Ман (高莽) изобразил поэта на Великой Китайской стене, а в Шанхае есть памятник поэту. В продолжение беседы студенты рассказали о Международном дне китайского языка.

Практика ведения АВК с использованием заданий культуроведческого характера способствует приобщению будущих инженеров и экономистов к духовной культуре русского и китайского народов. Кроме того, как показал опрос, эти задания имеют и воспитательный эффект: студенты начинают относиться к занятиям более ответственно, у них появляется стремление выполнить работу качественно. Эти навыки учебной деятельности, безусловно, помогут им в дальнейшем быть успешными в своей будущей профессии.

Результаты обучения по АВК с I по III семестр согласуются с КРІ: посещаемость занятий – 100 %; количество сдавших экзамен – 100 %; средний балл по результатам экзаменов – 92; средний балл итоговой успеваемости – 93; количество студентов с высокими итоговыми баллами (более 90) по семестрам – 58 %, 79 %, 91 %; количество студентов, готовых сдать экзамен на внутренний сертификат IV уровня, – 88 %.

Таким образом, корректировка организационной составляющей обучения РКИ (АВК) с учётом специфики образовательной и культурной среды Китая, а также использование заданий с культуроведческим компонентом позволяют процесс овладения русским языком китайскими студентами сделать успешным.

Библиографический список

Балыхина Т. М. Новые компетенции в профессиональной квалификации российского педагога // Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы: сб. ст. по материалам I Междунар. науч.-метод. конф. М.: РУДН, 2008. С. 206–2011.

Быкова О. П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (на примере южнокорейских университетов). URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-pedagogika/1/a60.php> (дата обращения: 18.01.2017).

Габдуллина М. В. Формирование успешности учебной деятельности школьников на основе моделирования интегративных связей в социально-гуманитарном знании. Пермь: ПГГПУ, 2013. 165 с.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

Мурзин Л. Н. Сметюк И. Н. Как обучать языку? (об основах лингводидактики). Пермь: ПГУ, 1994. 136 с.

Таюрская И. В. Базовый аудиовизуальный курс русского языка. Часть 3. Пекин: Peking University Press, 2013. 164 с.

Черкашина Л. И. Китайская мечта поэта. URL: <http://www.russianshanghai.com/author/cherkashina> (дата обращения: 29.05.2017).

M. V. Gabdullina

Teacher of Russian Language

Jiangsu Normal University

江苏师范大学

ON PECULIARITIES OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN CHINA

In the recent years the number of Chinese students choosing to study their future profession in Russian outside of the Russian educational space has significantly increased. However, the current system of the Russian as a foreign language (RFL) teaching remains focused on functioning in a Russian-speaking environment. The teaching of the Russian language abroad has its own characteristics that must be considered in order to preserve and strengthen the interest of Chinese students in learning a very difficult language. The author proposes to adjust the educational process in two directions: organizational and substantive. The article gives examples of forms of work with students and the types of jobs that allow to make the RFL learning process effective in a foreign environment.

Key words: teaching Russian as a foreign language; didactic system; the learning environment; foreign-language environment; organization of the educational process; the contents of the audiovisual course.

Гричин Сергей Владимирович
зав. кафедрой гуманитарного образования и иностранных языков
Томский политехнический университет
grichinsergei@mail.ru

Демешкина Татьяна Алексеевна
зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета
Томский государственный университет
demeta@rambler.ru

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРИЗАЦИИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются возможности исследования категории авторизации с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Описывается комплексная методика анализа авторизации, направленная на раскрытие авторского замысла в аспекте авторизации, демонстрируется роль авторизации в маркировании познавательных операций автора, прагматических установок и смылосодержательных элементов текста.

Ключевые слова: научный дискурс; авторизация; когнитивно-дискурсивный подход; текст.

Комплексное исследование функционирования категории авторизации в научном дискурсе невозможно без обращения к ее анализу с позиций когнитивно-дискурсивного и коммуникативного подходов, в соответствии с которыми она предстает перед исследователем не только как один из способов осложнения предложения, его структурно-семантический план, но и как средство маркирования в тексте элементов когнитивно-дискурсивной деятельности автора.

Продуктивность использования когнитивно-дискурсивного подхода к анализу научного текста связана, с тем, что он, как пишет С. В. Ракитина, позволяет представить научный текст как вербализованный продукт познавательной деятельности, видеть в нем результат дискурса ученого [Ракитина 2007: 35]. Кроме того, в научном тексте, выступающем «в качестве продукта актуализированного процесса функционирования языка в специфической сфере научной деятельности и общения» [Чернявская 1999: 5, 6], «высвечиваются» разные стороны ее проявления, что позволяет в значительной степени реализовать аппликативный потенциал методик анализа авторизации, поскольку научный

текст «обращен одной своей стороной к прагматической ситуации, а другой – к ментальным процессам участников коммуникации, к стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях, определяющих соотношение нового и известного, эксплицитного и имплицитного в содержании конкретных текстовых форм» [Чернявская 1999: 22].

Описание когнитивных и дискурсивных свойств авторизации становится возможным благодаря тому, что последняя входит в сферу субъекта как основного участника научного дискурса и маркирует в тексте его когнитивные установки и дискурсивную деятельность.

Реализация когнитивно-дискурсивного подхода позволяет описать роль авторизации в реализации авторского замысла, выраженную авторизованным высказыванием прагматическую установку, выявить реализуемые автором познавательные операции, установить отношение авторизации к категории определенности / неопределенности.

Объем данной статьи не позволяет нам подробно описать методику многоаспектного анализа авторизации, поэтому продемонстрируем ее кратко на материале статьи Е. А. Брылиной и О. Г. Сидоровой «Первые российские грамматики английского языка: содержание, предьявление материала, методы» [Брылина, Сидорова 2015].

Анализ авторского замысла в аспекте авторизации основан на выявлении в авторизованных высказываниях положительных и отрицательных оценок ключевых концептов (т. е. объектов, тем и микротем), непосредственно связанных с темой научного произведения, а также динамики их развертывания в композиционной структуре текста. В анализируемом тексте в авторизованных предложениях присутствуют как отрицательные оценки основного концепта (*В данной работе он также констатирует, что русские «лексикона и грамматики достаточной не имеют»*), так и положительные его оценки (*Он указывает также на то, что в рассматриваемый период «появляется довольно богатая литература важнейших школьных пособий по древним и новым языкам (грамматики, словари и хрестоматии)*). Из исследуемого материала видно, что авторизованные высказывания начальной части статьи, в которой описываются первые изданные грамматики, содержат преимущественно отрицательную характеристику. Оценки более поздних изданий смещаются в сторону нейтральных и постепенно становятся положительными. Таким образом, намерение автора продемонстрировать динамику качественных изменений объекта реализуется через переход от отрицательных оценок, выраженных авторизованными предложениями, к положительным.

Следующий этап анализа авторизации предполагает выявление прагматических установок, выраженных в авторизованных предложени-

ях текста. Основываясь на классификации прагматических установок в научном тексте Е. М. Крижановской [Крижановская 2000], отметим, что авторизация может реализовываться в научном тексте следующие прагматические установки: текстоформирующая (ТПУ), компенсирующая прагматическая установка (КПУ), прагматическая установка «обращение к невербальным средствам воздействия» (НСВ), оценочная (ОПУ).

Анализ показывает, что доминирующей прагматической установкой текста рассматриваемой статьи является компенсирующая установка, призванная «актуализировать знания читателя, необходимые для понимания авторской концепции <...> и подготовить адресата к восприятию новой информации» [там же: 93]: *В данной работе и также констатирует, что русские «лексикона и грамматики достаточной не имеют»; Систематизирую состав и композицию рассмотренных в статье пособий, мы видим, что основной их объем занимает пространная теоретическая часть; практическая часть главным образом представлена только «употребительными диалогами».*

Экстралингвистическая обусловленность количественного преобладания компенсирующей прагматической установки в рассматриваемом тексте заключается, очевидно, в том, что он содержит недоступные широкой аудитории сведения, касающиеся истории создания первых грамматик, в связи с чем автор обращается к квалифицирующей авторизации, ориентированной на компенсацию недостающих знаний у адресата.

Следующий этап анализа текста в аспекте авторизации – выявление в его структуре авторизационных блоков (АБ), представляющих собой дискретные единицы (отрезки) текста, эксплицирующие компоненты коммуникативно-информационного и прагматического (интенционального) содержания текста. Подробно вопрос об авторизационных блоках рассмотрен в [Гричин 2012].

В анализируемой статье присутствуют следующие типы АБ:

«Определение содержания термина»: *По мнению И. Е. Грузинова, «английская грамматика есть наука говорить и писать правильно по Английски»;*

«Императив»: *На страницах учебника автор проводит мысль о необходимости изучать иностранные языки с помощью носителя языка, принимая в внимание особенности его выговора: «Надобно замечать выговор у самих Англичан, у искусного учителя или выправляться в лексиконе.*

«Описание свойств объекта»: *Данной точки зрения придерживается и С. К. Булич, характеризующий пособие М. Пермского как «простой перевод английского грамматического учебника.*

«Апелляция к факту»: Подчеркнем: именно фонетическим особенностям английского языка посвящена изданная И. Е. Грузиновым первая часть пособия.

«Обработка информации»: Вероятно, во второй части планировалось рассмотрение других составляющих грамматики, но, согласно В.С. Сопикову, «часть вторая не выходила».

Наиболее частотным АБ в рассматриваемом тексте оказался АБ «Описание свойств объекта», что связано, очевидно, с необходимостью описания и сопоставления характеристик исследуемого объекта – первых российских грамматик.

Выявление выраженных в тексте и маркированных авторизационными компонентами познавательных операций автора основано на представлении о том, что смена авторизационного ключа как дискурсивное действие эксплицирует совершаемую автором познавательную операцию, связанную с выделением или противопоставлением объектов, проведением аналогии между ними, подтверждением информации, обобщением, лимитацией понятия.

В анализируемой статье авторизационные компоненты маркируют все перечисленные выше действия, за исключением аналогии:

– Подтверждение: *В данной работе он также констатирует, что русские «лексикона и грамматики достаточной не имеют». Подобную картину рисует и историк Ф. Ф. Веселаго. Он пишет, что после смерти Фарварсона в 1739 г., когда...*

– Ограничение: *Согласно П. Жданову, «грамматика есть наука показывающая свойственное мыслей изображение словами».*

– Обобщение: *В целом, мы можем констатировать, что учебник М. Паренаго представляет огромный интерес, так как он является прообразом первых отечественных грамматико-переводных пособий по иностранным языкам.*

– Противопоставление: *По мнению В. Татищева, несмотря на тот факт, что «губернаторы и воеводы везде переводчиков и толмачей довольно имеют», сложно говорить о хорошем качестве переводов, так как «грамматики, без которой переводчика никак правильно переводить невозможно, ни один не знает. Вероятно, во второй части планировалось рассмотрение других составляющих грамматики, но, согласно В. С. Сопикову, «часть вторая не выходила».*

– Выделение: *Он акцентирует внимание на том, что «всякому шляхтичу надобно думать какой-либо знатной чин достать и потом или самому для услуги государственной в чужие края ехать или в России иметь с иноязычными обхождение».*

Наиболее частотно в тексте представлены познавательные операции противопоставления, что также объясняется экстралингвистически стремлением авторов сравнить объекты исследования (русские грамматики) между собой.

Методика анализа авторизации в аспекте определенности / неопределенности была представлена в работе [Гричин 2016]. Она основана на выявлении в модусной и диктумной частях высказывания языковых средств с определенной (конкретной, идентифицирующей) референцией: дейктических местоимений с указательной функцией (указательные местоимения), имен собственных, обстоятельственных актуализаторов (грамматических и семантических), прилагательных и наречий с семантикой определенности, числительных. Кванторами неопределенности являются языковые единицы, в семантике которых отсутствует идентифицирующая референция. К ним относятся прилагательные, наречия и числительные с семантикой неопределенности, неопределенно-личные местоимения.

Таким образом, суть предлагаемой методики выявления взаимоотношений категорий авторизации и определенности / неопределенности заключается в анализе того, каким образом авторизованность / неавторизованность модусной части высказывания влияет на определенность / неопределенность описания «ситуации», «положения дел» в диктумной части и, в конечном итоге, на семантическую организацию высказывания в целом.

Рамки данной статьи не позволяют нам подробно рассмотреть все реализованные в анализируемой работе модели выражения категории определенности / неопределенности и охарактеризовать их в динамике, поэтому ограничимся лишь описанием выявленной нами доминирующей модели. Такой моделью в рассматриваемом тексте модель с преобладанием кванторов определенности как в модусе (в рамках авторизационной конструкции), так и в диктуме. Это, очевидно, связано со стремлением автора: опираться на мнение конкретных исследователей, источниковедческую базу (что отражается, главным образом, в модусной части), а характерной особенностью диктумной части оказывается включение кванторов определенности, выраженных числительными: *В монографии «Очерк истории языкознания в России» С. Б. Кулич, описывая ситуацию второй половины XVIII в., отмечает, что «скудность пособий начинает уступать место сравнительному обилию по некоторым языкам».*

Таким образом, предложенная многоаспектная методика анализа авторизации дает возможность установить, что экспликация авторизаци-

онных показателей имеет разностороннюю природу: она обусловлена авторским замыслом, реализующимися в тексте коммуникативно-прагматическими установками и мыслительными операциями.

Библиографический список

Брылина Е. А., Сидорова О. Г. Первые российские грамматики английского языка: содержание, предъявление материала, методы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (30), 2015. С. 44–52.

Гричин С. В. Авторизация в содержательной структуре научного текста // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 5.1 (29) (Проблемы науки и образования). С. 265–276.

Гричин С. В. Категория определенности / неопределенности в аспекте авторизации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 144–156.

Крижановская Е. М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000. 260 с.

Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007. 542 с.

Чернявская В. Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. 209 с.

S. V. Grichin

Head of Humanities and Foreign Languages Department
Tomsk Polytechnic University

T. A. Demeshkina

Head of Russian Language Department, Dean of Philology Faculty
Tomsk State University

COMPLEX STUDY OF EVIDENTIALITY IN SCIENTIFIC TEXT: A COGNITIVE – DISCURSIVE ASPECT

The paper considers the capabilities of evidentiality study from the standpoint of cognitive-discursive approach. A complex methodology of evidentiality analysis aimed at revealing the author's intent in the aspect of evidentiality is described, the role of evidentiality in marking author's cognitive actions, pragmatic settings and text meaning elements is demonstrated.

Key words: scientific discourse; evidentiality; cognitive-discursive approach; text.

Карзенкова Елена Петровна
старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
karzenkova_e@mail.ru

Кыркунова Лариса Геннадьевна
доцент кафедры педагогики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kyrkunovalg@yandex.ru

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕБЕНКА

В статье рассматривается роль духовно-нравственного воспитания детей и подростков в обеспечении их социальной безопасности. Противостоять опасностям может только сильная, нравственно сформированная личность. Формированию такой личности способствует школьное воспитание. Но центральное место в этом процессе принадлежит семье. Школа и другие социальные институты должны оказать семье всестороннюю помощь. Авторы предлагают несколько форм осуществления такой помощи.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание; воспитательная работа; формы педагогического просвещения; семейное воспитание.

Духовно-нравственное воспитание традиционно признается «стержневым» в системе современного воспитания детей и подростков. Один из признанных специалистов в области воспитания подростков Б. Т. Лихачев рассматривает нравственное воспитание как активный жизненный процесс взаимодействия личности с обществом, процесс постоянных решений, выбора действий в пользу моральных норм: «Только в борьбе, преодолении противоречий внутри и вне себя ребенок может почувствовать, ощутить и осознать себя нравственно цельным и сильным, владеющим собой, а не пленником страстей и обстоятельств» [Лихачев 2010: 264.].

Нравственное воспитание, осуществляемое в школе, в общественных организациях, во внешкольных учреждениях и в семье, обеспечивает успешную реализацию и всех других современных направлений воспитания: формирования любви к Родине (гражданско-патриотическое направление), бережного отношения к собственности (экономическое

направление) и творческого отношения к труду, уважения к людям труда (трудовое воспитание). Его результатом является коллективизм, здоровый индивидуализм, внимательное отношение к себе и другим людям, требовательность к себе, осмысленное отношение к окружающему миру.

В настоящее время проблемы духовно-нравственного воспитания школьников чрезвычайно актуализировались. Причина этого – рост детской преступности, нездоровый образ жизни, бездуховность, подмена ценностей. Происходит своеобразная разбалансировка системы прав и обязанностей. В этой системе по отношению к родителям, учителям, знакомым и незнакомым людям подросток отслеживает только соблюдение его прав и выполнение обязанностей только по отношению к нему самому. Воспитанность чаще воспринимается подростками как слабость. Так, постепенно (особенно в атмосфере постоянного плюрализма мнений и оценок, характерной для современного социума) подростки теряют нравственные ориентиры. Они не могут самостоятельно выбрать правильную модель поведения, им зачастую не хватает жизненного опыта для того, чтобы оценить происходящее.

Цель нравственного воспитания – формирование нравственно устойчивой, цельной личности, то есть человека с моральным стержнем, с житейскими принципами. **Формирование таких качеств и свойств личности, как убежденность, стойкость, целеустремленность, можно отнести к специфическим, но совершенно необходимым для социальной безопасности подростка целям нравственного воспитания.** Нравственная сфера личности наиболее успешно формируется в специально организованной системе воспитания **в школе**. В условиях, где нравственное просвещение сочетается с практической деятельностью, координируются нравственные отношения друг с другом и с обществом, школьники усваивают правильные формы поведения и приобретают личный опыт, привычки, которые впоследствии станут основой убеждений и принципов поведения.

Достигаются эти задачи разными путями: например, в ходе уроков русского языка и литературы. Например, **работа над сочинением** обучает ребенка оценивать различные ситуации с точки зрения норм общечеловеческой морали и нравственности, делать определенные выводы, помогающие выбрать модель поведения учащегося в тех или иных ситуациях. При **чтении текстов** художественных произведений, в которых описывается борьба добра со злом, сравнивается нравственное и безнравственное поведение героев. Воздействуя на чувства и эмоции воспитанника, подкрепленные наглядным примером, описанным в тексте, чтение и дальнейшее **обсуждение рассказов** под руководством учителя помогают учащимся сформировать представление о добре и зле, четкое

понимание нравственности как реальных действий человека. **Знакомство с биографиями** известных ученых, писателей, прототипов литературных и других произведений побуждает подростков представлять себя на их месте. Для ученика эти личности являются конкретными образцами для подражания, активно формирующими чувства, образ мысли, убеждения воспитанников, активизирующими их деятельность, поскольку подражание, особенно в детские годы, «обеспечивает растущему человеку возможность присвоить большой объем обобщенного социального опыта. Так реализуется **метод примера**, используемый для воспитания нравственности» [Лихачев 2010: 268].

Конкретные факты и события из повседневной жизни ребят могут стать основой **этических бесед, лекций, диспутов**, которые «способствуют выработке у школьников этических представлений и понятий, стремлению к оценочной нравственной деятельности, воспитанию интереса к нравственным проблемам, приобретению нравственных знаний» [Богданова 1997: 5]. Они могут «... помочь школьникам разобраться в сложных вопросах морали, сформировать твердую нравственную позицию, помочь осознать личный нравственный опыт поведения, привить умение вырабатывать собственные нравственные взгляды» [там же].

В формировании духовно-нравственного потенциала подростков большую роль играют и внеурочные формы работы: тематические **классные часы, викторины, ролевые игры, классные спектакли**. Большую популярность в настоящее время имеют **интеллектуальные игры**, в которых одновременно развиваются культура мышления, речи, поведения, творческие возможности детей, проявляются наклонности и задатки; игры укрепляют дух товарищества, взаимовыручки.

Но все педагоги понимают, что даже самое качественное, планомерное, систематическое **школьное** духовно-нравственное воспитание не способно подменить такое же продуманное, системное, качественное **семейное**, домашнее воспитание. Но перед этой «зоной» воздействия на школьников педагоги-профессионалы, как правило, останавливаются в нерешительности. Главная причина этого, как нам думается, следующая: для отечественной педагогики традиционно считается **неприличным вмешиваться в вопросы семейного воспитания**. Родители, дескать, сами лучше любого педагога знают, что необходимо их ребенку и как этого добиться. Хотелось бы поинтересоваться: откуда они получили эти знания? Что, каждая супружеская пара прочитала работы В. А. Сухомлинского [Сухомлинский 1981], или «Педагогику любви и свободы» Ю. П. Азарова [Азарова 1984], или хотя бы работу американского педагога и психолога В. Клайна [Клайн 1991] «Как подготовить ребенка к жизни»? Откуда современные родители, пусть даже социально

благополучные, успешные, могут узнать о возрастных психолого-педагогических и социальных особенностях развития детей и подростков, о принципах воспитания и обучения, о закономерностях формирования личности каждого подростка? Из интернета? Действительно, в интернете есть несколько достойных педагогических порталов, но до них могут добраться далеко не все.

Одновременно с этим общество в лице социальных работников считает приличным и даже необходимым по сигналам «представителей общественности» изымать детей из семьи (оставляя родителей, заметим, пребывать все в том же состоянии полного педагогического невежества). Вывод напрашивается сам собой: если мы хотим получить духовно и нравственно полноценное поколение (и тем самым обеспечить ему социальную безопасность в виде сформированного духовно-нравственного стержня личности), начинать нужно с их родителей.

Мысль не нова, так же считал, например, известнейший советский педагог (кстати, специалист в области духовно-нравственного воспитания советских школьников) В. А. Сухомлинский [Сухомлинский 1981]. Он основал школу для родителей и, как известно, добился блестящих результатов именно в области нравственного воспитания школьников. Сегодня нашему обществу необходимы **курсы педагогического ликбеза** для родителей при каждой школе. Причем программы этих курсов должны учитывать национально-религиозные и социально-экономические реалии той или иной территории и быть рассчитаны не только на родителей будущих или настоящих первоклассников, но и на родителей школьников других возрастных групп. Нам могут возразить: такие курсы не будут популярны. Это возможно, только если организацию работы поручить случайным людям или непрофессионалам.

Кроме курсов, возможны и другие формы педагогического просвещения родителей. Например, **психолого-педагогические консультации (клиники)**, как их модно стало называть сегодня). Подобную клинику можно организовать на базе педагогических кафедр вузов и наиболее авторитетных средних учебных заведений (гимназий, лицеев). Родители смогут обращаться в них для разбора сложных психолого-педагогических ситуаций.

Наконец, в интересующей нас сфере общения между педагогами, воспитателями и родителями сегодня отсутствует традиция **создания памяток**. Написаны памятки для водителей автотранспорта, для желающих зарегистрировать недвижимость, для больных, проходящих комиссию... Однако ни разу мы не встретили ни одной памятки, содержащей короткие, понятные, одновременно емкие правила воспитания ре-

бенка. Если кому-то кажется, что таких правил нет – этот человек плохо знает педагогику.

В. Клайн сформулировал в своей работе десять «золотых правил» воспитания ребенка. Многие из нас до сих пор думают: удобно это или нет – посоветовать родителю, чей ребенок стал хуже учиться, взять под контроль компьютер и телефон; начал исчезать из дома вечерами – в два раза сократить количество карманных денег, но в два раза увеличить количество времени, проводимое с ребенком и т. п. Разумеется, подобная работа требует немалых затрат именно в морально-психологическом отношении: особого такта, терпения, чуткости, как говорили некогда – «работы души». На это сегодня способен далеко не каждый педагог, да и родитель... Возможно, поэтому предлагаемые нами формы взаимодействия образовательных учреждений с семьей, призванные **реализовать принцип единства и координации усилий школы, семьи и общест-венности**, до сих пор не распространены повсеместно.

Библиографический список

- Азаров Ю. П.* Педагогика любви и свободы. М.: Топикал. 1994. 608 с.
Богданова О. С., Калинина О. Д., Рубцова М. Б. Этические беседы с подростками. М.: Просвещение, 1987. 192 с.
Клайн В. Как подготовить ребенка к жизни М.–Л.: Прогресс. 1991. 283 с.
Лихачев Б. Т. Педагогика. Курс лекций. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. 647 с.
Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Киев: Радянська школа, 1981. 288 с.

E. P. Karzenkova

Senior Lecturer of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

L. G. Kyrkunova

Associate Professor of Pedagogical Department
Perm State University

MORAL AND SPIRITUAL EDUCATION AS A BASIS FOR SOCIAL SECURITY CHILD

The article focuses on the role of spiritual and moral education of children and adolescents in supporting their social security. Only a very strong and morally formed personality can confront numerous social risks. School education contributes the formation of spiritual and moral potential of the personality. But we should not forget that the central place in this process belongs to the family. School and other social institutions should provide the family with comprehensive assistance. The authors of this article offer several forms for implementation of such assistance.

Key words: spiritual and moral; educational work; forms of pedagogical education; family education.

Кыркунова Лариса Геннадьевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
доцент кафедры педагогики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
KyrkunovaLG@yandex.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ФИЛОЛОГОВ-БАКАЛАВРОВ
В КУРСЕ «МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(РУССКИЙ ЯЗЫК)»**

В статье освещается опыт практической работы по формированию профессионально-педагогических умений и навыков бакалавров-педагогов в курсе «Методики обучения и воспитания (русский язык)». Рассматриваются разнообразные виды работы, повышающие мотивацию студентов и формирующие позитивный образ будущей профессии. Автор приходит к выводу о невозможности формирования профессионально-педагогических качеств без использования вузовской и городской образовательной среды.

Ключевые слова: профессионально-педагогические компетенции; умения и навыки преподавателя русского языка; методика обучения и воспитания; образовательная среда.

«Методика обучения и воспитания (русский язык)» как учебная дисциплина является современной модификацией традиционного для филологического образования курса «Методики преподавания русского языка в школе». В обновленном варианте этот предмет максимально плотно соотносится с педагогикой и оказывается вплетен в ткань педагогических проблем общества, которые средняя и высшая школа призваны сегодня оперативно решать.

Особенности социально-экономической, идеологической и международной ситуации, в которой находится все наше общество на протяжении последних лет, ухудшение отношений с целым рядом стран, обострение националистических настроений, усиление опасностей (вплоть до террористических), субъектами которых являются довольно молодые люди, втягивание школьников в политические и идеологические игры взрослых людей и другие угрозы заставляют представителей широких кругов общественности (в том числе педагогической) думать о судьбе подрастающего поколения. Для всех очевидно, что настало время ре-

шать вопросы воспитания (духовно-нравственного, гражданского, патриотического, правового), и в первую очередь, осуществлять это приходится средствами учебных предметов.

Русский язык является одной из базовых дисциплин школьной системы образования. Именно поэтому филолог – будущий учитель русского языка – должен обладать умениями и навыками, связанными с реализацией не только обучающих, развивающих, но и воспитательных задач этих учебных предметов. Он должен уметь одинаково хорошо подготовить урок (отобрать учебный материал, скомпоновать и систематизировать его), провести занятие с использованием современных технологий, осуществить психолого-педагогическое сопровождение ученика (то есть помочь ему разобраться не только в учебном материале, но и в своих проблемах, в сложных ситуациях), реализовать воспитательную работу в современных формах.

Способы достижения перечисленных задач обучения могут быть различными, но механизм один: формирование необходимых профессионально-педагогических компетенций возможно только в результате создания интерактивной обучающей среды. Целью интерактивного обучения является повышение эффективности образовательного процесса, достижение всеми обучающимися высоких результатов обучения.

Интерактивная среда характеризуется открытостью, взаимодействием всех участников процесса обучения, равенством их позиций, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и контроля.

Особенности интерактивных форм работы на сегодняшний день довольно подробно описаны в научно-методической литературе [Дмитриева и др. 2014]. Среди них: обучение в сотрудничестве (погружение студентов в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем), обмен информацией между всеми студентами, опора на групповой опыт, обязательное наличие обратной связи, взаимодействие всех со всеми (совместное решение проблем, моделирование ситуаций).

В ходе интерактивного обучения меняется привычный ход образовательного процесса (не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению). Напомним, что удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, в соответствии с требованиями ФГОС ВПО, должен быть не меньше 20 % времени аудиторных занятий.

В курсе «Методики обучения и воспитания (русский язык)» со студентами направления «Педагогическое образование», наряду с традиционными формами работы (например, классическими лекциями и

семинарскими занятиями), нами были реализованы некоторые формы и приемы интерактивной самостоятельной и аудиторной работы.

1. Интерактивное освоение учебного материала: часть учебного материала была передана на самостоятельное изучение и конспектирование. Студенты разделились на микрогруппы, и уже внутри своих групп определяли, как распределить работу. Затем они изучали материал, составляли конспекты, обсуждали их в микрогруппах (эта работа проходила вне стен аудитории). Только после этого представляли свой коллективный конспект на суд всей группы. На последнем этапе работы происходил взаимообмен конспектами в пределах группы. Такая организация работы позволила студентам прочувствовать важность овладения такими умениями и навыками, как систематизация материала, выделение главного, наглядное представление материала. Студенты оказались вовлечены в процесс обучения, должны были освоить новый материал не столько в качестве обучаемых (пассивных слушателей), сколько в качестве активных участников, транслирующих новое знание.

2. Тренинг (отработка) отдельных приемов практической работы: традиционный рассказ преподавателя о методике проведения диктантов, изложений, сочинений был заменен на интерактивную аудиторную работу (один из видов деловой игры), в ходе которой на основе предложенного преподавателем алгоритма действий студенты по очереди демонстрировали умение диктовать текст, проводить изложение, осуществлять подготовку к сочинению. Остальные студенты выступали в роли учеников. В ходе такой работы сразу становилось очевидным, кто справляется с диктовкой, а кто совершенно не думает об «учениках», не контролирует скорость речи, громкость голоса и т. д.

Такая организация работы, на наш взгляд, способствовала развитию навыков критического мышления, позволила отработать различные варианты поведения «учителя» в различных потенциально возможных ситуациях педагогического общения.

3. Посещение мастер-классов учителей-стажистов и создание технологической карты урока. Помимо самостоятельной и аудиторной работы, студентам было предложено посетить открытые уроки в МАОУ г. Перми. Студенты непосредственно наблюдали обычный, стандартный урок комбинированного типа и нетрадиционный интерактивный урок по теме «Имя числительное» в 6 классе. В ходе каждого из уроков студенты должны были составить технологическую карту (в ней отражаются этапы урока, компоненты деятельности учителя, действия учеников, использованные приемы и методы работы, приемы привлечения внимания и активизации мышления школьников). Затем состоялось обсуждение урока, в ходе которого учитель ответил на все вопросы студентов. При-

ятно отметить, что помимо достижения непосредственно учебных задач это мероприятие способствовало формированию внутригрупповых коллективистских отношений, заставило студентов продемонстрировать взаимовыручку, собранность, организованность.

4. Участие в работе дискуссионного библиотечного киноклуба.

Методика организации воспитательных мероприятий может быть усвоена разными способами. Один из них – непосредственное участие в образовательных и воспитательных программах городских МОУ. В гимназии № 4 на базе библиотеки несколько лет успешно работает дискуссионный киноклуб. Работники библиотеки проводят с гимназистами просмотры и обсуждение современных документальных фильмов, появление которых вызвало в обществе определенный резонанс. Студенты направления «Педагогическое образование» явились непосредственными участниками работы этого киноклуба. Для них был организован показ и обсуждение документального фильма «Холокост – клей для обоев?» Студенты познакомились с организацией обсуждения видеofilmа, посмотрели фильм и получили возможность обсудить все увиденное. Помимо самого фильма в библиотеке были подготовлены книги по тематике кино вечера, раздаточный материал для участников. Перед показом фильма модератор мероприятия сформулировал для зрителей ключевые вопросы. Они послужили основой для последующего обсуждения. В конце были подведены итоги.

5. Коллективная разработка и проведение воспитательного мероприятия. Общеизвестно, что разработка проекта как метод интерактивной работы позволяет участникам мысленно выйти за пределы аудитории. Но более захватывающим является разработка сценария школьного мероприятия и его последующее проведение в реальных условиях. Мы решили пойти по этому пути.

Группы студентов из 3–4 человек в аудиторных условиях разрабатывали и защищали свой проект воспитательного мероприятия, построенного с использованием лингвистического материала. Следующим шагом стало проведение мероприятия в реальных условиях массовой школы. Последний этап – рефлексия. Впечатлений было много и у школьников, и у студентов.

Нельзя забывать о том, что будущие словесники, преподаватели русского языка и литературы, должны знать, каким образом лингвистический или литературный материал можно использовать для реализации воспитательных задач. Поэтому мы выбрали в основном словарный материал и подготовили мероприятия по истории пермских имен и фамилий, по фразеологизмам, по фольклорным текстам и т. д.

Какие позитивные изменения мы обнаружили в связи с использованием интерактивных форм работы в курсе «Методики обучения и воспитания (русский язык)»? Переход от традиционных форм работы к интерактивным, создание интерактивной обучающей среды действительно приводит к активизации познавательной и мыслительной деятельности. Студенты «оживают», переходят из пассивных слушателей в активных участников процесса обучения. Необычайно повышается мотивация к изучению дисциплины, развивается способность к анализу. Меняется атмосфера занятия. На практических занятиях студенты много выступают, это развивает коммуникативно-речевые компетенции. Студентам приходится думать о зрелищности, яркости подачи материала. Это развивает навыки владения современными техническими средствами и технологиями обработки информации.

Возможности использования интерактивных форм работы в курсе «Методики обучения и воспитания (русский язык)», разумеется, не исчерпываются перечисленными выше. Но то, что уже удалось осуществить, помогает изменить отношение к предмету и у студентов, и у преподавателя.

Проводить курс «Методики» в интерактивном режиме трудней, но гораздо интересней, чем в традиционном режиме. Совместная со студентами деятельность приводит к тому, что каждый раскрывается в ходе занятий как личность, вносит свой индивидуальный вклад в общий процесс изучения предмета. В ходе работы действительно происходит обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Чередование индивидуальной, парной и групповой работы способствует формированию умения выстраивать отношения «по горизонтали» (сотрудничество) и «по вертикали» (руководитель-подчиненный). Выходы студенческой группы в образовательные учреждения г. Перми устанавливают и укрепляют связь с будущей профессиональной средой.

Интерактивные формы работы способствуют формированию и укреплению студенческого коллектива. Они повышают самостоятельность, ответственность, формируют лидерские качества будущих преподавателей-словесников.

Библиографический список

Дмитриева Е. Л., Тиняков О. А., Бурдастых Е. Н., Малышева Н. С. Применение интерактивных методов в образовательном процессе высшей школы. Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 1(29). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/034-029.pdf> (дата обращения: 08.04.2017).

L. G. Kyrkunova

Associate Professor of Pedagogical Department

Associate Professor Russian Language and Stylistics Department

Perm State University

**FORMATION OF PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL ABILITIES
AND SKILLS OF PHILOLOGIST-BACHELORS DURING THE COURSE
OF “TEACHING AND EDUCATION METHODS (RUSSIAN LANGUAGE)”**

The article highlights the practical work experience of formation of professional and pedagogical bachelors' and teachers' skills acquiring during the course of “Teaching and education methods (Russian language)”. Various forms of work which increase the motivation of students and form a positive image of the future profession are considered. The author comes to the conclusion that it is impossible to form professional-pedagogical skills without using the university and city educational environment.

Key words: professional-pedagogical competence; skills of the Russian language teacher; methods of teaching and upbringing; educational environment.

Медведева Наталья Владимировна
заведующий кафедрой методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
basha_n@mail.ru

Фоминых Лариса Сергеевна
доцент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lakafo@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ТЕКСТА КАК ПРИЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ

Статья посвящена совершенствованию речевой подготовки студентов-билингвов на основе приема моделирования. Описан опыт создания информационно-содержательных моделей текста, предложен вариант работы по формированию связных ответов на основе графической опоры.

Ключевые слова: билингвизм; речевая подготовка; анализ текста; информационно-содержательная модель; графическая опора.

В Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете на филологическом факультете студенты коми-пермяцкого национального отделения обучаются в системе двухпрофильного бакалавриата и получают две квалификации: учитель родного языка и родной литературы, учитель русского языка.

Развитие личности будущего учителя тесно связано с совершенствованием его речевой подготовки. Ее системность определена целями и задачами высшего педагогического образования, выражена предметным содержанием и учебным планированием. Одной из дисциплин, формирующих коммуникативную компетенцию в аспекте лингвометодического обучения, является курс «Развитие русской устной и письменной речи».

Именно текст, используемый «в качестве высшей дидактической единицы, может стать постоянным фрагментом урока со своим особен-

ным информационным, лингвистическим и эстетическим содержанием [Дейкина, Новожилова 2001: 4]. Именно он поможет реализовать задачу развития речевых умений студентов-билингвов. Работа с текстом осуществляется в следующих лингвометодических направлениях: работа по восприятию, пониманию, анализу исходного текста с опорой на информационно-содержательные модели; порождение собственного связного высказывания на основе работы с графической опорой.

Моделирование в педагогических исследованиях трактуется по-разному: как *метод исследования* [Азимов, Щукин 2009: 145]; как *составляющая образовательной технологии*, например «Технологии интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала (В. Ф. Шаталов)»; как *метод обучения развития речи*, относящийся к группе продуктивных методов. «Моделирование языковых явлений – это не только средство отображения языковых единиц и речевых процессов, но и продуктивный метод обучения языку и речи» [Архипова 2004: 55]; как *продуктивный прием* обучения развитию связной речи: «Под моделью связного высказывания понимается общее представление о содержании и структуре текста, проявляющееся в определенных опорных сигналах (ключевых словах, словосочетаниях, предложениях)» [Воителева 2006: 207].

Совершенно очевидно, что, организуя анализ текста, учитель применяет традиционные и хорошо известные в методике приемы, которые «опираются на формальные образцы, на опорные признаки текста, на текстовые модели и речевые алгоритмы» [Архипова 2004: 58]. Эти приемы ориентируют на построение моделей текста: типовых, структурных, содержательно-информационных.

Создание моделей исходного текста обосновано учебной ситуацией на занятии. Определение разных оснований для моделирования приводит к созданию разных графических опор текста. Графическая опора может быть *информационно-содержательной*, то есть отражать различные информационные пласты, авторские идеи, смыслы, формируемые различными видами текстовой информации. Создание такой модели позволяет углубить процесс понимания исходного текста.

Как правило, на уровне первичного восприятия студентам-билингвам удастся оперировать лишь *содержательно-фактуальной* информацией, которая «... эксплицитна по своей природе, то есть всегда выражается вербально» [Гальперин 2016: 28].

Для обучения приему моделирования содержания текста бакалаврам 4 курса коми-пермяцко-русского отделения на занятиях «Развитие русской устной и письменной речи» было предложено, во-первых, про-

анализировать текст и создать его содержательно-информационную модель, во-вторых, с помощью графической опоры сформировать собственное верное суждение.

Текст был отобран из открытого банка тестовых заданий ЕГЭ [Открытый банк...: эл. ресурс]. Основаниями для выбора именно этого текста были результаты, которые продемонстрировали выпускники 11 класса школ Перми и Пермского края: сочинения-рассуждения по этому тексту были слабыми; главной причиной являлось поверхностное понимание его содержания, хаотичное манипулирование понятиями «время», «энергия», «духовность», «искусство», «труд», «мировоззрение», которые пишущий совершенно формально, как правило, по частотности употребления этих слов связывал с проблемой, не был способен понять, каким образом разворачивается логика, какие идеи обосновывают формирование авторской позиции.

Исходный текст

Человек создан на столетия, если судить **по огромной, ни с чем не сравнимой трате сил**. **Лев**, убив антилопу, в сытой дрёме **отдыхает сутки**. Могучий сохатый **после часового боя** с соперником **полдня отстаивается в чащобе**, судорожно поводя проваленными боками. Айтматовский Каранар **год копил силы**, чтобы буйствовать, неистовствовать и **торжествовать полмесяца**. Для человека подобные подвиги – **блеск мгновения**, за который он платит столь **малой толикой своих запасов**, что вообще не нуждается в отдыхе.

Цель зверя – прожить **отпущенный природой срок**. Сумма **заложенной в нём энергии** соотносима с этим сроком, и живое существо **тратит** не столько, сколько хочется, а **столько, сколько надо**, будто в нём предусмотрено некое дозирующее устройство: зверю неведомо желание, он существует по закону необходимости. Не потому ли звери и не подозревают, что **жизнь конечна**?

Жизнь зверей – это **время от рождения до смерти**: звери живут во **времени абсолютном**, не ведая, что есть и **время относительное**, в этом **относительном времени** может существовать только человек. Его **жизнь никогда не укладывается в даты на могильной плите**. Она больше, она вмещает в себя ведомые только ему **секунды, которые тянулись, как часы, и сутки, пролетевшие, словно мгновения**. И чем выше духовная структура человека, тем больше у него возможностей **жить не только в абсолютном, но и в относительном времени**. Для меня глобальной сверхзадачей искусства и является его способность продлевать человеческую жизнь, насыщать её смыслом, учить людей ак-

тивно существовать и *во времени относительно*, то есть сомневаться, чувствовать и страдать.

Это – о духовности, но и в обычной, физической жизни человеку **отпущено «горючего» заведомо больше**, чем нужно, для того чтобы прожить по законам природы. Зачем? С какой целью? Ведь в природе всё разумно, всё выверено, испытано миллионлетиями, и даже аппендикс, как выяснилось, для чего-то всё-таки нужен. А многократно превышающий потребности *огромный запас энергии* для чего дан человеку?

Я задал этот вопрос в пятом или шестом классе, когда добрёл до элементарной физики, и решил, что она объясняет всё. И она действительно всё мне тогда объяснила. Кроме человека. А его объяснить не смогла. Именно здесь кончалась прямолинейная логика знания и начиналась пугающе многовариантная логика понимания.

Я тогда, разумеется, этого не представлял, однако *энергетический баланс* не сходился, и я спросил отца, зачем-де человеку столько отпущено.

– Для работы.

– Понятно, – сказал я, ничего не поняв, но не стал спрашивать.

Это свойство – соглашаться с собеседником не тогда, когда всё понял, а когда ничего не понял, – видимо, заложено во мне от природы. Житейски оно мне всегда мешало, ибо я не вылезал из троек, сочиняя свои теории, гипотезы, а зачастую и законы. Но одна благодатная сторона в этой странности всё же была: я запоминал, не понимая, и сам докапывался до ответов, сейчас уже не столь важно, что чаще всего ответ был неверным. Жизнь требует от человека не ответов, а желания искать их.

Я пишу об этом только ради двух слов отца, определивших для меня весь смысл существования. Это стало главной заповедью, альфой и омегой моего мировоззрения. И стал я писателем, вероятно, совсем не потому, что рождён был с таким блеском в очах, а потому лишь, что свято веровал в необходимость упорного, ежедневного, исступлённого труда.

(По Б. Л. Васильеву)

Результатами работы студентов явились информационно-содержательные модели исходного текста, которые можно продемонстрировать следующими графическими вариантами (см. таблицу 1):

Варианты информационно-содержательных моделей текста

Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3

Текст предполагал анализ рассуждений автора о том, что не физическая, а в первую очередь духовная работа формирует смысл существования человека, его мировоззрение, и именно это раздвигает временные границы, позволяя человеку наполнять жизнь, ощущать ее смысл, сомневаться, чувствовать и страдать. Такова была основная идея (по критериям ЕГЭ – проблема исходного текста).

Для того чтобы прийти к такому заключению, необходимо было не только понять, как соотносятся в тексте два основных ключевых понятия: «энергия» и «время». Информационные фрагменты, которые актуализируют понятия «жизненная энергия», «время абсолютное», «время относительное», как мы видим, зафиксированы в каждой из предложенных графических информационно-содержательных моделей. Это уровень понимания *содержательно-фактуальной* информации, которая эксплицитно выражена ключевыми словами «энергия» и «время», словосочетаниями с ними; они являются частотными (в исходном тексте выделены жирным курсивом). Кроме того, необходимо было понять смыслы, связанные с понятиями времени и энергии, формирующиеся другими лексическими единицами (в исходном тексте выделены нами жирным курсивом и ограничены от соседних слов значком *).

Во всех информационно-содержательных моделях, созданных студентами на занятии, мы находим подтверждение тому, что содержательно-фактуальная информация текста освоена: она выражается в графической оппозиции *человек – животное, время абсолютное – время относительное*. Массив этого предметного содержания определен в первой части текста (1–4 абзацы) и зафиксирован во всех графических мо-

делях. Во второй части текста (5–8 абзацы) содержится значимая информация, которая не нашла своего отражения в информационно-зрительных опорах. Вероятно, сложность понимания была связана с тем, что эти смыслы не фиксируются прямыми значениями лексических единиц, их освоение определяется пониманием других, глубинных, слоев текстовой информации.

Представляет сложность работа с *содержательно-концептуальной информацией*, которая извлекается из всего текста и «представляет собой творческое переосмысление ... отношений, фактов, событий, процессов... Содержательно-концептуальная информация не всегда выражена с достаточной ясностью. Она дает возможность, и даже настоятельно требует, разных толкований. ... Таким образом, содержательно-контекстуальная информация – это замысел автора плюс его содержательная интерпретация» [Гальперин 2016: 28]. Довольно сложно происходит работа с *содержательно-подтекстовой информацией*, которая «представляет собой скрытую информацию, извлекаемую ... благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений ... приращивать смыслы» [там же].

Мы видим, что *содержательно-концептуальная и содержательно-фактуальная информация* зафиксированы только единичными элементами в *графической опоре номер 1* – «цель жизни человека в необходимости упорного, ежедневного, исступленного труда», а смысл его жизни – приобретение жизненного опыта; и в *графической опоре номер 3*: «абсолютное время» отвечает за физическую работу, «относительное время» – за работу духовную (творчество).

Практически не выявлена информация, связанная с пониманием смыслов, имплицированных в следующих сочетаниях: «духовная структура человека», «сверхзадача искусства», «смысл существования человека», «альфа и омега мировоззрения», «необходимость упорного, ежедневного, исступленного труда». И соответственно не осознана ключевая идея текста: созревание личности, взросление человека, формирование его жизненной позиции достигается в процессе не только и не столько физического, сколько интеллектуального и эмоционального «исступленного» труда.

В процессе дальнейшей работы предполагается создание графической опоры для выявления на ее основе всех видов текстовой информации, в первую очередь той, которая не была отражена в информационно-содержательной модели, и оформления связного ответа по анализу текста в устной или письменной форме.

**Модель графической опоры для создания связного ответа
на основе исходного текста**

Вид информации	Основание для анализа	Опора для создания связного ответа
1. Содержательно-фактуальная	Выделить в тексте информационный слой с помощью маркирования ключевых слов и выражений, которые помогут понять и сформулировать тему текста	1. Ключевые слова (по абзацам) Первый абзац: а) слова / выражения, непосредственно отражающие тему, _____ б) слова / выражения, связанные с выражаемыми смыслами и понятиями, опосредованно отражающими тему _____ Второй абзац: _____ и т. д. 2. Сформулировать тему (или найти готовую формулировку): _____
2. Содержательно-концептуальная	Понять основную мысль текста (проблему по критериям ЕГЭ), сформулировать ее на основе выделения ключевых слов и выражений	1. Найти и выделить во всем тексте оценочные, авторски окрашенные элементы (слова, словосочетания, фрагменты), позволяющие понять основную мысль (проблему) текста _____ 2. Самостоятельно сформулировать основную мысль (проблему) _____
3. Содержательно-подтекстовая	Найти в тексте такие слова и выражения, которые будут формировать ваше отношение (на основе индивидуальных ассоциаций, мыслей, чувств, эмоций) к сообщаемому, и на их основе создать свое рассуждение-оценку позиции автора. Привести не менее двух собственных примеров (аргументов)	1. Сформулировать отношение автора к проблеме текста _____ 2. Найти слова/выражения/фрагменты, помогающие сформировать собственное отношение _____ 3. Соотнести собственное мнение с авторским на основе рассуждения-оценки _____ 4. Подтвердить свое отношение собственными примерами (аргументами). Создать связный ответ. _____

Таким образом, обучение составлению информационно-содержательных моделей текста актуализирует его понимание, позволяет научиться выявлять не только содержательно-фактуальную информацию, но и содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую, а работа с графической опорой по созданию связного ответа позволит совершенствовать речевую подготовку студентов на этапе осмысления разных слоев информации и формировать собственное связное высказывание на основе понимания его содержания.

Библиографический список

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.

Архипова Е. В. Основы методики развития речи учащихся: учеб. пособие для студ. пед. вузов. М., 2004. 192 с.

Воителева Т. М. Теория и методика обучения русскому языку: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа. 2006. 319 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд.9-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 144 с.

Дейкина А. Д., Новожилова Ф. А. Тексты-миниатюры на уроках русского языка: Пособие для учителя / А. Д. Дейкина, Ф. А. Новожилова. 3-е изд., М.: Флинта, Наука, 2001. 144 с.

Меженко Ю. С. Методическая система В. Ф. Шаталова в обучении русскому языку. Серия «Русский язык». М.: Научно-методическое объединение «Творческая педагогика», МП «Новая школа», 1992. 63 с.

Открытый банк тестовых заданий ЕГЭ. Речь. URL: <http://www.fipi.ru/content/otkrytyy-bank-zadaniy-ege> (дата обращения: 05.04.2017).

N. V. Medvedeva

Head of Russian Language and Literature Education Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

L. S. Fominykh

Associate Professor of Russian Language and Literature Education Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

CREATION OF INFORMATION-CONTENT MODELS OF THE TEXT AS METHOD OF PERFECTION OF SPEECH SKILLS OF STUDENTS-BILINGUES

The article is devoted to the improvement of speech preparation of bilingual students on the basis of modeling method. The experience of creation of information-content models of the text is described, the variant of work on formation of coherent answers on the basis of graphic support is offered.

Key words: bilingualism; speech skills; text analysis; information-content model; graphic support.

Рябухина Елена Анатольевна
профессор кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
e_ryabukhina@mail.ru

АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ К ТЕКСТУ В ОБУЧЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются аспекты обращения к тексту в обучении старшеклассников речевой деятельности. Ведущая роль отводится рассмотрению текста как единицы общения. Также подчёркивается значимость анализа текста как единицы высшего уровня языка. Автор представляет некоторые способы работы с теоретическими сведениями о тексте и приемы развития умений его анализа.

Ключевые слова: текст как единица высшего уровня языка; текст как единица общения; речевая деятельность; лингвистический анализ текста; функционально-стилистический аспект обращения к тексту.

В большинстве современных методических концепций обучения речи главенствующая роль отводится тексту (высказыванию). Т. М. Воителева, например, подчёркивает, что текст в обучении «является не только дидактической единицей.., но и ориентировочной основой для любого вида речевой деятельности» [Воителева 2006: 210]. Т. М. Пахнова называет текст средством создания развивающей речевой среды [Пахнова 2000: 3]. Рассмотрим аспекты обращения к тексту в процессе обучения старшеклассников речевой деятельности в соответствии с требованиями образовательного стандарта второго поколения.

В части лингвистических исследований, изучающих текст как единицу языка, его определяют как статичный объект, уже состоявшийся результат речевой деятельности (И. Р. Гальперин, Н. Д. Зарубина, О. И. Москальская, Е. И. Шендельс и др.). Другая лингвистическая концепция связана с признанием текста (высказывания) в первую очередь единицей общения (М. М. Бахтин, А. А. Леонтьев, И. Р. Лурия, И. А. Зимняя и др.). Как отмечает следом за М. М. Бахтиным Н. А. Ипполитова, «чтобы стать единицей общения, этот «знаковый комплекс» должен стать высказыванием, т. е. единицей, обладающей замыслом, предметным содержанием, завершённостью, смыслом (а не просто значением). Высказывание требует ответного понимания, а потому существует только в ряду других высказываний» [Ипполитова 1998: 12].

Для обучения старшеклассников речевой деятельности мы считаем особенно актуальным утверждение М. М. Бахтина о том, что всякий связный знаковый комплекс можно рассматривать и в системе языка, как грамматическое явление, и «в целом индивидуального высказывания и речевого жанра», как речевое явление. Эти две точки зрения «не должны быть взаимно непроницаемыми друг для друга и не должны просто механически сменять друг друга, но должны органически сочетаться... на основе реального единства языкового явления» [Бахтин 1979: 244].

Методическая система обучения теории и практике речи на основе главенствующего в новом школьном стандарте компетентностного подхода связана с первоочередным рассмотрением текста как единицы общения. Что же необходимо знать учащимся о тексте как явлении динамическом, создающемся в процессе общения в конкретной коммуникативной ситуации с ориентацией на определенного слушателя или читателя?

Каждый создаваемый текст рассчитан на чье-либо восприятие. Имея коммуникативное намерение, предмет речи, цель высказывания, его автор учитывает условия протекания коммуникации: сферу и ситуацию общения, знания и речевой опыт адресата, особенности его коммуникативного поведения, что позволяет выбрать форму речевого высказывания, способ развертывания мысли, соответствующие языковые средства и приводит к достижению адекватного результата в восприятии речи. Объясняя сущность текста как единицы общения, мы считаем необходимым обратить внимание старшеклассников на то, что «в тексте заключена деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие. <...> Таким образом, текст оказывается одновременно результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя интерпретатора)» [Валгина 2003: 8]. Очень важно научить будущих выпускников видеть за текстом взаимосвязанную триаду: автор (производитель текста) – текст (материальное воплощение речемыслительной деятельности) – читатель / слушатель (интерпретатор).

Когда в процессе восприятия текста слушающий или читающий пытается понять смысл высказывания, учитывая его проблему, идею, способы выражения авторской позиции, то в силу индивидуальности восприятия он не может сделать это с абсолютной точностью, вот почему возникающее у воспринимающего текст понимание называется интерпретацией. Рассматривая текст в динамическом аспекте, мы формируем у школьников представление об обратной связи в текстовой деятельности, когда интерпретатор закономерно становится автором текста, вызванного к жизни услышанным или прочитанным, а создатель исход-

ного текста может оказаться в роли читателя (слушателя). Именно эта особенность позволяет использовать текст в обучении как для развития умений речевосприятия, так и для развития умений текстопорождения.

Не вызывает сомнений необходимость рассмотрения текста в обучении также и в статическом аспекте. Старшеклассники должны продолжить изучение характеристик текста как единицы высшего языкового уровня. Это необходимо не только для развития умений адекватного восприятия устной и письменной речи, но и для совершенствования качества порождаемых текстов. Пополнение знаний может начинаться с осмысления признаков текста, отличающих его от других языковых единиц: выразительности, ограниченности, связности, цельности, структурности (упорядоченности), информативности [Гальперин 2005: 47].

Центральное место в рассмотрении текста как единицы высшего языкового уровня занимает работа над смыслом: «его передачей в процессе создания текста или его познанием в процессе восприятия высказывания» [Педагогическая риторика 2001: 151]. Именно смысловой анализ позволяет совершенствовать умения определения темы, микротем (ключевых слов), идеи (основной мысли); в тексте все эти компоненты воплощаются при помощи языковых средств и определенной структурной организации (композиции). Мы полагаем, что дополнительные сведения для старшеклассников о строении текста должны включать информацию о его минимальных смысловых единицах – сверхфразовых единствах (в ряде исследований – сложных синтаксических целых): это поможет точнее, чем при опоре только на абзац, выявлять ключевые слова и наблюдать за развитием мысли в тексте.

Рассмотрение текста на языковом уровне позволяет проанализировать виды информации, заключённой в нем (И. Р. Гальперин); углубить представления старшеклассников о функционально-смысловых типах речи и зависимости композиции текста от их сочетания; сформировать умения определять роль единиц различных языковых уровней в передаче авторского замысла, выявлять способы связи предложений текста и более крупных его частей и средства связи. Одним из методов работы с текстом как уже состоявшимся результатом речевой деятельности является его лингвистический анализ. Однако глубина такого анализа, проведённого учащимся, зависит не только от внимания к деталям и хорошего знания изобразительно-выразительных средств языка, но и от умения объяснить зависимость отбора языковых средств и композиционных форм от прогнозируемого автором эффекта воздействия на читателя (слушателя).

Таким образом, процесс обучения старшеклассников речевой деятельности предполагает познание особенностей текста как в коммуника-

тивном, так и в языковом аспекте. Как указывал А. А. Леонтьев, «текстовая деятельность всегда непосредственно связана с какой-либо другой деятельностью человека – интеллектуальной или практической – она является средством осуществления этой другой деятельности и, собственно говоря, существует только потому, что «обслуживает» социальные потребности человека» [Леонтьев 1969: 23]. Социальная природа текстовой деятельности обуславливает интеграцию коммуникативного и лингвистического аспектов рассмотрения текста в рамках его функционально-стилистического анализа. Суть этого анализа заключается в учете экстралингвистических факторов порождения текста наряду с лингвистическими. Именно функциональная стилистика помогает выявлению условий общения, в которых создавался текст, установлению зависимости выбора определённой жанровой формы текста и используемых в нем языковых средств от цели высказывания, раскрывает связи статических (языковых) и динамических (речевых) характеристик текста. Функционально-стилистический аспект обращения к тексту, используемому в обучении, способствует более глубокому проникновению в смысловые структуры текста, подводит к пониманию авторского замысла и обеспечивает цикличность деятельности учащихся от текстовосприятия к текстопорождению.

Продемонстрируем возможности реализации различных аспектов обращения к тексту на одном из примеров, включённых в апробацию методической системы обучения старшеклассников речевой деятельности.

Стропила

– Здравствуйте, барин, мое почтение. Как поживаю-то? Да не бог весть как. Все мотаюсь, мещанствую. С ярманки на ярманку, с базара на базар... А ведь уже под сорок, – вы не глядите, что я такой борзой, на ногу легкий. Одно спасенье, что своя хибарка есть, – случается, и совсем голодный придешь, ну, а все-таки домой... хотя, по совести сказать, скука мне дома теперь, не приведи Бог. Сами знаете наше слободское житье: сушь, жара, дни долгие... А дом пустой: жену схоронил, детей схоронил, одна мамаша покамест жива. Но только и мамаша последнее время не больно радуется: едва ноги таскает по горнице, слаба стала до крайности, слухом и зрением и того слабей, интереса или соображения – ни малейшего, худа, хоть в гроб клади. Ведь какая была женщина! По дородству, по статности прямо игуменьей быть. А теперь – никуда: одни стропила остались...

И. А. Бунин, 1930.

Выбор текста обусловлен возможностью работы с ним как в аспекте речевого, так и в аспекте языкового анализа. Одиннадцатиклассники знакомы с биографией и творчеством И. А. Бунина. Произведения этого писателя отличаются ярко выраженным аксиологическим потенциалом, четкостью композиции, языковым богатством и часто используются для анализа как образцовые художественные тексты. Выбранный нами текст относится к циклу «Краткие рассказы», который создан писателем в эмиграции и необыкновенно показателен с точки зрения художественного воплощения авторской позиции. Кроме того, краткость текста позволяет работать с ним на уроке русского языка.

В аспекте рассмотрения **текста как речевого высказывания** могут решаться вопросы экстралингвистических факторов, обусловивших выбор темы и путей развертывания текстового содержания. Здесь, как уже отмечалось, целесообразно выявить авторскую интенцию, предмет речи, цель высказывания и предполагаемого адресата. Работая с текстом в коммуникативном аспекте, мы говорим о прогнозируемом автором эффекте воздействия на читателя, выборе соответствующей формы высказывания (в данном примере очень интересна форма диалогизированного монолога) и связанном с этим отбором языковых средств.

В аспекте рассмотрения **текста как единицы высшего языкового уровня** мы прежде всего восстанавливаем необходимые для понимания текста фоновые знания, анализируем смысл названия рассказа, соотносим тему, основную мысль и микротемы. Наблюдая за развёртыванием основной мысли, отслеживаем способы и средства связи предложений текста. При анализе рассказов Бунина нами неоднократно применялся прием выявления фактуальной, концептуальной и подтекстовой информации с целью более глубокого проникновения в смысл текста, что целесообразно и в этом случае.

Выявление подтекстовой информации невозможно без возвращения к вопросу об экстралингвистических факторах, определяющих смысловые доминанты текста. Анализ единиц различных уровней языка, используемых для передачи каждого вида информации, поможет скорректировать и углубить понимание текста.

Для развития текстопорождающих умений после анализа текста можно предложить задание по созданию высказывания на одну из тем: «Смысл заглавия текста», «Как в рассказе “Стропила” проявилось мастерство Бунина-писателя?», «Монолог или диалог?».

Проведённая в рамках нашего исследования работа по развитию речевой деятельности старшеклассников на основе компетентного подхода подтвердила целесообразность сочетания коммуникативного и лингвистического аспектов рассмотрения текста с целью углубления ре-

человеческих знаний и совершенствования способов текстовой деятельности у выпускников общеобразовательной школы.

Библиографический список

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 250 с.

Воителева Т. М. Теория и методика обучения русскому языку: учебное пособие для вузов. М.: Дрофа, 2006. 319 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.

Ипполитова Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе: учеб. пособие для студ. педвузов. М.: Флинта: Наука, 1998. 176 с.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Пахнова Т. М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // Русский язык в школе, 2000. № 4. С. 3–11.

Педагогическая риторика: учеб. пособие / Под ред. Н. А. Ипполитовой. М.: МПГУ, 2001. 388 с.

E. A. Ryabukhina

Professor of Russian Language and Literature Education Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

ASPECTS OF THE TREATMENT TO THE TEXT IN THE TRAINING PUPILS OF THE SENIOR CLASSES OF SPEECH ACTIVITY

The article analyzes aspects of the treatment to the text in the training of students speech activity. The leading role is given to the consideration of the text as units of communication. The importance of analyzing the text as a unit of the highest level of language is also emphasized. The author presents some ways of working with theoretical information about the text and techniques for developing skills of analysis.

Key words: text as a unit of higher level language; text as a unit of communication; speech activity; linguistic text analysis; functional-stylistic aspect of treatment to the text.

Соловьева Наталья Васильевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
biserova@bk.ru

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЦИТАТЫ (на материале научных текстов)

В статье рассматривается полемическая функция цитаты, понимаемая как выражение несогласия с позицией Другого. Формулируется вывод об уменьшении количества цитат в этой функции; обосновываются причины, которые прямо или косвенно влияют на снижение полемичности в научных текстах. Обсуждаются способы повышения качества научных публикаций, в том числе и в отношении цитирования.

Ключевые слова: полемическая функция; цитата; оценка; научный текст; качество научных публикаций.

М. М. Бахтин писал, что «наша жизненно-практическая речь полна чужих слов: с одними мы совершенно сливаем свой голос, забывая, чьи они, другими мы подкрепляем свои слова, воспринимая их как авторитетные для нас, третьи, наконец, мы населяем своими собственными чуждыми или враждебными им устремлениями» [Бахтин 1975: 16]. Это высказывание актуально применительно к любой сфере употребления, в том числе и научной. В данной статье речь пойдет о третьем направлении, указанном классиком. В качестве чужих слов выступают цитаты, в качестве материала исследования – научные тексты.

Цитата – термин, который не получил однозначного толкования в трудах ученых, существует узкое и широкое понимание цитаты. Мы отдаем предпочтение узкому значению, понимая цитату как дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, которое маркируется графически и имеет указание на источник цитирования.

Актуализируя различную информацию, цитаты в научных текстах выполняют разные функции. В ряде исследований, посвященных изучению чужой речи, количество этих функций варьируется от 3 до 8 [Баженова 1988; Михайлова 1999; Прохвятилова, Вотрина 2011; Чернявская 1999; Шагеева 2005], причем, на наш взгляд, не всегда оправданно.

Поддерживая точку зрения о полифункциональности цитаты, считаем целесообразным выделить 4 основные функции: аксиологическая (оценочная), аргументирующая, иллюстративная, конструктивная. По-

лемическая функция представляет собой разновидность оценочной функции и проявляется при конфликтных диалогических отношениях, включающих критику, иное мнение, несогласие. Приведем примеры.

1) *Сказанное не позволяет согласиться с тем, что «понятие структурно-лексической основы снимает проблему отграничения предложения от слова и словосочетания в ее традиционной постановке» (Б.А. Абрамов 1974: 52). Напротив, мы думаем, что лексико-грамматическая организация предложения и словосочетания различны (Арутюнова, 13).*

2) *В разные исторические эпохи и у разных народов литературный язык действительно не одинаков. Однако это не может служить основанием для ограничения периода существования литературного языка какими-то узкими историческими рамками. Между тем, например, А. В. Исаченко в статье «К вопросу о периодизации истории русского языка» ... заключает: «Термин “древнерусский литературный язык” является, на наш взгляд, *contradictio in adjecto*». Исследователь считает, что литературный язык в России возник «... лишь в течение XVIII века».*

Невозможно согласиться с такой постановкой вопроса. Здесь историческое полностью вытесняет психологическое (Будагов, 14).

Специфика письменной научной речи требует определенного оформления полемических отношений – соблюдение принципа толерантности, что выражается в широком использовании способов не прямой коммуникации (термин В. В. Дементьева), ориентации на некатегоричность изложения: *В некоторых концепциях наблюдается тенденция к ослаблению наиболее фундаментального семиотического различия между категориями языка и действительности... Это, по-видимому, обусловлено тем, что действительность фигурирует в семантических схемах не в ее «сыром» облике, а уже пропущенная через классифицирующую и абстрагирующую деятельность человеческого сознания... Неясностью границы между языком и реальностью, как можно предположить, объясняется склонность ряда логиков, особенно К. Льюиса, к «динамизированной» форме многих терминов...*

Применительно к целиком взятому предложению, семантика которого опирается на предикат, проблема денотации не находит естественного разрешения. Именно это объясняет изложенную выше точку зрения Льюиса (представляющую собой модификацию взглядов Фреге), согласно которой денотация предложения охватывает мир или является пустой. Такое ничем не ограниченное представление денотата предложения свидетельствует, как кажется, об избыточности понятия денотация для теории значения предложения... (Арутюнова, 35–37).

Действительно, положительная оценка в научных текстах практически свободна от этических табу, отрицательная же нуждается в импликациях.

Диахронно-сопоставительный анализ материала исследования (научных текстов по лингвистике трех периодов – XIX, XX и XXI веков) показал, что на фоне общего увеличения количества цитат в научных текстах XXI века происходит уменьшение количества цитат в полемической функции (более подробно см.: [Соловьева 2016]). Ведущей для научных текстов становится конструктивная функция цитаты. С одной стороны, это вполне закономерно и объективно: объем знания увеличивается, и многие идеи, определения, утверждения используются в готовом виде, а не формулируются заново. Однако в готовом виде используются и высказанные кем-то критические замечания без сопутствующего авторского заключения, и даже выводы: *Как показывают исследования Е. А. Гришиной, «полные синонимы здесь и тут различаются по двум параметрам. Во-первых, наличием или отсутствием дистанции между субъектом и объектом указания (для здесь такая дистанция более характерна, чем для тут: здесь употребляется в ситуации, когда объект указания находится близко к говорящему, но вне его личной сферы; в случае же употребления наречия тут говорящий позиционирует себя внутри объекта указания). Во-вторых, здесь и тут различаются типом объекта указания: для здесь характерна трактовка объекта указания как некоторой точки, черного ящика, своего рода “черной капсулы”; наречие тут трактует объект указания как развивающийся во времени трехмерный объект. Иными словами, здесь указывает на некоторое место, а тут указывает на событие, протекающее в некотором месте» [Гришина 2012]. Это подтверждается и нашими данными.*¹ Как следствие, с другой стороны, возникают ситуации «избыточного» цитирования. Это, как объясняет Е. Garfield, «может быть вызвано стремлением автора поднять свою собственную репутацию, связав свою работу с более крупными исследованиями, или стремлением избежать ответственности, ссылаясь на работы других авторов» [Garfield 1977: 6]. Быть может, но в результате ослабевает полемическая составляющая такого научного текста.

Ослаблению полемической функции цитаты способствуют и другие причины, многие из них связаны с протекающими в современном научном дискурсе процессами.

1. Специфика гуманитарного знания [не причина, а объективный факт – Н. С.]. Гуманитарное знание отличается от естественнонаучного качеством и процедурами доказательства. В гуманитарном знании неизбежен плюрализм и множественность перспектив видения объективной

реальности и, значит, моделей описания. Осознание ученым этого факта зачастую не позволяет ему быть полемично настроенным.

2. Специфика процедуры «критика». Критика должна быть конструктивной и включать 2 момента: негативный (отрицание старого знания) и позитивный (обоснование опровержения и предложение новых решений, предъявление собственной позиции). Сделать так гораздо сложнее, чем просто пойти вслед за кем-то или выразить несогласие словами Другого. В результате можно говорить об ослаблении функций критического мышления.

3. «Информационный бум», вызванный ускорением роста научного знания и увеличением объема научной продукции. В условиях «информационного бума», когда информации слишком много, не просто осуществить ее критический анализ, невозможно быть абсолютно уверенным в критической оценке. Автору сложно утверждать, что все сообщения, необходимые для работы, достигли его, потому что каждый ученый находится в своеобразной «информационной скорлупе» [Кара-Мурза 1981]. Целый ряд барьеров препятствует проникновению нужной информации: незнание языка (работы на незнакомом языке становятся недоступными); предвзятое мнение о научных достоинствах того или иного журнала; неудачный заголовок как причина невостребованности научного текста [Котюрова 2015].

4. «Размытость» проблемного поля. В имеющемся материале научной информации сложно найти мысли, которые можно оспорить, так как резко упало качество научных публикаций. Как пишет В. Е. Чернявская, «только пятая часть публикаций сохраняет должную модель исследовательской статьи. В большинстве проанализированных статей граница известного и “своего” знания ... не дифференцирована вообще. Новизна авторского результата замещается многократным повтором и тиражированием известного содержания, циркулярными определениями по замкнутому кругу» [Чернявская 2015].

Очевидные изменения в научном дискурсе приводят к необходимости задуматься над вопросом о способах повышения качества научных публикаций, в том числе и в отношении полемической функции цитаты.

Например, ужесточение требований к публикациям, в частности, усовершенствование модели научной статьи, где станет обязательной полемическая составляющая. При этом заметим, что в отношении цитирования уже вводились ограничения – «для подтверждения достоверности своих выводов и рекомендаций не следует приводить высказывания других ученых, поскольку это свидетельствует о том, что идея исследователя не нова, была известна ранее и не подлежит сомнению»², – но их обходят, изобретая «технологии». Значит, нужна более действенная модель.

Призывы к научной добросовестности остаются призывами. Узус формирует новые представления о научной добросовестности, становится не только «приличным», но и обязательным ссылаться на собственные работы; «научная статья из единицы измерения продуктивности ученого и средства оперативного представления нового знания превращается в своего рода товар» [Чернявская 2015].

В качестве одного из возможных выходов представляется развитие интегральности в лингвистических исследованиях – проведение комплексных междисциплинарных исследований с учетом взаимодействия различных областей лингвистики, что, на наш взгляд, позволит расширить проблемное поле и увеличить полемический потенциал научных текстов.

Иначе говоря, необходимы серьезные как внутренние, так и внешние механизмы преобразования научной деятельности и повышения качества ее результата.

Примечания

¹ Из этических соображений мы не указали ссылку на источник цитирования.

² Приводится цитата из перечня требований, предъявляемых к публикациям в журналах, рекомендованных ВАК.

Список цитируемых источников

Абрамов Б. А. Структурно-лексическая основа предложения // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (тезисы докладов секционных заседаний). М.: АН СССР, 1974. С. 52.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М.: Изд-во «Высшая школа», 1967. 376 с.

Гришина Е. А. Здесь и тут: корпусной и жестикюляционный анализ полных синонимов // Русский язык в научном освещении. 2012. № 23. С. 39–71.

Библиографический список

Баженова Е. А. Способы экспликации и функции чужой речи в научном тексте // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. С. 83–92.

Бахтин М. М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 6–71.

Кара-Мурза С. Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Вестник АН СССР. 1981. № 5. С. 68–75. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/citation/karmurza.ssi> (дата обращения: 22.03.2017).

Котюрова М. П. Неудачный заголовок – причина невостребованности научной публикации // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 21 апреля 2015 г.) /отв.

ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 22–27.

Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.

Прохватилова О. А., Вотрина Е. Н. Функционирование средств внутренней диалогичности в научных текстах XX века (синхронно-диахронический аспект) // Вестник Волг. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2(14). С. 186–191.

Соловьева Н. В. О функциях цитат в научных текстах // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов под ред. проф. М. П. Котюровой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. Вып. 20. С. 72–84.

Чернявская В. Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999. 209 с.

Чернявская В. Е. Цена и ценность. Чем измерить значимость работы ученого-гуманитария? // Поиск. № 48(2015). Публикация от 27.11.2015. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/16662/> (дата обращения: 20.03.2017).

Шагеева А. А. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.

Garfield E. To cite or not to cite: a note of annoyance // Current Contents. 1977. Vol. 9, № 35. P. 5–8.

N. V. Solovyova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

POLEMIC FUNCTION OF THE QUOTATION (on the material of scientific texts)

The article deals with the polemical function of quotation, which is understood as expression of disagreement with the Another's position. The conclusion about reduction in the number of quotations in this function is drawn. The reasons which directly or indirectly influence decrease of polemic discussion in scientific texts are proved. The ways of improvement of scientific publications' quality including citation are discussed.

Key words: polemic function; quotation; assessment; scientific text; quality of scientific publications.

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
m555a@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СПОСОБОВ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДОКУМЕНТАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В статье характеризуются способы правового воздействия: запрет, дозволение, позитивное обязывание, рекомендация, констатация и др. Описываются языковые средства выражения этих способов в текстах различных жанров. Делается вывод о том, что ведущая тональность документа формируется доминированием в нем того или иного способа правового воздействия.

Ключевые слова: функциональная стилистика; лингвистика текста; официально-деловой стиль; деловой текст; способы воздействия.

Основная функция права заключается в регулировании общественных отношений. В деловых текстах (прежде всего законодательных) закрепляется воля государства, отдельных органов власти и должностных лиц, при этом посредством деловых текстов оказывается воздействие на поведение граждан. Органы исполнительной власти осуществляют государственное управление, которое, в частности, подразумевает применение и исполнение Конституции РФ и законов, организацию деятельности в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах, соблюдение и реализацию прав и свобод граждан и мн. др. [Бахрах и др. 2005: 38–44]. Именно для того чтобы в действительности выполнять все эти функции, документы исполнительной власти должны быть качественными: доступными, понятными и, наконец, написанными правильным русским языком (ср. мнение ректора СПбГУ, докт. юрид. наук, проф. Н. М. Кропачева и канд. юрид. наук, доц. СПбГУ С. А. Белова в: [Белов, Кропачев 2016]). Высокая социальная значимость обуславливает необходимость изучения лингвистических особенностей этих текстов, выявление наиболее эффективных языковых средств в них.

В настоящей статье представлены результаты анализа документов исполнительной власти с точки зрения выражения в них способов юридического воздействия на различных субъектов права. В качестве мате-

риала используются документы разных жанров: указ, приказ, правила, положение, письма-ответы на обращения граждан, официальная информация, пресс-релиз, – каждый из которых характеризуется особой интенциональной направленностью.

В юриспруденции описаны различные способы юридического воздействия, среди которых выделяют основные и дополнительные. К основным способам относят запрет, дозволение и позитивное обязывание [Шаргородский, Иоффе 1957; Сорокин 1976; Бошно 2014]. В отношении дополнительных способов правового воздействия среди правоведов нет единства мнений: исследователи называют утверждение, рекомендацию, поощрение, стимулирование, ограничение, констатацию, гарантию и др. Как видим, основные способы правового воздействия соотносятся с выделяемыми в логике и грамматике русского языка типами деонтической модальности (возможности, необходимости и запрета) [Ивин 1997; Виноградов 1975; Русская корпусная грамматика: эл. ресурс].

В документах исполнительной власти способы правового воздействия эксплицируются языковыми средствами, обладающими способностью передавать различные оттенки семантики волеизъявления. Причем одни языковые единицы наиболее последовательно проявляют значение соответствующего способа воздействия, другие – находятся на периферии, лишь приблизительно представляя его семантику. Взятые в совокупности, эти средства формируют в тексте субполе волеизъявления, которое в единстве с другими компонентами структуры текста создает воздействующий потенциал и реализует коммуникативный замысел коллективного автора.

1. Запрет как способ правового воздействия устанавливает обязанность для субъектов права воздержаться от совершения действий, не допускать определенного поведения [Алексеев 1999: 356]. Основными языковыми средствами выражения запрета в деловых текстах оказываются: лексемы с семантикой запрета (*запрещается, запрещено, запрет*); устойчивые сочетания с отрицательной частицей *не* (*не может* + инфинитив, *не вправе* + инфинитив, *не допускается* + инфинитив); пассивные конструкции с глаголами *запрещаться, не допускаться* и др.

Приведем пример: *На территории национального парка запрещается любая деятельность, которая может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного и животного мира, культурно-историческим объектам и которая противоречит целям и задачам национального парка...*

Из примера видно, что автор документа устанавливает запрет на осуществление социально неблагоприятных действий, в тексте запрет обычно сопровождается аксиологическим описанием этих действий с

использованием оценочной лексики или устойчивых оборотов деловой речи (*нанести ущерб, противоречить целям и задачам*).

2. Дозволение как способ юридического воздействия предполагает предоставление лицу права выбрать вариант поведения. Полученная при дозволении свобода не является абсолютной и беспредельной, дозволение обязательно «включает в себя элемент императивности, то есть уже содержит в себе некоторые ограничения», и поэтому назначением данного способа регулирования становится побуждение субъекта к действию – путем убеждения «в его целесообразности, выгоды, актуальности» [Игнатенкова 2006: 10–11].

Типичными средствами экспликации дозволения являются: лексемы, реализующие значение 'регламентированная свобода действий' (*дозволяться, допускаться, вправе, право, полномочия и др.*); стереотипные обороты (*дозволяется / допускается + инфинитив / отглагольное существительное, вправе + инфинитив, иметь право + инфинитив, правомочны + инфинитив, может быть + кр. причастие*).

Например: *Член Комиссии в случае невозможности присутствия на заседании **имеет право** заблаговременно представить свое мнение по рассматриваемым вопросам в письменной форме; К соисканию ученой степени кандидата наук **допускаются** лица, получившие от организации по месту выполнения диссертации положительное заключение по диссертации, предусмотренное пунктом 16 настоящего Положения.* Примеры показывают, что предоставление лицу права на совершение какого-либо действия всегда сопровождается детальным описанием условий реализации этого права: так, член комиссии может выразить свое мнение, но обязательно *заблаговременно* и только *в письменной форме*; лицо может быть допущено к соисканию ученой степени, но только в том случае, если оно получило *от организации по месту выполнения диссертации положительное заключение по диссертации*.

3. Позитивное обязывание заключается в возложении на субъектов права обязанности выполнять предписанные документом действия.

Обязывание в деловых текстах реализуется: лексемами соответствующей семантики (*должен, обязан, обязанность, приказ, приказывать, постановление, постановить, указ и др.*); инфинитивами, глаголами в форме настоящего времени в значении «настоящего предписания»; устойчивыми сочетаниями с модальными предикативами (*обязан + инфинитив*); пассивными конструкциями и инфинитивными предложениями:

*В соответствии со статьей 14 Воздушного кодекса Российской Федерации Правительство Российской Федерации **постановляет**:*

1) ***Утвердить** прилагаемое Положение о Единой системе организации воздушного движения Российской Федерации...* Глагол *постанов-*

ляет с семантикой долженствования, обязательности, находясь в препозиции, распространяет свое влияние на перечислительный ряд инфинитивных предложений.

*Первичный инструктаж на рабочем месте **проводится** с каждым работником индивидуально лицом, ответственным за пожарную безопасность подразделения.* Пассивные конструкции выдвигают на первое место действие, акцентируют внимание адресата на обязательности его совершения, при этом способствуют отвлечению от конкретного субъекта. Глагол в форме настоящего времени *проводится* в контексте документа приобретает специфическое для деловых текстов значение предписания – ‘должен проводиться’.

4. Рекомендация, совет являются дополнительными способами правового воздействия. Среди основных средств выражения этих способов назовем лексемы *рекомендовать, советовать, совет, предлагать*.

Являясь некатегоричной формой волеизъявления, рекомендация, совет (и просьба) требуют дополнительных средств усиления воздействия на адресата. Это могут быть прилагательные с семантикой значимости, необходимости (*важный, значимый, необходимый* и др.): **Необходимым** условием формирования земельных участков для проведения торгов (конкурсов, аукционов) является отсутствие прав третьих лиц на такие земельные участки.

В функции усиления выступают и активно используемые в письмах-ответах исполнительной власти на обращения граждан языковые средства, демонстрирующие внимание власти к проблеме гражданина и заинтересованность должностного лица в ее решении: *К сожалению.., В Вашем случае лучше.., Предлагаем Вам.., Удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным, Мы вынуждены сообщить Вам, что.., Благодарим за...* Все эти средства выражают доброжелательное отношение составителя текста к адресату, при этом наиболее частотны среди них вводные слова с семантикой сожалению (*к сожалению*) и завершающие письмо этикетные формулы со значением благодарности.

5. Констатация означает фиксирование в документе юридически значимого факта. Более категоричным вариантом констатации является установление, которое предполагает, во-первых, констатацию определенного изменения в социальной практике и, во-вторых, провозглашение нового состояния объекта как обязательного, закрепленного законом: *Отдел является функциональным подразделением администрации города Перми. Отдел не обладает статусом юридического лица. Отдел подотчетен главе администрации города Перми и находится в оперативном подчинении руководителя аппарата администрации города*

Перми. Основным средством выражения этого типа правового воздействия выступают статальные глаголы в форме настоящего времени и соответствующие краткие причастия.

Все описанные способы воздействия объединяет тональность волеизъявления, которая характерна для документных текстов. Однако исполнительная власть, реализуя функцию государственного управления, создает не только документные тексты, положения которых обязательны для соблюдения различными субъектами права. Пресс-релизы в электронных и печатных СМИ, всевозможные брошюры для граждан тоже имеют целью воздействие на адресата, но уже не правовыми, а какими-то другими способами – психологическими, логическими и т. д., формируют у адресата позитивные эмоции, вызывают положительные чувства.

Приведем для примера пресс-релиз с сайта администрации города Перми о новогоднем празднике для лучших школьников: *Разноцветную гирлянду на главной городской елке зажгли пермские школьники, показавшие высокие результаты в учебе, творчестве, спорте. Заложить такую традицию предложил глава Перми Дмитрий Самойлов. Имена ребят определили жители города путем открытого интернет-голосования.* Очевидно, что коммуникативной интенцией автора данного текста является информирование. С помощью глаголов в форме прошедшего времени читателя информируют о прошедших событиях с участием главы города Перми. На первый взгляд, форма сообщения имеет нейтральный характер. Однако при внимательном рассмотрении мы наблюдаем явную положительную направленность: в тексте используются оценочные слова и выражения, интенсификаторы, коннотативно нагруженная лексика. Все языковые средства ориентированы на создание позитивного отношения к описываемым событиям и их организаторам – представителям власти.

Таким образом, основные способы юридического воздействия выражаются в текстах документов ядерными языковыми средствами функционально-семантического поля волеизъявления, наиболее последовательно реализующими семантику предписания. Эти способы находят выражение в ядерных жанрах делового функционального макростилия. Вспомогательные способы воздействия, полностью «оправдывая» свое название, реализуются периферийными языковыми средствами, соответственно применяются в периферийных для делового стиля жанрах и в целом реализуют дополнительные интенции авторов-составителей документов, например, информировать граждан о деятельности представителей исполнительной власти и тем самым формировать положительный

имидж власти. Доминирование в каждом жанре того или иного способа воздействия формирует его ведущую тональность.

Библиографический список

Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.

Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 800 с.

Белов С. А., Кропачев Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон. 2016. № 10. С. 100–112.

Бошно С. В. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. 2014. № 3. С. 52–60.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.

Игнатенкова К. Е. Дозволение как способ правового регулирования: дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2006. 229 с.

Модальность // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/node/59#11> (дата обращения: 10.04.2017).

Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. 384 с.

Сорокин В. Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. 143 с.

Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101–110.

M. A. Shirinkina

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

LINGUISTIC EXPRESSION WAYS OF LEGAL ACTION IN THE DOCUMENTS OF THE EXECUTIVE POWER

The article describes the methods of legal influence: prohibition, permission, positive obliging, recommendation, ascertaining, etc. The language means of expression of these methods in texts of various genres are described. It is concluded that the leading key of the document is formed by the domination of one or another method of legal influence in it.

Key words: functional stylistics; text linguistics; officially-business style; business text; methods of influence.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 070:316

Антипина Зоя Сергеевна
старший преподаватель кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

Пустовалов Алексей Васильевич
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
theyareeverywhere@gmail.com

КОМЬЮНИТИ-МЕДИА ПЕРМСКОГО КРАЯ: «ОБЩИНОЙ, ДЛЯ ОБЩИНЫ И ОБ ОБЩИНЕ»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 16-14-59007*

В статье проводится обзор интернет-сообществ районов Пермского края, которые выполняют журналистские функции. Обозначаются черты, которые сближают эти сообщества с комьюнити-медиа. Определяются политические, экономические и социальные факторы, влияющие на деятельность локальных новостных интернет-сообществ. Отмечаются новые функции, которые берут на себя эти сообщества.

Ключевые слова: районная пресса; комьюнити-медиа; новые медиа; местные сообщества; блоги и форумы.

Понятие *комьюнити-медиа* и практика функционирования подобных медиа ассоциируют прежде всего с США – родиной этого феномена; появление аналогов в нашей стране, где общественные и демократические практики еще далеко не так развиты – процесс сложный. Однако, поскольку теоретиками уже разбирались примеры комьюнити-медиа в развивающихся странах Африки, Азии, есть основания полагать, что у нас таковые тоже могут быть. Обратимся к классическим определениям понятия. Комьюнити-медиа – это медиа, создаваемые общиной «в общине для общины и об общине» (в оригинале: «in the community, for the community, about the community and by the community») [Tabing 2002: 11],

имеющие некоммерческий характер, способные создавать медиасистемы, релевантные повседневной жизни местного населения, укреплять местную идентичность и автономию, создавать контент, альтернативный контенту глобальных и коммерческих медиа [Buckley 2011: 7].

В англоязычных теоретических и практических работах подчеркивается ориентация комьюнити-медиа на информационные нужды общины, противопоставление интересам коммерчески ориентированных, а также находящихся под контролем государства вещателей; эти медиа находятся в собственности коммуны или ею управляются.

Под комьюнити-медиа могут подразумеваться медиа различных общественных организаций: радиостанции шахтеров, студенческие радиостанции, католические радиостанции (Боливия, Колумбия), некоммерческие радиостанции (США), *Radio Student* (Словения), печатные издания (имеющие более долгую историю и требующие отдельного разговора), интернет-издания (которые тоже выделяются в связи с легкостью процесса публикации и отсутствием необходимости в закрепленных частотах вещания, если это аудиовизуальный вещатель).

Цель этих платформ – дать голос и обеспечить свободную от власти и бизнеса коммуникацию (см., например [About Montgomery Community Media: эл. ресурс]).

По многим типологическим признакам комьюнити-медиа сопоставимы с нашими районными СМИ, кроме очень важного, – независимости и общественного контроля. Районные СМИ в России, как правило, тесно связаны с местными органами власти, зависят от них и выражают провластную позицию. Другой тип районных СМИ (иногда, но не всегда оппозиционных муниципальной газете) – рекламно-информационная газета или газета, издаваемая коммерческой организацией или местным предпринимателем. Поэтому трудно говорить о собственно российских локальных средствах массовой информации как о комьюнити-медиа. В связи с этим мы проанализировали альтернативное медиа-пространство, в котором происходит коммуникация между членами местного сообщества – блоги, форумы и другие аналогичные площадки для коммуникации в Интернете. Если следовать значению слова «media», то мы вполне можем рассматривать указанные интернет-ресурсы как потенциальные комьюнити-медиа.

В 2014 г. на кафедре журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ было проведено небольшое исследование форумов и блогов районных центров Пермского края. Целью было определить, являются ли районные интернет-сообщества местом создания и распространения социально значимой информации, то есть выполняют ли местные ин-

тернет-сообщества журналистские функции. Исследование проводилась при участии студентов направления «Журналистика». Местные блоги и форумы оценивались по нескольким критериям: вид и размещение форума (самостоятельный, на официальном сайте администрации, на сайте СМИ и т. д.); способ управления (администрирования); структура, тематика контента; особенности функционирования (частота обновления, количество зарегистрированных пользователей в абсолютных цифрах и в процентном соотношении к числу жителей города или района, активность пользователей и т. п.).

Были проанализированы интернет-ресурсы крупнейших районных центров Пермского края: городов Березники, Добрянка, Кунгур, Чайковский, Соликамск. Результаты исследования показали, что значительная часть блогов и форумов, созданных местным сообществом, как правило, не функционирует. Наиболее активными оказались ресурсы, созданные и управляемые при участии редакций местных средств массовой информации и группы в социальной сети «ВКонтакте». Например, городской Добрянский портал «Зори Плюс» создан ООО «Пресса-Том», издающим газету «Зори плюс» (<http://dobryanka.net/>). За прошедшие три года мы обнаружили серьезные изменения: в 2014 г. форумы на зарегистрированных сайтах СМИ были, в 2016 г. их нет. Объяснение этого факта банально: когда форум в своем развитии достиг таких масштабов, что потребовался специальный человек, чтобы упорядочивать темы и модерировать реплики, руководство портала предпочло просто закрыть форум: на эту работу, порой не очень простую, но выполняемую зачастую на общественных началах, подходящего человека не нашлось. Однако необходимость подобных ресурсов очевидна, и они неминуемо возникают.

«Ни у городских властей, ни у СМИ нет инструмента, нацеленного на решение оперативных социальных проблем, нет полноценного ресурса общения, обратной связи!» – утверждает Татьяна Фельбер, один из модераторов «Берфорума», городского форума города Березники, одного из двух крупнейших форумов Пермского края. Более десятка лет проработавшая в ведущих изданиях г. Березники (порой на руководящих должностях), Татьяна Фельбер полагает, что газетам подобные функции не свойственны: они решают другие задачи, исходят из иных политических и материально-финансовых оснований. Тот информационный ресурс, который обладает нужными функциями, горожане поддерживают сами: «“Берфорум” – это всегда обратная связь! Если в городе какое-то нехорошее локальное событие, о котором могут долго молчать СМИ, – первым выйдет и, возможно, будет вообще единственным, кто будет говорить о проблеме, – это “Берфорум”! Городская традиция такова: что

случится – лезь на “Берфорум”, там все равно это всплывет! В случае таких проблем, как, например, отсутствие воды, люди делятся советами, помогают друг другу – идите на колонки, дают адреса, молодые мамочки советуют – идите в аптеки, где еще осталась вода и пр.» (из устного интервью с Т. Фельбер 29.08.2016).

Об этой функции (объединения, сплочения людей для решения проблемы) заявляют и модераторы других подобных форумов. «У нашей группы есть то, чего точно нет у СМИ: возможность в реальном времени обсудить ту или иную проблему, даже сплотить людей для её решения. Бывает, что появляется какая-то важная информация, люди бурно на неё реагируют, появляется множество точек зрения... Разражается дискуссия, намечаются выходы из проблемы – это может быть на площадке, подобной нашей», – говорит Александр Гришин, один из администраторов группы «ВКонтакте» «Город Чайковский (18+)».

На сегодняшний день в Пермском крае есть несколько известных форумов, которые играют немаловажную роль в жизни городов, в которых они возникли. В качестве примеров можно привести:

- «Терон» (<http://teron.ru/>) – крупнейший и старейший форум г. Перми.
- «Берфорум» (<http://berforum.ru/>) – крупнейший и старейший форум г. Березники.
- «Vsolikamske.ru» (<http://www.vsolikamske.ru/forum>) – форум г. Соликамска.
- Чайковские.форум (*Чайковские в сети*) (<http://www.chaikovskie.ru/forum/>) – форум г. Чайковского.

Однако в последние годы, безусловно, очень популярными стали форумы другого рода – группы в популярной социальной сети «ВКонтакте». Сайт этой соцсети, являющийся первым по популярности ресурсом в России (80 миллионов его среднесуточной аудитории), – это более половины всего населения России (146 миллионов). Каждый город и городок Пермского края имеет по одной или даже по несколько групп; задачи этих площадок – информировать своих членов об актуальных для города событиях, провоцировать общую дискуссию и совместно находить решения поставленных проблем.

Характерно, что количество участников этих групп сопоставимо с количеством жителей города. Ниже приведем данные, намеренно поставив рядом две цифры: население города и число подписчиков его крупнейших групп.

- Пермь. Население 1 041 876. 148 943 – подписчики «Пермь Активная» (<https://vk.com/permactive>), 311 668 – подписчики «Мой город – Пермь» (<https://vk.com/vikiperms>).
- Березники. Население 146 626. 24 173 – подписчики «Все Березники. Новости 16+». (<https://vk.com/vseberezniki>).
- Соликамск. Население 95 191. 19 482 – подписчики «Подслушано в Соликамске!» (https://vk.com/podslushano_v_solikamske).
- Чайковский. Население 83 056. 23 656 – подписчики «Город Чайковский (18+)» (<https://vk.com/gorodchaik>).
- Лысьва. Население 74 371. 17 567 – подписчики «Подслушано Лысьва» (https://vk.com/overhear_lsv).
- Кунгур. Население 66 311. 22 700 – подписчики «Подслушано Кунгур». (<https://vk.com/podslushano.kungur>)
- Добрянка. Население 33 194. 15 774 – подписчики «Подслушано в Добрянке [16+]». (https://vk.com/podslushano_dobryanka).
- Кудымкар. Население 31 007. 12 766 – подписчики «Кудымкар. Информационный портал» (<https://vk.com/kudymkar>).
- Губаха. Население 20 645. 11 190 – подписчики «Информ Губаха» (https://vk.com/overhear_gubaha41).

Даже такое простое сопоставление двух цифр показывает, насколько влиятельными могут быть эти группы, ведь количество их участников может составлять четверть и даже треть от всего населения города! Посты в этих группах активно комментируются, лайкаются, перепубликуются; по комментариям видно, что участникам часто удается решить многие проблемы – порой общие, а порой частные.

Отличие этого типа форумов прежде всего в их более молодой аудитории, которая порой не читает газет и не смотрит телевизора, а новости узнает из интернета, из любимой группы в соцсети; сам процесс потребления новости порой неотделим для них от отклика на эту новость, от ее комментирования.

Техническое отличие площадок в соцсетях от более традиционных форумов – в их подчеркнутой ориентации на текущие события, на сиюминутное, на настоящий момент. Традиционно в таких группах делается по несколько публикаций в день, сообщения сменяют, вытесняют друг друга, старые сообщения уходят далеко вниз стены группы, до них трудно добраться; эти группы могут появляться и исчезать, участники могут перетекать из одной группы в другую.

Форум «старого» типа обычно сохраняет в соответствующих ветках сообщения своих участников; их можно «пролистать» на месяцы и годы назад, самих сообщений меньше. Если средний возраст участников

групп «ВКонтакте» 20 лет и ниже, то на традиционных форумах участникам может быть за 30 и даже за 40–50; они порой росли и выросли вместе с любимым форумом («Герон», «Берфорум»). Каждый из типов платформ по-своему значим: если прежние форумы весьма обстоятельны, хронологичны, авторитетны, то форумы нового типа делают многое для вовлечения свежей аудитории, формирования ее привычки к отклику, к обсуждению насущных проблем.

Итак, обращаясь к материалам интернет-пространства Пермского края, можно сказать, что платформы гражданского, «комьюнити-медийного» типа начинают играть значительную роль жизни городских общин, выполняя функции, не свойственные районным СМИ. Это не столько собственно информирование, сколько провокация дискуссии, обратной связи, объединения активности горожан для совместного решения проблем. Эти задачи по-разному решаются двумя типами городских форумов: традиционным, с аудиторией более взрослой и включенной в социум, и новым, возникшим на основе соцсетей, объединяющим аудиторию более молодую, ориентированным на мгновенный отклик и в меньшей степени предполагающим наличие «базы» уже решенных проблем.

Эти форумы заполняют нишу, по большому счету не занятую городскими властями и недостаточно востребованную городскими СМИ – нишу оперативного решения социальных проблем, обратной связи, объединения общины для общего дела. Эти ресурсы имеют некоммерческий характер, не привязаны к новостному потоку мейнстримных СМИ (они могут создавать собственные новости), они дают возможность каждому гражданину высказаться и поучаствовать в решении проблем общины.

Как нам представляется, наличие подобных ресурсов не опровергает необходимости существования традиционных СМИ; они работают в разных нишах и дополняют друг друга.

Библиографический список

About Montgomery Community Media (MCM) // Mymcmedia. URL: <http://www.mymcmedia.org/about/> (дата обращения: 04.10.2016).

Buckley S. Community media: a good practice handbook. Paris, UNESCO, 2011. P. 7. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002150/215097e.pdf> (дата обращения: 04.10.2016).

Howley K. Community media. People, Places and Communication technologies. Cambridge university press, 2005. 309 p.

Tabing L. How to do community radio? A primer for community radio operators. New Delhi: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) 2002. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001342/134208e.pdf> (дата обращения: 04.10.2016).

Z. S. Antipina

Senior Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

A. V. Pustovalov

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

**COMMUNITY MEDIA OF THE PERM REGION:
“COMMUNITY, FOR THE COMMUNITY, ABOUT THE COMMUNITY”**

The article provides an overview of the online community of districts of the Perm region, which perform journalistic functions. It highlights features which link these communities with community media notion. The article outlined the political, economic and social factors influencing the activity of the local online news communities. It notes the new functions that these communities take on.

Key words: regional press; community media; new media; local communities; blogs and forums.

Антипина Зоя Сергеевна
старший преподаватель
кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

Салимовский Владимир Александрович
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
salimovsky@rambler.ru

ПЕРМСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: СОСТАВ И ТИПОЛОГИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 16-14-59007*

В статье представлено описание системы пермских средств массовой информации, дается краткое описание радиотелевизионных и Интернет-СМИ, периодической печати. Намечены подходы к типологическому анализу пермских районных газет.

Ключевые слова: система средств массовой информации; районная печать; типология средств массовой информации.

С конца 1990-х годов исследователи наблюдают регионализацию российского информационного пространства [Воронова 2000]. При этом системное описание региональных СМИ России остается проблемой, в т. ч. из-за отсутствия полного объема фактических данных о местных СМИ [Алексеев 1998: 15–16]. Одной из таких лакун являются средства массовой информации Пермского края.

Средства массовой информации принято классифицировать по разным признакам. Коллективом факультета журналистики Московского государственного университета были предложены следующие параметры типологического анализа периодической печати: технологические (например, тираж, формат, периодичность), экономические (форма собственности, характер инвестиций), аудиторные (различные социально-демографические характеристики аудитории), редакционные, организационные (по характеру учредителей, издателей, владельцев), тип ин-

формации, целевое назначение (по характеру осуществляемых функций) [Типология периодической печати 2007]. Типология, предложенная С. Г. Корконосенко, разделяет печатные СМИ по иному ряду параметров: территории распространения, аудитории, учредителю, легитимности, отнесенностью к качественной или массовой прессе, издательским характеристикам [Корконосенко 2004]. Обе модели признаются большинством исследователей и широко применяются в исследовательской практике.

По мнению А. И. Аكوпова, базовыми типоформирующими параметрами любого СМИ является один из следующих признаков: тип учредителя, целевое назначение, характер аудитории [Акопов 1985: 7]. Применительно к районной печати главным типоформирующим параметром является территория распространения – муниципальный район и районный центр. Именно этот параметр определяет остальные формальные и содержательные характеристики районных СМИ.

Разделяя эту точку зрения, при описании состава пермских СМИ мы будем учитывать дополнительно следующие признаки: легитимность, учредитель, тип информации, целевое назначение печатного издания.

На начало 2016 г. в Пермском крае, по данным официального сайта Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций было зарегистрировано почти 300 средств массовой информации (<http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media>). Это печатные и электронные СМИ с разным целевым назначением и типом информации: общественно-политические, справочные, рекламно-информационные, специализированные, корпоративные и проч. Основную долю занимают печатные издания – газеты и журналы. Массовая периодика представлена преимущественно газетами, журнальные издания занимают нишу специализированных изданий (научных, рекламно-информационных, досуговых). Телевизионные СМИ работают в краевом центре и в наиболее крупных городах края – Березниках, Чайковском, Добрянке, Соликамске, Лысьве. В городе Перми регулярно вещают четыре телеканала с собственным журналистским контентом: ГТРК «Пермь», ТК «Рифей», ТК «ВЕТТА», ТК «УралинформТВ». Кроме этого, в Интернете вещает «Общественное телевидение Пермского края». Так называемых разговорных радиостанций всего две – ГТРК «Пермь» и «Эхо Москвы в Перми». Остальные представляют тип музыкальной радиостанции с краткими блоками новостей и информационно-развлекательных передач. В систему электронных (сетевых) СМИ входят различные интернет-издания: порталы (Properm.ru, 59.ru), интернет-журналы («Звезда»), интернет-газеты («Текст»).

Для печатных СМИ г. Перми и всего Пермского края характерно типологическое разнообразие. Здесь выходят газеты универсального характера («Комсомольская правда – Пермь», «Аргументы и факты в Перми»), общественно-политические газеты («Звезда», «Новый компаньон»), деловая пресса («Business-class», «Коммерсант – Прикамье»), рекламно-информационные журналы («Свадебный марш», «Аэропорт Пермь»).

Отдельный сегмент системы пермских СМИ составляют корпоративные издания – прежде всего газеты крупных добывающих и промышленных компаний («Пермская нефть», «Азотчик», «Чусовской металлург»). Некоторые из них были основаны градообразующими предприятиями на территории крупных промышленных районов еще в советское время и до сегодняшнего дня выходят тысячными тиражами. Их место в системе местных СМИ и роль в информационном поле почти не изучены.

Предметом нашего особого интереса являются районные печатные СМИ – издания муниципальных районов и районных центров края. Среди городов края лишь Березники с населением 150 тысяч человек относятся к категории крупных городов, остальные районные центры – это средние и малые города и села. Поэтому все указанные издания, включая березниковские, мы обобщенно именуем районными газетами.

Для описания типологического состава районной печати Пермского края, по данным Роскомнадзора и сведениям Пермского отделения Союза журналистов РФ, была сделана выборка печатных изданий, выходящих на территории муниципальных образований региона. Таким образом, из обзора были исключены, кроме радио и телевизионных СМИ, газета «Нива» Пермского района (поскольку выходит на территории, прилегающей непосредственно к мегаполису), а также незарегистрированные издания. Заметим, однако, что незарегистрированные СМИ являются важной частью локального информационного пространства. Как правило, они издаются в небольших населенных пунктах. Например, в Горнозаводском районе с 2014 г. выходит газета «Пашия – светлая река», учрежденная Советом депутатов Пашийского сельского поселения [Газета «Пашия – светлая река»: эл. ресурс]. В г. Березники без регистрации выходит гляцевый журнал «Филин», который распространяется в печатном и электронном виде (https://vk.com/filin_news). Отсутствие государственной регистрации, маленькие тиражи затрудняют изучение этих изданий и рассмотрение их в системе местных СМИ.

По итогам выборки для анализа было отобрано 66 газет. Предварительная систематизация этих изданий показала, что основу системы районных СМИ составляют общественно-политические издания, учредите-

лями которых являются местные органы власти (59 %). Подавляющее большинство этих газет (90 %) возникли в начале 1930-х годов и являются прямыми наследниками советской системы местной печати. Для большинства из них большое значение имеет бюджетное финансирование, получаемое через договоры на информационное сопровождение деятельности муниципалитетов. Две районные газеты в крае контролируются местным градообразующими предприятиями: «Уральский шахтер» (ПАО «Метафракс») и «Березниковский рабочий» (ПАО «Уралкалий»). Новыми для системы районных СМИ являются информационно-рекламные издания, учредителями которых часто становятся местные рекламно-издательские фирмы («Неделя.ru», г. Березники). Еще два издания учреждены местными управляющими компаниями. Первая издается в г. Краснокамске («Вечерний Краснокамск») с 1996 г. в формате традиционной городской «вечерки». Другая же была основана в 2014 г. в г. Чайковском в разгар местных т. н. «коммунальных войн» с откровенно имиджевыми целями («Чайковский управдом»).

Добавим, что районная печать в целом характеризуется бессистемным взаимодействием с интернет-ресурсами. Работающие сайты есть только у 41 % изданий. Гораздо быстрее и охотнее районные газеты пользуются возможностями социальных сетей, прежде всего, «ВКонтакте» – 65 % изданий здесь имеют официальную группу.

Представим в заключение список районных печатных изданий Пермского края, с указанием их основных справочных характеристик – территории распространения, даты основания и учредителя.

Название издания	Учредитель	Год основания
«Березники вечерние», Березники	ООО «Издательский дом “Типография купца Тарасова”»	1993
«Березниковский рабочий», Березники	ООО «Березниковский рабочий» (ПАО «Уралкалий» через ООО «Медиафера»)	1918
«Березниковская неделя», Березники (рекламное приложение)	ООО «Березниковский рабочий»	[2004]
«Боевой путь», Александровск	Администрация Александровского муниципального района Пермского края	1943
«Вести Оханска», Оханск	Кольцов Евгений Михайлович	1997
«Вести Полазны», Полазна	Муниципальное казенное учреждение «Центр общественных инициатив»	2007
«Вестник Чернушки», Чернушка	ООО «Рекламное агентство XXI век»	[2010]

Название издания	Учредитель	Год основания
«Вперёд», Октябрьский	Администрация Октябрьского муниципального района	1931
«Верещагинский вестник», Верещагино	ООО «В-Медиа»	2012
«Верный путь», Орда	Администрация Ординского муниципального района Пермского края; Муниципальное автономное учреждение «Редакция газеты “Верный путь”»	1931
«Вечерний Краснокамск»	ООО «ПКФ “Уралкомп”»	1996
«Городская газета», Лысьва	ИП Щекотов И. Н.	[2004]
«Городской дворик», Чайковский	ООО «Редакция газеты “Городской дворик”»	[2014]
«Заря», Верещагино	Муниципальное автономное учреждение «Редакция газеты “Заря” Верещагинского муниципального района»; Администрация Верещагинского муниципального района	1390
«Знамя», Ильинский	Администрация Ильинского муниципального района	1931
«Зори плюс», Добрянка	ООО «Пресса-ТОМ»	2004
«Инъвенский край», Кудымкар	Администрация Кудымкарского муниципального района Пермского края	[2003]
«Искра Прикамья», Елово	Администрация Еловского района	1931
«Искра», Кунгур	Администрация города Кунгура Пермского края; ООО «Искра»	1921
«Искра», Лысьва	ООО «Искра»	1917
«Камские зори», Добрянка	ОАО «Камские зори» (учредитель ООО – администрация Добрянского района)	1931
«Красная Вишера», Красновишерск	Автономная некоммерческая организация «Редакция районной газеты “Красная Вишера”», учредители – физ. лица	1931
«Краснокамская звезда», Краснокамск	Муниципальное автономное учреждение «Редакция газеты “Краснокамская звезда”»; Администрация Краснокамского муниципального района Пермского края	1938
«Куединский вестник», Куеда	ООО «Издательский дом “Куединский вестник”»; Администрация Куединского района Пермского края	1931
«Маяк Приуралья», Чернушка	Администрация Чернушинского муниципального района	1930
«Мой город Березники», Березники	ООО «Медиа-Формат»	[2008]

Название издания	Учредитель	Год основания
«Мой город Соликамск»	ООО «Капитал»	[2010]
«На родной земле», Сива	Администрация Сивинского муниципального района; Муниципальное унитарное предприятие «Редакция газеты “На родной земле”» Сивинского района	1931
«Наш город – Краснокамск»	ООО «Метроном», до 2015 – администрация города	2007
«Наш Соликамск»	ООО «Новый смысл»	1998
«Наше время», Гайны	Администрация Гайнского муниципального района	1934
«Наше Прикамье», Нытва	ООО «Издательский Дом “Нова-пресс”»	2013
«Неделя.ru», Березники	ООО «Рекламное Агентство “Априори”»	2005
«Новая городская», Березники	ООО «Управляющая компания «Альтернатива»	2014
«Новая жизнь», Суксун	Администрация Суксунского муниципального района Пермского края	1935
«Новое время», Кизел	Администрация Кизеловского муниципального района Пермского края; ООО «Рекламно-издательский центр»	1930
«Новости Кунгурского края»	ООО «Территория свободы»	2011
«Новости», Горнозаводск	Администрация Горнозаводского муниципального района	1966
«Новый день», Нытва	ООО «Издательский дом “Новый день”»; Администрация Нытвенского муниципального района Пермского края	1930
«Огни Камы», Чайковский	Муниципальное автономное учреждение «Редакция газеты “Огни Камы”»; Администрация Чайковского муниципального района	1965
«Осинские вести», Оса	Администрация Муниципального образования Оса	2008
«Осинское Прикамье», Оса	ООО «Прикамье»	1918
«Оханская сторона», Оханск	Муниципальное автономное учреждение «Оханский информационно-издательский центр»	1930
«Очерский край», Очер	МУП «Редакция районной газеты “Очерский край”» и администрация Очерского муниципального района	1935
«Парма-Новости», Кудымкар	Яновская Я. В.	1996
«Парма», Кудымкар	Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края; Администрация города Кудымкара	1926

Название издания	Учредитель	Год основания
«Пермь-Добрянка.ру»	ООО «Пермское книжное издательство»	2006
«Приобвинский край», Карагай	Администрация Карагайского муниципального района Пермского края	1931
«Рассвет», Барда	Муниципальное автономное учреждение «Редакция “Тан”» («Рассвет»); Администрация Бардымского муниципального района	1931
«Родник», Уинское	Администрация Уинского муниципального района Пермского края	1935
«Светлый путь», Большая Соснова	Муниципальное унитарное предприятие «Редакция газеты “Светлый путь”»	1930
«Северная звезда», Чердынь	Администрация Чердынского муниципального района Пермского края	1931
«Сельская новь», Берёзовка	Администрация Березовского муниципального района Пермского края	1935
«Соликамский рабочий», Соликамск	Орган местного самоуправления Соликамского городского округа администрация города Соликамска; ООО «Соликамск-МЕДИА»	1938
«Сылвенские зори», Кишерть	ООО «Редакция газеты “Сылвенские зори”» (ранее – администрация района)	1931
«Уральская версия», Куеда	ИП Исаева Зинаида Абрамовна	[2013]
«Уральский шахтёр», Губаха	ООО «МедиаКУБ» (МУП редакции газет и «Метафракс»; учредители МУП – городские власти)	1942
«Усольская газета», Усолье	Администрация Усольского муниципального района	1941
«Чайковский коммерсант»	ИП Рамазанов С. М.	2010
«Чайковский управдом»	Лядова Т. А., до декабря 2016 – Борцов С. В., генеральный директор управляющей компании	2014
«Чайковский экспресс»	ООО «ВИТА»	2015
«Частинские вести», Частые	Администрация Частинского муниципального района Пермского края	1935
«Частный интерес», Чайковский	Мартюшев Е. М.	[2000]
«Чусовской рабочий», Чусовой	Администрация Чусовского муниципального района Пермского края	1920
«Шахтёр», Гремячинск	Администрация Гремячинского муниципального района, ООО «МедиаКУБ» (ПАО «Метафракс»)	1942
«Юсьвинские вести», Юсьва	Муниципальное учреждение «Администрация Юсьвинского муниципального района»	2004

Библиографический список

Алексеев А. Н. Газетный мир постсоветской России: подход к построению типологии // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1998. № 3. С. 14–30.

Акопов А. И. Методика типологического исследования периодических изданий. Иркутск, 1985. 96 с.

Воронова О. А. Динамика типологической структуры региональной прессы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2000. № 5. С. 3–23.

Газета «Пашия – светлая река» // Горнозаводское направление [Информационно-новостной портал Горнозаводского муниципального района Пермского края]. URL: <http://gornozavodsk.su/?cat=63> (дата обращения: 25.10.2016).

Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М.: Аспект-пресс, 2004. 287 с.

Типология периодической печати / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. М.: Аспект-пресс, 2007. 236 с.

Z. S. Antipina

Senior Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

V. A. Salimovsky

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

MEDIA OF THE PERM REGION: COMPOSITION AND TYPOLOGY

The article describes the systems of the Perm mass media, offers a brief description of radio, television and Internet media and periodicals. It also outlines the approaches to the typological analysis of the Perm regional newspapers.

Key words: media system; local press; typology media.

Катаев Павел Вячеславович
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
pavelkataevmsu@gmail.com

РАЙОННЫЕ ГАЗЕТЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: ОСОБЕННОСТИ КОНТЕНТА И ПРОДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена особенностям контента и продвижения редакционных материалов районных газет Пермского края в социальной сети «ВКонтакте». Анализ был проведен на основе перечня критериев, в который входят частота публикаций, оригинальность контента, спектр форматов, стиль администрирования, взаимодействие с аудиторией. Результаты исследования, касающиеся профессионального уровня представительства и перспектив его повышения, обобщены в выводе.

Ключевые слова: районная газета; «ВКонтакте»; SMM.

Одной из ведущих тенденций современного этапа медиаконвергенции является продвижение традиционных и интернет-СМИ в социальных сетях. Газеты средних и малых городов также включаются в этот процесс: сегодня многие из них имеют свои представительства в российских и зарубежных соцсетях.

В то же время качество этого представительства требует особого внимания и изучения. Ограниченность кадровых и финансовых ресурсов районных изданий не позволяют им в полной мере использовать возможности интернет-коммуникации, в том числе и в сфере социальных сетей. Цель данного исследования состоит в описании опыта работы районных изданий Пермского края в социальных сетях и выявлении тех тенденций, которые складываются в процессе освоения нового коммуникативного пространства.

Обращаясь к исследованиям, посвященным изучению представительства районных СМИ в социальных сетях, прежде всего, нужно назвать большое социологическое исследование региональных СМИ, организованное группой учёных МГУ под руководством Л. Г. Свитич. По подсчетам одного из сотрудников проекта О. В. Смирновой лишь 13 % СМИ средних и малых городов существует только в печатной версии; остальные реализуют разные формы конвергенции, в частности выкладывают на сайте номера полностью (62 %) и размещают на сайте мультимедиа.

тимедийный контент (46 %) [Смирнова 2016: 166–167]. «В итоге можно говорить о том, что в развитии местных газет в России достигнуты немалые успехи. Они стали более технически оснащенными, появились возможности использования цифровой техники, разнообразных компьютерных программ, расширяющих профессиональные возможности редакций в формировании и презентации газетного контента, связей с аудиторией», – пишет автор в заключении своего исследования. При этом Смирнова выделяет ряд негативных явлений, связанных с недостатком временных и финансовых ресурсов, увеличением количества «клонированной» информации и сокращением возможностей для творческой реализации журналиста [там же: 169–170].

Вопросы конвергенции в районных газетах рассматриваются и в связи с изучением системы СМИ конкретных регионов. Например, А. П. Данилов и М. Г. Данилова позитивно оценили перспективы развития чувашской прессы в глобальной сети [Данилов, Данилова 2015: 317].

Особого внимания заслуживает работа В. Л. Касютин «Новая политика в регулировании российской региональной печати» [Касютин 2011]. Автор замечает: «Одним из последствий недостатка современных форм и методов государственного регулирования деятельности местной прессы является растущая диспропорция между различными видами самоидентификации населения. Непропорционально растет локальная самоидентификация: в большом неплотном пространстве интенсивно развивается локальная идентичность, усиливаемая противостоянием натиску информационной глобализации» [Касютин 2011: 89].

Похожие соображения высказывает Р. П. Овсепян в статье «Региональная журналистика в условиях глобализации (на материалах нижегородской прессы)»: «Вполне очевидно переплетение двух видов влияний: влияний, связанных с изменением в системе ценностей внутри самой нации, и внешними влияниями, оказавшими воздействие на процессы формирования национальной культуры» [Овсепян 2008: 9–10].

Разные аспекты интернет-представительства районных изданий Пермского края были рассмотрены в рамках научно-исследовательского проекта кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов (на материале районных СМИ)» [Пустовалов, Антипина 2016; Печищев 2016; Власова 2017, 2017a]. В соответствии с данными, представленными И.М. Печищевым при описании разных интернет-площадок районных СМИ, из 70 редакций, вошедших в подборку, 45 (64 %) имеют свои группы в социальных сетях, а 17 (24 %) представлены только в социальных сетях, не имея сайта. Все издания создали собственную группу в социальной сети «ВКонтакте». 13 из них присутствуют

в «Одноклассниках», 7 – в Facebook, 5 – в Twitter, 1 – в Instagram. 3 редакции имеют свой канал на YouTube [Печищев 2016].

Кроме того, И. М. Печищев делает ряд важных выводов, в частности, отмечает, что СМИ ничего не остается, как идти за своим читателем: «В условиях дефицита интернет-трафика, отсутствия привычки получать информацию из онлайн-источников и элементарной неосведомленности об интернет-ресурсах аудитория в первую очередь выходит в социальные сети» [Печищев 2016].

В этом научном контексте новизна нашего исследования заключается в глубокой оценке представительства районных газет в самой востребованной в России социальной сети «ВКонтакте». Для этого будет представлен комплекс критериев, который позволит оценить не только количественные, но и качественные показатели работы районных СМИ в соцсетях.

Материалом исследования послужили онлайн-ресурсы 15 районных газет Пермского края: «Вперёд» (Октябрьский р-н.), «Кочёвская жизнь» (с. Кочёво), «Новое время» (г. Кизел), «Знамя» (Ильинский р-н.), «Парма-Новости» (г. Кудымкар), «Новый день» (г. Нытва), «Краснокамская звезда» (г. Краснокамск), «Верный путь» (с. Орда), «Боевой путь» (г. Александровск), «Куединский вестник» (п. Куеда), «Уральская версия» (п. Куеда), «Мир предложений» (г. Оса), «Новости Кунгурского края» (г. Кунгур), «Сельская новь» (с. Берёзовка), «Чусовской рабочий» (г. Чусовой).

Указанные издания представляют населенные пункты с разными административными статусами, демографическими характеристиками, уровнями социально-экономического развития. Кроме того, редакции значительно отличаются друг от друга по характеристикам представительства в Интернете. Таким образом, выборка в известной мере отражает разнообразие эмпирического материала.

На первом этапе исследования нами была дана характеристика всех интернет-ресурсов выбранных изданий с указанием статуса их активности (обновление ленты с периодичностью не больше месяца), адреса, охвата аудитории. Это помогло оценить роль сети «ВКонтакте» в распространении контента районных газет.

Согласно результатам, группы «ВКонтакте» выступают наиболее активными формами представительства районных газет в интернете и нередко используются интенсивнее сайта.

Блог-платформы, прежде всего «Живой журнал», стали не востребовавшими, «заброшенными» каналами распространения, существующие ленты в Twitter обновляются нерегулярно, а страницы в Facebook используются районными газетами весьма редко и с небольшим охва-

том. Несколько активнее осуществляется продвижение в «Одноклассниках»: очевидно, из-за общности черт традиционной аудитории местной прессы и пользователей социальной сети. Однако именно сеть «ВКонтакте» стала наиболее насыщенной средой взаимодействия с интернет-аудиторией, что, как мы убедимся на конкретных примерах, обусловлено её функционалом.

На втором этапе были выбраны 5 наиболее показательных сообщества, которые реализуют типичные для пермских районов стратегии SMM: от «доски объявлений» до попыток создания оригинальной версии, адаптированной к особенностям сетевой коммуникации. Выбранные ресурсы были рассмотрены с точки зрения их соответствия следующим критериям: частота публикаций, оригинальность контента, спектр форматов, качество контента, стиль администрирования, взаимодействие с аудиторией. Выбор критериев обусловлен ориентацией на те факторы, которые обычно определяют эффективность SMM-стратегий в работе СМИ и сегодня осмысливаются как практиками, так и теоретиками [Кузьмина, Фролова 2016: 50-52].

Формат научной статьи позволяет привести примеры полных характеристик двух изданий.

«Сельская новь»

Общественно-политическая газета села Берёзовка. Юридическое лицо: ООО «РИЦ "Сельская новь"». Учредитель: Администрация Берёзовского муниципального района. Средний тираж: 2720 экз.

Частота публикаций. Записи в сообществе (действует в формате паблика) публикуются нестабильно, с интервалом в несколько дней.

Оригинальность контента. Авторство подавляющего большинства постов принадлежит редакции. Периодически подписчики оставляют с личных аккаунтов в общей ленте вопросы, предложения, объявления.

Спектр форматов. Редакционные записи представляют собой, главным образом, официальные новости Берёзовского района, сопровождаемые собственными или заимствованными фотографиями. Кроме того, в группе появляются электронные версии печатных номеров, поздравления, анонсы, объявления.

Качество контента. Новостные записи, в целом отвечающие требованиям информационного жанра, имеют некоторые стилистические недочёты, заключающиеся, в частности, в использовании канцелярита, неудачных вариантов оформления имён и чисел. Они дублируют публикации печатной версии, повторяя общий официальный стиль издания.

Стиль администрирования. В манере администрирования группы сложно заметить отличительные черты, лишь в коротких поздравительных постах редакторы прибегают к неформальному стилю и идео-

граммам. Целый ряд записей редактор группы делала с личного аккаунта, а это значит, что опубликованные таким образом новости могут увидеть не все подписчики.

Взаимодействие с аудиторией. Администраторы организовали несколько опросов, чтобы больше узнать о предпочтениях читателей. Периодически подписчики вступают в обсуждение насущных вопросов, однако чаще всего ведут себя пассивно. В целом страничка выполняет роль коммуникативной площадки (скорее локальное сообщество, нежели СМИ): помимо официальных объявлений (ремонт дороги или предупреждения от МЧС) на стене появляются обращения от читателей (проблемы ЖКХ и просьбы о сборе средств на лечение). Собственный журналистский контент представлен новостями криминального или чрезвычайного характера, что также говорит о том, что редакция не ставит задачи создания на этой площадке полноценной версии издания, рассматривая ее только в качестве способа привлечения внимания.

«Боевой путь»

Общественно-политическая газета города Александровск. Учредитель: Администрация Александровского муниципального района (МБУ «Редакция газеты “Боевой путь”»). Средний тираж: 2720 экз.

Частота публикаций. Новостная лента в открытой группе обновляется регулярно. Иногда возможны перерывы в несколько дней.

Оригинальность контента. Газета размещает в группе, главным образом, собственный контент, а также время от времени делает перепосты с других групп и личных страниц, публикует ссылки на материалы сайтов федеральных и региональных СМИ.

Спектр форматов. Записи содержат по большей части официальные и рекламные объявления, афиши городских событий, обзоры номеров, сводки происшествий – все они, как правило, сопровождаются фотографиями. Примечательно, что тексты преимущественно не относятся к журналистским жанрам, но связаны с повесткой Александровска и работой газеты «Боевой путь».

Качество контента. Публикации в группе можно отнести к сфере инфотейнмента, они в полной мере отвечают задачам дополнительного продвижения, поддерживая интерес к изданию через неформальное, сдержанно-игровое взаимодействие с аудиторией. Короткие посты, с одной стороны, позволяющие оставаться читателю в курсе событий, с другой – предлагающие ему информацию в доступной форме, соответствуют базовым журналистским критериям и внутренней специфике сети «ВКонтакте».

Стиль администрирования. Администраторы активно используют в записях эмодзи-идеограммы, прибегают к абзацному членению

текстов, графическому выделению заголовков. Дополненные наличием постоянных рубрик (обзор номера, редакционный конкурс и т. д.), периодическим включением элементов разговорного стиля, эти черты формируют характерный стиль ведения группы и, вероятно, позволяют её материалам выделиться в новостной ленте подписчика.

Взаимодействие с аудиторией. Газета поддерживает обратную связь с читателями посредством организации конкурсов, проведения опросов («Какой подарок ждут наши мужчины на 23 февраля?»), отдельных записей о жизни редакции. Среди прочего, офис газеты служит местом сбора потерянных вещей, периодически публикуя фотографии находок. Очевидно, такая работа с аудиторией приносит свои плоды: при сравнительно небольшой базе подписчиков (664 человека), читатели стабильно и достаточно активно реагируют на посты. Данное сообщество стремится к формированию многофункционального интерактивного представительства. Однако профессиональный контент присутствует фрагментарно, очевидно, редакция еще не выработала устойчивых форматов журналистских публикаций в соцсети.

Итак, следуя за своей аудиторией, уходящей в Интернет, редакции осваивают новый коммуникативный функционал, но делают это с разными подходами и результатами. В то время как одни СМИ используют аккаунты «ВКонтакте» в качестве агрегатора и доски объявлений («Новый день»), дополнительного канала дистрибуции («Знамя»), локального сообщества («Сельская новь»), другие («Боевой путь», «Парма-Новости») превращают свои страницы в интерактивные каналы профессиональной коммуникации, интегрированные в пространство соцсети. Элементы разговорного стиля речи, идеограммы, опции обратной связи способствуют усилению контактов с читателем, а в перспективе – к выстраиванию информационной повестки, максимально соответствующей его запросам.

В этом смысле районные газеты обладают серьёзным потенциалом: несмотря на более низкий по сравнению с региональными и федеральными изданиями профессиональный уровень, эти СМИ действительно близки к пониманию насущных проблем своих читателей. Стоит надеяться, что освоение технологий работы в соцсетях будет способствовать развитию местной прессы в новых направлениях и более эффективному взаимодействию с аудиторией.

Библиографический список

Булаева М. Н. Роль региональной прессы в организации общественного диалога // Личность и общество: проблемы взаимодействия: мат. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2015. С. 219–220.

Власова Е. Г. Районные газеты и социальные сети: жанровые аспекты взаимодействия (на материале СМИ Пермского края) // Знак. Проблемное поле медиаобразования. 2017. №3(25). С.120–126.

Власова Е. Г., Муратова Н. И. Интернет-ориентированные приемы в публикациях газетной периодики средних и малых городов Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. №1. С.15–23.

Данилов А. П., Данилова М. Г. Пресса Чувашии в Интернете // Вест. Чел. гос. ун-та. 2015. №5 (360). Вып. 94. Филология. Искусствоведение. С. 314–319.

Касютин В. Л. Новая политика в регулировании российской региональной печати // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2011. №5. С. 85–92.

Кузьмина М. А., Фролова Н. М. SMM и журналистика: реалии и перспективы // Основные проблемы гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2016. С. 50–52.

Овсепян Р. П. Региональная журналистика в условиях глобализации (на материалах нижегородской прессы) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2008. № 6. С. 9–18.

Печищев И. М. Сайт, паблик и визитка: практика освоения интернет-каналов районными СМИ Пермского края // Мультимедийная журналистика Евразии – 2016: национальные медиасистемы в условиях новой медиареальности Востока и Запада: мат. X Междунар. научн.-практ. конф. Казань, 2016. Доклад. URL: http://grant.rfh.ru/ais/file/publications/p/0-YUm00L4xV-1-bHE-2gc_y0/publication.pdf. (дата обращения: 28.02.2017).

Пустовалов А. В., Антитина З. С. Комьюнити-медиа Пермского края: «общинной, для общины, об общине» // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции (20–22 октября 2016 г.) / под ред. Р. П. Баканова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 260–265.

Смирнова О. В. Местные газеты в новых технологических условиях // Вест. Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 3. С. 164–170.

P. V. Kataev

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

PERM KRAI LOCAL NEWSPAPERS IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE: CHARACTERISTICS OF CONTENT AND PROMOTION

This article is devoted to the characteristics of content and promotion of editorial publications by Perm Krai local newspapers in the social network Vkontakte. The analysis of selected newspapers' official pages according to a common list of criteria is realized. This list includes frequency of publication, content's uniqueness, formats' diversity, quality of content, administrating methods, interaction with the audience. The research results about professional quality of representation and prospects of its improvement are combined in the conclusion.

Key words: local newspaper; Vkontakte; SMM.

Крижановская Елена Мечиславовна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
krizh@psu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИКА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ И ИНТЕРНЕТ- СМИ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В 2016 ГОДУ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 16-14-59007*

В статье характеризуются некоторые наиболее частотные языковые средства и речевые приемы, а также коммуникативные стратегии и тактики, использованные журналистами пермских печатных и интернет-СМИ в процессе создания имиджей региональных политиков во время предвыборной кампании партии «Единая Россия» в 2016 г. Языковые способы формирования имиджа политиков анализируются на материале текстов информационных статей печатных изданий и интернет-сайтов региональных СМИ. Делается вывод о том, что выявленные приемы организации печатных и интернет-текстов позволяют сформировать у потенциального избирателя программируемое автором текста представление о региональных политиках как личностях, которые способны эффективно решать актуальные политические задачи и действовать в целях дальнейшего развития Пермского края.

Ключевые слова: политический дискурс; жанр информационной статьи; языковые приемы создания имиджа политика; прагматические установки.

Общеизвестно, что в настоящее время коммуникация политика с избирателями носит преимущественно опосредованный характер. Это объясняется тем, что «проблема выбора политического лидера решается большинством населения не на основе политических программ кандидатов или их принадлежности к определенной партии, а под воздействием впечатления от их образов в СМИ и сформировавшихся в различных электоральных группах представлений о них» [Матвеева, Замская 2012: 329]. Образ политического лидера является одним из главных инструментов политической рекламы, а формирование имиджа кандидата выступает в качестве одного из необходимых этапов избирательной кампании. Как справедливо отмечает С. Ф. Лисовский, главным качеством имиджа политического лидера является доминантность: «...мы оперируем свернутой основной информацией вместо того, чтобы оперировать

полным объемом информации. Специфика имиджевой коммуникации заключается еще и в том, что реакция получателя информации контролируема. Сообщения создаются с учетом ожидаемой реакции адресата» [Лисовский: эл. ресурс]. Созданием имиджа политика занимаются имиджмейкеры, политтехнологи, члены предвыборной команды кандидата, тогда как продвижением медийного образа политика, трансляцией его имиджа занимаются средства массовой информации. В этом отношении особую роль играют журналисты, которые способствуют распространению определенного образа политика в СМИ.

В связи с этим цель данной работы состоит в попытке выявить роль журналистов региональных печатных и интернет-СМИ в процессе создания, трансформации и тиражирования имиджей политиков регионального уровня. В качестве материала исследования послужили тексты информационных статей пермских печатных и интернет-изданий, опубликованные в период проведения предвыборной кампании партии «Единая Россия» в 2016 г., анализировались также тексты информационных бюллетеней, изданных пермским отделением этой российской политической партии.

Изучение материала позволило установить, что в процессе создания текстов информационных статей, а также текстов политической рекламы авторами осуществляется преднамеренное позиционирование определенных политических лидеров-кандидатов от партии «Единая Россия», а также и самой политической партии в целом. Как отмечается в современном толковом словаре маркетинга, «позиционирование – это процедура анализа, оценки и проектирования сравнительного положения товара среди товаров-конкурентов путем придания товару определенных, узнаваемых характеристик (качество, цена, дизайн, имидж), чтобы обеспечить ему выигрышное, отличающееся от конкурентных и желаемое для фирмы или товара место в перспективных сегментах рынка и в сознании целевых групп потребителей» [Позиционирование: эл. ресурс]. Применительно к политической деятельности позиционирование можно рассматривать как «собственно построение образа и направление его восприятия в необходимое русло, представление образа с помощью понятных и благоприятных (с точки зрения интересов населения) категорий» [Викентьев, цит. по: Лисовский: эл. ресурс].

Анализируемый материал свидетельствует о том, что в процессе создания текстов информационных статей пермские журналисты, которые в большинстве случаев не афишируют свое авторство, т. е. предпочитают оставаться для читателей инкогнито, используют в основном один и тот же набор языковых средств, коммуникативных стратегий и тактик, а также речевых приемов создания имиджей региональных по-

литиков и позиционирования партии «Единая Россия» в Пермском крае в 2016 г. Так, наиболее частотным приемом формирования имиджа политика является констатация его профессионализма, компетентности, наличия многолетней успешной карьеры, а также таких личностных качеств, как умение «держат слово», выполнять указы избирателей. Обычно этот речевой прием активно используется в текстах политических биографий кандидатов, в рекламных буклетах и в отзывах избирателей, в рубриках информационных бюллетеней под названием «Лица партии» и в жанрах интервью с политическим лидером.

На поддержание заданного образа кандидата работает и упоминание его заслуг, высокой оценки, данной ему коллегами и соратниками, в современной риторике этот прием квалифицируется как ссылка на авторитетное мнение. Одновременно в характеристике определенного политика акцентируется его участие в деятельности партии «Единая Россия», подчеркивается, что данный кандидат является достойным представителем этого политического объединения.

В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты, в которых использованы отмеченные выше приемы создания имиджа политического лидера: а) *«Владимир Юрьевич у нас частый гость, он наш верный друг и помощник. ...Владимир Юрьевич – человек реальных дел, он неоднократно оказывал нам помощь, всегда оперативно реагирует на наши просьбы, выполняет все свои обещания* (За развитие Прикамья. Информационный бюллетень, август 2016); б) *По списку партия выдвинула 31 кандидата, по одномандатным округам – 22. Но прежде всего отметим качественный состав единороссов. Под знамёнами «Единой России» собраны опытные управленцы, руководители крупных и успешных предприятий, действующие депутаты законодательного собрания Пермского края и Пермской городской думы, известные общественники, работники администрации Перми. Каждый из них на протяжении многих лет работает на благо Перми, каждого из них поддерживают коллективы, коллеги и соратники* (Пятница, 29.07.2016); в) *Николай Дёмкин, секретарь регионального отделения партии «Единая Россия», дал высокую оценку прошедшей беседе. – Сегодня Виктор Фёдорович (В. Ф. Басаргин – губернатор Пермского края, член партии «Единая Россия» – Е. К.) показал, что он достойный ученик своего учителя – президента Владимира Путина»* (Аргументы и Факты – Прикамье, 20.07.2016).

Распространенным приемом позиционирования политической партии служит указание автора текста на то, какое влияние оказывает (или может оказать в будущем) деятельность определенного политического объединения на развитие Пермского края в целом. В этом случае перм-

ские журналисты информируют читателей о действиях, предпринятых кандидатами от «Единой России» в целях повышения экономической, культурной, социальной и др. привлекательности региона, и прогнозируют благоприятное развитие событий в будущем даже в том случае, если причинно-следственная связь деятельности партии в целом или ее представителей с последующими явлениями не очевидна для читателей и интернет-пользователей, например: *«Из-за чего же в Прикамье так рьяно взялись за ремонт дорог? В этом году на эти цели Пермский край получил рекордную сумму – более 8 млрд руб. Это средства из городской и краевой казны, а также дополнительно выделенные федеральным центром 1,15 млрд руб. Эти деньги помогла получить «Единая Россия». Треть суммы пойдет на реконструкцию проезжей части в краевой столице... Всего же в крае обновят более 100 км дорог»* (Сайт «АиФ-Пермь», 01.08.2016).

Одной из типичных коммуникативных стратегий, которые используются в предвыборный период, по мнению О. Н. Паршиной, выступает агитационная стратегия, часто реализуемая речевой тактикой обещания. Исследователь полагает, что «задача агитационной стратегии – воздействовать на поступки слушателей, чтобы побудить их к совершению определенного действия» [Паршина, 2007: 115]. В информационных текстах, посвященных деятельности партии «Единая Россия» и ее кандидатов, также были выявлены речевые единицы, при помощи которых реализуется эта тактика. В качестве иллюстрации приведем следующий текстовый фрагмент: *«Региональный политсовет партии «Единая Россия» Пермского края утвердил программу, с которой партия намерена участвовать в выборах депутатов Законодательного собрания 18 сентября. ...В частности, в сфере трудовой политики **единороссы намерены повышать** величину минимальной заработной платы до уровня не ниже прожиточного минимума в крае, **а в дальнейшем увеличивать** ее до уровня 50 процентов от средней зарплаты в регионе»* (Профсоюзный курьер, 13.07.2016). В данном фрагменте обращает на себя внимание использование глаголов несовершенного вида (*повышать, увеличивать*), которые, как известно, имеют семантику незавершенности действия. Их появление в предвыборных текстах закономерно, так как позволяет и авторам текстов избежать ответственности в случае отсутствия реального результата в будущем.

Подводя предварительные итоги анализа информационных материалов предвыборной кампании партии «Единая Россия» в Пермском крае в 2016 году, отметим, что выявленные приемы организации информационных печатных и интернет-текстов позволяют авторам-журналистам решить ряд коммуникативно-прагматических задач: транслиро-

вать избирателю созданные политтехнологами образы политических деятелей регионального уровня, поддержать и укрепить имидж политической партии «Единая Россия», сформировать у электората представление о региональных политиках как о личностях, которые способны эффективно решать актуальные политические задачи и действовать в целях дальнейшего развития Пермского края.

Библиографический список

Лисовский С. Ф. Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/05.htm> (дата обращения: 09.11.2016).

Матвеева Л. В., Замская М. Д. Роль журналистики в трансформации образа политика в современном мире // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 329–355.

Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Позиционирование // Маркетинг: большой толковый словарь / под ред. А. П. Панкрухина. 2010. М.: Омега-Л. URL: <http://marketing.academic.ru/94> (дата обращения: 11.11.2016).

Е. М. Krizhanovskaya

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

LANGUAGE FEATURES OF POLITICIAN'S IMAGE CREATION IN THE REGIONAL PRINTING AND THE INTERNET-MEDIA DURING THE ELECTION CAMPAIGN OF THE PARTY “UNITED RUSSIA” IN 2016

The article describes some most frequency language means and speech ways, and also communicative strategy and tactics used by journalists of the Perm printing and the Internet-media in the creation of the regional politicians images during carrying out of election campaign of the party «United Russia» in 2016. The article analyzes some language ways of politician's image creation on a base of information articles texts of various regional printing editions and Internet-websites. The article contains a conclusion that the revealed ways of the printing and Internet texts creation allow to reach the following pragmatical purpose – to generate at the potential voter programmed by the text author representation about regional politicians by means of Perm politicians presentations as persons who are capable to solve effectively the actual political problems put before them and to operate with a view of the further development of the Perm edge.

Key words: political discourse; genre of information article; language creation ways of the politician's image; pragmatical installations.

Куличкина Галина Васильевна
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kulgv@list.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРТ-ЖУРНАЛИСТИКИ (на примере пермской краевой газеты «Пермь Великая»)

В Пермском крае 2000-х годов под влиянием коренного реформирования масс-медиа возникает печатная пресса в сфере культуры искусства, появляются новые журналистские имена, свидетельствующие о формировании пермской арт-журналистики. Одним из самых долговременных проектов краевой арт-журналистики стала газета «Пермь Великая» Пермского государственного института искусства и культуры. На ее примере рассматриваются культурно-просветительная, культуроформирующая, культуротворческая и инновационная функции арт-журналистики.

Ключевые слова: функции арт-журналистики; Пермский край; газета «Пермь Великая».

В Пермском крае 2000-е годы были ознаменованы появлением совершенно нового, по сравнению с советским периодом, направления – культурологического, с ярко выраженным сегментом арт-журналистики. Его представителями стали журналы «Бонжур» (2001–2003), главный редактор Лариса Черепанова; «City» (2003–2008), главные редакторы Елена Сушанек, Ольга Чудинова; «Досуг» (2004), директор Наталья Винникова, «Шпиль» (2005–2010), главные редакторы Елена Сушанек, Юлия Баталина; «Булавка» (2006–2007), главный редактор Лариса Клейнер; «Мы – земляки» (2009–2015), главный редактор Галина Костарева, газета «Пермь Великая» ПГИИК (2003–2013), главный редактор Галина Куличкина, альманах «Вещь» (с 2010 года), главный редактор Павел Чечеткин. Можно сказать, что в период с 2003 по 2013 год Пермь переживала своеобразный бум арт-журналистики.

Активизация культурологической повестки дня была по-своему закономерна. Рост подобных изданий был зафиксирован в научных трудах по проблематике СМИ в России [Проблематика СМИ. Информационная повестка дня 2008: 143–177]. Тому способствовали объективные причины: относительная экономическая стабильность страны в условиях коренных реформ 2000–2007 годов; возникновение социальной группы

«новых русских», у которых появились финансы для организации собственного культурного досуга и потребления высоких образцов искусства, вследствие чего возникли информационные потребности в культурологических масс-медиа. Что касается рядовых граждан, которые привыкли в советские времена «жить культурой», им хотелось «отдохнуть» от политических баталий 1990-х годов, и поэтому они тоже составляли целевую аудиторию культурологических СМИ. Способствовала появлению арт-журналистики идеология мультикультурализма, которая пришла в Россию с Запада вместе со свободой слова, и возникла необходимость заново рассматривать критерии оценки явлений современной культуры и искусства. Арт-журналистика стала одним из средств оглашения новых и защиты старых эстетических приоритетов.

К 2016 году ситуация с изданиями по культуре и искусству в регионе коренным образом изменилась. Из пермских изданий с арт-журналистикой большинство закрылось, «в живых» остались два: информационно-рекламный справочник «Досуг» и литературный альманах «Вещь», который выходит два раза в год при поддержке Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края. Можно констатировать, что сегодня пермская аудитория с культурологическими запросами оказалась на своеобразной «медиадиете». Определенную роль в закрытии некоторых журналов частного характера сыграли отсутствие продуманной концепции развития СМИ и экономический кризис в августе 2008 года.

В этом смысле наибольший интерес для нас представляет опыт издания газеты «Пермь Великая» ПГИИК. Из всех пермских печатных СМИ в сегменте арт-журналистики она прожила дольше всех – 10 лет. «Пермь Великая» имела формат А4 объемом 8–12 страниц, была основана в декабре 2003 года, выходила в свет с 2004 года один раз в месяц, позже 1 раз в два месяца. Тираж 300 экземпляров, распространение бесплатное – по учреждениям культуры и искусства, среди преподавателей и студентов гуманитарных специальностей пермских вузов. Всего было выпущено 55 номеров. Объяснение выбора названия присутствовало в «шапке» на первой странице над колонками текста. Там была приведена цитата из Троицкой летописи за 1321 год, которую ввел в научный оборот пермский историк профессор Г. Н. Чагин. В ней раскрыто содержание устойчивого словосочетания «Пермь Великая»: «Под Пермью Великой надо понимать территорию от Чусовского озера до реки Чусовой на юге, а с Запада и на Восток от верховьев Камы до Уральского хребта». А ниже от редакции было добавлено: «Сегодня выражение “Пермь Великая” стало крылатым образным обозначением всего талантливого в Прикамье, что обнаруживается в сфере социально-культурной деятельности».

Газета была образована в рамках краевого молодежного культурно-просветительного центра «Пермь Великая», он и стал ее учредителем. Сам центр был организован на средства краевой целевой программы «Вузы и регион». Средства были выделены Пермскому государственному институту искусства и культуры, соответственно, при этом вузе газета и стала выходить в свет. Таким образом была решена на первых порах проблема ее экономического существования. Когда завершилось финансирование из бюджета программы «Вузы и регион», руководство ПГИИК в лице ректора Е. А. Малянова продолжило его поддерживать за счет средств вуза.

Известно, что жизнеспособности СМИ способствуют факторы не только внешнего, но и внутреннего характера. Среди них первостепенное значение приобретает концепция издания. При разработке проекта будущего СМИ «важно точно сформулировать целевое назначение, т. е. обозначить, какой набор функций будет осуществлять СМИ» [Дзялошинский, Дзялошинская 2012: 19]. Проректор ПГИИК по научной работе, главный координатор проекта Е. М. Березина совместно с редактором, запуская газету в направлении арт-журналистика, преследовали ряд хорошо продуманных стратегических целей. Они понимали, что назрела острая необходимость пересмотра традиционных методологических и технологических основ подготовки молодых специалистов в вузах культуры России. Система подготовки специалистов XXI века, среди прочего, должна предполагать «отзывчивость» высшего образования на потребность общества в личности с развитой медиакультурой. Это означало, что медиаобразование и медиапросвещение следует вводить на правах составных частей в учебно-творческий процесс, и газета как площадка для работы со студентами с помощью медиа оказывалась весьма кстати. Была и педагогическая цель. В 1990-х годах в результате коренного реформирования российской государственности произошло выхолащивание из сознания молодого поколения высоких духовно-нравственных ценностей. Научная общественность (см. труды А. В. Федорова, А. А. Новиковой, А. В. Шарикова, Г. П. Максимовой) с тревогой говорила о влиянии массовой информации, разрушающей духовное здоровье молодежи, об уходе медиа из зоны педагогической рефлексии [Березина, Куличкина 2011: 166]. Третья цель преследовала развитие профессиональной журналистской деятельности среди преподавателей и студентов, что тоже соответствовало творческому духу вуза. Была и дополнительная цель, ориентированная на связь вуза с краевыми учреждениями культуры для создания картины культурной среды, решения проблем культурной жизни региона.

Обозначенные цели определили основные функции газеты «Пермь Великая»: образовательную, культурно-просветительную и воспитательную. Газета должна была работать с молодежной аудиторией с целью изучения, сохранения, поддержки и развития регионального культурного наследия. Газета имела и функции художественной критики (культуротформирующая и культуротворческая), так как в информационном пространстве Перми арт-журналистика была представлена далеко не всегда специалистами по искусству. А в ПГИИК такие авторы-специалисты среди педагогов были. Осуществлялась инновационная функция, т. е. «иницирование изменений в общественной жизни путем широкой и настойчивой постановки определенных общественных проблем и привлечения к ним внимания властей и общественности» [Дзялошинский, Дзялошинская 2012: 20]. Использовалась функция модератора диалога между представителями разных социально-культурных групп по поводу актуальных проблем культуры и искусства.

Рассмотрим подробнее, каким образом функционирование «Перми Великой» воплощалось на страницах газеты. Первым сигналом для читателей к диалогу служили рубрики. Так, информационно-просветительная, образовательная и воспитательная функции реализовались в рубриках «Страницы истории», «История России в судьбах и лицах», «Художественное образование»; «К 60-летию Победы», «К 65-летию Победы», «Память», «Краеведение»; «Масс-медиа», «Искусство моды и молодежь», «Вуз – Флаэртиана», «Культура образования», «В творческой лаборатории», «На досуге», «Молодежь и общество», «Наши выпускники», «Учитель и ученик». Эстетические функции выполняли рубрики «Кино», «Театр», «Литература», «Выставки», «Фестиваль», «К вершинам искусства». Здесь предлагалось освещение премьерных показов фильмов и спектаклей, новых выставок, событий пермских международных фестивалей «Арабеск», «Дягилевские сезоны», «Пространство режиссуры», достижений молодых талантов. В рубрике «Дискуссия», где газета брала на себя функции модератора, проводились обсуждения проблем массовой культуры, взаимодействия культуры и СМИ, проблем некоммерческой музыки, любви в потребительском обществе, массовых праздников и театрализованных представлений. Проходили круглые столы по творчеству Евгения Гришковца, Людмилы Улицкой, чье творчество было удостоено высшей награды на всероссийских национальных конкурсах; фильмам Андрея Звягинцева, принесших ему награды на зарубежных фестивалях.

Отдельно следует сказать об инновационной функции «Перми Великой» – утверждении ценности русского языка, русской культуры как основы единения народов России, о воспитании любви к Отчизне, что

осуществлялось на протяжении всего периода деятельности газеты. Инновационность была в том, что в начале 2000-х годов в глубинке не стояли еще так остро «русский вопрос», проблема трудовых мигрантов и гражданского единства многонационального государства. Еще не было сказано на высшем уровне о необходимости стратегии государственной национальной политики, основанной на гражданском патриотизме (2012 г.), после чего тема межнациональных отношений вошла в информационную повестку дня большинства российских СМИ. Был ценен сам факт того, что редакторат газеты и руководство ПГИИК вовремя почувствовали актуальность и необходимость данной тематики. Здесь редакция опиралась на совместную деятельность с Пермским Русским национально-культурным обществом, которое возглавлял Е. А. Малянов (в те годы ректор ПГИИК). В рубрике «Русская культура», «Русская литература», «Русский мир», «Русский язык» журналисты рассказывали о традициях русской народной культуры в современном мире, русской литературной классике, современных писателях, поэтах, художниках, деятелях русской культуры. Специальные выпуски посвящались рассказу о ежегодном краевом фестивале «Русский мир», который направлен на гармонизацию межнациональных отношений (в Пермском крае проживают представители 146 народов России).

Контент газеты создавался с помощью разных жанров, но предпочтение отдавалось публикациям с элементами аналитики и художественно-публицистическим: интервью со специалистом, статье, обзору, зарисовкам о человеке. При выборе событий для информационной повестки дня в очередном номере акцент делался прежде всего на тех фактах и явлениях из жизни культуры и искусства Пермского края, которые имели одновременно региональный и всероссийский масштаб. Вокруг газеты очень быстро сформировался актив из педагогов ПГИИК, которые умели писать тексты в аналитических жанрах: рецензии, творческие зарисовки о деятелях искусства, проблемные статьи, обозрения. Благодаря им в газете появились такие направления арт-журналистики: музыкальное, театральное, киноведческое, литературное, изобразительного искусства, народной культуры, модной журналистики, медиакритики. Музыкальная журналистика на страницах газеты была представлена следующими именами: Е. В. Баталина, декан факультета искусств, член Союза журналистов России; Л. Ф. Ивонина, заведующая кафедрой оркестровых и струнных инструментов, заслуженная артистка России, концертмейстер оркестра пермского театра оперы и балета; Ю. Л. Ивонин, доцент кафедры оркестровых и струнных инструментов; О. А. Захарова, приват-доцент кафедры сольного пения, бывшая солистка Пермского театра оперы и балета; кандидат культурологии, доцент кафедры истории и

теории музыки, композитор П. А. Куличкин. В роли обозревателей премьерных балетных спектаклей, конкурсов «Арабеск» и балетов на «Дягилевских сезонах» выступали заведующая кафедрой хореографии, кандидат искусствоведения Т. А. Казаринова, доцент этой же кафедры В. Г. Иванов, опытный журналист Т. П. Чернова. С обзорами художественных выставок, зарисовками о художниках выступали искусствовед Пермской художественной галереи и педагог мастерской народного художника СССР Евгения Широкова Т. Д. Шматенок; кандидат филологических наук, доцент кафедры живописи и искусствоведения, член Союза художников России Е. А. Постнова. Театральную журналистику представляла автор этих строк. В роли рецензентов на страницах газеты дебютировали студенты. Для некоторых публикации в «Перми Великой» стали стартом в профессиональную журналистику. Добавим, что среди постоянных авторов газеты был ректор, профессор ПГИИК Е. А. Малянов, проректор по научной работе ПГИИК кандидат философских наук Е. М. Березина. Это повышало статус газеты в глазах ее читателей.

Итак, долголетнее функционирование газеты «Пермь Великая» определялась тем, что руководство редакции четко продумало стратегические цели газеты, целевую аудиторию, сумело найти кадры профессиональных специалистов по искусству и простимулировать их для высказывания экспертных оценок в публичном пространстве. Умело был выстроен диалог творца и критика, педагога и ученика, журналистов газеты и администрации вуза, теоретиков и практиков современного искусства. Закрытие газеты произошло при смене ректора и образовательного курса ПГИК.

Библиографический список

Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Концепция современного периодического издания: учебно-методическое пособие. М.: МедиаМир, 2012. 344 с.

Березина Е. М., Куличкина Г. В. Комплексный подход в медиаобразовании и медиапросвещении средствами СМИ в региональном вузе искусства и культуры // Молодежь и медиа. Цели и ценности: Сб. Материалов I Всероссийской научно-практической конференции». Молодежь и медиа. Цели и ценности», Москва, 28–29 апреля 2011 г. / сост. Т. Н. Владимирова, И. В. Жилавская, М.: РИЦ МГГУ имени М. А. Шолохова, 2011. С. 164–171.

Проблематика СМИ. Информационная повестка дня: учебное пособие для вузов / под ред. М. В. Шкондина, Г. С. Вычуба, Т. И. Фроловой. М.: Аспект Пресс, 2008. 315 с.

G. V. Kulichkina

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

**FUNCTIONING OF THE MODERN REGIONAL ART JOURNALISM
(on the example of the Perm regional newspaper “Perm Great”)**

In the Perm region of the 2000s, under the influence of radical reform of the mass media, a press appeared in the field of art culture, new journalistic names appeared, evidencing the formation of Perm art journalism. One of the most long-term projects of regional art journalism was the newspaper “Perm Velikaya” of the Perm State Institute of Art and Culture. On its example, cultural-educational, cultural-forming, cultural-creative and innovative functions of art journalism are considered.

Key words: functions of art journalism; Permsky Krai; newspaper “Perm Velikaya”.

Масальцева Татьяна Николаевна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alba@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЗЕМСКИХ ИЗДАНИЙ: НА МАТЕРИАЛЕ «ПЕРМСКОЙ ЗЕМСКОЙ НЕДЕЛИ»

В статье рассматриваются процессы обсуждения «литературы для народа», литературные тексты и литературная критика в газете «Пермская земская неделя» (1907–1917 годы).

Ключевые слова: периодические издания русской провинции; земские газеты; газетная литературная жизнь; литературная критика.

Отмена крепостного права в России вызвала ряд реформ, приспособляющих общество к нововведениям. Возникшие в 1860 годы в русской провинции всеобщие земские учреждения занимались не только организацией народной медицины, продовольственного обеспечения, дорожного дела, но и народного образования. Существенной составляющей последнего был процесс приобщения крестьян к процессу чтения.

Для земских учреждений серьезной необходимостью была гласность, открытое обсуждение всех действий, поэтому земство было заинтересовано в обсуждении своих начинаний в прессе, особенно в прессе специализированной. Земства писали об организации крестьянских школ, библиотек, курсов, чтений и др.

«Сборник Пермского земства», издаваемый Пермской губернской земской управой с 1872 года, размещал статистические материалы Пермской губернии и разные сведения и объявления, важные для деятельности земских учреждений, а также материалы краеведческого характера, посвященные географии, этнографии, фольклору народов Пермской губернии. Целевой аудиторией «Сборника» были сами представители земских организаций. Тексты, имеющие отношение к освещению литературной жизни России, в сборнике появлялись крайне редко.

«Сборник Пермского земства» выходил сначала один раз в два месяца, потом 2 раза в месяц, 6 раз в год. Пермскому земству требовался не только более оперативный печатный орган, сообщавший информацию обо всех изменениях народной жизни, но и способствующий прямому

контакту земских учреждений и населения и преследующий своей целью повышение уровня народного образования. Значит, потенциальной целевой аудиторией обновленного периодического издания земства становилось пермское крестьянство.

Сами крестьяне очень интересовались чтением газет. Некоторые доставали газеты из контор соседних имений; другие читали газеты в сельских трактирах; третьи, наконец, сами выписывали газеты – в одиночку или в складчину.

Первой ласточкой среди провинциальных земских изданий, читаемых крестьянами, стала «Вятская газета», предвосхитившая массовый выпуск подобных газет в губерниях. После закрытия «Вятской газеты» появились весьма похожие издания Нижегородского и Казанского губернских земств. Таким образом, в начале XX века успешно издавались 3 провинциальные земские газеты. Их опыт был изучен и обобщен в «Трудах Вольного экономического общества», в результате чего земствам была предложена модель земского издания, описанная в «Программе и проекте издания земской народной газеты». Относительно периодических изданий земских и городских общественных учреждений были установлены правила: содержание этих изданий было утверждено правительственной программой и ограничивалось официальными актами или материалами. Эти правила не всегда строго соблюдались – допускалось значительное расширение программ.

В 1907 году Пермское губернское земское собрание постановило издавать популярный «журнал-газету» для деревни – вместо «Сборника Пермского земства» решено было издавать «Пермскую земскую неделю».

Еженедельник «Пермская земская неделя» был рассчитан на крестьянскую аудиторию, а также на представителей сельского чиновничества, поскольку далеко не каждый крестьянин в то время умел читать. Основная задача издания виделась в следующем: «Газета толкает нашу деревню к культуре и дает возможность крестьянину разобраться, что хорошо, а что худо» [Уткин 1907: 1].

Одним из организаторов, а затем и сотрудников «Пермской земской недели» стал преподаватель и литератор Николай Петрович Белдыцкий. В это время он проводил курсы для учителей сельских школ, в связи с чем опубликовал в «Пермской земской неделе» цикл «Заметки по народному образованию в Пермской губернии». Ранее, в 1898 году, Н. П. Белдыцкий разместил в «Пермских губернских ведомостях» цикл очерков о Вишерском крае. Продолжая свои путешествия и краеведческие изыскания, в новой газете Белдыцкий также размещал развернутые циклы очерков-путешествий, в 1907–1908 годах публиковавшиеся под рубрикой «Из поездок по Пермской губернии». В 1912 году именно в

«Пермской земской неделе» он опубликовал свой знаменитый цикл «Ныробский узник: (к 300-летию дома Романовых)». Литературно-критическими публикациями Н. П. Белдыцкий тоже был интересен пермскому читателю: его интересы сосредотачивались на жизни и творчестве писателей, связанных с Пермской губернией, о чем свидетельствует цикл очерков «Ф. М. Решетников и значение реалистического творчества», опубликованный в «Пермской земской неделе» в 1916 году.

В первом же номере газеты Н. П. Белдыцкий отметил воспитательную и руководящую роль газеты в выборе книг для чтения: «Теперь крестьянин начинает узнавать, что на Руси было немало великих людей, которые любили русский народ всею душою, страдали за него и свою любовь к нему, свои за него страдания записали в книги, читая которые, мы начинаем еще более любить русский народ. Люди эти были истинными печальниками горя народного <...> Некрасов, Тургенев, Толстой, Григорович <...> со всеми нужно познакомиться русскому человеку» [Белдыцкий 1907: 13]. Именно знакомство с русской классической литературой с целью формирования вкуса начинающей читать аудитории выдвинулось делом первоочередной важности. В следующем номере газеты эту мысль продолжает автор Н. Царегородцев: «Книга делает богаче внутренний мир, она расширяет наше понимание, осветит все стороны жизни». Таким образом, на протяжении всего своего существования газета неуклонно возвращалась к стимулированию читательского интереса целевой аудитории.

С первого номера в газете появилась рубрика «Библиография» и «Новые книги». Сначала в них рассматривались книги, представляющие деятельность земств («Земство в России и на окраинах») или дающие полезную информацию крестьянам («Литературное пособие по вопросам дешевого огнестойкого строительства», «Пчеловодство» и др.). Но уже в 1908 году в этой рубрике появляются публикации А. Локтина, рекомендуемые, какие именно книги можно почитать о творчестве «первого русского писателя народного горя» Н. А. Некрасова. Этот же автор представил читателю биографию М. Е. Салтыкова-Щедрина с «подробной критической оценкой произведений великого сатирика» (издание библиотеки «Светоч»). Автор объяснял свой выбор писателя следующим образом: «Читателям “Земской недели” известны произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Они разошлись приложением к журналу “Нива” <...> наверное, подписчики “Земской недели” прочли многие из произведений талантливого сатирика. Им следует ознакомиться с критическим сочинением по его произведениям» [Локтин 1907: 13].

Выбор писателя для разговора с крестьянином часто объяснялся следующими аргументами: «“Записками охотника“ Тургенев исполнил

свою “аннибалову клятву” бороться до последнего вздохом со страшным врагом – крепостным правом», «внимание выдающегося писателя Г. Н. Успенского остановилось на изображении жизни простого народа – крестьянства», «целью своей жизни и писательской деятельности Герцен постановил борьбу с крепостным правом и всем строем государственной и частной жизни, построенном на закреплении личности». Таким образом, произведения писателя предлагались к рассмотрению, если в них описывалась жизнь крестьянина и велась борьба за его права.

Газета старалась учесть и интересы самих крестьян, обсуждая результаты анкетирования в Московской губернии, результаты которого показали: «Среди писателей самые ходовые: Пушкин (217 ответов), Л. Толстой (21), Крылов (187), Кольцов (145), Тургенев и Некрасов (по 138), Лермонтов (125), Чехов (115) и Горький (104). Наиболее любимые произведения «Капитанская дочка» Пушкина и «Воскресение» Толстого» (количество опрошенных не указано).

Только к 1910 году в газете постоянно начинают публиковаться и собственно литературные тексты, органично вписывающиеся в контекст издания, иллюстрирующие тему номера. Так, рассказ Н. Златовратского («Дедушка». Рассказ солдата) опубликован в номере, посвященном столетию событий войны 1812 года. Текст рассказа Л. Толстого («Алеша Горшок») сопровождался публикацией воспоминаний о писателе крестьянина Новикова, «близкого знакомого Л. Н. Толстого в Москве и Ясной поляне». Был востребован и жанр газетного «календарного» рассказа, например, пасхального (М. Щедрин «Христова ночь»).

«Пермской земской неделей» также поднимались вопросы поиска крестьянами качественных книг для чтения, предпочтения классиков. Активный сотрудник газеты земский статистик Владимир Южаков, радовался, что современный крестьянин уже не так увлекается массовой лубочной литературой, как раньше: «“Ирбитский ярмарочный листок” отмечает, что нынешняя ярмарка для книготорговцев лубочными изданиями оказалась неблагоприятной <...> народ требует более серьезного и осмысленного чтения» [Южаков 1908: 3]. Авторами таких публикаций становились и крестьяне, например П. Макушин, с негодованием встретивший появление в деревне «гнилой», – по определению грамотной крестьянской молодежи, – литературы, героями которой явились Гарибальди, Пинкертоны» [Макушин 1911: 36].

В 1914–1916 годах, во время Первой мировой войны, когда государственная власть обратила все свое внимание на борьбу с внешним врагом, земство представило читателям важнейшие проявления государственной и общественной жизни сел и деревень Камско-Уральского края. Литературные материалы, преимущественно стихи, выполняли

агитационную функцию, способствуя единству народа в борьбе с врагом, например стихотворение Анатолия Доброхотова «Три письма» (смертельно раненый к сестре милосердия) или Мельшина «Голос расвета» с рефреном: «Пусть не будут наши дети / Упрекать своих отцов, / Что мы спали на рассвете / Новых, радостных годов».

В 1917 году «Пермская земская неделя» стала выходить реже, уведомив читателей, что по причине нестабильной работы типографии выпускает сдвоенные номера. Но даже в этот сложный период газета не отказывалась от публикации литературных материалов. Среди газетной литературы еженедельника преобладали поэтические произведения (публиковались в каждом номере, иногда на первой странице), создающие эмоциональный образ текущих событий: например публикации об отречении от престола Николая II и его брата Михаила сопровождались стихотворением «Уйдите...». По-прежнему встречались библиографические заметки и рецензии на новые книги, например на рассказы «из деревенской жизни» И. Шмелева «Суровые дни».

«Пермская земская неделя» просуществовала с 1907 года до февраля 1918 года и приобрела широкое распространение. Среди других земских, крестьянских изданий «Пермская земская неделя» была в числе лучших. С первого года издания в газете поднимались проблемы народного чтения, как, например, в статье «Что читает деревня?» (1908, № 2): «Книга расширяет район своего влияния и постепенно привлекает к себе симпатии деревенского населения: она становится другом и спутником читателя; отсюда совершенно иной, чем прежде, взгляд на книгу как на средство расширить умственный кругозор и отчасти заменить живое интеллигентное руководство. Читатель, несомненно, растет в количестве и растет очень быстро. К тому же он изменяется и качественно и, так сказать, из пассивного книгоглотателя становится активным преобразователем и устройтеlem жизни, применяя к делу полученные знания. Такая роль печати в деле строительства обязывает, чтобы читатель пользовался вполне доброкачественным материалом, а не отбросами книжного рынка». Первоочередной задачей «Пермской земской недели» к 1916 году становится предоставление доброкачественного материала для чтения и внятных литературно-критических рекомендаций, какие именно книги желательно читать аудитории газеты.

Библиографический список

Белдыцкий Н. Значение печатного слова для деревни // Пермская земская неделя. 1907. 1 марта (№ 1). Стб. 11–14.

Л-<окти>н А. А. К. К. Арсеньев. Салтыков-Щедрин / под ред. С. А. Венгерова. Изд. «Светоча» // Пермская земская неделя. 1908. 24 июля (№ 30). Стб. 25–26. (Отзывы о книгах).

Макушин П. Гнилая литература в деревне // Пермская земская неделя. 1911. 11 авг. (№ 32). Стб. 36. (Корреспонденция: Перм. уезд).

Уткин А. О газетах в деревне деревни // Пермская земская неделя. 1907. 5 июня (№ 19). Стб. 1–4.

В. Ю<жаков>. Лубочная литература умирает // Пермская земская неделя. 1908. 20 марта (№ 12). Стб. 3.

T. N. Masaltseva

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

**THE LITERARY LIFE OF THE PROVINCIAL PUBLICATIONS:
“PERM ZEMSTVO WEE”**

The article describes the processes of discussion “literature for the people”, literary texts and literary criticism in the newspaper “Perm provincial week” (1907–1917).

Key words: periodicals; Russian province; the provincial newspaper; newspaper literary life; literary criticism.

Мишланов Валерий Александрович
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
vmishlanov@yandex.ru

О ДИГЛОССИИ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена вопросу о языковой ситуации, сложившейся в современном коммуникативном пространстве русского языка. В связи с этим поднимаются некоторые узловые проблемы русистики, касающиеся природы славяно-русской диглоссии, причин ее возникновения, особенностей проявления в русской лингвокультуре в разные периоды, а также места и роли церковнославянского языка в истории русского литературного языка. Подтверждается положение о сохранении в неявном виде в современном русском коммуникативном пространстве славяно-русской диглоссии; выявляется ее специфика в церковно-религиозном дискурсе, где в известной мере воссоздается языковая ситуация, характерная для начального периода книжной письменности на Руси.

Ключевые слова: церковнославянский язык; славяно-русская диглоссия; церковно-религиозный дискурс; религиозный стиль русского языка.

Л. А. Булаховский в вузовском учебнике русского литературного языка приводит свидетельство Г. Лудольфа о языковой ситуации для конца XVII века: «Без помощи славянского языка никто из русских не может писать или рассуждать об ученых предметах... В домашней жизни не употребляется один славянский язык, потому что многих слов из житейского быта нет в тех книгах, из которых почерпается язык славянский. Поэтому считается правилом: говорить по-русски, а писать по-славянски» [Булаховский 1937: 7].

Задача настоящей статьи – обосновать утвердительный ответ на вопрос о том, сохраняется ли ситуация функционального двуязычия в современном русском коммуникативном пространстве.

К уточнению понятия диглоссии. Диглоссия определяется как «одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка (разрядка моя. – В. М.), применяемых в разных функциональных сферах» [ЛЭС 1990: 136]. Толкование это, на мой взгляд, излишне широкое. При такой трактовке диглоссия (функциональное двуязычие) оказывается универсальным социолингвистическим явлением (поскольку характеризует любой литературный язык с более

или менее длительной традицией книжной письменности), а кроме того, в этом случае данными терминами передаются существенно различные вещи: собственно двуязычие (т. е. заведомо не универсальное свойство коммуникативного пространства какого-либо этноса) и обязательное расщепление развитого литературного языка на функциональные разновидности.

Б. А. Успенский подчеркивает, что «ни один социум внутри данного языкового коллектива не пользуется книжной языковой системой как средством разговорного общения (это обстоятельство, в частности, отличает ситуацию диглоссии от сосуществования литературного языка и диалекта» [Успенский 1994: 5]. Однако это может быть отнесено и к ситуации «одноязычия», ибо ни представитель образованных слоев общества, ни тем более носитель диалекта или городского просторечия не пользуются в обиходном общении книжными стилями языка.

Подчеркивается, далее, что, поскольку в ситуации двуязычия «члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно в этой ситуации видеть два разных языка» [там же: 6]. Но это справедливо лишь применительно к неявной диглоссии, какая сложилась в древнерусской лингвокультуре. Несомненно, «эксплицитная» латино-национальная диглоссия, характерная для средневековой Европы, воспринималась как таковая с точки зрения не только «внешнего наблюдателя», но и языкового коллектива.

Разумеется, при оценке языковой ситуации в том или ином обществе, важно принимать во внимание «точку зрения языкового коллектива», т. е. восприятие разговорного языка и языка книжной письменности как разных языков или вариантов одного языка. Но с точки зрения научной (с позиции «внешнего наблюдателя»), очевидно, необходимо четко разграничивать случаи использования в определенных сферах коммуникации генетически разных языков или вариантов одного языка. Только в первом случае можно говорить о функциональном двуязычии.

Как возникает диглоссия? Если говорить коротко, то диглоссия возникает, очевидно, при переходе древних народов от мифологий (ранних форм верований, язычества) к религиям. Мифологиям достаточно устных форм бытия, им довлеют предания, «кочующие» из племени в племя [Фрэзер 1990: 23; Токарев 1990: 45], тогда как религиям (усваивающим и трансформирующим мифологические представления) свойственно то, что можно назвать *доктринальностью, кодифицированностью и ортодоксальностью*. А это качества, которые не могут

проявиться без письменных форм, без закрепления вероучения в непогрешимом Писании.

Бытие священных текстов (их движение во времени и пространстве) существенно отличается от функционирования иных текстов, даже написанных на «пророческом» языке, но не воспринимаемых адресатом как слово Божие. Священное Писание наделяется свойством, именуемым в богословии *богодухновенность*, которая понимается как результат «особого воздействия Св. Духа на провозвестников Божественного Откровения..., в силу которого они являются как бы словом самого Бога, а не личным созданием их авторов» [Полный православный богословский энциклопедический словарь 1992: 350]». В семиотическом плане *богодухновенность* Писания есть отношение к нему как к источнику высшей мудрости и нравственного совершенства. В силу этого язык Писания приобретает особый статус, становясь центром семиосферы народа, высшим кодом духовной культуры, во многом определяющим развитие национального языка.

Мировые религии представляют собой *суперэтносы* [Гумилев 1989: 109–116]. По этой причине с принятием какого-либо из «надэтнических» вероучений почти автоматически начинается процесс развития диглоссии: в качестве языка книжной письменности у большинства народов избирается «пророческий» язык Писания, а в сфере обиходно-бытового общения естественным образом используются национальные языки.

Особенности диглоссии в ареале православных славян. Как известно, вероучение было воспринято после крещения Руси на старославянском языке, возникшем (а во многом созданном) в IX веке на основе солунского диалекта в процессе перевода с греческого богослужебных книг. Этот язык стал общим для православных славян языком книжной письменности, единым кодом культуры, продолжающим духовные традиции византийского «суперэтноса». При этом церковнославянский язык (как обычно называют позднейшие изводы старославянского языка) на Руси если и воспринимался как инославянский, то лишь в самом начале книжной письменности. Очень скоро отношение к нему изменилось. По-видимому, в коллективном языковом сознании церковно-книжный язык осмысливался как иной во времени, а не в пространстве, т. е. свой издревле, древнеславянский. В любом случае, «в древней Руси не возникло отчуждения книжного языка от народного. Древнерусские переводчики и писатели свободно сочетали литературные славянские слова с русскими. Кальки греческих фраз не ломали восточнославянской семантики...» [Виноградов 1978: 20].

Итак, диглоссия, сформировавшаяся у восточных славян в X веке, отличается тем, что она, по сути, с начала появления письменности приобрела скрытый для носителей языка характер.

Это определило особое отношение в нашей духовной культуре к церковнославянскому языку (в иной терминологии, к церковно-книжному типу древнерусского литературного языка), а тем самым его особую роль в истории книжных стилей русского языка и нашей лингвокультуры в целом.

Не утихающая многие десятилетия дискуссия касается в основном вопроса об языковой основе русского литературного языка. Никто не оспаривает того факта, что церковнославянский язык оказал сильнейшее влияние на процессы формирования и развития русского литературного языка, но остается дискуссионным вопрос о том, каково действительное место церковнославянского языка в современном русском языке, какова генетическая природа нашего литературного языка. В сущности, вопрос может быть поставлен так: что во что проникало? Логически возможно три ответа на этот вопрос, три гипотезы (и все они, как известно, нашли в русистике своих сторонников):

1) По мнению А. А. Шахматова, «по своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву ц.-сл. язык..., в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие» [Шахматов 1941: 60].

2) Вторую гипотезу выдвинул С. П. Обнорский, считавший, что древнерусский литературный язык в своей основе является собственно русским (восточнославянским) [Обнорский 1946]. Несмотря на немалую популярность в советской русистике (как идеологически правильной), гипотеза С. П. Обнорского не получила все же единодушной поддержки. Правда, по мнению Ф. П. Филина, ее критика является малоаргументированной: «настоящего ее критического разбора, основанного на привлечении большого фактического материала, пока не имеется» [Филин 1972: 639]. Но столь же неубедительной, не основанной на фактах является и критика другой «крайней точки зрения» – Б. О. Унбегауна, полагавшего, что «что русский литературный язык является в своей основе старославянским (церковнославянским) не только по происхождению, но в некоторых своих сторонах (в синтаксисе и в значительной степени в лексике) остается старославянским и теперь» [там же]. И если, как пишет Ф. П. Филин, гипотеза Б. О. Унбегауна тоже «основывается, скорее, на общих соображениях, нежели на фактах» (с чем, наверное, можно согласиться), то не означает ли это, что обе крайние точки зрения опираются на идеологические предпосылки.

3) Очевидно, по этой причине в русистике больше сторонников получила третья точка зрения, содержащаяся в трудах В. В. Виноградова. «Древнерусская народность обладала тремя типами письменного языка, один из которых – восточнославянский в своей основе – обслуживал деловую переписку, другой – собственно литературный церковнославянский, т. е. русифицированный старославянский, – потребности культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип, по-видимому, широко совмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народнопоэтической речи и славянизмы..., применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные» [Виноградов 1956: 10]

Любопытно, что В. В. Виноградов, обозначая все три типа языка, реализованного в древнерусских текстах, не употребляет здесь определения «литературный», имея, возможно, в виду, что к деловому языку Древней Руси это определение не может быть применено безоговорочно. Я вполне разделяю точку зрения Б. О. Унбегауна, полагавшего ошибочным «присвоение утилитарному – юридическому и административному – языку литературного ярлыка. Единый якобы литературный язык [Древней Руси] мог являть два варианта: книжный и деловой. Однако эта прискорбная терминологическая путаница, особенно процветавшая в 1940-х и 1950-х годах, в последнее время встречается все реже и, надо надеяться, будет окончательно оставлена» [Унбегаун 1971: 330].

Третий вариант древнерусского письменного языка представлен В. В. Виноградовым как своего рода прототип современного русского литературного языка, формирование которого с начала XVIII века, по мнению многих ученых, осуществлялось как синтез, **органическое** слияние равновеликих языковых потоков: церковнославянского и русского [Трубецкой 1990; Успенский 1994 и др.].

Слово «органический» («органичный») почти всегда присутствует в суждениях на эту тему. Этим определением подчеркивается идея ассимиляции церковнославянской составляющей в книжных стилях русского языка, ее обрусение, растворение в русской лингвокультуре.

Но если применительно к современному литературному языку (не разговорному) вполне допустима интерпретация его генетической природы как органического слияния церковнославянского и собственно русского (т. е. не воспринимаемого говорящими как симбиоз чужеродных частей), то древнерусские памятники даже «с доминированием элементов художественных» в лексическом и грамматическом отношении представляют в основном собственно церковнославянский язык.

Систему жанров древнеславянской и «примыкающей к ней» древнерусской письменности Н. И. Толстой представляет «в виде иерархиче-

ски организованной пирамиды, состоящей из ряда слоев». Всего ученый выделяет 14 групп текстов (слоев пирамиды), из которых семь слоев образуют тексты церковно-религиозного содержания, а ниже «следуют еще семь слоев (жанров) уже светского характера. Церковнославянский язык господствовал в первых семи жанровых слоях. В исторической, повествовательной и паломнической литературе, сохранявшей церковнославянские традиции, доступ народному, или “простому” русскому языку был значительным, и с каждым веком он возрастал». И только в двух «нижних» жанрах – в деловой и бытовой письменности... «церковнославянский язык почти отсутствовал» [Толстой 2002: 86].

Наличие в древнерусской книжной письменности светских жанров, проницаемых для языковых элементов из народной речи, – факт несомненный. Вопрос лишь в том, как следует осмысливать языковую (генетическую) природу древнерусских текстов, в которых, по мнению В. В. Виноградова, был представлен третий тип древнерусского письменного языка.

Обратим внимание на то, что элементы народного языка проникают – чем дальше, тем больше – в уже существующие (на церковнославянском языке) жанры книжной письменности, а не наоборот. Анализ лексики и синтаксиса не только текстов древнейшего периода русской литературы, но и произведений старорусского периода (вплоть до XVIII века), решительно свидетельствует о том, что церковнославянская составляющая является в них преобладающей.

И до конца XVII века, когда церковно-книжный язык функционально обособился в церковно-религиозной сфере коммуникации (а потому этот период можно назвать временем секуляризации языка светской письменности), языковое развитие шло именно в этом направлении, и о слиянии равновеликих языковых потоков применительно ко всему предшествующему периоду развития литературного языка говорить, очевидно, нельзя.

Однако в XVIII веке ситуация изменилась коренным образом: язык светской литературы в лексике и особенно в синтаксисе все более стал отдаляться от южнославянской основы, тогда как церковнославянский язык стабилизировался (как средство общения в церковно-религиозной сфере он был в известном смысле законсервирован, закрыт для инноваций в орфографии, грамматике и – в меньшей мере, правда – в словарном составе).

Таким образом, в XVII – начале XVIII века произошел своего рода языковой раскол, завершивший древний этап развития литературного языка и положивший начало формированию нового русского литературного языка, с развитием которого в XIX веке его церковнославянская со-

ставляющая в языковом сознании все более, так сказать, обрусевала, становилась все менее явной, осознаваемой языковым коллективом. Причем этот период значим и в истории самого церковнославянского языка, и в динамике его взаимоотношений со светскими стилями русского языка, а соответственно, характера церковно-славянской диглоссии нашего коммуникативного пространства.

Как отмечает Б. А. Успенский, «в процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия – «церковнославянское» и «русское» – существенно меняли свое содержание; тем не менее сама оппозиция церковнославянского и русского оставалась и на каждом этапе отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием» [Успенский 1994: 3].

Это суждение справедливо, но с одной оговоркой. Нет сомнений, что собственно церковнославянский текст любого жанра воспринимается в наше время как что-то существенно отличное от собственно русского текста (художественного, публицистического или научного). Однако, во-первых, отличия эти, надо полагать, лежат не в плоскости «родной» – «иноземный» или «русский» – «инославянский», а в дихотомии «светское», «мирское» – «церковное», «православное». Во-вторых, генетически церковнославянское в книжных стилях «светского» русского языка (например, лексические славянизмы, причастные и деепричастные обороты, некоторые типы придаточных предложений и даже некоторые сверхфразовые структуры), как уже было сказано, «коллективным языковым сознанием» вовсе не воспринимается, не расценивается ныне ни как церковное, ни как архаично-славянское.

Однако считать проблему языковой основы русского литературного языка исчерпанной пока, по-видимому, преждевременно. Ф. П. Филин в завершение своего труда о судьбах восточнославянских языков намечает программу исследований (далеко еще, как представляется, не завершенных): «Для решения проблемы происхождения восточнославянских литературных языков нужны большие исследования с привлечением данных как письменности на протяжении всей ее истории, так и устных разновидностей речи с более или менее точными определениями, что считать церковнославянизмами на всех уровнях языка и каков был их удельный вес в разные исторические эпохи как в отдельных жанрах письменности, так и в языке обиходном» [Филин 1972: 639].

Выполнив эту исследовательскую программу, мы сможем дать вполне определенный ответ на вопрос о языковой основе современного русского литературного языка (его книжных стилей) и тем самым и решить проблему квалификации языковой ситуации в нашем лингвокультурном ареале, определив ее либо как моноязычную, либо как неяв-

ную диглоссию (т. е. как двуязычие лишь с позиции «внешнего наблюдателя» – объективного исследователя-лингвиста).

Мои изыскания в области церковнославянского и русского синтаксиса дают более оснований для того, чтобы разделить мнение Б. О. Унбегауна (см.: [Мишланов 2004; 2016; Мишланов, Сергеева 2011]). Исследуя лексику и синтаксические явления русского литературного языка с точки зрения происхождения, мы приходим к выводу, что симбиоз с церковнославянским языком в той или иной мере представлен во всех книжных стилях русского языка (причем не столь уж, наверное, важно, как это сожителство языков образовалось – слиянием равных языковых потоков или русификацией церковнославянской основы). Таким образом, ситуация неявного функционального двуязычия, свойственная русскому Средневековью, сохраняется и в наше время, однако ныне диглоссия еще менее осознается языковым коллективом, так как генетически церковнославянское в лексике и грамматике (заимствованное из книг церковных или созданное уже в русском языке по старославянским образцам) в большинстве случаев не осмысливается как принадлежность церковного (богослужебного) языка. Этому в незначительной степени способствовало активизировавшееся в XIX веке вытеснение церковнославянского языка на периферию коммуникативного пространства и замещение его в религиозном дискурсе церковно-религиозным стилем русского языка.

Изучение религиозного стиля, как известно, в советский период сколько-нибудь интенсивно не велось, и диахроническая динамика этой функциональной разновидности русского языка до сих пор, можно думать, адекватно не представлена. Этот стиль, как и все иные книжные стили, вырастает из церковнославянского языка, однако эволюция его в XVIII и даже в XIX веках не была, по-видимому, столь же динамичной, как становление научного, публицистического или официально-делового стилей, поскольку религиозный дискурс в то время был по преимуществу церковнославянским.

Для выделения религиозного стиля в системе функциональных разновидностей русского языка имеются не только экстралингвистические, но и несомненные лингвистические основания. «Рассматривая веру и религию в качестве экстралингвистической основы этого стиля, мы должны интерпретировать их с позиций не атеистического, а религиозного сознания, так как именно последнее воплощается в религиозных текстах, определяя их стилевые черты» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 412–413]. Конструктивный принцип этого стиля «реализуется комплексом специфических стилевых черт, важнейшими из которых является: архаически-возвышенная тональность речи...; символизация

фактов и событий невидимого мира...; ориентированная на религиозные ценности оценочность; модальность несомненности, достоверности сообщаемого» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 414–415]. Религиозному стилю «чужды сниженные, разговорно-просторечные и нелитературные языковые средства». Все это не позволяет считать его версией публицистического стиля [Крылова 2012: 313], к которому он, по видимому, ближе, чем к иным разновидностям литературного языка.

Процесс вытеснения языка церкви на периферию коммуникативного пространства ускорился во второй половине XIX века, когда Священное Писание было переведено на русский язык, а еще более – после революции, коренным образом изменившей образ жизни большинства наших соотечественников и, в частности, содержание школьного и высшего образования. Знание церковной грамоты, к сожалению, осталось в прошлом (если не считать образованных представителей духовенства, да еще старообрядцев с их изолированной культурой) и вряд ли вернется. Поэтому церковно-религиозная коммуникативная сфера оказывается для наших современников видимо (эксплицитно) диглоссийной [Крылова 2012; Ицкович 2016]: церковнославянский язык используется исключительно в богослужении (причем не только в храме, но также во всех тех местах, где чтятся традиции «обиходного» православия, по которым в определенное время читаются молитвы: в аудиториях православных учебных заведений, в монастырских кельях, да и в домах обычных верующих), а церковную публицистику и официально-деловое общение обслуживает религиозный стиль русского языка.

Это означает, что в XX веке произошло своего рода возвращение церковного языка в семиотический статус «не своего языка», т. е. к ситуации «эксплицитной» диглоссии, свойственной Древней Руси в первые десятилетия книжной письменности.

Итак, все книжные стили русского языка в разном объеме содержат церковнославянские компоненты, и чем более высокую сферу общения обслуживает стиль, тем ближе он к церковнославянской основе. Ярче всего симбиоз церковнославянского и русского проявляется в религиозном стиле, ставшем, на мой взгляд, тем звеном, которое завершает континуум книжных стилей национального русского языка и в то же время объединяет его с церковнославянским языком Библии и литургической поэзии.

Библиографический список

- Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Харьков, 1937. 328 с.
Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания, 1956, № 1. С. 3–25.

Виноградов В. В. История русского литературного языка // Избранные труды. М.: Наука, 1978. 320 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд. Ленингр. университета, 1989. 496 с.

Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях. Дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Крылова О. А. Ситуация билингвизма в сфере церковно-религиозной общественной деятельности в современной России // Система. Норма. Стиль. К 75-летию академика РАЕН, академика МАН ПО, докт. филол. наук, профессора О. А. Крыловой. Сб. статей. М.: РУДН, 2012. С. 305–313.

ЛЭС – *Лингвистический* энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Мишланов В. А. К вопросу о церковнославянском компоненте в синтаксисе русского литературного языка // Библия и национальная культура: межвуз. сб. научных статей и сообщений. Пермь: ПГУ, 2004. С. 293–297.

Мишланов В. А., Сергеева Е. Н. Синтаксис именных действительных причастий в церковнославянском и русском языках (к истории таксиса в русском языке) // Материалы XXI ежегодной богословской конференции Свято-Тихоновского православного гуманитарного ун-та. Т. 2. М.: Изд. ПСТГУ, 2011. С. 254–259.

Мишланов В. А. Церковнославянское и русское в синтаксисе текста (к вопросу о происхождении средств межфразовой связи в русском языке) // Русская речевая культура и текст: материалы IX Междунар. научной конференции (15–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. С. 8–14.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. 199 с.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. Ре-принтное издание. М., 1992. 1120 с.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания, 2002, №1. С. 81–90.

Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания, 1990, 2. с.123–139; № 3. С. 114–135.

Унбегаун Б. О. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Ленинград, 1971. С. 329–333.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972. 656 с.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1990. 542 с.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.

V. A. Mishlanov

Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

ON DIGLOSSIA OF THE CONTEMPORARY COMMUNICATIVE SPACE

The article examines the language situation in modern church and religious discourse and the specifics of religious style genres in contemporary Russian language. It also raises some of the key problems of Russian philology on the nature of diglossia, its origins, as well as specifics of Slavic and Russian diglossia in the Russian linguistic culture during its various historic periods, and place and role of Church Slavonic throughout the history of Russian language. The thesis that contemporary Russian communicative space still implicitly contains Church Slavonic / Russian diglossia is confirmed. The author also shows the specifics of diglossia in church and religious discourse, which re-creates to a certain point the language situation of the initial period of the Russian uncial writing.

Key words: Church Slavonic language; Slavic and Russian diglossia; church and religious discourse; religious style of Russian language.

Попова Юлия Владимировна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
makurina93@mail.ru

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ (на примере изданий Куединского района)

В статье представлены результаты сравнительного анализа проблемно-тематической и жанровой структуры районных и городских газет. Содержание этих двух типов региональной печати во многом схоже, но в силу разных функций, аудитории, технических и кадровых возможностей имеет и отличительные черты.

Ключевые слова: региональная пресса; районная пресса; городская газета; жанрово-тематическое своеобразие.

Постановка проблемы. В связи с активным развитием технологий в современном мире система СМИ постоянно изменяется, глобализация становится причиной существенной трансформации их структуры и функций, а конвергенция влечет за собой изменения жанрово-тематической модели изданий. Серьезные изменения возникают и на уровне региональной прессы: изданиям необходимо развиваться, чтобы конкурировать в современном экономическом пространстве. Районным газетам приходится сложнее, чем городским или областным изданиям: газеты поселков и деревень более уязвимы с экономической точки зрения, им труднее обучаться новым технологиям и внедрять их.

История вопроса. Изучением жанрово-тематического своеобразия региональной прессы занимаются многие исследователи. Среди них С. Н. Кедяркин и Л.С. Макарова [Кедяркин, Макарова 2011], Н. А. Ахметьянова [Ахметьянова 2013], А.В. Волкова [Волкова 2014], А. И. Куприянова [Куприянова 2008].

Исследованием региональной печати в этом ключе занимается коллектив кафедры периодической печати и лаборатории актуальных проблем журналистики факультета журналистики МГУ, реализуя проект «Газеты средних и малых городов России». Авторы опубликовали несколько статей, в которых анализируются жанровые и тематические особенности региональных изданий [Свитич и др. 2014; Свитич и др. 2015а; Свитич и др. 2015б; Свитич и др. 2015в; Свитич и др. 2016].

Большая часть исследований региональной печати посвящена региональной прессе в целом, областной и городской прессе, в меньшей степени изучается районная пресса, и совсем не анализируются отличительные черты разных типов региональной прессы.

Эмпирическая база. Для анализа использованы издания Куединского района («Куединский вестник» и «Уральская версия» за январь-февраль 2017 года). Для сопоставления привлечены исследования, проведенные выше названным коллективом МГУ и выпуски газеты «Искра» города Кунгура за январь-февраль 2017 года.

Методологическая база. Региональная пресса – понятие довольно широкое. Исследователи утверждают, что это понятие занимает в типологии национальной журналистики «плавающую» классификационную нишу, позволяющую то локализоваться на относительно неполном регионе страны, то заполнять все ее пространство, легко преодолевая границы, если сопоставление национальной медиасферы ведется относительно более крупных международных регионов, располагающих более масштабным «центром» или «центрами» [Белякова 2011: 27.]. Таким образом, значение понятия «региональная пресса» зависит от того, что принимается за «центр», а что – за «периферию».

Региональную прессу как подсистему печати можно разделить на *областную, городскую, районную, корпоративную* [там же: 28]. Жанрово-тематический состав каждого типа имеет отличительные черты в соответствии с интересами аудитории.

Основываясь на результатах исследований, проведенных Л. Г. Свитич, О. В. Смирновой, А. А. Ширяевой и М. В. Шкондиным, мы сопоставили качество одного типа региональной печати с другим – сравнили куединских «районок» с типичную городскую газету.

Анализ материала. На сегодняшний день «Куединский вестник» и «Уральская версия» – основные издания Куединского района.

«Куединский вестник» – общественно-политическая газета, которая выходит дважды в неделю в черно-белом исполнении в формате А3, объемом от 4 до 12 полос и тиражом 4200–4400 экземпляров. «Уральская версия» – еженедельник общественно-политического типа в формате А3, тираж составляет 5000 экземпляров, количество полос – 8, в оформлении используются цветные вставки.

До недавних пор «Куединский вестник», соучредителем которого является Администрация Куединского района, был единственной районной газетой. С 2014 г. конкуренцию ему составила «Уральская версия». Эти газеты борются за читателя, работая над тематическим и жанровым составом в том числе.

Местная пресса обладает гораздо большим влиянием на свою аудиторию, чем федеральная. Исследования показывают, что жители сел и малых городов отдают предпочтение районным и городским изданиям, а не столичной и региональной периодике [Егоров 2006: 24]. Читатели глубинки, как правило, выбирают то, что им наиболее знакомо. Именно поэтому «местные» новости в сельских газетах (о прошедших в районе спортивных соревнованиях, культурных мероприятиях, происшествиях и проблемах района) занимают большую часть газетной полосы.

Жанрово-тематическое наполнение городских и районных изданий зависит от их функций. Главной функцией городского издания является построение такого медиaprостранства, которое позволяет в рамках ее компетенции по отношению к другим городским СМИ обеспечить гласность городской жизни, дающей возможность всему городскому социуму наблюдать складывающуюся медиакартину жизни города как социальной системы, участвовать в процессах познания этой картины, в выработке и корректировке своих позиций по отношению к актуальным явлениям, своей модели поведения [Свитич и др. 2014: 150].

Функциональная модель районной газеты направлена на обратную связь, взаимодействие с аудиторией [Радионцева 2015: 101]. Организаторские функции «районки» проявляются как на уровне публикации решений и документов различных государственных, общественных организаций, так и на уровне организации и продвижения различных мероприятий (концертов, конкурсов, спецпроектов).

Как показал проведенный московскими исследователями опрос редакторов и журналистов городских газет, целевая модель этого типа изданий видится им как полифункциональная, а тематическая как многоаспектная [Свитич и др. 2014: 155].

Проведя тематический анализ районной газеты, мы можем утверждать, что набор тем «районки» не так широк, как у городского издания: на первый план выходят проблемы конкретной территории. Так, в рейтинге актуальных для городского издания проблем вопрос нехватки мест в детских садах находится в конце списка. Эта проблема на страницах газет Куединского района занимает лидирующие позиции: материалы о переполненности детских садов публикуются в «Куединском вестнике» из номера в номер под рубрикой «Продолжение темы».

Одна из важнейших тематических сфер районной газеты – официальная информация (рубрика «Документы», «Законовести» в «Куединском вестнике»; решения совета депутатов Куединского сельского поселения, рубрика «Новое в законодательстве» в «Уральской версии»), а также статистика (рождаемости и смерти, преступлений и т. д.). Помимо

этого, лидирующие позиции в районных СМИ занимает информация органов местного самоуправления.

Наличие в составе учредителей местной администрации определяет большое количество официальной информации в газете «Куединский вестник», в том числе материалов с пометкой «Публикуется по заказу администрации губернатора Пермского края». В частном издании «Уральская версия» официальных материалов меньше, но их наличие говорит о спросе аудитории на информацию такого рода.

Не менее важной для жителей района оказывается социальная тематика, включающая в себя материалы о пенсионном обеспечении, социальной защите населения, проблемах материнства, молодежи и людей с ограниченными возможностями. Здесь часто встречается жанр статьи и проблемного интервью (рубрики «Пенсии», «Профобразование», «Социальное партнерство» в газете «Куединский вестник», рубрики «Социальное партнерство», «Общество» в газете «Уральская версия»).

Другой освещаемой в районной прессе темой является культура. Основное внимание куединскими журналистами уделяется театральным постановкам местных коллективов (рубрика «Театральная жизнь» в газете «Куединский вестник»).

Одно из первых мест в функциональной модели городской прессы занимают публикации, связанные с формированием у горожан чувства малой родины, причастности к жизни города и патриотизма [Свитич и др. 2014: 152]. На примере кунгурской газеты «Искра» мы можем говорить о том, что тема малой родины, действительно, одна из основных в городской газете. «Искра» регулярно рассказывает своим читателям об исторически значимых зданиях и местах города, истории и развитию купечества в Кунгуре (рубрики «Шаг в прошлое», «Далекое-близкое»).

Районная же газета большое внимание уделяет персоналиям. Среди людей, которые становятся объектами публикаций, часто встречаются учителя, воспитатели, библиотекари, работники области сельского хозяйства, умельцы края. Портрет человека складывается из рассказа о его жизни и событиях, которые повлияли на увлечение или профессию. Замечательные люди становятся героями рубрик «Земляки», «Люди дела» (газета «Куединский вестник») и «Таланты и гранты» (газета «Уральская версия»). Сельскому читателю интересны материалы о земляках: в районе многие лично знают друг друга, а значит, среди читателей есть знакомые, друзья и родственники героя публикации.

Подтверждает это предположение публикация о фольклорном ансамбле «Тюругай» из села Большой Гондыр Куединского района. Рассказ об участии ансамбля в съемках телепрограммы «Играй, гармонь

любимая!» на странице газеты в социальной сети «Одноклассники» набрал более 180 лайков и 9 репостов. Учитывая, что активность страницы и ее читателей в социальной сети низкая (в среднем количество лайков публикации колеблется от 1 до 10, а количество репостов от 1 до 2), материал о земляках вызвал большой интерес у местных жителей.

С публикациями о местных жителях в районной газете тесно сопряжена тема народных промыслов (рубрика «Традиции» в «Уральской версии»), которая занимает уверенные позиции в тематическом списке и районной, и городской газеты. Однако в районной прессе эта тема раскрывается также через создание портрета человека, занимающегося промыслом, нежели посредством описания самой деятельности.

Исследование проблемно-тематической модели городской газеты показало, что в ряду важнейших тем – экономика города, развитие производственной сферы, промышленных предприятий, среднего и малого бизнеса. Здесь мы снова наблюдаем расхождение с тематической моделью небольшой районной газеты: тема экономики в «районке» значительно уступает теме ЖКХ и социальным проблемам.

Изучение городских изданий также показало, что тема сельского хозяйства появляется в прессе малых и средних городов намного реже, чем, например, морально-этическая и семейная тематика [Свитич и др. 2015в: 72]. Так, в кунгурской «Искре» встречаются публикации, связанные с этикетом (рубрика «Тонкости этикета»). В районной газете мы можем наблюдать противоположную ситуацию – тема сельского хозяйства затрагивается часто (особенно в весенне-летний период), в то время как о проблемах морали и нравственности не говорится.

Аграрная тема занимает важное место в публикациях районной прессы, поскольку сельское хозяйство является не только отраслью производства в районе, но и родом занятий для многих жителей села. Чаще всего в материалах такого рода говорится о заготовке корма, посеве и сборе урожая, количестве надоев.

Реже, чем тема спорта, возникает в городской газете тема криминала и происшествий, чего не скажешь о районной газете. На наш взгляд, это может быть связано не с повышенным количеством преступлений и несчастных случаев в районах по сравнению с городом, а с меньшим количеством информационных поводов, которые могли бы лечь в основу материалов, заменяющих криминальные сводки.

Заметим, что в рейтинге популярных для городских СМИ тем есть и тема работы учреждений торговли, которой также не было обнаружено на страницах «Куединского вестника» и «Уральской версии». Из-за небольшого количества магазинов и других торговых учреждений жите-

ли района, как правило, знают, где какие товары есть и сколько они стоят, в связи с чем не заинтересованы в информации подобного рода.

Не встречаются в сельской газете и темы, связанные со стилем жизни, внешностью, модой и здоровым образом жизни, состоянием транспортной инфраструктуры, а также такие глобальные темы, как миграция и межнациональные отношения.

Темы, связанные с просвещением, расширением кругозора и повышением уровня культуры аудитории, которые представлены в рейтинге московских исследователей [Свитич 2015в: 74], не активны на страницах районных изданий. Журналисты выделяют именно те темы и проблемы, которые больше всего волнуют аудиторию, а у сельского читателя нет потребности получать общие знания из районной газеты.

Спецификой районных газет являются многочисленные поздравления и выражения соболезнований, занимающие целые полосы газетной площади (разделы «Поздравления», «Память», «Объявления» в «Куединском вестнике»).

Обратимся к характеристике жанровой модели «районки». Исследователи региональной прессы выяснили, что в условиях развития электронных медиасистем происходят качественные изменения в жанровой структуре городской газеты, которая широко использует новые информационные и коммуникационные технологии [Смирнова 2013: 33]. Исходя из проведенного анализа, мы можем говорить, что районная газета не столь активно использует новые технологические возможности: современные технологии проявляются только в создании сайтов и групп в социальных сетях. Районная пресса, в отличие от городской, практически не использует интернет-жанры и инфографику.

Московские исследователи пишут, что в сознании городской аудитории необходимо создавать медиакартину городской жизни, имеющую такие признаки, как динамичность (информационные жанры), обстоятельность в анализе происходящего (аналитические жанры), способность к формированию ценностных ориентаций на основе ярких образов типического (публицистика). Жители небольшого поселка не нуждаются в имитации бурной и насыщенной жизни и обстоятельных оценках действительности – жизнь в поселке не предполагает бешеного ритма, а уровень образованности среднестатистического жителя района не требует выявления глубинных причинно-следственных связей тех или иных ситуаций.

В районных газетах представлен широкий диапазон жанров и тем, однако это не гарантирует всеохватного, полного и информативного освещения события, ситуации или проблемы. Публикации «районки» час-

то поверхностные и краткие: репортаж, как правило, небольшой по объему, без подробностей и описания деталей; аналитические статьи в основном содержат факты и журналистские мнения, которые слабо аргументируются, или же не аргументируются вообще; рецензии также небольшого объема и содержат не все требуемые канонами жанра блоки.

Результаты анализа, проведенного московскими исследователями, показали, что в городских газетах коммуникативные жанры (письма в редакцию, ответы на письма, обсуждения, дискуссии) встречаются гораздо чаще развлекательных и досуговых (кроссворды, гороскопы, анекдоты, шутки) [Свитич и др. 2015а: 46]. Проведя контент-анализ районных газет, мы обнаружили, что в «Уральской версии» развлекательный контент превалирует над коммуникативными жанрами: письма от читателей на страницах этой газеты можно обнаружить намного реже, чем сканворд или астрологический прогноз.

В «Куединском вестнике» соотношение коммуникативного и развлекательного контента совпадает с результатами анализа городских газет: «Вестник» предлагает большее разнообразие жанров и рубрик, осуществляющих обратную связь («Письма в редакцию», «Sms-жалоба», «По заданию читателей»), нежели «Уральская версия» (рубрика «Письмо в редакцию»).

Возможно, такое несоответствие между двумя изданиями одной территории связано с желанием использовать контент, отличный от контента газеты-конкурента.

По результатам того же исследования городской прессы, среди информационных жанров в газетах средних и малых городов репортаж встречается реже, чем отчет. В изученных нами изданиях, отчет – крайне непопулярный жанр, и репортаж, хотя и небольшой по объему, публикуется гораздо чаще (репортажи с футбольных, волейбольных соревнований и местных праздников).

В городских изданиях также чаще можно встретить эссе, нежели рецензию [Свитич 2015а: 47], что не подтверждается практикой районной газеты. Жанр «эссе» в изданиях Куединского района очень редкое явление: в номерах обоих изданий за два месяца он не встретился ни разу. В связи с тем, что исследования говорят о любви провинциального читателя к этому художественно-публицистическому жанру, можно предположить, что в куединских газетах он отсутствует по причине недостаточного профессионализма кадрового состава сельских редакций.

Интересно, что среди справочно-консультационных жанров лидирующие позиции в городских газетах занимают советы по ведению дома, хозяйства, дачи, юридические консультации и советы по психоло-

гии, взаимоотношениям полов, а советы по технике безопасности занимают одно из последних мест. В сельских газетах наблюдается прямо противоположная ситуация: «районки» наибольшее внимание уделяют советам и памяткам по технике безопасности (использование электроприборов, поведение при пожаре), а советы по ведению дома и психологические советы отсутствуют.

Основные выводы. Итак, анализ текстов районных газет показал, что жанровая модель этих изданий включает в себя все основные жанровые группы современной российской журналистики, однако отличие материалов районных СМИ заключается в реализации этих жанров, которая зависит от запросов аудитории, профессиональных навыков журналистов и технических возможностей редакции.

«Районка» формирует свою содержательную и жанрово-тематическую модель, которая формируется в соответствии с актуальными проблемами и вопросами поселка и всего района. Большое внимание районная газета уделяет социальным темам (социальные и пенсионные выплаты, ЖКХ, обеспеченность населения местами в детских садах, достижения района), которые способствуют объединению и сплочению жителей района. Актуальны также и темы культуры (концерты и постановки, конкурсы, перспективы и возможности развития детей в творческом плане), сельского хозяйства (улучшение условий развития сельхозугодий, сборы урожая) и традиций (ремесла, ценности и обычаи) которые раскрываются через изображение человека, занимающегося той или иной деятельностью. Подход «человек в центре внимания» лежит в основе большинства публикаций районной газеты и используется для создания текстов разных жанров.

Районная газета большее внимание уделяет темам, связанным с жителями, условиями их жизни, их безопасностью и благополучием, нежели общим темам. Кроме того, районная газета является не просто источником насущной информации для населения, но и выразителем общественного мнения, рупором, с помощью которого жители доносят свои жалобы и недовольства до власти и земляков. Отсюда и высокая диалогичность «районки» – издания активно осуществляют обратную связь, давая аудитории возможность высказаться.

На уровне районных газет проявляется тенденция к увеличению новостных жанров и сокращению аналитики и публицистики, наблюдаемая и в городских газетах. Что касается структуры текстов, то здесь можно отметить стремление к краткости и лаконичности. Жанровая и содержательная модель «районки» в основном состоит из криминальных сводок, официальных документов, советов по безопасности, заметок о

прошедших мероприятиях и соревнованиях, зарисовках о местных жителях и интервью с ними, поздравлений и объявлений. Реже газетные полосы заполняют аналитические и проблемные статьи, отчеты, репортажи и портретные очерки.

Библиографический список

Ахметьянова Н. А. Тематическая модель районных газет РБ // Сохранение и развитие родных языков и литератур в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Уфа, 2013. С. 78–81.

Белякова А. Б., Белякова Л. П. Типологические особенности функционирования современной региональной периодики // Знак: проблемное поле медиаобразования: науч. журн. 2011. № 1 (7). С. 26–31.

Волкова А. В. Жанровое своеобразие очерка в ардатовской районной газете «Маяк». URL: [http:// Огарев-online](http://Огарев-online). 2014. №5. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/zhanrovое-svoebrazie-ocherka-v-ardatovskoj-j-rajjonnoj-gazete-mayak> (дата обращения: 15.06.2017).

Егоров В. В. Районная печать // На пути к информационному обществу. Москва, 2006. С. 22–34.

Кедяркин Н. С., Макарова Л. С. Проблемы жанрово-стилевого своеобразия современной районной прессы (региональный аспект) // Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск, 2011. № 1. С. 61–68.

Куприянова А. И. Лицо современной прессы (трансформация жанров в практике региональной печати): методические указания. Тюмень, 2008.

Радионцева Е. С. Чем интересна районная газета сегодня // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск, 2015. № 2. С. 99–103.

Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Функциональная и проблемно-тематическая модели городской газеты (по итогам опроса редакторов и журналистов малых и средних городов РФ) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 5(97). С. 149–156.

Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Жанры публикаций в городской газете (по итогам контент-аналитического исследования газет средних и малых городов) // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2015а. № 4(19). С. 44–50.

Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Официальные материалы в городской газете (по итогам контент-аналитического исследования газет средних и малых городов РФ) // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Ростов-на-Дону, 2015б. С. 17–28.

Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Содержательно-тематическая структура городских газет (контент-аналитическое исследование) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015в. № 6. С. 64–91.

Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Шкондин М. В. Информационный потенциал общества и медиаресурсы городских газет (по итогам контент-аналитического исследования газет средних и малых городов) // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. № 1. С. 183–192.

Смирнова О. В. Стратегии печатных медиа в эпоху цифровых технологий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 6. С. 25–37.

Yu. V. Popova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

**GENRE AND THEMATIC SINGULARITY OF DISTRICT PRESS
(on example of Kujedinsky district's newspapers)**

The article presents the results of a comparative analysis of the problem and thematic, genre structure of district and city newspapers. The contents of these two types of regional press is similar in many respects, but due to different functions, audience, technical and human capacity, has distinctive features.

Key words: regional press; district press; town newspaper; singularity of genre and theme.

Пустовалов Алексей Васильевич
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет.
theyareeverywhere@gmail.com

ВИКИПЕДИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (на примере статей об ученых)

Статья предлагает использовать крупнейшую энциклопедию мира в качестве инструмента продвижения Пермского университета и, одновременно, Перми как университетского города. Описывается проект, ставивший целью опубликовать в ней комплекс статей об ученых университета. Обозреваются важнейшие элементы Википедии, подчёркивается ее важность и востребованность в современном мире, анализируются критерии значимости для этой энциклопедии деятелей науки, техники и образования. Разбирается механизм публикации в Википедии, представляются такие важные стороны как необходимость опоры на авторитетные источники, анализируется вопрос о том, как увеличить число таких источников, заостряется необходимость нейтральности и объективности публикаций. В заключение делаются вывод о значимости публикаций в Википедии для продвижения как отдельных персоналий, так и в целом организаций и учреждений.

Ключевые слова: Википедия; имидж территории; продвижение; Пермь; университет; образ города; персоналии ученых.

В 2016 году Пермский государственный национальный исследовательский университет праздновал свое столетие. Это стало событием не просто городского, но краевого и российского масштаба. Оно заставило вспомнить о том, что высшее университетское образование на Урале началось именно с Пермского университета, который стал базой для создания многих вузов.

Самое время задаться вопросом – воспринимается ли Пермь сегодня как университетский город? Представляется ли жителями страны (или даже самими пермяками) это место как центр образования, или в его имидже значимы совсем иные характеристики?

Исследователь И. С. Важенина дает такое определение имиджа территории: «Это набор убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и др. особенностей данной территории» [Важенина 2006: эл. ре-

курс]. Имидж территории, как справедливо полагает ученый, базируется на территориальной индивидуальности, которая включает в себя «опознавательные характеристики территории», то есть «комплекс визуальных, вербальных и других признаков, по которым люди идентифицируют территорию» [там же].

По каким «опознавательным характеристикам» сегодня идентифицируется Пермь? Безусловно, нельзя не вспомнить о том, что Пермь – это крупный индустриальный центр: «промышленная» черта является неотъемлемой в образе города – в отличие, например, от искусственно насаждаемой, но не прижившейся характеристики «города современного искусства» [Пустовалов 2013: 68]. С городом сегодня также достаточно устойчиво ассоциируются такие явления, как футбольный клуб «Амкар», сериал «Реальные пацаны»; в 2000-х годах Пермь прогремела как «столица катастроф» [там же: 70].

Очевидно, что если и имеется в имидже города «университетская» черта – то она далеко не на первом месте. Нельзя не отметить предпринимавшийся ранее попытки превращения Перми в «центр знаний», «город-кампус» [Пермь предлагают превратить в «университетский кампус» 2012: эл. ресурс] – попытки, к сожалению, не особо эффективные.

Есть ли база для усиления таких характеристик в имидже Перми? Безусловно, есть! Как нам представляется, они быть развернуты прежде всего в связи с нашим вузом.

Старейший уральский университет в 1916 году создавался усилиями городских депутатов, представителей бизнеса и российского ученого сообщества. В начале века в стенах университета работали академик В. И. Вернадский; естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, основоположник комплекса современных наук о Земле, геохимии, биогеохимии, радиологии, гидрогеологии; А. А. Фридман, профессор, создатель модели нестационарной Вселенной, доказавший, что стационарная модель Вселенной А. Эйнштейна является частным случаем; П. И. Преображенский, профессор, открывший Верхне-Камское месторождение калийно-магневых солей и первую уральскую нефть; Ю. И. Верховский, профессор и поэт, исследователь пушкинской эпохи (по одной из версий в честь него Борис Пастернак в «Докторе Живаго» назвал Пермь Юрятиным). Несмотря на то что в биографии этих замечательных ученых Пермский университет был кратким мигмом, они дали мощный толчок становлению крупных ученых, исследователей и общественных деятелей, которые оказали и оказывают заметное влияние на жизнь Перми и Пермского края. До сих пор их ученики, которые сегодня сами являются докторами или кандидатами наук, с гордостью говорят: «Я

учился у него (нее)» или «Он (она) был(а) моим научным руководителем».

Однако сегодня некоторые имена известны только в стенах Пермского университета или узким специалистам; многие из ученых вуза незаслуженно забыты (или не всегда с ним связываются). Между тем возвращение имен ученых в общественное сознание может стать эффективным шагом для популяризации не только нашего вуза, но и Перми как университетского города.

К столетию университета мы создали корпус статей о его ученых в крупнейшей энциклопедии мира – Википедии.

Социальная значимость такой деятельности состоит в популяризации научного и культурного наследия старейшего уральского университета и его роли в социально-экономическом развитии региона и России, в конечном счете – в создании пилотной площадки для продолжения формирования образа нашей страны как великой научной и культурной державы.

К сожалению, сегодня не только пермский, но и другие российские университеты (или иные образовательные учреждения страны) не представлены в Википедии публикациями, имеющими рейтинговый статус «хороших статей» (см. [Википедия: Хорошие статьи]), или комплексом статей, рассказывающих об ученых и истории вуза. Исключения из этого правила единичны: МГУ имеет более 1000 персоналий в Википедии, СПбГУ – около 800 персоналий (см. [Википедия: Категория: Преподаватели МГУ, Категория: Преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета]); но и эти вузы могли бы быть представлены более системно и выигрышно. По среднему российскому вузу обычно можно найти в Википедии по несколько персоналий, а чаще – не найти вообще. Между тем публикация в Википедии, шестом по популярности ресурсе мира, быстро продвигает статью в первые строки выдачи поисковиков! Узнаваемость объекта публикации возрастает на порядок. Нелишне добавить, что тексты Википедии используются и даже просто дублируются сегодня на десятках площадок, что в конечном счете положительно влияет на узнаваемость ученых, представленных в ней.

Статьи в Википедии составляются на большинстве языков мира: кроме русскоязычного сектора (насчитывающего к данному моменту около 1,4 млн. статей) в ней имеется еще 287(!) секторов. Никакое другое медиа мира не даст такого продвижения своим материалам, как Википедия с ее высочайшим интернет-рейтингом и индексом цитирования. Поэтому выбор Википедии как площадки публикации статей об ученых

ПГНИУ и в целом – для продвижения имиджа г. Перми как университетского города, вполне оправдан.

Значимость Википедии как базы знаний на примере Пермского университета. Поскольку почти каждый из вводимых учёных – обладатель высокого административного статуса, постольку появляется возможность восстановить важные этапы в развитии университета: хронологию появления (и отделения) факультетов, смены ректоров, проректоров, деканов. Подобные возможности принципиально доступны именно в электронной энциклопедии; в печатной их достичь гораздо сложнее или невозможно вообще.

Можно визуально проследить, как ученые ПГУ способствовали становлению новых пермских вузов: Ф. А. Бынов, последний декан агрономического факультета, становится первым ректором нового сельскохозяйственного института; Н. И. Кромер, первый декан химического факультета, – основателем фармацевтического образования на Урале (создатель медико-фармацевтического училища, один из создателей медицинского и фарминститута), С. А. Амирова и Н. Н. Липчин – кафедр в политехническом институте.

Методы работы в Википедии

Викификация. Это один из самых продуктивных методов, заключающийся в создании ссылок внутри энциклопедии.

Внутренние ссылки Википедии связывают наш вуз с другими крупными вузами страны через деятельность таких фигур, как филолог С. А. Стойчев, который был ректором не только ПГУ, но и еще четырех крупных вузов; химик А. И. Лунык, попеременно возглавлявший три факультета ПГУ, а затем прославившийся как ректор двух крупных казанских вузов; химик Р. В. Мерцлин, ректор ПГУ, впоследствии ректор Саратовского университета; историк А. С. Соколов, проректор университета и последний декан педфака, а затем – директор Свердловского университета; историк И. С. Капцугович, дважды декан исторического факультета университета и ректор Пермского пединститута.

Викификация очень полезна в статьях об ученых и много дает в популяризации их наследия: при помощи ссылок можно узнать о тематике их исследований и открытий. Так, например, из статьи о геологе Николае Александровиче Игнатъеве можем сразу попасть на статьи о науках, с которыми он был связан (*минералогия, петрография, геохимия*), о минералах, которые он исследовал (*волконскоит*); обращаясь к филологу В. В. Абашеву, можно сразу посмотреть статьи *устная история, краеведение*; к лингвисту Л. Н. Мурзину – статьи *лингвистика, семантика, дериватология* и пр.

Категоризация. При работе в Википедии важно также обращение к встроенным в Википедию внутренним средствам упорядочения материала по темам, важнейшим из которых является категоризация. Созданная публикация – например, об известном ученом – может входить в целый ряд **категорий**: соответственно, он становится доступен в алфавитном списке входящих в эту категорию. Так, первый ректор Пермского университета К.Д. Покровский входит в категории *Астрономы СССР*, *Члены-корреспонденты АН СССР*, *Выпускники физико-математического факультета МГУ*, *Русское общество любителей мироведения*, *Репрессированные в СССР*, *Преподаватели ТГУ*, *Преподаватели Одесского университета*, *Преподаватели Пермского государственного университета*, *Ректоры Пермского государственного университета* и др.

Категории в Википедии могут подразумевать и **подкатегории**, облегчающие отбор перечня интересующих фигур: к примеру, если в категории *Выпускники МГУ* нас интересуют лишь выпускники физмата, мы можем вывести их перечень, обратившись к специально для такой цели созданной подкатегории *Выпускники физико-математического факультета МГУ*. Опыт МГУ оказался полезен и нам: персоналии прошлого и настоящего Пермского университета можно теперь отсмотреть в подкатегориях типа *Выпускники факультета общественных профессий*, *Выпускники юридического факультета* и пр. или *Преподаватели рабочего факультета*, *Преподаватели филологического факультета* и пр.

Специфика создания публикации

Критерии викизначимости. Перед тем как создавать материал, стоит ознакомиться с основными критериями, – например, критериями значимости персоналий, веб-сайтов, географических объектов и пр. Среди основных типов персоналий, отображаемых в Википедии, политики, общественные деятели, спортсмены, военные, деятели науки и техники и др. [Википедия: Критерии значимости персоналий].

Подчеркнем, что для нынешней фазы развития отечественного сектора энциклопедии характерна известная жесткость и критичность в отборе публикаций: Википедия, часто подчеркивают ее администраторы, не беспорядочная свалка информации. Вновь созданные статьи часто ставятся на удаление, авторам приходится прилагать значительные усилия в поиске доказательств возможности сохранения своей статьи. Таким образом Википедия стремится остаться объективной и серьезной базой знаний.

Необходимость обращения к авторитетным источникам. Нужно помнить, что создаваемая статья должна быть построена на авторитетных источниках, (здесь в помощь авторам предлагается «Метод трех источников»), согласно которому основные положения статьи могут

быть реконструируемы на основе трех уже созданных «внешних» публикаций) и не содержать самостоятельных выводов создателя статьи, так называемых оригинальных исследований. Важно понять, что Википедия – не первичный источник информации, а вторичный, то есть такой, который собирает, анализирует, оценивает, интерпретирует и синтезирует информацию из первичных и других вторичных источников. Т. е. прежде чем попасть в Википедию, информация должна уже где-то быть опубликованной.

Поэтому при введении желаемой фигуры в Википедию приходится обращаться к разному типу источников. Это, во-первых, книги по персоналиям учебного заведения (подобными изданиями стремится обзавестись сегодня любой вуз), которые обычно называются «Профессора...», «Преподаватели...» (далее указывается название вуза). Некоторые факультеты, озабоченные узнаваемостью своих учёных, выпускают биографические справочники по своим персоналиям. Хорошо также иметь знакомых среди редакторов СМИ города, где находится вуз: можно попробовать убедить кого-то из них опубликовать материал по интересующей фигуре, придумав повод (день рождения, годовщина смерти, юбилей факультета, профессиональный праздник и пр.). Кроме того, помогают и интернет-ресурсы – прежде всего официальный сайт вуза, который может содержать информацию по учёным или их персональные странички. При этом полезно иметь налаженные контакты с веб-редакторами таких ресурсов (как в своем вузе, так и в соседних), в которых могли работать ученые вашего вуза: в случае необходимости их можно попросить доопубликовать нужную информацию по персоне. Таким простым способом можно увеличить число авторитетных источников по той или иной фигуре.

Предварительные результаты работы. Подчеркнем, что Википедия – один из самых востребованных ресурсов в мировом интернете. По версии международного вебомера *Alexa International*, энциклопедия занимает 6 место (по статистике, приводимой самой Википедией – пятое) в мире по посещаемости, среди её соперников – лишь такие гиганты, как *Facebook*, *Google*, *YouTube*. Никакое из мировых СМИ (даже таких авторитетных, как *BBC*, *The Guardian*, *The New York Times* и др.) не приближается к ней по степени востребованности. Соответственно, сегодня это – важнейшая площадка: публикации, сделанные в Википедии, имеют стратегическое значение в плане продвижения как отдельных персоналий, так и в целом организаций и учреждений. Уже на предварительном этапе работы Википедии нам удалось увидеть, насколько продуктивными для узнаваемости Пермского университета являются публикации, сделанные там.

Поскольку в энциклопедию также встроены средства статистики, мы можем представить нынешнее состояние публикаций о преподавателях вузов Перми в соответствующей категории [Википедия: Категория: Преподаватели вузов Перми]: Преподаватели Пермского государственного университета (327: 23 кат., 304 с.). Преподаватели ПГИИК (10), преподаватели ПермГМА (22), преподаватели ПермГПУ (39), преподаватели ПермГСХА (11), преподаватели ПермГФА (7), преподаватели Пермского военного института ракетных войск (2), преподаватели ПНИПУ и ПермГТУ (27).

Данная статистика показывает, насколько Пермский университет уже вырвался вперед относительно своих местных соперников. Крупнейшие из них, политехнический и педагогический университеты, имеют соответственно по 27 и 39 статей в энциклопедии. ПГНИУ (Пермский государственный университет) имеет 327 статей и 27 категорий для преподавателей факультетов.

С другой стороны, обращение к более крупной общей категории [Википедия: Категория: Преподаватели университетов России] позволяет нам увидеть, что мы уже вошли в первую тройку российских вузов по данному показателю (количеству публикаций о преподавателях университета в Википедии). Ближайшей перспективой может быть дальнейшее увеличение числа публикаций и освоение иных средств упорядочивания информации в энциклопедии для более системного представления информации о вузе. Очевидно, что предпринятые действия способствуют большей узнаваемости Пермского университета, укрепляют в имидже территории «университетскую» черту, способствуют восприятию Перми как «центра знаний», «города-кампуса».

Библиографический список

Важенина И. С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. URL: <http://dis.ru/library/531/26169/> (дата обращения: 19.02.2017).

Википедия: Критерии значимости персоналий // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Критерии_значимости_персоналий (дата обращения: 19.02.2017).

Википедия: Хорошие статьи // Википедия. Свободная энциклопедия. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Хорошие_статьи (дата обращения: 19.02.2017).

Категория: Преподаватели вузов Перми // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_вузов_Перми (дата обращения: 19.02.2017).

Категория: Преподаватели университетов России // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_университетов_России (дата обращения: 19.02.2017).

Категория: Преподаватели МГУ // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_МГУ (дата обращения: 19.02.2017).

Категория: Преподаватели ПермГУ // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_ПермГУ (дата обращения: 19.02.2017).

Категория: Преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_Санкт-Петербургского_государственного_университета (дата обращения: 19.02.2017).

Пермь предлагают превратить в «университетский кампус» // Regnum. 17.07.2012. URL: <http://www.regnum.ru/news/cultura/1552085.html> (дата обращения: 19.02.2017).

Пустовалов А. В. Конструируемое и стихийное в имидже Перми «чиркуновского периода» // Связи с общественностью в государственных структурах. 2013. № 5. С. 67–71 URL: <http://rfp.psu.ru/archive/2013.5.gr.permimage.pdf> (дата обращения: 19.02.2017).

A. V. Pustovalov

Associate Professor of Journalism and Mass Communication Department
Perm State University

WIKIPEDIA AS AN INSTRUMENT OF PROMOTING OF SCIENCE PERSONALITIES (by the example of scientists of Perm University)

The article offers to use the biggest world encyclopedia Wikipedia as an instrument for promotion of Perm University and, at the same time, Perm as university city. It describes a project which intends to publish there a massive of articles about its scientists. We survey the structure of Wikipedia as an encyclopedia, its importance and demand in today's world, the specifics of making publications, and analyze criteria of significance of figures in science, technology and education for this encyclopedia.

We analyze mechanism for publishing on Wikipedia, representing such important aspects as the need to reliance on authoritative sources, comprehending the question of increasing number of such sources, and emphasize the need for neutrality and objectivity publications. In conclusion we draw conclusion about the importance of publications in Wikipedia to promote personalities as well as organizations and institutions.

Key words: Wikipedia; image of territory; promotion; Perm; university; image of city; personalities of scientists.

Салимовский Владимир Александрович
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
salimovsky@rambler.ru

Черепанова Лариса Львовна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
cherkaf@gmail.com

ЛИНГВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЙОННОЙ ПРЕССЫ: К ОБОСНОВАНИЮ ПОДХОДА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 16-14-59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов»

В статье представлено обоснование научного подхода к изучению способов политико-идеологического воздействия СМИ на массовую аудиторию, характеризуются стратегии взаимодействия политических институтов со СМИ, дается оценка месту, роли и уровню реализации в современной практике принципов объективной независимой журналистики. Представлена консолидирующая и информирующая функции районного СМИ-монополиста, его зависимость как от политических интересов местной власти, так и от коммуникативных целеустановок местного социума. Определение научного подхода подготавливает проведение исследования материалов районных СМИ.

Ключевые слова: районная пресса; идеологические смыслы; информационная повестка; этические принципы; воздействие; дискурсивные практики.

Исследование современных российских общественно-политических медиа обнаруживает два основных способа их воздействия на массовую аудиторию. Первый способ заключается в трансляции заданных собственником (субъектом политической деятельности) смыслов. Для журналиста эти смыслы, как правило, являются «внешними»: они не формируются в его сознании, не отвечают его личностными коммуникативным установкам. Это отрицательно сказывается на качестве публикуемых материалов, однако при высоком уровне журналистского профессионализма задача утверждения в массовом сознании определенных идеологических смыслов может решаться вполне успешно. Второй спо-

соб предполагает переориентацию с директивного управления медиа на формирование такого журналистского коллектива, который разделял бы позицию учредителя. Представляя его точку зрения, авторы одновременно выражают свои личные убеждения, отстаивают собственные политические интересы. Хотя содержание публикаций становится менее предопределенным, так как допускаются периодические отступления от заданной позиции (в отдельных случаях это приводит к конфликтам между редакцией и учредителем), воздействие на аудиторию по главным вопросам информационной повестки, как правило, значительно усиливается, поскольку журналист участвует в коммуникации не только как исполнитель профессиональной роли, но и как творческая личность.

Что касается принципов независимой журналистики – объективного освещения событий, социальной ответственности, профессиональной честности, уважения общественных интересов и др., – то они являются этическим идеалом, в полной мере не воплощающимся в журналистской практике, но позитивно влияющим на вектор развития СМИ.

В последние годы вторая из указанных стратегий взаимодействия политических институтов со СМИ, предполагающая эффективное влияние на массовую аудиторию, получает все более широкое распространение в федеральном медиа-пространстве, а также – в меньшей мере – в краевых и областных центрах, где создаются творческие журналистские коллективы, разделяющие установки тех или иных конкурирующих субъектов социально-политической деятельности. Примечательно, что на центральном телевидении в авторских политических программах журналисты выражают взгляды, не во всем совпадающие с позицией учредителя, а гости в студии представляют широкий спектр самых разных точек зрения.

Между тем в малых городах и районах конкуренция медиа сведена к минимуму. Зачастую в населенном пункте существует единственное регулярно выходящее в свет печатное издание (газеты «Боевой путь», г. Александровск; «Красная Вишера», г. Красновишерск; «Тан» («Рассвет»), Бардинский район и др.). Его главные функции состоят в том, чтобы дополнить создаваемую центральными СМИ информационную картину действительности сообщениями о жизни людей на данной территории и способствовать успешному взаимодействию учредителя (районной администрации) с читателями. Тем самым газета отчасти становится инструментом связей с общественностью.

Нужно подчеркнуть, что сам объект журналистского осмысления и описания – жизнь людей в небольшом населенном пункте – определяет круг основных коммуникативных целеустановок: выражение отношения

к родному району (любовь к малой родине), поддержка его развития и обустройства, противодействие отрицательным социальным процессам. Как показывает анализ, в газетах разных муниципальных образований реализуется общий набор дискурсивных практик, базирующийся на единой картине действительности. Она в значительной степени определяется информационной политикой учредителя, соответствуя при этом традиционным мировоззренческим доминантам массового адресата. Можно сказать, что идеологические установки избранной населением муниципальной власти обычно соответствуют «жизненной идеологии» социальной аудитории [Бахтин 1993: 101] и мировоззренческой позиции журналистского коллектива. Эпизодические же попытки ограничить права журналистов приводят к информационным спорам [Большое жури...: эл. ресурс]. Симптоматично, что во многих случаях переход от директивного стиля управления районной прессой к сотрудничеству учредителя и журналистов проявляется в новых формах учреждения СМИ – с участием редакции издания.

Обращаясь к районной прессе, исследователи отмечают широкую представленность в ней дискурсивных практик журналистики советской эпохи [Чепкина 2009]. Действительно, происходящие в постсоветское время изменения публицистического стиля ([Костомаров 1999, Лысакова 2005, Сиротина 2014] и др.) мало затронули районные издания. Для последних не характерны ослабление и значительная вариативность речевой нормы; не получили здесь распространения многие негативные явления – фамильярная развязность тона, духовный нигилизм, неуважение к традициям общества.

Необходимо иметь в виду, что многие приемы управления социумом, организации работы предприятий, воспитания и др., отражаемые в медийной коммуникации, остались востребованными в постсоветское время. Причем обновление форм социальных отношений в районной глубинке происходило медленнее, чем в крупных мегаполисах. Поэтому общественно-политические стереотипы описания социально важных событий представлены в районной прессе очень широко. Сказалась, кроме того, приверженность старшего поколения журналистов привычным формам письма, сохраняющим функциональную целесообразность (соответствие информационным задачам) и не воспринимаемых отрицательно читателями, хотя и имеющим устаревшую стилистическую окраску.

Ср.: ...*состоялось торжественное мероприятие, посвященное Дню работников сельского хозяйства...* Большая группа *тружеников* была удостоена наград... (Н. 04.11.2016). *За отчетный период* сивин-

ские хозяйства произвели 18916,9 т. молока, что составило 101,7 % по отношению к показателю прошлого года (Н. 02.12.2016). В Пермском районе началась уборка зерновых культур. Первыми на поля выехали комбайны учхоза «Липовая гора»... (Нив. 13.08.2016) и под.

Как видим, дискурсивные формы, сложившиеся в советских СМИ, продолжают использоваться в районной прессе при освещении сохранивших свою актуальность тем – таких, как производительная работа предприятий, государственные праздники, чествование ветеранов труда. При этом, конечно, ушла в прошлое их интерпретация с позиций коммунистической идеологии. Смысловые модификации таких дискурсивных моделей, обусловленные изменившейся социальной действительностью, могут стать предметом специального изучения при разработке общей проблематики «разрывов» (трансформаций) дискурса [Фуко 2012].

На следующем этапе предполагается обратиться к исследованию идеологических смыслов прессы малых городов и районов Пермского края.

Список цитируемых источников с принятыми сокращениями

Н. – «На родной земле». Общественно-информационная газета Сивинского муниципального района.

Нив. – «Нива». Еженедельная газета Пермского района.

Библиографический список

Бахтин М. М. Под маской. Маска третья. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 189 с.

Большое жюри обсудит ситуацию с увольнением Ларисы Огородниковой // Перминфоком. URL: <http://perminfo.com/bolshoe-zhyuri-obsudit-situaciyu-s-uvolneniem-larisy-ogorodnikovoj> (дата обращения: 20.12.2016).

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

Лысакова И. П. Язык газеты и типология прессы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 256 с.

Сиротинина О. Б. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 293–307.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2012. 416 с.

Чепкина Э. В. Повторение пройденного: дискурсивные практики советской журналистики в современной региональной прессе // Советское прошлое и культура настоящего: монография в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 8–19.

V. A. Salimovsky

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

L. L. Cherepanova

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

**LINGUISTIC AND IDEOLOGICAL ANALYSIS
THE PERM DISTRICT PRESS: TO GROUND OF APPROACH**

In the article there are given the grounds for the scientific approach on the study of methods of political and ideological MASS MEDIA influence on a mass audience. The strategies of co-operation of political institutes with MASS MEDIA are characterized; the estimation is given to the place, role and level of realization of principles of objective independent journalism in modern practice. Consolidating and informing functions of regional mass media monopolist, its dependence both on the political interests of local-authority and on the communicative target setting of local society are presented. Determination of scientific approach forms the grounds for the realization of the district MASS MEDIA materials research.

Key words: the district press; ideological senses; informative notice; ethic principles; influence, discursive practices.

Старкова Анастасия Алексеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
starkova_anastasiaa@mail.ru

Хареева Евгения Николаевна
старший преподаватель
кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
eugene.meh@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В КОММЕНТАРИЯХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РУНЕТА

В статье показано, что речевое воплощение комментариев на форумах, посвященных политико-идеологическим дискуссиям и обсуждению взаимоотношений полов и гендерных ролей, конституируется свойствами массового сознания.

Ключевые слова: комментарий; массовое сознание; массовые настроения; стереотипы.

Результаты нашего предыдущего исследования показали, что специфика концептуального содержания и речевой организации политико-идеологического дискурса в Рунете состоит в отражении свойств массового сознания [Хареева 2016]. Анализ был проведен на материале текстов комментариев к новостным сообщениям на портале Rambler.ru, к видеороликам на сайте youtube.com и постам в социальной сети ВКонтакте, освещающим тему выборов в Государственную Думу РФ 2011 г. и законопроектов, касающихся выборной системы.

Как показал анализ материала, в комментариях пользователей представлены все основные свойства массового сознания, которые находятся в неразрывном единстве и взаимно дополняют друг друга.

Согласно Д. В. Ольшанскому, массовое сознание представляет собой обыденную разновидность общественного сознания, объединяющую представителей разных социальных групп общими ценностями, переживаниями, настроениями и другими значимыми компонентами сознания [Ольшанский 2002: 23].

К числу основных свойств массового сознания относятся:

- 1) повышенная эмоциональность, приглушенность рационального начала [Фрейд 2000];
- 2) анонимность и ослабление чувства ответственности индивида;
- 3) мозаичность, размытость, фрагментарность [Грушин 1987];
- 3) упрощение социальной действительности, стереотипность мышления и обезличенность;
- 4) динамичность и изменчивость сознания [Ольшанский 2002: 21].

В настоящем исследовании мы обратились к анализу обиходно-бытовой коммуникации. Материалом послужили тексты комментариев, расположенных на крупнейших и наиболее популярных среди пользователей интернет-форумах для мужчин и женщин, в женских и мужских сообществах в социальной сети «ВКонтакте», а также на видео-портале YouTube.com. Результаты анализа аналогичны полученным ранее – в текстах комментариев находят свое проявление особенности массового сознания.

Проиллюстрируем воплощение указанных выше особенностей массового сознания несколькими примерами. Нецензурная лексика заменяется символом ●, имена собственные – символом **К.**, оскорбительные искажения имен публичных людей – символом **К***, орфографические, пунктуационные и речевые ошибки не исправляются. Примеры даются в следующей очередности: одна иллюстрация из политико-идеологического сектора сопровождается текстами из ресурсов, посвященных взаимоотношениям полов, сначала с мужских, затем с женских форумов.

Повышенный уровень аффективности приводит к открытому выражению враждебности по отношению к оппонентам, в том числе в угрозах, оскорблениях с широким использованием инвективной, бранной лексики:

Да не какая ● Гаага? К. – падаль, К*. надо удавить в параше. А сыкух К*. привезти из Гааги и повесить здесь, чтобы воровали поменьше;*

Бабы просто никчемные, просто паразитарный образ жизни ведут на баборабах. Просто инкубаторные биоживотные;

мужики такие ● придурки! сегодня ходила с тяжелой сумкой, никто не помог донести! вот это и мужики. маменькины сынки! придурки! какое тут уважение может быть? если они живут на всем готовом! пользуются нашей добротой! а взамен ничего не дают! такие ● не достойны счастья и любви! В общем не могу выразить всю злобу на этот ненужный пол! таких сволочей хуже нет!

Анонимность интернет-общения еще более ослабляет приглушенное чувство ответственности, характерное для индивидов, составляю-

щих массу. Нередко авторы комментариев нарушают не только морально-этические, но и правовые нормы:

Ребята молодцы. Попытки очень нужны. В целях донесения правды. ... И пойдут ублюдков ментовских гасить. Судей, <...> а потом властей. Это одного поля ягоды;

Вагиноходящим разрешается сидеть рядом с мужчиной, если еда готова на два приема пищи мужчиной вперед;

Нина я тоже считаю что не все парни тупые, но большинство ублюдки, жалкие козлы!

Налицо признаки оскорбления (*ублюдков ментовских; вагиноходящим; жалкие козлы*) и косвенный призыв к насильственным действиям по отношению к представителям органов власти.

Известно, что, в отличие от цельной идеологической системы, массовое сознание носит фрагментарный и мозаичный характер. В нем существуют упрощенные неоднородные, зачастую противоречивые представления разных социальных групп о политических и социальных реалиях. Можно констатировать, что мозаичность массового сознания является следствием гетерогенности его носителей.

В исследованном оппозиционном дискурсе Рунета сосуществуют разные политические взгляды, зачастую плохо совместимые, но объединенные установкой их носителей на социальный протест. Во многих случаях протестные настроения коммуникантов не выражают какую-либо явную идеологическую позицию. В небольших по размерам текстовых фрагментах могут эклектически соединяться левые, либеральные и националистические идеологемы. Их содержанием является собственно неприятие существующего положения дел.

Что касается представлений пользователей о гендерных ролях, как правило, они объединяются в группы на основе претензий к противоположному полу, при этом транслируя различные полоролевые установки.

Специфика концептуального содержания изучаемых типов дискурса состоит в их насыщенности стереотипами массового сознания, в том числе оценочными смыслами, воплощаемыми в клишированных речевых построениях, элиминирующих проявление индивидуальности. Так, несогласие с результатами выборов в Государственную Думу 2011 г. породило стереотипы «нечестные выборы», «нелегитимность власти», «фальсификация выборов» и некоторые другие:

Какая игра, быстро вбросить и убежать, но... Сколько мы еще не видели чудных сюжетов! И это можно назвать СЕРЬЕЗНЫМ ДЕЛОМ – ВЫБОРЫ?;

любые выборы в нашей стране это расстановка и назначения своих родственников, друзей, любовниц на теплые места у кормушки.

Наиболее распространенными стереотипами о женщинах в комментариях мужчин выступают представления о том, что женщина должна заниматься домашним хозяйством; женщина должна родить ребенка, быть матерью; женщина нужна только для сексуальных отношений; женщина живет за счет потребления; женщина манипулирует мужчинами; женщина должна подчиняться мужчине и др. Приведем иллюстрации:

Девушка должна быть на кухне хозяйкой;

Баба – капсула для вынашивания ребёнка;

Баба должна давать секс;

неработающая жена – это "бытовая проститутка";

большинству баб не нужен сильный мужчина, им нужна тряпка для манипуляций что бы хоть как-то по женски реализовать));

вагиноходящая молчит либо соглашается со всем, что произносит мужчина, преданно смотрит мужчине в глаза.

Самыми частотными стереотипами о мужчинах являются установки о том, что мужчина должен обеспечивать и содержать женщину; мужчина нужен только для продолжения рода; мужчина должен избавлять от плохого настроения, скуки; мужчина должен помогать по хозяйству; мужчина должен воспитывать детей:

Сколько денег имеешь – такую женщину и получаешь. Я кстати, считаю, мужчина должен зарабатывать и содержать семью. В идеале женщина вообще должна работать за удовольствие, а не за деньги;

Для чего нужны мужики? Да для продолжения рода только. И то не сами мужики, а их биологический материал, так сказать;

в общем если мужик не зарабатывает, то он нужен только для того, чтобы на него наорать, а то у женщин психика слабая и она СА-МО-РАЗ-РУ-ША-ЕТ-СЯ, если не орать. Точно вам говорю!;

Если перегорит лампочка ее мужик должен вкрутить, или чтобы было кому донести тяжёлые пакеты из магазина;

Нужны для создания семьи, воспитания детей. Больше ни для чего мне лично не нужны.

В текстах комментариев зачастую редуцируется личностное начало, оппонентам дискуссии противопоставляется обезличенное массовое «МЫ»:

*все кремлевское ворье- в ад!!! двойные агенты и предатели россии- в ад! кремлевские бандиты, помните: вас не защитит госдеп, не укроетесь в лондоне и на лазурном берегу, **мы, россияне, вас найдем;***

*но бабы потребляют еще и нас как предмет потребления, тогда как **мы потребляем** только вещи. а **мы** для них ресурс.*

*Он нужен для того, чтобы **МЫ** просто **потомством обзаводились!***

Состав актуальных идеологем определяется наиболее важными общественными и политическими событиями, в связи с чем он подвер-

жен быстрому изменению. Так, в 2011 г. наиболее распространенными из перечисленных стереотипов были «фальсификация выборов», «власть нелегитимна» и «власть теряет авторитет». Уже в 2013 г. упоминания нарушений на выборах встречаются лишь эпизодически. Наиболее распространены в это время идеологемы «власть коррумпирована», «выборы бесполезны», «власть обманывает народ».

Изучение скорости динамики гендерных стереотипов планируется осуществить в дальнейших исследованиях.

Таким образом, мы показали, что массовое сознание детерминирует закономерности речевой организации текстов комментариев не только в политико-идеологическом секторе, но и в интернет-ресурсах, посвященных полоролевым отношениям. Все описанные в психологической литературе свойства массового сознания проявляются в текстах комментариев, определяя специфику данной дискурсивной формации.

Библиографический список

Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.

Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2000. 1040 с.

Харегова Е. Н. Экспликация массового сознания в политическом интернет-дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4(36). С. 83–91.

A. A. Starkova

Student of Philological Faculty
Perm State University

E. N. Kharebova

Teacher of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

MASS CONSCIOUSNESS MANIFESTATION IN THE RUNET USERS' COMMENTS

The article shows that the Runet users' comments are produced under the influence of the mass consciousness both in political and gender roles discussions.

Key words: comment; mass consciousness; mass sentiments; stereotypes.

Бакланова Ирина Ивановна
заведующий кафедрой русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ii-baklanova@mail.ru

ГЛАГОЛЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ, И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале пермских говоров)

В статье рассматривается группа глаголов, называющих явления природы; указывается их семантическое разнообразие. Выясняются особенности сочетаемости глаголов со словами *погода, дождь, туча*. Определяется способность глаголов названной семантики формировать как односоставные, так и двусоставные предложения.

Ключевые слова: глагол; безличный глагол; безличное предложение; двусоставное предложение.

Вопросы функционирования той или иной группы лексики продолжают оставаться в центре внимания лингвистов. Это касается и глаголов, обозначающих явления природы, в частности глаголов, называющих явления, связанные с выпадением осадков или их ожиданием (в нашем случае дождя, дождя со снегом). Картотека интересующих нас глаголов¹ насчитывает 45 глаголов, вычлененных из «Словаря пермских говоров» [Словарь пермских говоров: 2000, 2002].

Являясь частью тематической группы «Метеорологическая лексика», данные глаголы, однако, не были предметом специального исследования. Изучение системных отношений внутри группы, а также этимологический анализ затрагивает в основном имена существительные ([Мызников 2003, Суспицына 1996] и др.).

Исследователи диалектного синтаксиса обращались прежде всего к безличным предложениям, представляющим конструкции с именем существительным в И. п. (*Пол вымыто, Изба поставлено*). Их изучением занимались В. А. Матвеев (1961), И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко (1971), В. И. Трубинский (1984), Н. В. Маркова (1987).

Таким образом, и исследователи диалектного синтаксиса оставили без внимания вопросы функционирования глаголов названной семантики в предложении.

Задача статьи – определить эту лексико-грамматическую группу в объеме; сопоставить диалектные глаголы с литературными и выявить специфику первых; рассмотреть степень проявления безличности (являются ли они собственно безличными, или это личные глаголы).

Глаголы, обозначающие эти явления природы, в пермских говорах разнообразны: *дожжжать, бусить, матрусить, морочать, мочить, наглядываться, перепасть, понужнуть, пробуланить, брызжжать, гноить, дрежжить, заморшиться, костлевать*.

Это глаголы, отражающие разную степень интенсивности дождя (с одной стороны, – *бусить, матрусить, моросить* ‘падать мелкими, частыми каплями; моросить (о дожде)’; с другой, – *мочить, костлевать*. Экспр. ‘сильно лить (о дожде)’. *Вчера вечером вон как дождь костлевал, все еще не просохли дороги-те*). Для передачи значения интенсивности действия используются фразеологизмы тавтологического содержания (*ляя лить, льет да ленет*). В литературном языке это значение передается глаголом *лить*, фразеологизмом *лить как из ведра*.

Диалектная лексика отражает и значение ‘короткий, стремительный, однократно прошедший (о дожде)’. Это значение передается глаголами с суффиксом -ну-: *мочнуть, дожнуть*: *Морока ходят, дожнуть-то маленько бы надо; Вчера маленько мочнуло*.

Некоторые глаголы образовали словообразовательные гнезда: *дожжжать, задожжжать, задажжживать, надожждить; бусить, забусить, набусить; матрусить, проматрусить, заматрусить; пробуланить, пробуланиться, забуланивать; морочать, заморочать, поморачивать*.

Самая многочисленная группа глаголов имеет корень *дожд-* (*дожжж-*): *дожжжать*. ‘дождить’. Приставки и суффиксы дифференцируют значение глагола, указывая на фазу действия (начало, конец) *задожжжать*. Безл. ‘пойти, начаться (о продолжительном дожде, начинающемся дожде)’; *задажжживать* ‘несов. к задожжжать’; *подожжжать*. Безл. ‘пройти (о дожде)’; *продожждиться* ‘закончиться (о дожде)’.

Рассмотрим и другие группы однокоренных глаголов:

1) *бусить, забусить, набусить*: *бусить*. ‘падать мелкими, частыми каплями’; моросить (о дожде); *забусить*. ‘начать моросить (о дожде)’; *набусить*. ‘выпасть небольшому дождю’.

2) *матрусить, проматрусить, заматрусить*: *матрусить* ‘падать мелкими, частыми каплями; моросить (о дожде)’; *заматрусить* ‘начать моросить (о дожде)’; *проматрусить* ‘поморосить; моросить некоторое время (о дожде)’.

3) *пробуланить, пробуланиться, забуланивать: пробуланить*. Безл. ‘прояснить’; *пробуланиться* ‘проясниться (о небе)’; *забуланивать* ‘становиться пасмурным, сумрачным (о погоде)’.

4) *морочать, заморочать, поморачивать: морочать*. Безл. ‘становиться пасмурным, ненастным (о погоде)’; *заморочать* ‘покрыться тучами, сделаться пасмурным’; *поморачивать* ‘хмуриться’.

Другой особенностью диалектных глаголов названной семантики является их метафорический характер: *вывернуться* ‘настроиться, исправиться’. *Дожджит и дожджит, конца нет, хоть бы вывернулась погода-то. А сейчас печет, ждать хорошего нечего; гноить* ‘моросить’. *Гляди-ко, как гноит сегодня; понужнуть* ‘начаться внезапно, сильно’. *Вчера вот дождь понужнул*. Глагол связан с диалектным глаголом *понужать* ‘заставлять спешить, торопить с выполнением чего-л., принуждать к чему-л.’.

Вывод, который напрашивается при анализе лексики, следующий: диалектные глаголы изучаемой тематической группы значительно разнообразнее, чем в литературном языке. «Природа, атмосферные процессы во многом определяют особенности трудовой и хозяйственной деятельности человека, поскольку от климатических условий зависят род его занятий (земледелие, скотоводство, охота, рыболовство и др.), использование соответствующих орудий труда, устройство жилища», — пишет Т. И. Мочалова [Мочалова 2011: 40]. Диалектный язык детально отражает лексику, определяющую жизнедеятельность крестьян.

Сравнивая литературную метеорологическую лексику с диалектной, И. Н. Суспицына отмечает терминологический характер литературной лексики, тогда как для «севернорусских метеорологических лексем свойственна диффузность при манифестировании фрагментов внеязыковой действительности» [Суспицына 1996: 98].

Выводы, сделанные И. Н. Суспицыной на основании анализа имен существительных, актуальны и для нашего исследования. Диалектные глаголы передают синкретизм значений: *бусить, матрусить, борить* — ‘идти мелкому дождю’; *слевать, костлевать* — ‘о сильном дожде’. В литературном языке это значение дается сочетанием слов: *идет мелкий / морозящий дождь; льет дождь / идет сильный дождь*.

Функционирование глаголов в структуре предложения вариативно.

Часть из них сочетается с существительными *дождь, погода, туча*, выступая в качестве сказуемого в двусоставном предложении.

1) *Дождь, как бус, идет; дождик-от бусит; Сколько дней бусит-бусит, тихонькой дождь; Дождь правильно впал, как я высчитывала; Морочок подошел, и дождик забусил; Опять матрусит, заматрусило — не один день проматрусит так-от дождь; Вчера вечером вон как*

дождь костлевал, все еще не просохли дороги-те; Матрусит небольшой дождик, а сыро; Вчера дождь ладился, уж как навешивался, да так и ниче; Как только дожжики перепалися, дак горох разросся, редька выросла, грядки все травой заросли.

2) *Погода-то* опять че-то забуланиват: солнышка не стало, морока; *Вот погода* чё-то муровить зачала; *Погода-то* опять заморшилась. Не даст убрать сено.

3) *Глянь, небо-то* как забухмарилось – не миновать дождя.

Это свидетельствует о том, что данные глаголы не являются безличными.

Словари фиксируют в безличном употреблении следующие глаголы (дана помета безл.): *Куртку одень, а то борит* сегодня; *Ночью-то* немножко *брызжало*, да пыль не смочило даже; *Осенью у нас* часто *дожжало*; *Морока* ходят, *дожнуть-то* маленько *бы надо*; *Со вчерашнего вечера* *дрезжит*, недоело уж; *Не ко* время *задожжало* вот, сено не убрано. *Сегодня* совсем *заморочало*, дождь, наверное, будет. *С утра* *морочало*, а потом солнышко вышло; *Жарко*, все поля сгорели, хоть с *ковшик* *бы набусило*; *Вчера* вон как *нависало* – дождь собирался, да так и не собрался.

Остановимся на этих глаголах более подробно.

В качестве безличного выступает глагол *дождить* во всех разновидностях. Не всегда сопровождаемый пометой *безл.* в словарях, этот глагол во всех контекстах выступает в безличном употреблении: *Дожжало, дожжало, а земля сухая, вроде* опять *дожжает*; *Морока* ходят, *дожнуть-то* маленько *бы надо*; *Гляди, девка, на улице-то* *задажживат*, *машине-то* не пробраться по такой дороге будет – размочит *дорогу-то*; *Не ко* время *задожжало* вот, сено не убрано; *Надожжало* *воды-то* слава богу, а то все сухо было.

Отметим, что это единственный собственно безличный глагол в пермских говорах. Однако и его безличность подвергается сомнению: в живой речи не исключены употребления глагола *задожжать* с подлежащим: *Дожджик задожжал*.

Глагол *морочать* в большинстве случаев выступает в безличном предложении: *Если заморочат* назаврие, тогда на покос не поедут; *С утра морочало, а потом солнышко вышло*. Однако этот глагол может допускать подлежащее – имя существительное с наиболее общим значением: *Поморачиват* опять *погодка*, *знать*, *задожжит*.

Самую большую группу составляют личные глаголы в значении безличных. Эти глаголы способны употребляться как в двусоставном, так и в безличном предложениях: *Морочок подошел, и дождик забусил*; (Возможен и такой вариант: *С вечера забусило*); *Опять матру-*

сит, заматрусило – не один день *проматрусит* так-от *дождь*; *С утра-то всё макросило, а к вечеру развёдрилось* (Возможен вариант: *Дождь макросит*).

Так же ведут себя глаголы *костлевать, матрусить, заматрусить, мочить, мочнуть, забусить*.

Мы обратили внимание на то, что глаголы в переносном значении чаще всего употребляются в двусоставном предложении: *Дождь, как бус, идет; Дождь правильно внал, как я высчитывала. Дожджит и дожджит, конца нет, хоть бы вывернулась погода-то; Погода-то опять заморишлась. Не даст убрать сено; Вчера вот дождь понужнул*.

Итак, являясь частью тематической группы «Метеорологическая лексика», изучаемые глаголы разнообразны и с точки зрения структуры, и с точки зрения семантики. Обозначая явления природы, эти глаголы, однако, не пополняют группу безличных глаголов. Сравнение нашего материала с данными Ф. В. Карауловой [Караулова 2011: 33–36] показало различие в списке глаголов при наличии общей семантики. Это говорит о региональном характере изучаемых единиц.

Глаголы функционируют в основном в двусоставных предложениях, в качестве субъекта действия выступают существительные *дождь, погода, небо* и проч. В безличном употреблении словарями зафиксирован глагол *дожджать*.

Примечание

¹ Картотека составлена студенткой филологического факультета ПГГПУ Носковой Вероникой (выпуск 2014 г.).

Библиографический список

Караулова Ф. В. К семантике безличных глаголов в русских говорах Мордовии // Вестник Мордовского университета. 2011. № 1. Сер. Финно-угроведение. Филологические науки. С. 33–36.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 308 с.

Маркова Н. В. К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н-*, *-т-*, в онежских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 167–173.

Матвеев В. А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: Изд-во Академии наук, 1961. С. 103–132.

Мочалова Т. И. Способы номинации метеорологических явлений в русских говорах республики Мордовия // Вестник Мордовского университета. 2011. № 1. Сер. Финно-угроведение. Филологические науки. С. 40–43.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003.

Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000, 2002.

Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремячинского района Воронежской области). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1958. 173 с.

Суспицына И. Н. О семантических регистрах в метеорологической лексике говоров русского Севера // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 97–114.

Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 214 с.

I. I. Baklanova

Head of Russian Language Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

VERBS DENOTING THE PHENOMENA OF NATURE, AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF THE SENTENCE STRUCTURE (on the basis of Perm dialects)

Group of verbs that name the phenomena of nature is described in the article. Their semantic diversity is indicated. Peculiarities of combinatory of verbs with the words *weather, rain, cloud* are revealed. The ability of verbs of the mentioned semantics to form both, mononuclear and two-part sentences is determined.

Key words: verb; impersonal verb; impersonal sentence; two-part sentence.

Боброва Мария Владимировна
преподаватель Колледжа профессионального образования
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
bomaripgu@yandex.ru

Посохина Юлия Юрьевна
учитель русского языка и литературы
МАОУ СОШ № 115 г. Перми
posoh115@yandex.ru

ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ ТРОЕЛЬЖАНСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Статья посвящена изучению прозвищ, функционирующих в речи жителей Троельжанского сельского поселения Кунгурского района Пермского края. Структурно-семантическое исследование показывает, что прозвища сельских жителей отражают традиционные принципы номинации и определяются явлениями и интересами повседневной жизни номинаторов.

Ключевые слова: ономастика; прозвище; Пермский край; Троельжанское сельское поселение.

Прозвища занимают особое положение в системе имен собственных, поскольку оказываются не только и не столько языковым явлением, сколько явлением социальным, историческим, культурным. Как материал для исследования, они прекрасно отвечают и современным антропоцентрическим устремлениям лингвистической науки, и межпредметным изысканиям, устанавливающим связи между разными сферами общественной жизни.

Прозвища, в отличие от официальных именовании (имен, отчеств, фамилий), возникают в процессе социализации человека и выступают в качестве дополнительного имени, которое транслирует сведения о номинируемом объекте, существенные для данной социальной группы. Значимость и информативность таких онимов обусловлены, в первую очередь, их полифункциональностью: они выполняют функции идентифицирующую и дифференцирующую подобно официальным онимам, но зачастую даже подменяют последние в силу ограниченности количества фамилий в сельских поселениях, повышенной частотности некоторых имен и отчеств; помимо этого, им свойственна и маркирующая функция, поскольку характер прозвищ (например, их оценочность / нейтраль-

ность) определяется статусом в данном коллективе номинируемого лица. Функциональный вес сельских прозвищ еще возрастает. Любому «полевику» (собирателю сведений непосредственно в населенных пунктах) известно, что в деревнях «все на прозвищах» и нередко бесполезно апеллировать к официальному имени лица, но необходимо назвать его прозвище, чтобы информант оказался способен идентифицировать человека. Интересны сельские прозвища и тем, что демонстрируют отличия в формировании представлений о мире, в способах и формах трансформации познанных и освоенных фактов объективной реальности в эмоционально-оценочные образы, в сравнении с городскими онимами такого разряда.

В настоящем случае материалом для исследования послужили прозвища (далее также «пр.») жителей Троельжанского сельского поселения Кунгурского района Пермского края: центра (с. Троельга) и близлежащих деревень (Бым, Вачегино, Ерши, Заборское, Нивино, Юмыш). Всего выявлено 86 единиц, принадлежащих лицам мужского и женского пола различных возрастов (от детского до старшего). Данные получены путем опроса в 2014 году, путем опроса и включенного наблюдения в 2016 году. Опишем полученные материалы в структурном, лексическом, лексико-семантическом, мотивационном аспектах.

Несмотря на то, что сведения получены из разных источников, данные частично совпадают (9 онимов), что говорит об относительной устойчивости и стабильности таких имен собственных. Относительность этим фактам придает то, что отмечается изменчивость состава прозвищных наименований, относящихся к одному объекту (ср. в 2014 году *Тапочка* и *Серая Шейка* ‘пр. хромой с рождения девушки, которая из-за удобства часто надевает тапочки’ и в 2016 году только *Тапочка*).

Имеются омонимичные прозвища, ср.: *Кардан* ‘пр. картавого, не выговаривающего звук [р] мужчины’ и *Кардан* ‘пр. мужчины, который однажды просил помощи в ремонте машины, ошибочно определив причину неполадки в том, что «кардан заклинило»’; *Рыба* ‘пр. мужчины по фамилии Щеклеин’ и *Рыба* ‘пр. немногословной школьницы’.

Прозвища преимущественно просты по структуре: по нашим подсчетам, 65,8 % онимов включают только радикс и флексию (*Банан, Басалай, Дрёма, Огурец, Серый*, др.). Немногочисленны иные по структуре виды: суффиксальные (*Барин, Гномик, Голодный, Грибник, Колобок*, др., 19 %), сложные (*Зубодёр, Кучебаб, Пчеломор*, 3,5 %), сложно-суффиксальные (*Белогорский, Красноголовик*, 2,3 %) единицы, а также композиты без соединительного гласного (*Валя-Сёма*, 1,2 %), словосочетания (*Пётр I, Саня Луговая, Серая Шейка*, 3,5 %), сочетания слов (*А Витя, З***-Сика*¹, *Коля-Мама, Костя Дзю*, 4,7 %).

Отмечаются прозвища, образованные следующими способами: 1) онимизация (*Гномик, Звезда, Кефир, Курсор, Муравьи, Филин*, др.), 2) транспозиция и онимизация (*Голодный, Кончѐный, Седой, Старый, Стрясѐнный*), 3) трансонимизация (*Буратино, Йорик, Костя Дзю, Пётр I*), 4) сложение (*Пчеломор*), 5) суффиксация и онимизация (*Электричка* ‘пр. жены электрика’), 6) усечение (*Басалай* ‘пр. мужчины по фамилии Басалаев’, *Дуся* ‘пр. девушки по фамилии Дусева’, *Кузя* ‘пр. школьника по фамилии Кузнецов’, др.), 7) усечение с суффиксацией (*Блинчик* ‘пр. полной девушки / женщины по фамилии Блинова’, *Дюша* ‘пр. школьника по имени Андрей’, *Тося* ‘пр. школьника по имени Антон’, др.), 8) усечение, транспозиция и онимизация (*Серый* ‘пр. школьника по имени Сергей’), 9) усечение и наращение (*Томас* ‘пр. школьника по фамилии Томилов’), 10) мутация (*Писѐна* ‘пр. школьника по имени Сергей (Серѐжа)’), 11) мутация и онимизация (*Бося* ‘пр. мужчины, который называл себя боссом’, др.), 12) анаграммирование (*Кучебаб* ‘пр. мужчины по фамилии Бабичук’). Наиболее часто встречаются примеры онимизации: иными словами, обычно используются узуально закрепленные лексемы русского языка. В отдельных случаях обыгрываются формы, возникающие при трансформации имен, фамилий и омонимичные уже готовым языковым единицам (ср. *Белка* ‘пр. школьницы по фамилии Белоусова’, образованное путем усечения и суффиксации, и *белка*).

В прозвищах представлена лексика различных видов. С точки зрения происхождения в основе прозвищ преобладают исконно русские слова, заимствования (чаще русифицированные, ср.: *Банан, Батарей, Йорик, Кардан, Курсор, Монгол, Огурец, Пётр I, Шарамыга* и некоторые др.) немногочисленны. С точки зрения активности употребления наибольшая часть производящих онимы слов – регулярно используемая лексика, малочисленны неологизмы типа *Посося, Пчеломор, Бося, Валя-Сѐма, Куля, Писѐна, Циня*, не зафиксированы устаревшие слова. По сфере употребления фиксируется лексика межстилевая и, реже, ограниченной сферы употребления: диалектная (ср. *Лягуша* ‘пр. мужчины с большим ртом и губами’ и *лягуша* ‘лягушка’ [СПГ 1: 499], *З***-Сика* ‘пр. неопрятной, нечистоплотной женщины’ и *сика* уральское ‘моча’ [СРНГ 37: 298], *Стрясѐнный* ‘пр. очень подвижного, суматошного человека’ (*Очень подвижный, дурной, все быстро делает*) и *стрясѐнный* ‘неуправляемый, непослушный’ [СПГ 2: 412]) и жаргонная (единственный пример – *Хачик* ‘пр. мужчины по имени Хачатур’, связанное с *хачик* ‘так называемое «лицо южной национальности», кавказец’ [ТСРС 2007: 444]). Чаще в основе лежит лексика нейтральная, редко – сниженная, т. е. разговорная или просторечная (ср.: *Пряник, Щепочка, Ноздря* – и *Бяша* ‘пр. кудрявого мужчины’ из *бяша* ‘овца, барашек’ [БАС 2: 304],

Зюзя ‘пр. мужчины, который некоторое время злоупотреблял алкогольными напитками’ из *как зюзя* ‘об очень пьяном человеке’ [БАС 6: 823]). В то же время фактически все прозвища эмоционально окрашены и передают различные оттенки отношения номинаторов к поименованным лицам: ироничное (*Йорик* ‘пр. молодого человека по имени Юрий (Юрик)’), насмешливое (*Обезьянка* ‘пр. школьницы с характерной походкой’), фамильярное (*Саня Луговая* ‘пр. женщины, проживавшей рядом с лугом’, *Серый* из имени *Серый* (Сергей)), неодобрительное (*Звезда* ‘пр. любопытной назойливой женщины’), презрительное (*Жаба* ‘пр. недоброжелательной, с неприятным характером школьницы’, *Овчарка* ‘пр. злой, склочной женщины’), ласковое (*Посося* семейное ‘пр. мальчика, который неправильно произносил свою фамилию Посохин’) и под. Нередко в прозвищных онимах обыгрываются отантропонимные новообразования и стилистически окрашенная лексика: в номинации *Сидор* из фамилии Сидоренко обыграно редкое мужское имя, в номинации *Красноголовик* ‘пр. школьницы, волосы которой были окрашены в ярко-красный цвет’ – омонимичный диалектизм *красноголовик* ‘подосиновик’. Иными словами, нейтральная, зачастую онимизированная апеллятивная лексика приобретает экспрессивную окраску именно в составе прозвища.

Прозвища образованы на базе лексики, входящей в разнообразные лексико-семантические и тематические группы, лексико-семантические и тематические поля. В числе таких групп можно выделить: 1) Русские (используемые в русскоязычной языковой среде) онимы: *Боря, Валя-Сёма, Дуся, Дюша, Кузя, Сидор, Тося*; 2) Иноязычные (используемые в иноязычной языковой среде) онимы: *Басалай, Йорик, Томас*; 3) Поведенческие проявления человека: *Зюзя, Шаромыга*; 4) Физические проявления человека, в т. ч. названия частей тела: *Голодный, Дрёма, Копчёный, Седой, Старый, Челюсть, Ноздря, Носик, Стрясённый*; 5) Речь: *А Витя* ‘пр. заикающегося человека, который произносит слова с приступом «а»’; 6) Социальное (семейное, общественное) положение: *Барин, Звезда, Коля-Мама*; 7) Этническая принадлежность: *Монгол, Хачик, Хохол*; 8) Территориальная принадлежность: *Пермяк, Саня Луговая*; 9) Род занятий: *Зубодёр*; 10) Верования, мифология: *Белогорский, Гномик*; 11) Пища: *Банан, Блинчик, Булка, Кефир, Пончик, Пряник*; 12) Обувь: *Тапочка*; 13) Предметы быта: *Тюбик*; 14) Строительство, сантехнические сооружения: *Батарея, Угол, Чапик*; 15) Техника: *Болт, Кардан, Электричка*; 16) Компьютерная техника: *Курсор*; 17) Животные: *Бараны, Белка, Бяша, Жаба, Мышка, Обезьянка, Овчарка, Лягуша, Слон*; 18) Птицы: *Страус, Утка, Филин*; 19) Рыбы: *Рыба*; 20) Насекомые: *Муравьи, Муха*; 21) Растения и грибы: *Красноголовик, Огурец*;

22) Цвет: *Серый*; 23) Физические явления: *Женька-Огонёк*; 24) Прецедентные номинации: *Буратино, Колобок, Костя Дзю, Пётр I, Серая Шейка*.

Представленные в прозвищах жителей Троельжанского поселения тематические группы достаточно многочисленны, и большинство из них включает единичные примеры. Вместе с тем все лексемы входят в ограниченное количество тематических полей: «Человек», «Материальная и духовная культура», «Природа», «Отвлеченная лексика», которые отвечают традиционной картине мира. И здесь мы не обнаруживаем, например, лексику тематических полей «Государство и право», «Политика», «Наука», «Искусство» (но ср. городские прозвища из нашего архива: *Президент* ‘пр. школьника по фамилии Медведев’, *H₂O* / *Аш-Два-О* ‘пр. учителя физики’).

В то же время необходимо отметить, что лексика соотносится с производящими основами средневековых прозвищ, входящих, по авторитетному мнению А.М. Селищева, в 19 тематических групп: 1) Обстоятельства появления нового члена семьи (найден, подкинут, взят у других). Выражение ожидания и неожиданности появления нового члена. Чувство родителей; 2) Профилактика; 3) Семейные отношения. Порядок и время рождения; 4) Внешний вид. Физические недостатки; 5) Свойства; 6) Социальное и экономическое положение; 7) Профессия. Занятия. Должность; 8) Пришельцы. Место происхождения; 9) Церковные отношения и элементы; 10) Насмешливые клички; 11) Животные; 12) Птицы; 13) Насекомые. Пресмыкающиеся; 14) Рыбы; 15) Растения; 16) Пища; 17) Имена и прозвища по разным предметам; 18) Татарские имена; 19) Имя народа [Селищев 2003: 399–406]. Фактически выделяемые нами на несколько иных основаниях подгруппы отличаются лишь тем, что в исследованных современных прозвищах не отражаются обстоятельства появления нового члена семьи и отсутствуют профилактические номинации; в средневековых же онимах мы не обнаруживаем прецедентных именовании (игра со словами и образами – это, скорее, факт эпохи постмодерна). Но вместе с тем разнится собственно наполнение лексических групп, которое определяется спецификой материальной и духовной культуры соответствующей эпохи: естественно не находить в примерах А. М. Селищева прозвища типа *Курсор* или *Кардан*, а в современных онимах единицы типа *Безленица* или *Неупокой* (именования профилактического и квалитативного характера).

В равной степени к современным прозвищам относится такое заключение А. М. Селищева: «Обозревая личные имена и прозвища, наблюдаем, что наибольшая часть их относится к внешнему виду, к свойствам человека. При этом прозвище чаще всего дается по физическим недостаткам и по отрицательным свойствам. В старое время не стесня-

лись в отношении прозвищ никакими значениями слов. Применялись и obscoena» [Селищев 2003: 406].

По нашему мнению, на прозвища и далее на всю русскую ономастическую систему может быть распространен ономаσιологический принцип «относительного негативизма», который был выявлен В. А. Никоновым на материале топонимии (см. об этом, например, [Никонов 1964: 77–79]). Согласно этому принципу, номинации подвергается то, что выделяет предмет в общей массе², т. е. выделяет его либо по резко негативным, либо по резко позитивным свойствам, но чаще по первым (недостатки чаще встречаются, и они более заметны). Соответственно, в прозвищах не находит отражения то, что человек обладает средними внешними данными (у большинства они средние) или хорошим характером (у большинства он хороший); внимание акцентируется на физических или поведенческих аномалиях.

Отклонения от нормы, различные физические, поведенческие, речевые и иные недостатки отражает большинство изученных онимов, например (приведем отдельные, наиболее показательные прозвища, не повторяя озвученные ранее мотивировки): 1) особенности внешности: а) комплекции (**Банан** ‘пр. высокой худой светловолосой школьницы’, **Боров** ‘пр. очень полного, с округлым лицом мужчины’), б) черт лица (**Буратино** ‘пр. школьницы по фамилии Деревянных, с острым и длинным носом’), в) волос, прически (**Бяша**), г) роста (**Гномик** ‘пр. низкорослой школьницы’, **Пётр I** ‘пр. высокой школьницы’), д) внешнего вида (**З**-Сика**), е) цвета волос, одежды (**Красноголовик**), ж) запаха от одежды (**Копчёный** ‘пр. мужчины, от одежды которого пахло дымом’); 2) интеллектуальные особенности (**Белогорский** ‘пр. душевнобольного мужчины’); 3) особенности характера (**Жаба**, **Звезда**, **Овчарка**); 4) особенности поведения, привычек (**Голодный** ‘пр. мужчины, который постоянно ел хлеб’); 5) особенности походки (**Обезьянка** ‘пр. школьницы с походкой, напоминающей обезьянью’); 6) особенности речевого поведения (**Коля-Мама** ‘пр. мужчины, который при обращении ко всем женщинам называет их «мама»’, **Ноздря** ‘пр. мужчины, который часто повторял фразу: «Ноздри вскрою!»’).

Негативны и ситуативны прозвища, отражающие неудачи и, вероятно, особенности характера, поведения номинируемых лиц: **Грибник** (*Начал строить теплицу для выращивания шампиньонов, но так и не довел дело до конца*; отражена неспособность вырастить грибы на приусадебном участке), **Пчеломор** (*Погубил много ульев с пчелами*; оценке подвергнут дилетантизм в пчеловодстве), **Кардан** (*У мужчины машина сломалась, попросил помочь: «Кардан заклинил». Сам не разбирается в*

авто, причина оказалась не та, вот и стали называть так; «зафиксирован» дилетантизм в автоделе, необычный для мужчины).

Прозвища, отражающие род занятий человека, обычно также содержат негативную оценку каких-либо проявлений номинируемого лица, ср.: неодобрительное **Барин** (Более 25 лет руководит с/х предприятием, ведет себя высокомерно; оценены манеры, поведение), **Зубодёр** (Работал стоматологом, больше дергал зубы, чем лечил; оценены профессиональные качества), ироничное **Батарей** (Занимается ремонтом сантехники; оценена, возможно, узость профессиональных интересов), **Королева** (Работница автобазы, по фильму «Королева бензоколонки»; оценен статус работницы).

В исследованных материалах имеются отыменные и отфамильные номинации: **Басалай** < Басалаев, **Дуся** < Дусева, **Костя Дзю** < Дзюина, **Пермяк** < Пермяков, **Серый** < Сергей, **Тося** < Антон, **Хачик** < Хачатур, **Куля** < Култышев, **Кучебаб** < Бабичук, **Томас** < Томилов, **Циня** < Тряцына и другие, всего 21 прозвище (24 %). Но эта мотивация иногда оказывается не единственной: такие образования способны использоваться одновременно и для оценки – особенностей внешности (например, комплекции: **Блинчик** ‘пр. полной девушки / женщины по фамилии Блинова’), речевого поведения (**Дюша** ‘пр. мальчика, который в дошкольном возрасте не выговаривал свое вторичное имя Андрюша’, **Тося** ‘пр. мальчика, который в дошкольном возрасте не выговаривал свое вторичное имя Антоша’).

Среди 86 обнаруженных прозвищ удалось выявить лишь одно с положительной коннотацией – **Муравьи**, коллективное ‘пр. семьи, все члены которой невысокие и трудолюбивые’.

В результате мы приходим к выводу о том, что прозвища суть производная от обыденной жизни сельчан, форма и значение имен собственных определяются явлениями и интересами повседневной жизни номинаторов. Эти онимы характеризуют простота, конкретность, неприязнательность. Так, прозвища предельно просты (и даже элементарны) по форме, в них ярко выражена тенденция к отказу от сложных образований в пользу онимизации уже имеющихся в языке апеллятивов. Используемая в прозвищах лексика называет явления действительности, с которыми сталкивается сельский житель в обыденной жизни. И, как и в прежние эпохи, прозвища – это прежде всего средство социальной оценки человека: его внешности, поведения, характера, привычек. Прозвища сельских жителей отражают свойственные традиционной языковой культуре) принципы номинации.

Примечания

¹ Из этических соображений здесь не указываем используемое в прозвище имя. Знаком астериска (*) обозначено количество слогов в имени в силу значимости ритмической структуры прозвищных комплексов, включающих имена.

² В формулировке В. М. Мокиенко, «название дается не по характерному признаку местности, а по признаку редкому, выделяющему называемый объект из окружающей среды» [Мокиенко 1971: 79].

Библиографический список с сокращениями

БАС – *Большой академический словарь русского языка*. М., СПб.: Наука, 2005. Т. 2; М., СПб.: Наука, 2006. Т. 6.

Мокиенко В. М. Закон «относительной негативности» и региональная топонимика // *Вопросы топониматики*. Свердловск: УрГУ, 1971. Вып. 5. С. 79–85. (Уч. зап. УрГУ. № 114. Сер. филолог. Вып. 18).

Никонов В. А. Пути топонимического исследования // *Принципы топонимии*. М.: Наука, 1964. С. 77–79.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // *Селищев А. М. Труды по русскому языку*. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О.В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 387–422.

СПГ – *Словарь пермских говоров*: в 2 т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб.: Наука, 2003. Вып. 37.

ТСРС – *Елистратов В. С.* Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

M. V. Bobrova

Tutor of College of Professional Education
Perm State University

Yu. Yu. Posokhina

Teacher of Russian language and literature
School № 115, Perm

THE NICKNAMES OF THE RESIDENTS OF THE TROELGA RURAL SETTLEMENT (PERM KRAI)

The article is devoted to the nicknames functioning in the speech of the residents of the Troelga rural settlement (Perm Krai, Kungur district). Structural-semantic study shows that the nicknames of the rural residents reflect the traditional principles of the nomination and are determined by the events and interests of the daily life of the nominators.

Key words: onomastics; nickname; Perm Krai; Troelga rural settlement.

Гарина Анастасия Владимировна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
anastasia.garina@ya.ru

НАЗВАНИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье изложены результаты исследования словообразовательных моделей названий мифологических персонажей в современном коми-пермяцком языке.

Ключевые слова: мифологические персонажи; словообразование.

Мифологический тип мировоззрения является очень древним, он был сформирован еще в условиях первобытного общества. Мифологическое мышление помогало древнему человеку объяснять окружающую его реальность, классифицировать и интерпретировать предметы и явления, находить собственное место в мире. Несмотря на кардинально изменившиеся условия существования человека мифологическая форма восприятия действительности сохраняется и по сей день, люди часто, сами того не осознавая, одушевляют и персонифицируют то, что их окружает, пытаются найти причины событий и явлений в сверхъестественном.

Именно поэтому во многих современных традиционных культурах сохраняются развитые системы демонологических персонажей, обозначаемых различными лексическими единицами.

В рамках данной статьи мы рассмотрим номинации мифологических персонажей (далее – МП), функционирующие в коми-пермяцком языке, в словообразовательном аспекте, а именно представим словообразовательные модели, в соответствии с которыми построены эти названия персонажей.

Источником лексического **материала** стали: «Коми-пермяцко-русский словарь» [Баталова 1985], монография «Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков» [Голева 2010], книга «Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках» [Климов 2007], а также записи коми-пермяцких мифологических текстов, сделанные автором статьи в д. Мижучево и с. Ошиб Кудымкарского района в 2016 году.

Названия мифологических персонажей составляют большой пласт лексических единиц в коми-пермяцком языке. В работе проанализировано 106 названий, причем отмечается особенность, о которой уже писали исследователи славянской демонологии: с одной стороны, один персонаж может иметь несколько названий, с другой – одни и те же названия могут относиться к разным персонажам.

На появление различных наименований (и вариантов наименований) мифологических персонажей в коми-пермяцком языке оказали влияние следующие причины: диалектные различия (ср. *лунишõрика* – *вуншõрика*, *колдун* – *ковдун*); языковые контакты с русскоязычным населением, повлекшие за собой заимствованные из русского языка единицы (*домовик*, *поборониха*, *лешак*); христианство (*еретник*, *сатана*, *зукавõй*), СМИ (*барабашка*), табуированность прямой номинации (ср. название лешего – *медыджыт вõрас* ‘самый большой в лесу’).

Названия МП по своей структуре бывают однословными и двухсловными.

1. Существует 4 группы **однословных однокорневых** моделей:

1) Коми-пермяцкие: *тõдись* (знахарь / колдун, от глагола *тõдны* ‘знать’), *тшыкõtчись* (досл. ‘тот кто занимается порчей’, от глагола *тшыкõtны* ‘портить’), *кулюшун* (от *куль* ‘чёрт’), *кулюккез* (от *куль* ‘чёрт’, -ез показатель множественного числа), *ваись* (водяной, досл. ‘тот кто из воды / реки’), *сорваись* (путальщик, от глагола *сорвавны* ‘мешать / путать’ + -ись – продуктивный суффикс отглагольных существительных, обозначающих действующее лицо), *вõрись* (леший, досл. ‘тот, кто из леса’), *ыджыт* (большой/высокий), *висьõв* (леший, от глагола *висьны* ‘болеть’ + -õв, бук. ‘тот, от кого болит голова’), *орт* (загробный двойник человека). Всего 31,3 %.

В выделенных моделях продуктивным является суффикс отглагольных существительных -ись (-ись), который указывает на действующее лицо (например, *велõtчись*, *чери кыйись*).

2) Коми-пермяцкие с русским суффиксом: *тõдисьõвõй* / *тõдисьёõй* / *тõдисьõй* (знахарь / колдун от глагола *тõдны* ‘знать’ + -õвõй / ёõй / õй – адаптированные варианты русского суффикса -ов[ый]), *ягишина*, *ичетик* (от *учõt* ‘маленький’ + -ик уменьшит.-ласк. суффикс), *виселистый*. Всего 6,3 %.

3) Русские с коми-пермяцким продуктивным суффиксом -ись: *баныись* (банник, досл. ‘тот, кто из бани’), *ворожитчись* (ворожей / ворожея, досл. ‘тот, кто занимается ворожбой’). Всего 3 %.

4) Группа слов, заимствованных из русского языка: *банник*, *банница*, *барабашка*, *батюшко*, *братанушко*, *бес*, *вежливец*, *дедка*, *дневник*, *домовик*, *домовой*, *дяденька*, *дедушка*, *дядя*, *еретник* / *ерекник*, *икота*,

кабанушко, кикимора, колдун / ководун, лешак, лешачиха, леший, лешман, лукавöй, начальник, неприятнöй, нечистöй, обороника, овинник, поборо-ниха, полöкало, сатана, страм, суседко / соседко / суседку, хозяин, чёрт, чуд. Всего 59,4 %.

Эта словообразовательная модель номинаций МП оказалась наиболее продуктивной, всего 65 названий из 106.

2. Мы выделили 4 группы **однословных двухкорневых** моделей:

1) Коми-пермяцкие: *кульпиян* (детеныш черта) – *куль* ‘черт’ + *пиян* ‘детёныш’, *вакуль* (водяной чёрт) – *ва* ‘вода’ + *куль* ‘чёрт’, *вагöг* (водяная пуповина) – *ва* ‘вода’ + *гöг* ‘пуповина’, *кöспель* (сухоухий / сухое ухо) – *кöс* ‘сухой’ + *пель* ‘ухо’, *синкымтöм* (безбровый) – *син* ‘глаз’ + *кым* ‘лоб’ + -тöм (суффикс со значением лишения чего-либо). Всего 33,3 %.

2) Двухкорневые с русским и коми-пермяцким корнями: *лөктресся* (досл. злая трясучка) – *лөк* ‘злой’ + *трес* / *итчыны* (от трястись), *бабашорика* (полудница) – *баба* + *шор* (от *шөр*) ‘середина’ + -ика, *вöрдядь* (лесной дядя) – *вөр* ‘лес’ + *дядя*, *сюбаб* (досл. зерновая / хлебная баба) – *сю* ‘зерно / хлеб’ + *баб*, *вабес* (водяной бес). Всего 33,3 %.

3) Коми-пермяцкие с русским суффиксом: *черöшланица* (вешающая топор) – *чер* ‘топор’ + *öш / лан* + -ица (русский суффикс, указывающий на лицо женского пола (далее – ЖП), *вуншöрика / луншöрика* (полудница) – *вун / лун* ‘день’ + *шөр* ‘середина’ + -ика (суффикс со значением ЖП), *ойшöрика* (полуночица) – *ой* ‘ночь’ + *шөр* + -ика. Всего 16,7 %.

4) Двухкорневые, состоящие из русских корней: *домоводник*, *öвинчуд*, *банячуд*. Всего 16,7 %

Среди однословных двухкорневых моделей можно выделить наименования, указывающие на место обитания, время проявления персонажа, род деятельности, возраст. Всего 18 названий.

3. Обнаружилось два **однословных наименования с тремя корнями**: *кузьюрсиа* (длинноволосый) – *кузь* ‘длинный’ + *юр* ‘голова’ + *си* ‘волос’ + -а (суффикс прилагательного со значением ‘изобилующий чем-либо’), *ягиньбаб* (лесная женщина) – *яг* ‘молодой сосняк’ + *инь* ‘жена’ + *баб*.

4. **Двухсловные наименования** можно разделить на 3 группы:

1) Единицы, в которых оба слова коми-пермяцкие: *сюра-пеля* (рогатый-ушастый), *кизя-визя* (досл. застегнутый-полосатый) – *кизь* ‘пуговица’ + *визя* ‘полосатый’, *медыджыт вöрас* (самый большой в лесу) – *мед-* (приставка со значением ‘самый’) + *ыдж / ыт* ‘большой’ + *вөр / ас* ‘лес’, *вөр морт* (лесной человек) – *вөр* ‘лес’ + *морт* ‘человек’, *вöрись инька* (лесная женщина) – *вөр / ись* ‘лес’ + *инька* ‘женщина’, *яг морт* (лесной человек) – *яг* ‘молодой сосняк’ + *морт* ‘человек’, *гöрд тош*

(рыжая борода) – *гөрд* ‘красный / рыжий’ + *тош* ‘борода’, *чочком морт* (белый человек) – *чочком* ‘белый’ + *морт* ‘человек’. Всего 36,36 %.

2) Единицы, в которых одно слово заимствовано из русского, второе исконное: *ыб дядя* (полевой дядя) – *ыб* ‘поле’ + *дядя*, *кузь-дядя* (высокий дядя) – *кузь* ‘длинный’ + *дядя*, *ыджыт дядя* (большой дядя) – *ыдж / ыт* ‘большой’ + *дядя*, *ыджыт лес* (большой / высокий лес), *вөр баба* (лесная баба) – *вөр* ‘лес’ + *баба*. Всего 31,82 %.

3) Единицы, в которых оба слова заимствованы из русского языка: *дед-домовик*, *өвин көзьяйка*, *баба-яга*, *полуденные чуды*, *баня-бабушка*, *банный староста*, *лесной царь*. Всего 31,82 % от общего количества единиц.

В моделях двухсловного типа один компонент указывает на персонажа, второй на место его обитания или его отличительные черты, всего 22 наименования.

Среди выделенных моделей следует отметить номинации с гендерным идентификатором. В коми-пермяцком языке нет показателя рода, поэтому для названий МП «женского пола» используется русский суффикс *-иха (-ица)* (например, *поборони́ха*, *черёшланница*, *бани́ца*, *лешачиха*), а также его адаптированный вариант *-ика* (например, *вуншёрика*, *ойшёрика*, *бабашорика*). Показателями женского рода стали слова: *баба*, *инька*, *көзьяйка* (например, *ягбаб*, *сюбаб*, *вөрись инька*, *өвин көзьяйка*). На «мужской пол» персонажа указывает суффикс *-ик* (например, *домовик*, *дневник*, *ерекник*, *овинник*), а также слова *дядя*, *дедушка*, *брат*, *батюшка*, *хозяин*, *царь*, *старост* (например, *батюшко*, *вөрдядь*, *дед-домовик*, *ыб дядя*, *лесной царь*, *банный староста*).

Из 106 номинаций однословных однокорневых – 65 (61,32 %), однословных двухкорневых – 17 (16,04 %), однословных с тремя корнями – 2 (1,89 %), двухсловных – 22 (20,75 %). Коми-пермяцких наименований – 35 (33 %), русских – 48 (45,3 %), гибридных (смешанных) – 23 (21,7 %).

Итак, наименования мифологических персонажей, функционирующих сегодня в коми-пермяцком языке, представляют собой сложную систему, в которой присутствуют единицы, образованные по разным словообразовательным моделям. Примечательным является большой процент русских по происхождению или гибридных номинаций, в составе которых участвуют русские корни или суффиксы. Наши наблюдения показали, что исконные названия замещаются русскими, при этом происходит их фонетическая и грамматическая адаптация, обработка коми-пермяцким языком.

Библиографический список

Баталова Р. М. Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М.: Ин-т языкознания АН СССР, Пермский государственный педагогический ин-т, 1985. 624 с.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2010. 410 с.

Климов В. В. Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках; на коми-перм. и рус. яз. / В. В. Климов. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 368 с.

A. V. Garina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

WORD-BUILDING PATTERNS OF THE NAMES OF MYTHOLOGICAL FIGURES IN THE KOMI-PERM LANGUAGE

The article presents the results of the study of word building patterns of the names of mythological figures in the contemporary Komi-Perm language.

Key words: mythological figures; word-building.

Гранова Мария Андреевна
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
marjanaandreeva@mail.ru

**НЕОДНОСЛОВНЫЕ НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО И ЛЕШЕГО
КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
(на материале пермских говоров)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-14-59009
«Фольклорная сказочная проза Северного Прикамья: универсальное, региональное,
локальное (на мат. записей второй половины XX – начала XXI вв.)»*

В статье обосновывается актуальность создания электронного «Словаря мифологических рассказов Пермского края» и рассматривается вопрос о подаче в нем неоднословных номинаций (*мужик в красных сапогах, большая старуха* и под.), называющих мифологических персонажей (домового и лешего). Анализ исследований, посвященных подобным номинациям, и словарей мифологической лексики показывает отсутствие четких принципов теоретического осмысления и лексикографирования этих единиц. В работе делается вывод о том, что такие сочетания должны включаться в указанный электронный словарь, поскольку они, во-первых, регулярно встречаются в мифологических рассказах Пермского края, а во-вторых, включают в свой состав элементы, семиотически значимые для традиционной культуры. Однако следует разработать четкие принципы их словарного описания.

Ключевые слова: домового; леший; электронный словарь; пермские говоры.

Изучению народной демонологии, в том числе и пермской мифологической традиции, посвящено немало фольклористических, этнолингвистических и культурологических работ. Учеными накоплен огромный материал, описывающий демонологические представления русских Пермского края. В сборниках мифологической прозы (см., например: Шумов К. Э. «Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье» (1991); Бахматов А. А. «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования» (2008); Подюков И. А. и др. «Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX – XX в.» (2004) и др.) опубликована лишь очень малая часть собранных текстов, но уже эти публикации позволяют обратиться к целенаправленно-

му изучению демонологической лексики, функционирующей в русских говорах Пермского края, и ее систематизации в словаре. Бумажная версия такого словаря – «Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края» – составляется учеными ПГНИУ И. И. Русиновой, А. В. Черных, К. Э. Шумовым, Л. С. Нечаевой.

Однако в век развития компьютерных технологий, когда информация становится одним из важнейших ресурсов в обществе, бумажные словари уже не удовлетворяют потребителей, т. к. включают малый объем данных, который не может регулярно пополняться и обновляться, в результате чего словарь быстро устаревает, не соответствует текущей языковой ситуации. Эти проблемы позволяет решить электронный словарь, который может пополняться неограниченным числом словарных статей и редактироваться любое количество раз. Кроме того, электронный словарь, если он размещен в сети Интернет, является более доступным для ученых и пользователей из разных университетов, городов и стран, чем бумажное издание. Учитывая сказанное, нам представляется актуальной задача создания электронного «Словаря мифологических рассказов Пермского края».

Источниками лексики для нашего словаря являются тексты, собранные студентами и преподавателями ПГНИУ в ходе диалектологической и фольклорной практик в 1980–2010-х годах, находящиеся в фольклорном архиве при кафедре русской литературы, полевые записи из личного архива автора и материалы, опубликованные в сборниках, посвященных мифологической традиции Пермского края.

В наш словарь планируется включить, во-первых, номинации мифологических персонажей (духов, населяющих освоенное человеком пространство – домового, дворового, банника, овинника, а также духов природного пространства – водяного, русалки, болотного, лешего, полудницы), единицы, обозначающие их атрибуты, характеристики и образы материализации, во-вторых, глагольную лексику, называющую функции персонажа, а в-третьих, слова, описывающие место и время появления духа. В рамках данной статьи речь пойдет о первой из указанных групп, которая в языковом плане представлена именной лексикой.

Как указывает Е. Е. Левкиевская, «рассказчик былички, не называя т. н. “прямого имени”, классифицирующего персонаж, упорно избегает его непосредственной идентификации, используя для его обозначения то различные местоимения (он, оно, это), то дескрипции, указывающие на одно из свойств персонажа (типа пресловутых “птушек” и “зверушек”), то т. н. актуальные имена, указывающие на внешний признак референта, отличающий его в момент, о котором идет речь (типа девушек в белом,

старичков в красных рубахах, панов “у капелюше” или “с золотыми гудзиками” и т. д.)» [Левкиевская 2006: 197–198].

В наших источниках встретились названия указанных типов: 1) собственно номинации (*домовой, лесной, лесной дедушка, лесная бабушка, лесной дьявол, старушка-домовушка, лешачиха, суседко*); 2) обозначение персонажа через его облик (*маленький старичок, здоровенный мужик, небольшой мужичок в красном колпаке, малюсенький зверёночек*); 3) местоименные номинации (*он, этот, кто-то*).

Как видно из приведенных примеров, в пермских текстах имеются как однословные, так и неоднословные обозначения мифологических персонажей. При лексикографировании названий второго типа возникает ряд вопросов.

Первое: как определить границы номинаций, если в тексте персонаж назван словосочетанием? Иными словами, например, в следующем контексте как номинацию домового (обозначение его облика) рассматривать только слово *баба*, или *баба с белыми волосами*, или *баба с белыми волосами, в белом платье в горошек: Я в больнице лежала, есть не хотела, все лежали в палате и кушали. Вижу перед собой трех баб с белыми волосами, в белом платье в горошек, в синем с полосами, кричу: «Девки, видите, кто-то меня в постель вдавливат!» Они орут: «Открой глаза-то!» Никого нет...* [Былички 1991]?

Второе: насколько устойчиво то или иное словосочетание в роли номинации персонажа; стоит ли рассматривать такие словосочетания как целостную номинацию или же номинацией считать только главное слово, выраженное именем существительным, которое присутствует в составе данного сочетания, а зависимые слова (прилагательное или другое существительное) считать атрибутами и подавать в специальном разделе отдельно от собственно номинации? Так, считать ли устойчивым, например, словосочетание *мужик в красных сапогах*, или же «красные сапоги» подавать в разделе «Атрибуты», а не «Номинации» (ведь есть также другие сочетания со словом *мужик*: *длиннуций мужик, здоровый мужик*)?

Е. Е. Левкиевская указанные выше способы обозначения мифологических персонажей называет способами референции, а не способами наименования, т. к. «последнее относится к области лексикологии (изучающей принципы номинации объекта и учитывающей только его “прямые имена”, существующие в языке, т. н. “мифологическую лексику”, первое – к области коммуникации (учитывающей все формы обозначения объекта, используемые рассказчиком в конкретном дискурсе)» [Левкиевская 2007: 524–525]. Исходя из этого положения, можно предположить, что исследователь считает сочетания типа *мужик в красных сапо-*

гах (по ее терминологии – актуальные имена) не языковой, а речевой единицей, поэтому, вероятно, такие сочетания не должны включаться в словарь как целостная единица.

Однако в той же работе Е. Е. Левкиевская пишет об актуальных именах следующее: «В быличке использование актуального имени в качестве референции к мифологическому объекту двойственно. С одной стороны, ... для героя былички его личный опыт столкновения с конкретной русалкой (водяным, лешим, кикиморой) уникален и индивидуален, поэтому референции типа “девушка в белой рубахе” или “мужик в синем кафтане” в данной ситуации являются действительно актуальными именами, т. к. они указывают на восприятие действительности в конкретный момент наблюдения... Но чтобы идентифицировать конкретного “мужика в синем кафтане” с лешим, ... требуется опора на определенную семантическую модель, существующую в данной традиции, в которой именно такой образ постоянно соотносится с лешим. В рамках семантической модели актуальное имя перестает быть связанным... с конкретным временем и наблюдателем, свидетельствуя о том, что “соответствующий внешний признак может быть присущ обозначаемому лицу более постоянно, нежели активный признак, и потому названия лиц по внешнему признаку ... часто используются как *постоянные обозначения* ... Конвенционализируясь, они превращаются в *собственные имена лица*” ... Поэтому, с другой стороны, ... конвенционализированное актуальное имя (типа: *дивчата у билом, у венку, с распущенными волосами; пан у капелюше, с золотыми гудзиками*) используются в локальной традиции как постоянное обозначение данного мифологического явления» [Левкиевская 2007: 536–538]. Но если такие сочетания являются конвенционально закрепленными в народной традиции, то их, вероятно, следует включать в словарь как целостные номинации персонажа.

Таким образом, мы приходим здесь к некоторому противоречию.

Отметим, что в разделе «Демонология» «Материалов к словарю полесской этнокультурной лексики», над которым работала сама Е. Е. Левкиевская, среди толкуемых лексем есть только одно словосочетание подобного типа, относящееся к колдунам, – *люды з вэлькими носами*. К данной единице в качестве иллюстрации приводится только один небольшой контекст: «[Колдунов называют]: Люды з вэлькими носами» [Левкиевская 2001: 407].

Таким образом, неясным здесь остается два момента: 1) как по единственному контексту удалось определить, что данное сочетание является в традиции конвенционализированным; 2) если даже при единичной фиксации актуального имени оно принимается как конвенционализированное, то почему в словарь включена только одна подобная номи-

нация, в то время как в работе [Левкиевская 2007] приводится множество таких сочетаний?

Вопросом о природе и границах рассматриваемых сочетаний занималась также О. И. Васнева. Она установила, что «в текстах былички функционируют два типа номинативных единиц – *словесный комплекс ... и монолексема ...* Словесные комплексы – это относительно устойчивые сочетания двух и более лексем ... с различной степенью семантической и синтаксической слитности между ними. Наиболее часто выделяют две разновидности словесных комплексов: *бинарные и многокомпонентные сочетания*» [Васнева 2013: 38]. К бинарным исследователь относит сочетания, образованные по модели «сущ. + сущ.» (*кутысья-мурысья, шохря-мохря*), а также раздельнооформленные номинации, образованные по модели «прилаг. + сущ.» и «сущ. + прилаг.» (*белая девица, нечистая сила, бес лесной*). Под многокомпонентными понимаются словосочетания типа *дочери царя Ирода, враг рода человеческого*.

Таким образом, О.И. Васнева рассматривает неоднословные сочетания как тип номинаций мифологического персонажа, а не как референцию. Критерием для выделения таких единиц из контекста служат их относительно устойчивый характер, а также определенная степень семантической и синтаксической слитности их компонентов.

Что касается практики лексикографирования демонологической лексики, то среди существующих в настоящее время бумажных словарей указанной тематики можно отметить «Русский демонологический словарь» Т. А. Новичковой [Новичкова 1995] и словарь «Новая АБЕВЕГА русских суеверий» М. Н. Власовой [Власова 1995].

В первом из них в числе толкуемых единиц имеются лишь собственно номинации духов, указывающие на место их обитания, неоднословные номинации подаются как варианты однословных, номинации, указывающие на облик персонажей, редки и часто не имеют зависимых слов (например, к заголовочному слову *банник* приводятся такие варианты, как *банные анчутки, банная нечисть, дедушка банный, хозяин банный*; в статье на слово *домовой* – *царь дворовой, старик* (без зависимых слов); в статье на слово *леший* – *лес праведный, лесной хозяин*, а также *дикенький мужичок* и *мужичок* без зависимых слов). Среди неоднословных единиц, называющих духов по внешнему облику, в этом словаре находим сочетание *дед в изорванной шапке* (о духе-повелителе ветра); имеется самостоятельная статья с вокабулой *дикинские мужички* (лешие). В рассматриваемом издании есть составные номинации других мифологических персонажей, также содержащие указание на их облик и характеристики: *белая баба, белая девка* (лихорадка, смерть), *дикая баба* (ведьма).

В словаре М. Н. Власовой кроме отдельно оформленных единиц, называющих персонажей через указание на локусы (типа *банная бабушка* (дух бани), *болотная баба* (дух болота), *водяная женщина* (дух воды), *лесовой дедушка* (дух леса) встречаются и интересующие нас сочетания, указывающие на облик и характеристики духов (*белый дедушка*, *дикенький мужичок* (дух леса), *красна дева*, *красна баба*, *баба в красном казане* (дух леса или дух воды)). Что касается других мифологических персонажей, то в словаре есть также номинация смерти, образованная по той же модели – *девушка в белом одеянии*. Составные единицы подаются в одном ряду с однословными.

Составление словаря демонологической лексики как одну из задач и перспектив своего исследования рассматривает Е. Ю. Балова. Одним из приложений к ее работе [Балова 1999] являются материалы для словаря «Народная демонология Нижегородской области». В указанной диссертации есть параграф, посвященный процессам номинации и мотивации в демонологической лексике, однако большее внимание в нем уделяется именно мотивации. В отношении процессов номинации автор лишь намечает проблемы, которые необходимо разрешить в будущем: «с лингвистической точки зрения для характеристики демонологической лексики существенным является разграничение специфической (обслуживающей только сферу верований) и неспецифической лексики, апеллятивной лексики и онимии, простых и составных наименований» [там же: 93–94]. В материалах для словаря нижегородской демонологической лексики находим неоднословные единицы, характеризующие духов-«хозяев» по месту обитания (*баба полевая*, *банная бабушка*, *болотный хозяин*, *водяной царь*, *дед домовый*, *дед полевик*, *дедушка дворовенький*, *дедушка домовник*, *дедушка домовой*, *Иванушко лесной*, *лесной дедка*, *лесной царь*). Признак внешнего облика или оценочной характеристики проявляется в номинациях других мифологических персонажей: *белый мужик* (из толкования не ясно, какой это персонаж), *красная дева* (дух, заманивающий человека в лес), *неприятное существо* (персонаж, появляющийся в самое жаркое время дня). Каждое составное наименование подается в отдельной словарной статье (при этом в словаре нет таких самостоятельных единиц, как *мужик*, *дева*, *существо*), а принципы описания материала нигде в работе не оговариваются.

Итак, из приведенного выше обзора можно сделать следующие выводы. Лингвисты, в особенности лексикографы, занимающиеся изучением народной демонологии, так или иначе сталкиваются с проблемой определения границ и механизмов образования словосочетаний в сфере номинации мифологических персонажей. Однако на сегодняшний день не существует четкой, непротиворечивой теории, позволяющей одно-

значно ответить на вопрос, являются ли атрибуты и характеристики частью названий демонов и могут ли подобные словосочетания иметь статус самостоятельных номинаций наравне с однословными обозначениями. При лексикографировании в словари входят в основном неоднословные номинации, указывающие на место обитания персонажа; неоднословные названия, характеризующие черты внешнего облика демона, включаются в словари лишь спорадически, принципы подачи таких единиц при этом никак не оговариваются.

В наших материалах имеется довольно широкий спектр раздельно-оформленных сочетаний, называющих духов различных локусов. Эти обозначения тематически можно классифицировать следующим образом:

1) номинации по месту обитания (*лесная баба, лесная бабушка, лесной дедушка, лесной дьявол, лесной человек*);

2) номинации, включающие указание на атрибуты персонажа (*дедушко с кузовом, дядька с грибами*);

3) номинации, указывающие на одежду персонажа (*женщина в чёрной юбке и розовой кофте огромных размеров; маленькая бабка в сарафане и рубаше, в платочке; мужик в красных сапогах; мужчина необъятных размеров в чёрном костюме; небольшой мужичок в красном колпаке*);

4) номинации, включающие цветообозначения (*баба с белыми волосами, в белом платье в горошек; женщина в голубом; мужик в красных сапогах; мужчина необъятных размеров в чёрном костюме; небольшой мужичок в красном колпаке; человек в белом; чёрный дядька; красненький телёночек*);

5) номинации, указывающие на рост / размер персонажа (*здоровая баба, большая женщина; большая старуха; женщина в чёрной юбке и розовой кофте огромных размеров; мужчина необъятных размеров в чёрном костюме; небольшой мужичок в красном колпаке; большущий мужик; здоровенный мужик; мужичок с метр; женщина до полатей головой*).

Нам представляется, что одним из критериев для выделения подобных сочетаний как номинаций является регулярность их появления в тексте, их повторяемость во многих текстах (однако поскольку быличка существует прежде всего в устной форме, в текстах проявляется широкая вариативность структуры подобных сочетаний).

Второй критерий – семантический. Дело в том, что мужик в красных сапогах – это не просто какой-то человек, и опознать его как лешего нам помогают именно красные сапоги, потому что красный цвет, наряду с черным и белым, является маркированным в системе народной культуры. Народное сознание выделяет также любые отклонения от норм,

существующих в деревенском сообществе. Так, маркированным оказывается рост ниже и выше человеческого, поэтому *здоровая баба* или *ма-хонький мужичок* идентифицируются носителями традиции как представители нечеловеческого мира, мира духов. Таким образом, атрибуты и характеристики облика духов являются семантически и семиотически значимыми для народной духовной культуры, поэтому мы не можем просто «выбросить» эти элементы из состава номинаций, т. к. именно эти признаки «переводят» «обычную» номинацию в сферу мифологической.

Исходя из сказанного, можно заметить, что в рамках народной культуры существуют не сами составные номинации (как языковые единицы), а система культурных констант, значимых признаков, позволяющих описать каждого персонажа (белый, красный, черный цвета, очень большой или очень маленький размер, «лесные» атрибуты лешего (грибы, кузов) и т. д.). Эти признаки могут быть выявлены только при анализе достаточно большого числа текстов мифологических рассказов, представляющих какую-либо традицию. Проблема заключается в том, что форма вербального выражения, обозначения этих признаков в устной разговорной речи, к которой принадлежит и быличка, обладает очень широкой структурной вариативностью.

Таким образом, мы считаем, что неоднословные номинации следует включать в словарь, однако принципы подачи таких сочетаний нам еще предстоит разработать.

Библиографический список

Балова Е. Ю. Демонологическая лексика в говорах Правобережья Нижегородской области: дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 1999. 262 с.

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Э. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.

Васнева О. И. Типы и способы номинации демонологической лексики (на материале пермских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4(22). Ч. 1. С. 37–39.

Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 634 с.

Левкиевская Е. Е. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики). Демонология // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 379–431.

Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.

Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.

M. A. Granova

Postgraduate Student of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

**MULTIWORD NOMINATIONS OF BROWNIE AND GOBLIN
AS OBJECT OF DESCRIBING IN THE ELECTRONIC DICTIONARY:
PROBLEM STATEMENT (on the material of the Perm dialects)**

The author substantiate topicality of creation of the electronic “Dictionary of mythological stories of the Perm Krai” and consider a question of submitting of the multiword nominations (*muzhik in red boots, big old woman*) which are naming mythological characters (brownie and goblin). Analysis of studies on similar nominations, and dictionaries of mythological vocabulary shows a lack of clear principles for the theoretical comprehension and lexicographical describing of these units. In the work it’s concluded that such combinations of words should be included in the specified electronic dictionary because they, firstly, are meeting regularly in the mythological stories of the Perm Krai, and, secondly, include items that are significant semiotically for traditional culture. However, it is necessary to develop clear principles of their dictionary descriptions.

Key words: brownie; goblin; electronic dictionary; Perm dialects.

Жидких Майя Григорьевна
учитель русского языка и литературы
МАОУ «Лицей № 8» г. Перми
may-land@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ЗАГАДОК О РАСТЕНИЯХ И ДИКИХ ЖИВОТНЫХ

В статье рассмотрены вопросы частотности использования лексических единиц двух тематических групп коми-пермяцких загадок: ТГ «Растения» и ТГ «Животные».

Ключевые слова: загадка; лексика загадок; растительный и животный мир в загадках; вариативность и многозначность загадок.

Малые жанры фольклора в настоящее время являются средством развлечения. О том, что отношение к фольклору ранее было иным, можно увидеть в статье Г. Аргентова (В. Серебренникова) «Загадки, как народное развлечение» (пунктуация автора. – Ж. М.), опубликованной в краеведческом ежемесячнике «Кунгурско-Красноуфимский Край», где сказано, что «... в произведениях своего творчества народ находил тогда ответы на запросы своего духа. Грусть и радость он изливал в песнях, фантазия его находила себе пищу в сказках, жизненный опыт отливался в советах – пословицах, желание знать будущее – в приметах, желание поломать голову – дать пищу уму – в загадках» [К-К К 1925: 31]. В.В. Митрофанова так писала о загадках: «Ни для какого жанра, кроме загадки, не представляет интереса простой сучок в бревне или доске, заслонка русской печи, оконное стекло, ледяная сосулька, ковш, иголка, ножницы и т. п.» [Митрофанова 1978: 44].

Объектом данной статьи будут коми-пермяцкие загадки, в которых мы рассмотрим лексические единицы, обозначающие объект загадывания, их многообразие и частотность употребления. Материалом для исследования стали загадки сборника «Гөрд гөглян небоот тарласьö» (Красный круг по небу катается) [ГГ (КК) 2010]. Традиция публиковать тексты загадок по темам не нова. Еще Д. Н. Садовников, составивший замечательный сборник «Загадки русского народа», распределил тексты по тематическим группам. Самая многочисленная тема исследуемого сборника – «Явления природы» – представлена 87 примерами, здесь же опубликованы 72 текста загадок про предметы домашнего обихода, в

36 образах представлен человек и части его тела, 17 текстов образуют тему «Пища человека», в 14 загадках зашифрован транспорт, а про сопутствующую ему дорогу имеется всего 6 текстов. В рамках небольшой статьи нет возможности сказать подробно обо всем многообразии тем. Мы остановились на темах «Растения» и «Животные (звери, птицы, насекомые)», составивших соответственно 56 и 33 текста – своего рода флору и фауну коми-пермяцких загадок.

К теме «Растения» относятся 32 лексические единицы, самыми частотными среди которых являются «пень», «грибы», «сучок», «капустя» – на каждое из данных слов в исследуемом сборнике имеется по четыре текста. Загадка поэтизирует простой пень. Почему? Ни для кого не секрет, что предметом народных загадок становились вещи и явления, с которыми человек постоянно сталкивался в быту и в работе. В летнее время пустой пень напоминает мужика без головного убора или же лысого мужчину [КПРС 1985: 206], зимой под снегом пень выглядит как женщина в белой шали, летом – как девушка, тем более, если он оброс травой и цветами [там же: 279]. Загадка «*Тöвнас инька, гожумнас нывка*» (Зимой баба, летом девка) [ГГ(КК) 2010: 57] в данном переводе имеет негативную окраску. Составителями сборника слово «нывка» переведено как «девка», то есть использована семантика русского формообразующего суффикса -к-, причем не уменьшительно-ласкательная, а уничижительная. В коми-пермяцком языке слово «нывка» образовано от слова «ныв» (дочь) с помощью непродуктивного словообразовательного форманта -ка-, который с финалью -ка в слове «девка» имеет случайное фонетическое совпадение. Слово «инька» (женщина) образовано от слова «инь» (жена) с помощью того же суффикса -ка-. На наш взгляд, суть загадки не в возрастном сопоставлении двух понятий (в таком случае загадываемый предмет был бы зимой старым, летом – становился молодым), а в указании на обряд ношения головного убора: незамужняя «нывка» (девушка) имела право быть простоволосой [КПРС 1985: 279].

Способность к поэтизации самых простых вещей позволила в качестве замещающего слова использовать одушевленный предмет вместо неодушевленного. Так возникла загадка «*Вöр дорын сулалö ошок*» (На опушке леса стоит медвежонок) [ГГ(КК) 2010: 57]. Слово «ошок» не характерно для коми-пермяцкого языка, так как детенышей зверей принято называть, добавляя к названию зверя слово «пиян» (детеныш) [КПРС 1985: 346]. Загадка должна звучать как «*Вöр дорын сулалö ош пиян*» или «*Вöр дорын сулалö ош пиянок*». В данном случае мы можем говорить о позднем появлении загадки, когда слово «ош» (медведь) потеряло свою табуированность, и о влиянии морфемной структуры русско-

го языка на способы формообразования слов в коми-пермяцком языке, вплоть до замены самостоятельного слова аффиксом.

Многочисленность загадок про сучья в стене или в лавке не вызывает удивления, потому что, живя в деревянном доме и имея в качестве интерьера широкие деревянные лавки, человек неизбежно их (сучья) замечал. Замещающими словами выступают *пятак, таракан, червяк и снег*. Время появления загадки «*Куйлö лабичок вылын пятак, босьтны сійö оз туй*» (Лежит на лавке пятак, взять его нельзя) [ГГ(КК) 2010: 57] можно определить с точностью до века: не ранее реформ 1704 года, проведенных Петром I в денежной системе Руси. Рыжий таракан появился на Руси в конце XVII века. Его плоское тело позволяет ему прятаться в щелях и, отмечая этот факт, коми-пермяцкий фольклор создал загадку «*Тараканыс шелляс пыро-пыро, бöрыс сё тыдалö*» (Таракан в щель лезет-лезет, а его зад всё равно виден) [там же: 57]. И в той, и в другой загадке, кроме прочих ассоциаций, возникает и ассоциация по цвету: сучки, как правило, темнее основного массива дерева. Интересна загадка «*Кузьмыс вылö лым усьö*» (На длинную гору снег падает) [там же]. В загадке, думается, запечатлен один из процессов заготовки древесины – очистка ствола дерева от боковых веток. Удаленные сучья оставляют белые пятна на стволе, что напоминало человеку картину падающего снега.

Огородный лук – овощ, вошедший в пословицы и поговорки, – традиционно является излюбленным предметом загадок тематической группы «Растения». Наравне с луком, упомянутая трижды, предметом загадки оказывается черная смородина. Множественность текстов про смородину, возможно, связана с попыткой изобразить в загадке что-либо новое, необычное, но их оригинальность спорна. Один из текстов загадки про смородину напоминает вариант текста загадки про огурец. Это говорит о жизнестойкости загадки как жанра, ее формульном характере и возможности расширять свои границы и вбирать в себя новые образы, новые ассоциации.

Восемь лексических единиц: «лес», «береза», «орех», «малина», «морковь», «огурец», «яблоко», «хмель» – отмечены двумя текстами каждая. Обращает на себя внимание любопытный факт: среди отгадок встречается слово «лес». Это тем более интересно, что, как известно, «в загадках ... изображается не вообще лес, а лес хвойный или лиственный, береза, елка, сосна, не вообще дом, а бревна и мох, пол и потолок, крыша и окна, двери и косяки и пр.» [Русские народные загадки 1990: 6]. По грамматическим признакам слово *лес* является конкретным существительным, но подобно собирательному существительному может обозначать совокупность однородных предметов. Если обратиться к текстам загадок про лес, то можно заметить, что в них нет ни ярко выра-

женной метафоры, ни какого-нибудь конкретного образа, есть только указание на признак, а сама загадка безобразна

К загадке про яблоко – *«Гӧгрӧса, а не тӧлӧсь, веж, а не шондӧ, чӧскыт, а не сахар, бӧжа, а не шыр»* (Круглое, а не луна, жёлтое, а не солнце, сладкое, а не сахар, с хвостом, а не мышь) [ГГ (КК) 2010: 62], текст которой с небольшим, но значимым дополнением, полностью повторяет текст загадки про репу: *«Гӧгрӧса, а не тӧлӧсь, бӧжа, а не шыр, веж, а не шондӧ»* (Круглое, а не луна, с хвостом, а не мышь, жёлтое, а не солнце) [там же: 61], можно применить те же объяснения, что и к загадке про смородину. Несомненно, что расширение круга загадываемых слов делает загадку более сложной.

«Внимание к предельно конкретной предметности объясняется поэтической природой загадки», – писал В. П. Аникин, по мнению которого, загадка как художественный жанр отражает действительность в образах [Аникин 1957: 75]. В связи с этим возникает другой необычный факт: наличие среди лексических единиц коми-пермяцких загадок отвлеченного слова «цветение». С одной стороны, загадка про цветение: *«Басӧк ичмонька быдӧс вӧрсӧ серӧтӧм»* (Красивая молодуха весь лес украсила) [ГГ (КК) 2010: 59] идет вразрез с общепринятым положением. С другой стороны, если признать синонимом слова «цветение» слово «весна», зашифрованное в образе «красивой молодухи», то противоречие исчезает, а обнаруживается вновь «поэтическая условность в изображении жизни», развернутая метафора. Художественная сила загадки способна зашифровать предмет без указания на замещаемый образ, используя лишь его признаки, и показать процесс или состояние через вещественный мир (цветение – молодуха).

Частотность лексических единиц коми-пермяцких загадок, относящихся к ТГ «Растения», показана в таблице 1.

Таблица 1

Лексические единицы	Частотность (%)
(Мыр) Пень	7,145
(Ув, Уввез) Сук, Сучья (в лавке или в стене дома)	7,145
(Тшак, Тшаккез) Гриб (-ы)	7,145
(Капуста) Капуста	7,145
(Лук) Лук	5,36
(Сэтӧр тусь), (Сэтӧр), Сьӧд сэтӧр) Ягоды смородины, смородина, черная смородина	5,36
(Вӧр) Лес	3,58
(Симӧттӧм кыдз) береза с ободранной берестой, (кыдз)	3,58
(Ӧрек) Орех	3,58
(Ӧмидз) Малина	3,58
(Морковь) Морковь	3,58

Лексические единицы	Частотность (%)
(Огурец) Огурец	3,58
(Яблок) Яблоко	3,58
(Таг) Хмель	3,58
(Пожум И Кэз) Сосна и ель	1,79
(Ловпу) Ольха	1,79
(Тотарник) Татарник	1,79
(Ошсьöктан) Папоротник	1,79
(Петшöр) Крапива	1,79
(Озьягöд) Земляника	1,79
(Öмидз) Малина	1,79
(Туримоль) Клюква	1,79
(Рябина) Рябина	1,79
(Свекла) Свекла	1,79
(Сёртни) Репа	1,79
(Морковь) Морковь	1,79
(Анькытш цвет) Гороховый цвет	1,79
(Кушман/Сёртни) Репа/Редька	1,79
(Арбуз) Арбуз	1,79
(Пыш) Конопля	1,79

Тема «Звери, птицы, насекомые» содержит 33 текста, включающие 24 лексические единицы. Самым частотным является слово «заяц», далее с одинаковым количеством текстов представлены «лиса», «горностай», «птица» и «муравей». Попытаемся объяснить причину такого явления.

Загадки создавались человеком, хорошо знающим, что, как, из чего и для чего делается. Часто загаданный предмет указывает на трудовую или хозяйственную деятельность. Загадка про зайца возникла в среде охотников. Заяц был, по всей видимости, самым обычным охотничьим трофеем, и именно он является лидером среди животных по частотности упоминания в текстах коми-пермяцких загадок. В загадке «*Гожумöн руд, а тöлön чочком*» (Летом серый, а зимой белый) [ГГ (КК) 2010: 64], как и в подобной русской загадке про зайца, обращено внимание на внешний признак загаданного предмета, без указания на предмет. Следующая загадка «*Керöсö котöртö, а керöс увтö катыльтчö*» (В гору бежит, а под гору катится) [там же] тоже не имеет указания на предмет, но описывает его через производимые им действия. Длинные задние ноги животного помогают ему при беге на равнине, но при беге с горы они опережают короткие передние, и заяц поневоле катится с горы кубарем. Это свойство длинноухого и подмечено загадкой.

Сверхвысокая чуткость, помогающая зверьку выживать среди множественных врагов, породила легенду о том, что спит это всех боя-

щееся животное с открытыми глазами. Невозможность застать зайца врасплох послужила основой для загадки «*Кин осьта синнэзнас узьö?*» (Кто с открытыми глазами спит?) [ГГ (КК) 2010: 64].

Ономастика коми-пермяцких загадок представлена очень скудным набором имен в качестве замещающего образа. На наш взгляд, это загадки поздние, имеющие лексические и ассоциативные связи с малыми жанрами русского фольклора. Всем известное выражение «чинить Тришкин кафтан», означающее исправление чего-нибудь, ведущее только к ухудшению, привело к появлению загадки о зайце «*Вöрын Трифан чеччалö*» (В лесу Трифон прыгает) [там же]. Связь может состоять в том, что из шкурки одного зайца не сшить не только кафтан или полукафтан, но и безрукавку. Выкроишь спинку, а чтобы полочку сделать, надо от спинки отрезать.

Загадки про лису и горностают говорят, в частности, о том, чем и как жил в зимнее время коми-пермяк – охотник на ценного пушного зверя. Умение размышлять, философствовать, сопоставлять и сравнивать себя с другими представителями видимого мира, живущими в сообществах и по каким-то им ведомым законам, дало загадки про муравьев. Но рассматриваемые загадки обращают внимание не на социальную жизнь насекомых, а на их необыкновенную физическую способность поднимать вес во много раз тяжелее собственного.

Подмечено было, что птицы похожи на клубни картофеля. Так возникла загадка, отгадкой к которой стало родовое понятие – птицы: «*Идзас дорын картошкаэз кокасьюны*» (Около соломы картошки клюются) [там же: 56]. Вновь коми-пермяцкая загадка зашифровала собирательный образ, а не конкретный предмет.

Кроме прочего, отгадками выступают лексические единицы: «лев», «волк», «рак», «еж», «лесная ласточка», «кукушка», «соловей», «тетерев», «скворец», «голубь», «рыба» (тоже, кстати, слово, обозначающее родовое понятие, но данный языковой факт будет характерен и для русских загадок), «комар», «оса», «пчела», «майский жук», «клоп», «вошь». Замечательно, что в сборнике не опубликованы загадки про медведя, казалось бы, самого яркого представителя лесной фауны. Правда, один раз встречается слово «медвежонок», но в качестве замещающего образа. Скорее всего, причины этого явления экстралингвистические и их определение не входит в рамки этой статьи.

Можно предположить, что отсутствие слово «медведь», обозначающего зашифрованный образ, объясняется отношением к медведю как тотемному животному, родовому предку. Кроме того, по преданиям, медведь может превращаться в человека, и такой медведь-человек может разговаривать и понимать человеческую речь.

Результаты количественного распределения слов данной ТГ можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2

Лексические единицы	Частотность (%)
(Кӧч) Заяц	12,13
(Руч) Лиса	6,06
(Чужмӧр) Горностай	6,06
(Кайез) Птицы, (Кай) Птица	6,06
(Кӧдзыв) Муравей	6,06

Небольшое исследование, проведенное на примере двух тематических групп загадок, не может дать полных ответов, наоборот, оно лишь поставило новые вопросы. Почему наблюдается тот или иной языковой факт, с чем связано наличие неожиданных языковых явлений или отсутствие ожидаемых?

В заключение можно сказать, что коми-пермяцкие загадки, как и загадки других народов способны загадывать предмет без использования замещающего образа, учитывая лишь его признаки или действия, объектом загадок предстает окружающий крестьянина вещный мир. Кроме того, загадки способны расширять круг загадываемых предметов, иметь разные варианты, использовать метафоры, сравнения, олицетворения, замещать неодушевленные предметы одушевленными.

Можно сказать о том, что коми-пермяцкие загадки наряду с универсальными характеристиками, общими с другими национальными загадками, имеют и особые черты: использование в качестве замещающего слова абстрактных существительных в роли конкретных, смешение родовых и видовых названий, отсутствие личных (национальных) имен в роли замещающего образа.

Библиографический список с сокращениями

Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 237 с.

ТГ (КК) – *Гӧрд гӧглян небоӧт тарласьӧ* (Красный круг по небу катается). СПб. Издательство «Маматов», 2010. 144 с.

К-К К – *Кунгурско-Красноуфимский Край*. Кунгур: «Искра», 1925. № 11–12. С. 31–37.

КПРС – *Баталова Р. М.* Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Ин-т языкознания АН СССР, Пермский государственный педагогический ин-т, 1985. 624 с.

Митрофанова В. В. Русские народные загадки. М., 1978. 182 с.

Русские народные загадки, пословицы, поговорки / сост. Ю.Г. Круглов. М., 1990. 335 с.

M. G. Zhidkikh

Teacher of the Russian Language and Literature

Municipal Autonomous Educational Institution “Lyceum № 8”, Perm

**FEATURES OF THE LEXICAL UNITS OF KOMI-PERMYAK RIDDLES
ABOUT WILD ANIMALS AND PLANTS**

Questions of frequency of using lexical units of two thematic groups of Komi-permyak riddles are considered in the article: “Plants” and “Animals, birds, insects”.

Key words: riddles; flora and fauna in riddles; variety and polysemy of riddles; abstract and concrete concepts.

Зверева Юлия Владимировна
доцент кафедры гуманитарного образования в начальной школе
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zvereva_yuliya_2013@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ МИКРОТОПОНИМАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 17-14-59602 «Этнокультурное своеобразие топонимии Пермского края: экспедиционное исследование»

В статье анализируется влияние русского языка и русских топонимических моделей на микротопонимию Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Чаще всего такое влияние реализуется в форме заимствования различных групп лексики: географических терминов, слов с предметным значением, антропонимов. Как правило, заимствованное слово фонетически и грамматически приспосабливается к закономерностям коми-пермяцкого языка. Использование русских грамматических средств в топонимии встречается реже, однако можно говорить о заимствовании некоторых топонимических моделей, а также русских суффиксов.

Ключевые слова: Пермский край; микротопонимы; коми-пермяцкий язык; географические термины; заимствование.

В топонимии Пермского края встречаются разные по происхождению пласты лексики, А. С. Кривощекова-Гантман выделяет четыре: 1) пермский, 2) угорский, 3) тюркский, 4) русский [Кривощекова-Гантман 2006б: 119]. На всей территории края отмечаются названия коми-пермяцкого происхождения, однако наиболее распространены они на севере и северо-западе, где находится Коми-Пермяцкий округ и компактно проживают коми-пермяки.

Исследованием топонимов Верхнего и Среднего Прикамья в XIX – начале XX века занимались Н. К. Чупин, В. Н. Шишонко, А. А. Дмитриев, И. Я. Кривощеков. Во второй половине XX в. к топонимическому материалу обращаются историки (В.А. Оборин, Г.Н. Чагин), лингвисты (Е. Н. Полякова, О. В. Гордеева, В. А. Малышева) и географы (Ю. Г. Вылежнев). Особые заслуги в изучении географических названий принадлежат А. С. Кривощековой-Гантман, которая, по словам Е. Н. Поляковой, «является основоположником планомерного, системного исследования коми топонимии и антропонимии Прикамья» [Полякова 2009: 69]. Таким образом, исследователи анализируют коми-пермяцкий пласт в

русской топонимии, работ, посвященных изучению влияния русского языка на коми-пермяцкую топонимию, немного. В некоторых работах А. С. Кривошековой-Гантман есть замечания об изменении лексики и грамматики коми-пермяцкого под влиянием русского языка. И. А. Подюков в одной из своих статей рассматривает русские элементы в лупьинской ономастике (лупьинцы – коми-пермяки, проживающие около реки Лупья Гайнского района) [Подюков 2012].

Пермская микротопонимия хорошо сохраняется на территории компактного проживания коми-пермяков (в бывшем Коми-Пермяцком автономном округе). В других регионах Пермского края коми-пермяцкие по происхождению микротопонимы уцелели частично. Однако и на территории бывшего округа микротопонимия, как и коми-пермяцкий язык в целом, испытала влияние русского языка. Если топонимы пермского происхождения обладают достаточно большой устойчивостью, то наименования небольших географических объектов обнаруживают сильное воздействие русского языка. Материалом статьи стали микротопонимы Коми-пермяцкого округа, собранные во время экспедиций, содержащиеся в дипломных работах по топонимии округа¹, а также извлеченные из «Топонимического словаря-справочника КПО».

Некоторая часть микротопонимов Коми-Пермяцкого округа заимствована из русского языка без изменений грамматической формы и значения. Например, в Гайнском районе зафиксированы названия: *Андрониха* (покос), *Болото Высокое*, *Гибловка* (поле), *Дикое* (озеро), *Долгие Пашни* (урочище), *Исток* (озеро), *Кашин Лог*, *Подполица* (поле), *Харин Лог*, *Юдинский Мыс* (возвышенность), в Юрлинском районе: *Егорово Поле*, *Меж Логами* (поле), *Северное Поле*, в Юсьвинском районе *Болото Девятое*, *Бусыгинская Гора*, *Закамское Болото*, *Захарихино* (поле), *Пронинский бор*. Чаще всего подобные микротопонимы отмечаются в трех перечисленных выше районах, что неслучайно. В этих районах проживает большое число русских: более 50 % в Гайнском, более 40 % в Юсьвинском, более 90 % в Юрлинском.

Прежде всего, влияние русского языка на коми-пермяцкие топонимы ощущается на лексическом уровне. Так, в коми-пермяцкой микротопонимии отмечается большое количество русских географических терминов. Это отмечала и А. С. Кривошекова-Гантман: «Исконная часть географической терминологии продолжала пополняться и в общекоми и собственно коми-пермяцкий периоды за счет слов тех языков, с которыми коми-пермяцкий имел тесные контакты или взаимодействовал в процессе своего развития. Особенно много терминов входит в него, начиная с XVII–XVIII веков, из русского языка» [Кривошекова-Гантман 2006а: 88]. Часть из них существует в русском литературном языке (*гарь*, *ключ*, *лог*,

отруб, пашня, поляна, пруд, устье), другие же являются диалектными (веретья, волок, грива, кулига, курья, ластва, ляга, мочище, новина, пальник и палёж, слуда, хобот, холуй и др.). Чаще всего эти географические термины встречаются в составе сложных коми-пермяцких наименований, в которых русский термин, как правило, находится на втором месте: *Дзорляга*, *Кузьпальник*, *Сылшорлог*, *Чёлпанамыс* и др. В этом случае первый компонент обычно является атрибутом, а второе слово – определяемым компонентом: *Дзорляга* ← дзор ‘седой’ + ляга ‘низкое место с пологими склонами между возвышенностями’ (низкое сырое место, которое могло принадлежать человеку по прозвищу Дзор), *Кузьпальник* ← кузь ‘длинный, долгий’ + пальник ‘выжженное под пашню место в лесу’ (выжженное под пашню место, имеющее продолговатую форму), *Сылшорлог* ← сыл ‘талый, незамерзающий’ + шор ‘ручей’ + лог (лог, по которому протекает незамерзающий ручей), *Чёлпанамыс* ← чёлпан ‘каравай’ – мыс ‘возвышенность, гора’ (возвышенность, напоминающая по форме каравай). Наиболее распространенными русскими компонентами в таких составных наименованиях являются слова *лог*, *пальник*, *мыс*. Нужно отметить, что все они входят в словарный состав коми-пермяцкого языка и зафиксированы в словаре.

Часто первое слово в составе сложных коми-пермяцких микропонимов может быть русским по происхождению. В таком случае оно выполняет роль определения. А. С. Кривошекова-Гантман в статье «Порядок слов в коми-пермяцком языке» выделяет у существительных-определений следующие смысловые отношения: 1) отношение к принадлежности предмета, 2) отношение к месту, 3) отношение к материалу, 4) назначение предмета, 5) отношение ко времени [Кривошекова-Гантман 2006в: 66]. В микропонимии распространена модель, при которой первое слово обозначает принадлежность географического объекта. В этом случае первой частью таких наименований могут быть календарные христианские имена, которые появились у коми-пермяков после христианизации края: *Елизарыб* ‘поле, которое принадлежало Елизару’, *Саввалог* ‘луг, который когда-то принадлежал Савве’, *Сенявидз* ‘луг, который принадлежал Семену’ или прозвища: *Гладышыб* буквально ‘поле Гладыша’, *Гусьвидз* ‘луг, принадлежащий человеку по прозвищу Гусь’, *Калинка ректас* ‘место, очищенное от деревьев человеком по прозвищу/имени Калинка’. Из-за отсутствия некоторых звуков в коми-пермяцком языке (ф, х, ц, щ), антропонимы изменяли свой фонетический облик, приспособляясь к произносительным особенностям коми-пермяцкого языка: *Оконьтөр* ‘изгородь Афоня’, *Оконь* < Афоня < Афанасий), *Петруквидз* ‘луг Петра’ (Петрук < Петруха < Петр), *Илляыб* ‘поле Ильи’ (Илля < Илья), *Одёкиутём* ‘поле, которое когда-то обрабатывал Авдей’

(Одѣк < Овдий < Авдей), *Öртяыб* ‘поле’ (Öртя < Öртемиий < Артемиий). Прозвище или христианское имя может примыкать не только к коми-пермяцкому, но и к русскому географическому термину: *Ванькакулига*, *Демидотруб*, *Емельлог*, *Захарлог*, *Кузьмакурья*, *Макарпальник*, *Мокейлог*, *Петькамыс*. Однако такие топонимы грамматически отличны от русских, поскольку первое слово-определение не имеет суффикса-показателя принадлежности.

Встречаются также микротопонимы, которые состоят только из основы-имени: *Антош* (место), *Ванька* (поле, луг), *Максим* (нижняя часть деревни Большая Серва), *Илья* (урочище), *Öмель* (поле), *Селько* (поле). Подобные названия являются характерными для коми-пермяцкого языка, так как в них имя может использоваться и для обозначения места, принадлежащего человеку.

В некоторых случаях микротопонимы могут содержать два или три антропонима. А. С. Кривошекова-Гантман отмечает, что последним располагается имя владельца участка, впереди же обычно ставится отчество или имя деда [Кривошекова-Гантман 2006в: 65]. Соответственно, следующие микротопонимы можно объяснить таким образом: *Васька Миколь Отруб* ‘урочище, где когда-то первым поселился Николай Васильевич’, *Гриша Вась прорубь* ‘колодец, принадлежавший Василию Григорьевичу’, *Максим Гриша отруб* ‘урочище, принадлежавшее Григорию Максимовичу’. В том случае, если имени собственному предшествует несколько имен, то на первом месте стоит имя старшего из предков: *Ванька Миколь Степан Отруб* ‘участок, принадлежащий Степану, сыну Николая Ивановича’. Иногда в состав микротопонима входит прозвище, оно так же, как патроним, занимает первое место: *Сьöd Митя угол* ‘место, где рубил лес Митя по прозвищу Сьöd (Чёрный)’.

Кроме мужских имен, в состав сложных микротопонимов могли входить женские имена и прозвища по мужу: *Федосья видзез* ‘луга, принадлежавшие семье Федосьи’, *Иваника шотём* ‘поле, принадлежавшее Иванихе’, *Прокопика видз* ‘луг, принадлежавший Прокопихе’. В трехсловных микротопонимах женское имя, стоящее на первом месте, выполняет функцию матронима: *Домна Вась ыб* ‘поле, принадлежавшее Василию, сыну Домны’, *Галю Иван угол* ‘конец поля, который принадлежал Ивану, сыну Галины’, *Галю Петра отруб* ‘участок Петра, сына Галины’. Возможно, такие наименования появлялись в том случае, когда у первого владельца земли рано умер отец.

В микротопонимии Коми-Пермяцкого округа представлены и сложные названия, в которых первая русская часть обозначает место, при этом вторая часть является географическим термином коми-пермяцкого или русского происхождения: *Гараж мыс* ‘возвышенность

рядом с гаражом’, *Гуна лог* ‘лог, который находится у гумна’, *Курятник вёр* ‘лес недалеко от курятника’, *Маскаль пруд* ‘пруд около д. Маскаль’, *Роцца колас* ‘поле, которое находится между двумя рощами’ (колас ‘промежуток’), *Роцца нюр* ‘болото рядом с рощей’, *Слудина рас* ‘березовая роща недалеко от деревни Слудино’, *Тюиковской ыббез* ‘поля у деревни Тюиково’, *Часовня йор* ‘огороженный участок около часовни’.

Значение расположения объекта имеют также названия, образованные сочетанием существительного и имени-послелога. А. С. Кривошекова-Гантман пишет о том, что такие послелоговые выступают в качестве топоформантов и соответствуют русским приставкам с пространственным значением, но, в отличие от приставок, могут употребляться самостоятельно [Кривошекова-Гантман, 2006г: 113]. В анализируемых материалах представлены микротопонимы с первым русским словом и коми-пермяцкими послелоговыми *дын* ‘место (пространство), прилегающее к чему-либо’ [КПРС: 133], *сай* ‘место за прикрытием чего-либо’ [там же: 417], *увт* ‘низ, нижняя часть’ [там же: 506]. Обычно первая часть в таких наименованиях – это какой-либо пространственный ориентир: *Ворота-сай* ‘место за воротами’, *Гунадын* ‘участок около гумна’, *Гунаувт* ‘место под горой, выше него находится гумно’, *Дворувт* ‘ниже двора’, *Деревняувт* ‘ниже деревни’, *Крестдын* ‘около Креста’, *Крёжувт* ‘ниже Крёжа’ (крёж – поле на месте выкорчеванного леса [СГТ: 174]), *Мыссай* ‘за мысом’, *Овинулт* ‘ниже овина’, *Фермасай* ‘за фермой’. В некоторых подобных названиях первым словом является имя человека: *Максимдын* (буквально ‘за Максимом’), *Селькоувт* (буквально ‘ниже Селько’). В приведенных примерах имена обозначают место, принадлежавшее человеку с таким именем.

В микротопонимии названия также могут описывать какие-либо физико-географические свойства объекта, его форму, характерную растительность. В анализируемых материалах представлены микротопонимы, состоящие из русского слова и коми-пермяцкого географического термина, а также полностью из двух русских слов: *Галя яма* ‘яма, из которой добывали камень’, *Грезник лог* ‘грязный лог’, *Гладьвидз* ‘гладкий луг’, *Кринка мыс* ‘возвышенность в виде кринки’, *Горбамыс* ‘гора с крутыми склонами’, *Шарыб* ‘круглое поле’, *Новочисть видз* ‘луг на месте сведенного леса’, *Песёкаму* ‘место с песчаной почвой’ (му ‘земля, почва [КПРС: 256]), *Песок тарьян* ‘лес, откуда берут песок’ (тарьян ‘лес, где водятся тетерева’ [там же: 470]), *Клеверйор* ‘место, где когда-то выращивали клевер’, *Лёныбок* ‘поле, на котором рос лён’, *Рёбинникаляга* ‘лог, по обеим сторонам которого растет рябина’. В случае сочетания двух русских слов часто происходит неизбежное приспособление к грамматике коми-пермяцкого языка. Так, микротопонимы *Горбамыс*,

Песёкаму, *Рёбинникаляга* содержат коми-пермяцкий суффикс *-а* со значением ‘включающий что-либо в большом количестве’.

В некоторых случаях частью составных наименований являются прилагательные, заимствованные из русского языка. Некоторые из них обозначают принадлежность человеку: *Гавриковской вильса* ‘место, принадлежащее Гаврилу’, близость к какому-либо населенному пункту: *Гайнской видзез* ‘луга недалеко от поселка Гайны’, другие характеризуют свойства объекта с разных сторон: *Круглõй видзок* ‘круглый луг’, *Зяблõй ыб* ‘поле, где посевы часто замерзают’, к географическому термину могут добавляться русские числительные: *Вторõй делянка*, *Первõй делянка*, *Восьмõй поле*. Обычно в подобных словосочетаниях-микротопонимах определяемое слово застывает в форме мужского рода, поскольку в коми-пермяцком языке нет этой грамматической категории.

В ряде случаев заимствуется не только прилагательное, а вся топонимическая модель. Так, в названиях *Емельõвкõй*, *Крайõвскõй*, *Õникõвскõй*, *Помõскõй*, *Ручõскõй*, *Юдинскõй* используются русские суффиксы прилагательных *-ов(õй)*, *-ск(õй)*. Скорее всего, заимствование топоформантов связано с тем, что в коми-пермяцком языке нет притяжательных прилагательных и, следовательно, суффиксов для их образования. В основе этих названий чаще всего лежат антропонимы – христианские имена Емеля → *Емельõвкõй*, Õника (Аника) → *Õникõвскõй*, Пома (Фома) → *Помõскõй*, Юда → *Юдинскõй*. Такие микротопонимы тождественны русским названиям *Емелино*, *Аникино*, *Фомино*, *Юдино*. Микротопоним *Ручõскõй* образован от коми-пермяцкого прозвища или некалендарного имени *Руч* ← *руч* ‘лиса’ [КПСР: 326]. Реже встречаются названия, образованные от нарицательных существительных: топоним *Крайõвскõй* (край полей, которые использовали для посева), как это видно из названия, образован от русского существительного *край*; *Гадесскõй* (сосновый лес) от слова *гатъ* ‘проход через топкое место по настилу из бревен или хвороста’ [СГТ: 89]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в коми-пермяцкой топонимии эти суффиксы расширяют свою семантику: используются не только в притяжательном значении, но и как топонимические форманты.

Итак, в коми-пермяцкой топонимии представлены разные грамматические варианты, называющие место, принадлежащее человеку: 1) имя (без суффиксов) + географический термин, 2) имя без суффиксов, 3) отыменное прилагательное с суффиксом принадлежности + определяемое слово, 4) отыменное прилагательное с суффиксом принадлежности. Две первых модели являются собственно коми-пермяцкими, последние две являются результатом влияния русского языка.

В структуре коми-пермяцких микротопонимов можно увидеть и другие русские суффиксы, в первую очередь, уменьшительные *-к(а)* и *-ок*: *Егырок* (поле), *Илӧбка* (название лога), *Жишерка* (река), *Ракиорка* (река), *Товолькавидз* (луг), *Лавреймуок* (урочище), *Льӧмпу возжок* (лог у деревни Сенино), *Миша шотӧмок* (заброшенная пашня), *Тӧрья нюрок* (маленькое болото), *Учӧтыбок* (поле), *Учӧтик вӧрок* (лес), *Ыджытыбок* (поле), *Ыбрасок* (поле около леса). Чаще всего суффикс *-к(а)* приобретают гидронимы по аналогии с русскими названиями рек, суффикс *-ок* может добавляться к названиям полей и лугов. Интересен с точки зрения структуры микротопоним *Потимаобка видзез* (луга по реке Тимаобка). Последнее слова *видзез* ‘луга’ – географический термин, *Тимаобка* – название реки (дано по микротопониму *Тимаоб* ‘поле, принадлежавшее Тиме’). Кроме того, в структуру входит русская приставка/предлог *по-*. Похожие многокомпонентные топонимы были широко распространены в XIX – начале XX века: *По реке Хмелевке, По Трубенке Катаева*.

Таким образом, топонимия Коми-Пермяцкого округа является сложной системой, в которой сосуществуют различные языковые пласты. Многовековое соседство коми-пермяков с русскими, билингвизм коми-пермяков, естественно, оказывают влияние и на топонимию региона. Это влияние осуществляется как на уровне лексики, так и на уровне грамматики.

Примечание

¹ В статье были использованы дипломные работы Г. Г. Власовой «Топонимия Архангельского сельсовета Юсьвинского района Коми-Пермяцкого автономного округа», выполненная под руководством профессора Е. Н. Поляковой; Е. Г. Кучевой «Топонимика Косинского района Пермского края как лингвокраеведческий материал в начальной школе» под руководством Ю. В. Зверевой.

Библиографический список с сокращениями

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // Кривошекова-Гантман А. С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Ономастика. Пермь, 2006а. С. 85–101.

Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // Кривошекова-Гантман А. С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Ономастика. Пермь, 2006б. С. 119–143.

Кривошекова-Гантман А. С. Порядок слов в коми-пермяцком языке // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып 3

// Кривощекова-Гантман А. С. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь, 2006в. С. 64–81.

Кривощекова-Гантман А. С. Структурно-словообразовательные типы коми-пермяцких ойконимов // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4 // Кривощекова-Гантман А. С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Ономастика. Пермь, 2006г. С. 109–114.

Кривощекова-Гантман А. С., Аксенова О. П., Дерябин В. С. Топонимический словарь-справочник КПО. Кудымкар: Пермский научный центр УрО РАН, 2010.

Подюков И. А. Русские элементы в мысовско-лупьинской ономастике // Социо- и психолингвистические исследования. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2012. С. 25–36.

Полякова Е. Н. Исследования А. С. Кривощековой-Гантман в области ономастики // Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья, Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. С. 68–73.

СГТ – *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та. 2007. 420 с.

Iu. V. Zvereva

Associate Professor of Primary Humanitarian Education
in Primary School Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

THE INFLUENCE OF RUSSIAN LANGUAGE ON THE KOMI-PERMYAK MICROTOPYNOMS OF THE PERM REGION

The article analyzes the influence of the Russian language and Russian toponymic models on the microtoponymy of the Komi-Permyak District of the Perm Krai. Most often, such influence is realized in the form of borrowing different groups of vocabulary. As a rule, the borrowed word phonetically and grammatically adapts to the laws of the Komi-Permyak language. The use of Russian grammatical tools in toponymy is less common, but we can talk about borrowing some toponymic models and Russian suffixes.

Key words: Perm Krai; microtoponyms; Komi-Permyak language; geographical terms.

Клюйкова Екатерина Александровна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
nesef91@gmail.com

СЮЖЕТЫ О СТАРООБРЯДЦАХ В ГУБЕРНСКОЙ ГАЗЕТЕ (на материале «Пермских губернских ведомостей» середины XIX века)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ,
проект № 16-34-00007 «История Северного Прикамья в зеркале фольклора
(на материале публикаций XIX – начала XX вв.)»*

Статья посвящена анализу материалов, связанных с бытом и нравами старообрядцев, как они были представлены на страницах «Пермских губернских ведомостей» в период 1850–1870-х годов. Сведения о раскольниках подавались авторами в разных жанрах – от рассказов об обратившихся в православие и дорожных заметок до аналитических статей об эпидемиологическом положении. Несмотря на доминировавшее в то время представление о раскольниках как суеверных «темных» крестьянах, авторы публикаций призывают к изучению жизни раскольников, а также вскрывают проблемы взаимодействия крестьянства и духовенства.

Ключевые слова: старообрядчество; традиционная культура; региональная пресса.

Полевые исследования, проводимые на территории Северного Прикамья, выявили необходимость выхода за границы современности и расширения исторического контекста бытования фольклорных текстов и традиционной обрядности. Одним из источников пермских фольклорных и этнографических материалов XIX века может служить региональная периодическая печать.

Настоящая статья посвящена материалам, опубликованным в газете «Пермские губернские ведомости» в 1840–1860-е годы (выпуски хранятся в фондах Пермского краеведческого музея). Газета начала выходить с 1838 года, в 1841 году в ней была открыта неофициальная часть, которая впоследствии стала одной из основных «площадок» для публикации и пропаганды материалов, затрагивающих локальные вопросы. Исследуемый период, по словам исследователей пермской журналистики, совпадает со временем «активизации просветительской деятельности местной прогрессивной интеллигенции под влиянием общерусского освободительного движения. За этот срок «Пермские губернские ведомо-

сти» опубликовали около 600 статей и заметок об истории края, местном хозяйстве, народном образовании и состоянии медицинского обслуживания в губернии. Значительное место среди них заняли сообщения о жизни горнозаводских рабочих и среднеуральских крестьян. В эти же годы в газете появился новый отдел – учено-литературный, в котором помещали материалы, тоже знакомившие читателей с историей края» [Кустов 2013: 14]. Авторы краеведческих публикаций губернской газеты как раз на рубеже 1850–60-х годов создали значимый для пермского краеведения «Пермский сборник», включающий материалы по фольклору, этнографии, истории и археологии Пермской губернии.

Стоит отметить, что в 1841–1856 годы в газете не было практически ни одной публикации по краеведению, и только с 1857 года начинает фиксироваться зарождение интереса к теме и мощный всплеск краеведческих материалов. Основная тематика публикаций этого времени связана с историей горнозаводских районов, церковей, крупных промышленных и культурных центров. Отдельно рассматриваются история Соликамска, Чердыни, Шадринска, Верхотурья. Известно, что Пермская губерния в XIX веке сильно выходила за свои сегодняшние пределы и включала территорию Свердловской области и отчасти Курганской области (Шадринский уезд).

В XIX веке Пермская губерния стала крупнейшим центром старообрядчества. На рубеже 1826–1827 годов в Пермскую губернию был командирован Степан Дмитриевич Нечаев, бывший декабрист, для «исследования о возникших в Пермской губернии расколах». С конца 1838 года в губернии работал секретный совещательный комитет по делам раскола. В 1845 году открылся еще один в Екатеринбург при екатеринбургском викариате.

До 1856 года фольклорная и этнографическая информация о раскольниках была скрыта среди регулярных сводок криминальной хроники и списков найденных крестьян. Так, уже в 1842 году упоминается о беглом крестьянине, который обратился в «поморскую веру» и 24 года скрывался в лесу. В середине 1850-х годов есть также упоминание о краже в единоверческой церкви и убийствах раскольничьих попов, но это также не выходит за пределы криминальной хроники.

Большинство публикаций, в которых содержатся сведения о старообрядцах, анонимны, за исключением очерков А. Н. Зырянова и статей, направляемых в газету священниками.

Наиболее активные публикации, связанные с историей старообрядческих сел, конфессиональными проблемами в деревне, начинаются в 1860 году. Тематически эти публикации достаточно разнообразны: это описания эпидемии оспы, природных явлений, рассказы о горнозавод-

ской промышленности, истории деревень, путевые заметки краеведов и этнографов. Как правило, упоминание старообрядцев имеет отрицательную коннотацию, за исключением путевых заметок и рассказов о заводах.

Тон материалов о раскольниках начала 1860-х годов не оставляет сомнений в отрицательном отношении власти к ним. Так, например, в заметке о постройке церкви в с. Ольховском Шадринского уезда говорится, что, хотя было много других вариантов для строительства церкви, Ольховское было выбрано потому, что *«здесь не было (и по ныне нет) раскольников, издавна гнездящихся в помянутых деревнях, которые, более или менее действуя на умы простаго народа, обыкновенно стараются отклонять созидание церквей в местах своего жительства»* [ПГВ 1860: 85].

Примечательны статьи, которые отправляли в газету приходские священники. Так, один из священников предоставил в «Пермские губернские ведомости» подробный отчет об эпидемиологической ситуации в Оханском районе и количестве человек, прививающихся от оспы в разных приходах. Статистические данные, которые он приводит, в некоторых районах показывают увеличение смертности от оспы в зависимости от приверженности жителей расколу, а в других этот показатель не является релевантным, но автор считает важным подчеркнуть именно вред старообрядчества. Так, при упоминании с. Сепыч, где процент смертности немного меньше, чем в православных государственных селах, автор эмоционально описывает традиции и предрассудки сепычских кержаков: *«В Сепыче самая злейшая и пагубнейшая секта поморская, глубоко укорененная во всем народонаселении; – и умираете здесь от оспы более чем во всех других помещичьих селах (около 11 %). Поморцы обыкновенно не крестят в младенчестве своих детей, пока они здоровы, а крестят только в болезни перед смертью и притом не в кадке или корчаге дома, а всегда в прудах, реках, озерах хотя бы это было зимою. Захворал кто оспой, и опасно; случилось это в Марте или Апреле, когда вода еще холодна; <...> Иной может быть, без этого купанья и вынес бы оспу; но окунувшись в Мартовской или Апрельской воде, уже не жилец на белом свете. Поэтому не удивительно, что оспа так много в Сепыче поражает детей»* [там же: 262].

Отдельный интерес представляют короткие заметки о природных явлениях, будь то сильная гроза или комета. При их описании непременно указывалось, что среди раскольников ходили толки о втором пришествии: *«Раскольники называли ее звездю ком и по ней утверждали, что скоро наступит второе пришествие. Православные хоть и подшучивали над мудрствованиями раскольников, но не прочь были от разных предположений»* [там же: 367].

Наиболее развернутые сведения мы получаем из путевых заметок и исторических очерков горных заводов. Примечательно, что в отличие от

1850-х и начала 1860-х годов, во второй половине 1860-х годов заметно меняется отношение к раскольникам. Если в конце 1850-х годов они упоминались в отрицательном ключе («деревни, где издавна гнездится раскол») без различия поповцев, беспоповцев и других старообрядческих согласий, то к середине 1860-х годов порицание и создание образа невежественных раскольников сменяется интересом к их жизни, быту, большое внимание начинает уделяться конфессиональным различиям внутри старообрядчества, появляются сюжеты о конфликтах между староверами разных согласий. Так, одна из статей представляет собой рассказ обратившегося в православие раскольника и содержит описание учения иргизских старообрядцев, бежавших из Томской губернии после того, как их монастырь был обращен в единоверческий. Анонимный автор статьи делает вывод о том, что в учении Фомы Липина имеется *«странная смесь учения поповщинского с учением беспоповщинским»* и утверждает, что для изучения раскола *«недостаточно одного только знания его письменности», но необходимо еще <...> изучение настоящей его жизни, как она есть на самом деле, а не как изображается на бумаге <...>»* [ПГВ 1866: 17].

В путевых заметках Александра Никифоровича Зырянова рассказывается о первом *«австрийского пострижения попе»*, который *заявился в среду старообрядцев, в село Иваницкое Шадринского уезда, – «с остриженными в кержацкую скобку волосами и с претензией на рыбу в великий пост»: «Один нетрезвый раскольник выразил ему сомнение относительно законности требования в великий пост рыбы, а тот, напротив, в досаду ли или тоже пьяный, потребовал мяса, и пошла вследствие того катавасия»* [там же: 27].

Тема старообрядчества в газете напрямую связана с темой горнозаводской цивилизации, поскольку на горных заводах служило большое количество староверов, которые зарекомендовали себя как ценные работники. В качестве примера можно привести «Исторический очерк Верх-Исетского завода», который по частям печатался в ведомостях 1866 ода. Он содержал рассказ о двух приказчиках-старообрядцах, вокруг личностей которых существовало большое количество устных историй, связанных как с их характером, так и с их деятельностью. Один из них *«знаменитый Григорий Федотович Зотов был закоснелый раскольник и не получил никакого образования, но имел обширный природный ум, сметливость; это была горячая натура, он был чрезвычайно вспыльчив, но вместе с тем у него было отхожее, доброе сердце. Верх-Исетские старожилы рассказывают, что у Зотова была трость, сделанная из кожи и набитая песком, которой он обыкновенно собственноручно бивал провинившихся перед ним заводских приставников или рабочих»* [там же: 107].

О Зотове, т. к. его деятельность пришлась на начало XIX века, основные сведения составляют воспоминания и слухи. О его преемнике Егоре Артемьевиче Китаеве также сохранились истории, достоверность которых не подтверждена и которые могут рассматриваться отчасти как элемент народной памяти. *«Несмотря на то, что Китаев тоже был раскольник, он расположил владельца заводов А. И. Яковлева вместо прежней деревянной построить большую каменную церковь во имя Успения Божией Матери. Жаль, что план Китаева не осуществился вполне. Он представлял Яковлеву великолепный план церкви; Яковлев по внушению своих приближенных и вдобавок православных Верх-Исетских прихожан не согласился построить церковь по плану, проектированному Китаевым; Китаев составил другой план; владелец, тоже вследствие тех же причин, и по этому плану не разрешил строить церковь, а послал план и фасад церкви по своему усмотрению. Эта церковь заложена в 1831 году <...>, а освящена <...> 17 марта 1838 года»* [ПГВ 1866: 111].

В характере сведений, которые представлены о старообрядцах сельских и заводских есть определенная разница. Старообрядцы, живущие по деревням представлены и в 1860-х годах как народ косный, суеверный. *«Здесь (Шадринский уезд) живет много староверов. Некоторые из них последователи посто старой книги Златоуста, обещавшей через 7000 лет от сотворения мира, по счету апокалипсической цифры 666, кончину мира; кончины же мира нет как нет, несмотря на протекшие с сотворения мира 7373 лет. Верят этому исчислению из староверов только люди малограмотные; мало же мало развитые начинают не верить, особенно смешанные и перемешанные австрийским духовенством, которому одни из староверов поклоняются, а другие и знать не хотят его»* [там же: 27]. С иронией описывается борьба разных согласий в деревнях, как, например, в д. Мальцова Замараевской волости, где часть старообрядцев признавало беглое духовенство, часть отказывалась признавать, а *«большинство их перестало верить всякому духовенству, кроме своих стариков и начетников»* [там же]. Автор с иронией резюмирует: *«Деревня по расколу двоедушничает, а православные посмеиваются над этим»* [там же].

Однако такое снисходительное отношение прослеживается не только к старообрядцам, но и к крестьянам в целом. Так, А. Зырянов сетует на легковерность крестьян, легко переходящих в раскол. Деревня в его материалах предстает как темная, косная и суеверная. В то же время некоторые заводские старообрядцы воспринимаются как более ученые, как часть заводской интеллигенции. В. А. Шкерин при описании самосознания горнозаводских рабочих в XIX веке указывал, что «базовое понятие “мы” уральских рабочих определялось их общим участием в горнозаводском производстве, комплексом возникавших в этой связи тру-

довых и правовых отношений» [Шкерин 2013: 77], в противовес другим социальным группам (в частности крестьянам), при этом территориальные и конфессиональные различия могли нивелироваться, т. е. социальные границы в середине XIX века оказывались глубже конфессиональных.

Список источников

Пермские губернские ведомости. 1860. № 6 (5 февраля); Пермские губернские ведомости. 1860. № 20 (30 мая); Пермские губернские ведомости. 1860. № 33 (12 августа); Пермские губернские ведомости. 1866. № 4 (12 января); Пермские губернские ведомости. 1866. № 7 (22 января); Пермские губернские ведомости. 1866. № 27 (2 апреля).

Библиографический список

Кустов В. А. Газета «Пермские губернские ведомости» как источник по истории края // История отечественной журналистики. Проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX-начала XX века. Пермь, 2013. С. 14–16.

Шкерин В. А. «Мы, верноподданные ведения горного мастеровые рабочие люди»: социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX века // Уральский исторический вестник. 2013. № 2. С. 73–80.

E. A. Kliuikova

Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

THE STORIES ABOUT THE OLD BELIEVERS IN PROVINCIAL JOURNAL (on the data of “Perm Provincial Journal” in the middle of the 19th century)

The article deals with the texts related with the everyday life and customs of Old Believers as they were presented at the “Perm Provincial Journal” in the middle of the 19th century. In spite of the dominated view on the Old Believers as the superstitious peasants the authors of published articles urged to explore their life and revealed the problems of interaction between the peasantry and the priesthood.

Key words: traditional culture; Old Believers; regional press.

Колегова Оксана Алексеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
okko.21@yandex.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ НА СТРАНИЦАХ «ПЕРМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» 1840–1860-х ГОДОВ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-14-59009
«Фольклорная несказочная проза Северного Прикамья: универсальное, региональное,
локальное (на мат. записей второй половины XIX – начала XXI вв.)»*

Основным материалом статьи являются записи мифологических рассказов, бытовавших на территории Прикамья и опубликованных в «Пермских губернских ведомостях» 1840–1860-х гг. Выявлено, что чаще всего авторы публикаций фиксируют народные приметы, представления о знахарях, демонологию. Изучение таких материалов позволяет получить дополнительное представление об ареалах бытования отдельных сюжетов и мотивов. Газетные публикации также косвенно свидетельствуют о степени распространенности некоторых мифологических представлений в первой половине XIX века.

Ключевые слова: мифологические рассказы; Пермские губернские ведомости; демонология; знающие; периодика.

Центральная и региональная периодика XIX века является одним из главных источников фольклорных и этнографических материалов. В «Ведомостях» различных губерний опубликовано большое количество краеведческих заметок, путевых записок, описаний народных праздников и обрядов и др. Как отмечает М. А. Ганина, с середины XIX в. «возрастает интерес к народному образованию, народному быту, народной поэзии, что находит отражение на страницах периодических и непериодических изданий» [Ганина 1966: 100]. Волна интереса к народной культуре не обошла стороной и Пермскую губернию, включающую в себя на тот момент территории современных Свердловской и Курганской областей. Собранный материал публиковался на страницах местных периодических изданий, а также в вышедшем в 1859–1860 гг. «Пермском сборнике».

Особый интерес для нас представляет неофициальный отдел «Пермских губернских ведомостей» (далее ПГВ), в котором опубликова-

лись рекламные объявления, советы по домоводству, сведения о той или иной местности и т. п., – конкретное наполнение в большей мере зависело от предпочтений редакции и возможностей местных корреспондентов. Фольклорист В. А. Кустов отмечал: «“ПГВ” помещали в неофициальном отделе народную поэзию, большое количество статей и заметок, в которых проявился интерес к народному быту. Форма привлечения фольклорно-этнографических материалов многообразна: публикация, этнографическая заметка, социально-этнографический очерк и т. д.» [Кустов 1971: 136].

Данная статья представляет собой наблюдения, сделанные на материале публикаций ПГВ 1840–1860-х гг.¹ Материалом исследования являются мифологические рассказы, опубликованные на страницах ведомостей в рассматриваемый временной период. По словам М. А. Ганиной, ПГВ 60-х гг. XIX в. «свидетельствуют о расширении интереса к фольклору. <...> Благодаря этим материалам мы располагаем интереснейшими сведениями о крестьянском и рабочем фольклоре середины XIX века» [Ганина 1966: 105–106].

Ранее нами было проведено изучение легендарно-исторической прозы, опубликованной на страницах ПГВ. Исследование показало, что фольклорные сведения могут быть обнаружены в публикациях, которые по своему содержанию, на первый взгляд, далеки от народной культуры. Тексты, содержащие мифологическую прозу, также относятся к разным темам и жанрам: интересующий нас материал был найден в публикациях, посвященных описанию городов, медицинским заметкам, путевым запискам и др.

Объем опубликованных текстов, содержащих мифологические рассказы, увеличивался с каждым десятилетием. Так, в ПГВ с 1838 по 1855 год нами не обнаружены тексты, в которых бы отражались народные мифологические представления. Отметим, что в это время в неофициальной части публикуются в большей степени статистические материалы, например, несколько выпусков 1855-го года посвящено историческому описанию Пермской губернии с фиксацией числа местных жителей, количества построек, церквей и др. В выпусках с 1856 по 1859 год включительно начинают публиковаться тексты, содержащие мифологическую прозу (преимущественно авторы статей фиксируют веру простого народа в колдунов, знахарей и порчу). Постепенно народная культура привлекает большее внимание редакторов ведомостей. Особенно показательны выпуски 1861 года, где в одном из номеров публикуется обширный материал о народных приметах и поверьях. По нашему мнению, это свидетельствует о повышенном читательском интересе к подобным темам. В. А. Кустов заметил, что все собиратели и публикаторы другого

периодического издания – «Записки УОЛЕ» – отмечали: «Пермская губерния представляла такой край, где ещё во всю силу давала себя знать вера в предрассудки и где суевериями были пронизаны почти все стороны жизни простого народа: рождение, замужество, смерть, каждодневная работа и многое другое» [Кустов 1976: 92].

Одними из самых распространенных типов газетной публикации того времени, содержащей в себе мифологические рассказы, является описание того или иного лекарственного средства. Авторы заметок часто сами не имеют медицинского образования, но рассказывают о том, как излечили тот или иной недуг при помощи подручных средств. В публикациях подобного рода отражена вера народа в знахарство и предпочтение его официальной медицине: «Простодушные крестьяне не признают действительным никакого лекарства, а верят в существование людей, излечивающих словом» [Кох 1856: 122]; «Там [в деревнях] нет никакого доверия к медицине, но зато полная вера в могущество баб, знахарей, ворожей, шептун и тому подобных лиц, и в пользу употребляемых ими растений» [Черника 1856: 111]. Констатация факта нередко дополняется подробностями; так, например, статский советник Алексей Кох отмечает, что деревенские жители почитают его как человека «знающего слова», однако сам автор статьи спешит оправдаться: «Не желая, чтобы утвердилось подозрение, что я знаю слово (в старину таким людям, по смерти, забивали осинового кол), я прибегаю к вам, почтеннейший редактор, с просьбою быть за меня порукою что не колдовством лечу, а молитвою, хотя и употребляю средства неясные; также что средства эти не мои, а приняты от добрых людей» [Кох 1856: 122].

Отдельно стоит сказать об опубликованном в ПГВ 1861 года цикле заметок «Из дневника пермского горожанина». Автор статьи Е. П. Мухачев фиксирует множество народных примет и поверий, в том числе приметы приближающейся смерти: «Видеть во сне умершего уже родственника, предвещает близкую смерть самому сновидцу»; «Петух поет при закате солнца, чуя покойника» [Мухачев 1861: 424–426]. Отмечает он также и широко распространенное представление о том, что покойные могут напоминать живым родственникам о необходимости их поминания: «Огоньки на могилах, – это души покойников, требующие, от своих родных молитв и поминовения» [там же].

Автор «Дневника...» включил в свои заметки и народную демонологию, причем зафиксированную в том числе и в губернском центре. В одном из текстов рассказывается о проклятом доме, хозяин которого «вздумал дополнить покупной строительный материал даровыми плитами и камнями с кладбища», а затем был наказан за свой поступок:

«Страстишка подишутить, при случае, над своим собратом уносится людьми, как видно, и в могилу. Покойники откомандировали в дом, на житье, самую взбалмошную кикимору, которая и не замедлила выжить из дому жильцов и остаться, навсегда и безраздельно, владелицею дома» [Мухачев 1861: 424–426]. В «Словаре славянских древностей» отмечается, что кикимора «появляется в домах, построенных на “плохом” месте: там, где был зарыт удушенный или неотпетый покойник» [Левкиевская 1999: 495]. В данном случае дом стал «плохим» местом после того, как были принесены могильные плиты в качестве строительного материала: *«Так и чудилось, когда идешь, бывало, ночью, мимо дома, что, внутри его – мертвецы, отыскивающие в грудах камней каждый свою собственность»* [Мухачев 1861: 424–426]. В этой быличке отмечаем фиксацию другого представления, связанного с загробным миром. Вплоть до сегодняшнего дня полевые материалы содержат сюжеты о том, что на могилах не стоит ставить тяжелый памятник, т. к. покойный будет вынужден носить его на себе. В записи Мухачева встречаем не лишнее иронии замечание: *«Тяготясь наложенным усердными наследниками грузом, покойники легко дозволили поснимать с них надгробные памятники с эпитафиями включительно»* [там же].

В этих же заметках описан и другой дом, *«будто бы в нем чудится или, яснее, блазнится»* [там же], назван он *«холерным»*. Причина, по которой этот дом стал таким, не указана.

Былички о ходячем покойнике являются одними из самых распространенных. Представлена она и в «Дневнике пермского горожанина»: *«Назад тому не один десяток лет, супруг, убедившись в измене своей супруги, <...> выпил яду, – и умер. Но со дня своего погребения, положил себе за правило, каждые сутки, разумеется, ровно в полночь, навещать любовника своей жены. Такие визиты, непрошеного гостя, до того надоели бедному Ловеласу, что он бежал из Перми, захватив, по пути, вдовицу. Но для умерших нет расстояния: мертвец продолжал свою полуночные визиты, и в другом городе»* [там же].

Отражено в этих заметках и представление о лешем, который *«весьма невежливо изволит шутить, на Круглом Поле над запоздавшими путниками и заводит их в болото, чуть не по уши»* [там же]. Описывается и домовый: *«Суседко, как везде, видит сонных людей и благосклонно отвечает на их вопросы: к добру или к худу, он изволит душисть их? – Любит или не жалуется домашних животных; помогает кучерам сводить со своими хозяевами счета по расходу овса на лошадей и т. п.»* [там же]. Е. П. Мухачев отмечает, что скука и нужда, а также девятилетнее проживание в Перми (*«исходили её вдоль и поперек»*) побудили его опубликовать все эти заметки.

При работе с ПГВ мы столкнулись с тем, что в публикациях чаще всего отсутствует указание на источник сведений, на место бытования сюжета. Кроме того, все фольклорные рассказы, услышанные публикаторами, проходят значительную литературную обработку, авторы статей очень часто дополняют информацию, собранную от народа, своими вставками. Этим объясняется, например, появление при перечислении народных наименований людей, могущих лечить, названия античных прорицательниц и пророчиц – сивилл: *«он (народ) несет и держит непреложное убеждение в силу повитухи, шептух, сивилл и знахарей, наносящих чаще вред, чем пользу»* [Зырянов 1859: 127].

Кроме того, авторы статей стараются дать рациональное объяснение народным представлениям и часто выступают с просветительских позиций. По их мнению, бедственное положение народа обусловлено в том числе и его мифологическими представлениями: *«У нас в Чердынском уезде (Пермской губернии) много бедных людей; но спросите, отчего эта бедность? Единственно оттого, что много здесь существует суеверий и предрассудков»* [Федосьев 1857].

Мифологические рассказы, нашедшие отражение на страницах ПГВ, содержат представления о «персонажах, обладающих разной степенью “мифологизации” – одни из них воспринимаются исключительно как демоны (прим.: леший, кикимора, домовой), другие – как люди, наделенные демоническими чертами (прим. знахари, колдуны)» [Левкиевская 1999: 51]. Подобного рода мифологическая проза распространена и сегодня на территории Пермского края и фиксируется во время полевых исследований. Материалы, собранные в периодических изданиях, в дальнейшем позволят проследить ареал бытования тех или иных сюжетов и мотивов, уточнить время их фиксации. Газетные публикации также могут косвенно свидетельствовать о широкой распространенности некоторых мифологических представлений в первой половине XIX века.

Примечание

¹ Тираж газеты «Пермские губернские ведомости» хранится в фондах Пермского краеведческого музея. Цитаты приведены в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

Библиографический список

Ганина М. А. Фольклор Пермской губернии в журналистике и публицистике 60-х гг. XIX века // Вестник Ленинградского университета. Ленинград, 1966 г. №2, Серия «История, язык и литература». С. 99–110.

Зырянов А. Н. Средства от обжога и обвара // Пермские губернские ведомости. Пермь, 1859 г. №42. С. 127–128.

Кох А. Некоторые простонародные средства к излечению болезней // Пермские губернские ведомости. Пермь, 1856. № 14. С. 122.

Кустов В. А. Фольклорно-этнографические материалы в газете «Пермские губернские ведомости» 1870-х гг. // Ученые записки педагогического института. – Пермь, 1971. Серия «Фольклор и литература Урала»: Материалы научной конференции, тезисы докладов. С. 136–138.

Кустов В. А. Вопросы собирания и изучения фольклора Среднего Урала в «Записках УОЛЕ» 1870–1880 гг. // Фольклор Урала. Свердловск: [Урал. гос. ун-т], 1976. [Вып. 1]: Народная проза. С. 89–93.

Левкиевская Е. Е. Кикимора // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 494–496.

Левкиевская Е. Е. Демонология народная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 51–56.

Мухачев Е. П. Из дневника пермского горожанина // Пермские губернские ведомости. Пермь, 1861. № 31. С. 424–427.

Федосьев В. И. Вредные поверья // Пермские губернские ведомости. Пермь, 1857. № 16.

Черника // Пермские губернские ведомости. Пермь, 1856. № 28. С. 111–113.

О. А. Kolegova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

THE MYTHOLOGICAL NOTIONS ON THE PAPER “PERM PROVINCIAL JOURNAL” 1840-1860-s

The article is devoted to the mythological notions, which are found on the Perm region and was published on the “Permskie gubernskie vedomosti” 1840–1860-s. The publication’s authors recorded the folk signs, view of healers, demonology. The study of this materials allows to get additional notion about areas of existence of the certain subjects.

Key words: mythological notion; “Permskie gubernskie vedomosti”; demonology; healer; periodicals; mythological stories.

Лобанова Алевтина Степановна
кандидат филологических наук, доцент
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lobanova@pspu.ru

О КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ФИТОНИМОВ *ПИКАН*, *ПИСТИК*, *ГОРАДЗУЛЬ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 17-14-59001 «а(р)» «Фразеология коми-пермяцкого языка
в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры»*

Статья посвящена вопросам коми-пермяцкой лингвокультурологии. В частности в ней рассматриваются этноконнотации, возникающие в миропонимании коми-пермяков, связанные с фитонимами *пикан* ‘снять’, *пистик* ‘хвощ полевой’ и *горадзуль* ‘купальница’. Являясь национально-культурными метафорами, эти наименования транслируют символ молодости (юности).

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; культурная коннотация; фитоним; мотивированность; *пикан*; *пистик*; *горадзуль*.

Коммуникативная функция языка как одна из его важнейших функций, может быть реализована в полной мере только тогда, когда говорящий знает и умело использует всю информацию, заложенную в семантической структуре конкретного слова.

Номинативные единицы коми-пермяцкого языка, обладающие культурной коннотацией, до настоящего времени не являлись объектом комплексного изучения. Ряд наших статей, тематика которых связана с особенностями употребления коми-пермяками отдельных этнонимов [Лобанова 2014а: 85–91], наименований одежды и обуви [Лобанова 2015: 218–223], орнитонимов [Лобанова 2016: 22–30], демонстрируют наличие интересных этнических особенностей, связанных с конкретной лексико-тематической группой слов и конкретным лексическим знаком. На наш взгляд, это очень интересный вид анализа, поскольку, в нем отражается мировидение этноса, веками сформированные его ценностные характеристики, предпочтения и различного рода запреты.

Попытаемся обозначить культурные коннотации, реализуемые отдельными коми-пермяцкими наименованиями флоры (фитонимами). Заметим, что коми-пермяцкие фитонимы, особенно наименования травянистых растений, имеют высокую степень культурной мотивированно-

сти. Свойства и качества растений, а также их внешние признаки отражаются в различных уровнях народной культуры. Во-первых, это «говорящие» наименования растений. Например: *киззятурун* (досл. «трава с пуговками») ‘пижма’; *лякасянтурун* (досл. «прилипающая трава») ‘подмаренник ползучий’; *гёрдсизьюр* (досл. «голова красного дятла») ‘клевер красный’ и т. д. Во-вторых, роль растений значительна и в национальной паремии. Приведем примеры фразеологизмов, в которых фигурируют названия различных растений и деревьев. Так, об очень худом человеке скажут *увтём кӧз* (досл. «ель без ветвей»); устойчивым выражением *кушман садитны* (досл. «редьку посадить») говорят о севшем мимо стула ребенке. Мужчину с пышными волосами назовут *пожум юр* (досл. «голова как сосна»). И наконец, на акциональном уровне – использование трав или их составляющих в различных обрядах, в народной магии и медицине. Так, в период созревания семян травянистых растений коми-пермяки отмечают обрядовый праздник *Турун вежан лун* (День смены травы). «Наивысшая точка развития природы достигается в летний период, календарно совпадающий с созреванием семян. Праздник с цветами обозначал в народном календаре границу сезонов: цветущего растительного мира и угасающего, но обязательно продолжающегося» [Климов, Чагин 2005: 177]. Шишки хмеля (*таг*) используются в магическом обряде *черӧшлан* (досл. «вешание топора»).

Одним словом, фитонимическая картина мира, связанная с языковым освоением мира растений, является важным звеном в изучении общей картины мира этноса.

Более подробно в настоящей работе остановимся на трех фитонимах – *пикан* ‘снить’, *пистик* ‘хвощ полевой’ и *горадзуль* ‘купальница’, – обладающих высокой степенью метафоричности и объединенных единым символом – символом молодости (юности).

Пикан ‘снить’. Ассоциативное восприятие данной лексемы носителями языка довольно разнообразно – в первую очередь, возникает образ молодой зеленой неприхотливой травинки, которую традиционно все коми-пермяки и в настоящее время собирают в большом количестве в конце весны – начале лета. Наиболее распространёнными блюдами являются снить тушенная со сметаной, грибной суп со снитью, крошка со снитью и др. Немаловажны в связи с этим особенности сбора, переработки и хранения этой приятной на вкус и полезной травы. А. Г. Долдина, большой знаток национальной кухни, писала: «В народе знают три вида пикана, в основном по местам произрастания: *кӧчпикан* (заячий пикан), *борщпикан* (борщовый пикан), *мортпикан* (человечий пикан). ... Внешне эти виды отличаются. ... По вкусу почти все разновидности пикана одинаковы, лишь знаток отличит» [Долдина 1998: 209].

Данный фитоним имеет коннотативное значение молодости, юности, отсутствия жизненного опыта. Выражение типа *Тэ эшо пикан менё велётны* в значении «Ты еще молодой, чтобы меня учить» (досл. «Ты еще *снить* меня учить») довольно употребительно в речи коми-пермяков. Это подтверждают и художественные тексты: *И вöлі сэж сылö шестнадцатой год, пикан, тупок кодь* в зн. «И шел ей тогда шестнадцатый год, молодая (досл. «снить»), как цыпленок» [Федосеев 1991: 14].

В адрес изнуренного, физически ослабленного героя повести И. Минина «Паныт уйис тöлісь» Степанко, который не смог поднять мешок с горохом, было сказано: *Пикансö етишаöv сёйöмат, мужичок, – сералöмön горöтчис весовщик* досл. «Снить маловато съел, мужичок, – улыбаясь, проговорил весовщик» [Минин 1968: 127]. Данный пример демонстрирует уже семантическое ответвление от первого, основного: снить как полезная, весенняя, молодая трава обладает способностью восстановить силы, быть физически крепким, сильным. В этом плане, конечно, неслучайна и народная поговорка *Пистик да пикан – медбур сёян* «Хвощ полевой да снить – лучшая еда» (в значении «самая полезная еда»). Основная сема коннотативного значения этого фитонима – «молодость», «юность»; а сема «очень полезный, незаменимый продукт» реализуется окказионально.

Данный культурно коннотированный фитоним демонстрирует следующее: мотивированность лексемы зависит от степени общеизвестности актуализируемой семы для всех или для большинства членов лингвокультурного сообщества, в данном случае, для коми-пермяцкого народа. Устойчивость и ассоциативность коннотации определяются не только лингвистическими (мотивированность коннотации), но и иными причинами. В данном случае это возникло в силу кулинарных традиций народа.

Итак, семантика слова тесно связана с неким образом или образами, возникающими в сознании человека при обращении к конкретному словесному знаку. Довольно часто лексема отображает не сразу и не весь спектр своих значений и признаков, а только те свойства, которые необходимы для конкретного случая или ситуации. Поэтому очень важно выявить как можно больше ассоциаций, связанных с многозначным словом.

Следующий фитоним – *пистик* (сев. *кöктоин* досл. «пест кукушки») ‘хвощ полевой’. Данное наименование, без сомнения, в прошлом было заимствовано из соседних русских говоров, а исконный вариант сохранился в северных диалектах коми-пермяцкого языка. Что интересно, и исконный вариант, и иноязычное слово содержат семантику «пест»: метафоризация произошла по внешним признакам предмета и растения.

Кулинарные пристрастия народа, связанные с этим растением, очень высоки. Пистики вырастают даже раньше сныти, это одни из первых ростков, появляющихся сразу после того, как сходит снег с полей. Сбор этого полезного растения очень ограничен во времени: не больше недели. Затем они вырастают, теряют форму и пищевую ценность.

Данный фитоним, так же как и *пикан* 'сныть', содержит мотив молодости, юности, но есть один нюанс: *пистик* реализует мотив маскулинности, который связан с внешними признаками растения и мужского детородного органа. Коми-пермяки этим словом называют половой орган у мальчиков в возрасте примерно до трех лет. Данная семантика реализуется и в народной частушке:

<i>Пистикалі бы ме –</i>	«Собирала бы я пистики –
<i>Абуёсь пистиккес.</i>	Нету пистиков.
<i>Ох, проклятой деревня –</i>	Ох, проклятая деревня –
<i>Абуёсь жённикес.</i>	Нету женихов»

[Ох и сылі бы ме 1994: 135].

Всем известно, что цветочными пристрастиями или наоборот неприятием определенного растения народ отражает особенности своего национального характера. Как и следовало ожидать, богатую коннотацию в коми-пермяцкой традиционной культуре имеет травянистое растение **купальница** (*горадзуль*). Название цветка *горадзуль* представляет собой сложную лексему: компонент *гора* 'звонкий' (от сущ. *гор* «звук, шум»), *дзуль* в современном коми-пермяцком языке функционирует в значениях 'маленькая пуговка' и 'капелька' [КПРС 1985: 122]. По мнению авторов КЭСКЯ, *дзуль*, являясь лексемой допермского происхождения, первоначально имело значение 'семенник (у растений и животных)' [КЭСКЯ 1970: 93]. Примечательно, что этим словом (*горадзуль*) коми-зыряне называют и купальницу, и колокольчик [Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь 1989: 14]. А в коми диалектах купальницу называют и такими вариантами: *кольк турун* досл. «яйцо-трава», *коля чача* досл. «игрушка (цветок) с шишкой», *гаддя чача* досл. «игрушка (цветок) с мозолью» и др. [там же: 60]. Удмурты, также почитая это красивое растение, называют его *италмас*. В основе данного названия лежит тюркское *ит* 'собака', досл. «собака не возьмет». «Молодые девушки вили из него венки, рассказывали легенды и предания, связанные с этим цветком. Италмас Таким звучным и ласковым именем называют удмурты свой любимый цветок. Италмас – это традиционный символ любви и печали, верности и разлуки, надежды и радости» [Италмас: эл ресурс]. Получается, что единого лексического варианта в

пермских языках для обозначения этого цветка нет, но у этих народов очень близки символы, связанные с ним.

В коми-пермяцком наименовании цветка отражаются его признаки, появляющиеся уже после того, как купальница отцветет – когда в высохшей коробочке звонко шумят многочисленные семена растения. Ни насыщенный желтый цвет, ни запах цветка, ни форма бутона, что, казалось бы, могло быть более ожидаемым вариантом, в названии не нашли отражения. А вот коннотации, реализуемые этим фитонимом, связаны с красотой, молодостью и любовью. Риторическим вопросом здесь остается следующий: почему коннотации одни, а наименование растения с ними никак не связано?

Неожиданно для себя мы открыли богатый символизм и образность, связанные с купальницей. В селе Ошиб Кудымкарского района с 2014 года отмечается праздник *Горадзуль Лун* (День Купальницы). Здесь принято считать, что «в стародавние времена жили в этих местах маленькие рыжеволосые человечки, которые «ушли» в землю, а затем превратились в горадзули (солнечные цветы-купальницы). И каждый год в память о рыжеволосых человечках в этих местах вырастают золотистые головки цветов» [«Горадзуль» набирает силу: эл. ресурс]. В Гайнском районе Коми-Пермяцкого округа живет поверье, что на лугу есть правильные и неправильные купальницы. Последние якобы могут навредить человеку. Поэтому деревенских детей часто ими пугают. *Видз вылас ётнат эн мун, неправильной горадзульыс ваас кыскас. Ся морток кодъ* «На луга одна не ходи, неправильная купальница в воду утащит. Она на человечка походит» (Тарасова А. Н., 1945 г. р.). Скорей всего, этот запрет связан с тем, что растение ядовито. Чтобы дети ненароком не попробовали красивый цветок на вкус, появилось это предписание.

В некоторых местах считают, что сорванные купальницы способны вызвать обильные, непрекращающиеся дожди.

В коми-пермяцкой сказке *Тёпок и бабыльнёй* (Капелька и бабочка) цветы купальницы (три штуки) выступают в качестве помощников у главного героя: они усыпляют злую колдунью Лёки, и Тёпок получает возможность выкрасть зелье, с помощью которого он расколдовывает Бабочку, которая на самом деле была молодой девушкой. Цветы купальницы в этой сказке способны остановить крутящийся дом ведьмы, открыть запертую дверь. *Локтас Тёпок ведьмаыт дынё и оз тёд, кызды пырны керкуас. А керкуыс кызды не керку, мый сия и мыля бергалё. Жугдö юрсö Тёпок, оз тёд, мый керны, ётик горадзульыс трин керас – керкуо-кыс торс токо сувтас. Мөдик горадзульыс – трин да трин – ыбёс оссяс.* «Подойдет Тёпок к дому ведьмы, а как войти в дом? Дом не дом, постоянно крутится. Не знает Тёпок, что делать. Одна купальница трин сдела-

ла – дом перестал крутиться, вторая купальница трин да трин сделала – дверь открылась» [Шонді да төлісь – Солнце и месяц: 1989, 198].

Купальница, в очередной раз, как символ молодости, красоты и любви, представлена в народной частушке.

<i>Горадзуль, горадзуль</i>	«Купальница, купальница
<i>Видз вылын цветитö.</i>	На лугу цветёт.
<i>Менö милöй, сьёлöмшöр</i>	Меня милый, любимый
<i>Зэв ёна любитö.</i>	Очень сильно любит»

[Ох и сьылі бы ме 1994: 79].

Есть сведения о применении купальницы в народной магии, предсказаниях и народной традиционной медицине. «У коми-пермяков и коми-зырян сохранился обычай париться в бане накануне Иванова дня. Для этого ими изготавливались специальные веники из свежих веток берёзы с добавлением веток черёмухи, смородины, белой крапивы и купальницы. Считалось, что во время мытья и парения в этот вечер молодая девушка очищается от всех злых духов, нехороших мыслей и всякой другой нечисти, а также набирается сил и здоровья на целый год. Веники из купальницы коми-пермяцкие девушки в Иванов день бросали в воду с берегов рек. Так они благодарили воду за помощь во всех мирских делах и загадывали при этом самые сокровенные желания. Венок из купальницы необходимо было «преподнести» воде до полудня» [Ильина 1989: 118]. Получается, что *горадзуль* (купальница) выступала в качестве оберега у молодых девушек.

«Купальницей, цветение которой в народном календаре коми было непосредственно связано с летним солнцеворотом, устилали пол и полки в бане. ... Исползованные веники оставляли для гадания» [Ильина 1995: 11].

Принято считать, что характеристика, связанная с внешним видом растения, обычно отражает возраст и физическое состоянием человека [Пуцилева 2008: 286]. Коми-пермяцкий материал, рассмотренный выше (*тикан* ‘снить’ и *тистик* ‘полевой хвощ’), частично подтверждает эту гипотезу, отчасти – нет.

Обратимся к художественным и фольклорным текстам, в которых *горадзуль* ‘купальница’ встречается в качестве иносказательного выражения, и определим, какие коннотации для нее характерны. Здесь следует оговориться, что употребление в контексте одиночных вариантов или сравнений с компонентом *горадзуль* (*кыдз*, *дзик*) «словно купальница», с одной стороны, очень активно, а с другой – они имеют различную коннотативную нагрузку. Приведем несколько примеров со сравнительными оборотами. *Виль костюма, чочком йөрнöса, кöдались воротсö зэв*

видзис розовёй рёма галстук, Виктор югьяліс, дзык горадзуль «В новом костюме, в белой рубашке, ворот которой крепко держал галстук розового цвета, Виктор светился (блестел), словно купальница» [Климов 1987: 134]. *Нывкаыс том да мича, дзык горадзуль, но пам сійо иньдотё бөр* «Девушка молода и красива, словно купальница, но пам (колдун) отправляет ее обратно» [там же: 217]. *Басөк Митрейлөн моньыс, кыдз горадзуль, не весь батшкоыс оишасьё: «Менам эта моньыс! Менам... Некинлө ог мыччав, мед оз вомдзалё!»*. «Красива сноха у Дмитрия, словно купальница, не зря свекор хвастает: «Это моя сноха! Моя ... Никому не покажу, чтоб никто не сглазил» [Федосеев 1991: 141]. *А талун кыдз тулысья горадзуль оссьём, быдсөн чужсөмнас чикнялө. Быдөс я тэкөт, нывка, ладно? Он я тэ Виль год увья жсөник сайё лөсьотчы?* «А сегодня словно весенняя купальница раскрылась, вся цветет. Всё ли с тобой ладно, девонька? Не собралась ли ты под Новый год замуж?» [Фадеев 1981: 45]. Поначалу может показаться, что из приведенных примеров в ассоциативном плане выбивается первый, в котором радостное состояние героя сравнивается с блеском купальницы. Однако общая картина этого хорошего настроения была продемонстрирована именно новой, хорошей, следовательно, красивой одеждой. Остальные примеры, без сомнения, символизируют женскую (молодую) красоту.

Данный мотив практически отсутствует в следующем примере: *Андрюша топытжыка пөдналіс сы бөрсянь ыбөссө да осудитіс гөстясө: «Одзөв, горадзуль, зонкаэс сьөрын котрасян. Тэныт, бөбөв, диамат да Фрейдөс колө велөтны»*. Досл. «Андрюша крепче закрыл за ней дверь и, осуждая гостю, сказал: «Рановато, купальница, за молодыми людьми бегаешь. Тебе, дурочка, диамат и Фрейда надо учить» [Климов 1987: 298]. В следующих примерах этим словом вообще обращаются к молодым людям, а не к девушкам: *Вдруг казяліс Понпутши Ольошкаөс, көда котөртіс парниккез дынөт деревняө*.

– *Эй, эй! Ольошка-горадзуль! Кытчө нө сідз пөльтан?* – *горөтіс бригадир*. Досл. «Бригадир вдруг заметил Понпутш Алексея, бежавшего мимо парников в деревню, и крикнул: «Эй, эй! Алешка-купальница! Куда ты так летишь?» [Минин 1972: 79].

– *Ноко пернапасась, пернапасась эшө, горадзуль, – шуис старухаыс сідз, бытьтө Степанко гусяліс сьлісь нянь чөвпан нето вийис мортөс*. Досл. «Ну-ка перекрестись, перекрестись еще раз, купальница», – сказала старуха, да так, словно Степанко украл у нее каравай хлеба или убил человека» [Минин 1968: 93].

Контексты демонстрируют, что устойчивые сравнения с компонентом *горадзуль* ‘купальница’ практически всегда реализуют мотив женской красоты и молодости, хотя могут содержать коннотативное значе-

ние, связанное с внешней красотой. Последнее может быть адресовано и юноше. Одиночные варианты содержат одновременно два мотивационных показателя: «молодость» и «неопытность» (точно так же, как с фитонимом *пикан* 'снять') и не имеют гендерной привязанности.

В заключение не можем не отметить, что под названием *Горадзуль* в 1923-м году вышел первый коми-пермяцкий поэтический сборник, где печатались молодые поэты.

Итак, рассмотренные здесь коми-пермяцкие фитонимы *пикан* 'снять', *пистик* 'хвощ полевой' и *горадзуль* 'купальница', наделенные антропоморфными этномотивационными коннотациями, имеют общий мотив – «молодость, юность». Их особенностью является и то, что они символизируют человека в целом, а не какую-либо часть тела.

Библиографический список с сокращениями

«Горадзуль» набирает силу. URL: <http://kudimkar.bezformata.ru/listnews/goradzul-nabiraet-silu/21467221/> (дата обращения: 15.04.2017).

Долдина А. Г. Коми-пермяцкая кухня. Кудымкар, 1998. 508 с.

Ильина И. В. Как в старину лечились // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 92–120.

Ильина И. В. Народная медицина коми в конце XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 23 с.

Италмас. URL: <http://udmitalmas.ru/ensemble.html> (дата обращения: 15.04.2017).

Климов В. В., Чагин Г. Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005. 255 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 620 с.

Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь / авт.-сост. А. Н. Ракин. Сыктывкар, 1989. 84 с.

КЭСКОЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / авт.-сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М., 1970. 386 с.

Лобанова А. С. О культурных коннотациях отдельных этнонимов в языке коми-пермяков // Традиционная культура. 2014а. № 3. С. 85–91.

Лобанова А. С. Об эмоционально-оценочных этнонимах в языке коми-пермяков // Коми-пермяцкий этнографический сборник. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Санкт-Петербург, 2014б. Вып. X. С. 172–185.

Лобанова А. С. «Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. Пермь, 2015. С. 218–223.

Лобанова А. С. Орнитоним РАКА «ВОРОНА (ВОРОН)» в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4(36). С. 22–30.

Ох и сылы бы ме / Ох и пела бы я / сост. Л. А. Никитина. Кудымкар, 1994. 208 с.

Пуцилева Л. Ф. Типология культурно детерминированных коннотаций русских фитонимов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. № 76 1. 2008. С. 284–288.

Список художественных произведений

- Климов В. В. Лӧньыс оз ло. Кудымкар, 1987. 382 с.
Минин И. А. Паныт уйис тӧлісь. Кудымкар, 1968. 130 с.
Минин И. А. Боболь Ванялӧн шпака. Кудымкар, 1972. 177 с.
Фадеев Т. П. Туйвежжез. Кудымкар, 1981. 253 с.
Федосеев С. А. Кусӧм биэз. Кудымкар, 1991. 301 с.
Шонді да тӧлісь – Солнце и месяц. Коми-пермяцкӧй народнӧй сказкаэз – Коми-пермяцкие народные сказки. Кудымкар, 1989. 255 с.

A. S. Lobanova

Associate Professor of Teaching Methods
of Russian Language and Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

ON THE CULTURAL CONNOTATIONS OF KOMI-PERM PHYTONYMS PIKAN, PISTIC, GARAJUL

The article is devoted to questions of the Komi-Perm linguoculture. In particular, it discusses ethno connotations that occur in the world outlook of the Komi-Perm people associated with phytonyms *pikan* “goutweed”, *pistic* “horsetail” *horjul* “globeflower”. As national-cultural metaphors, these items transmit the symbol of youth (adolescence).

Key words: Komi-Perm language; the cultural connotation; phytonym; motivation; goutweed; horsetail; globeflower.

Межевая Дарья Александровна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
mezhevaya.dasha@mail.ru

ТРОИЦКАЯ ОБРЯДНОСТЬ В с. КУЛИГА КЕЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ УДМУРТИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 141759601 «Фольклор старообрядцев Пермского края и Удмуртии»*

В статье рассматривается Троицкое поминальное моление, проведенное старообрядческой беспоповской общиной села Кулига Кезского района Удмуртии. На основе собранного материала описываются этапы молитвенного ритуала, а также выделяются особенности, характерные для данного соборного моления.

Ключевые слова: старообрядчество; троицкое моление; поминальный обряд.

В Кезском районе Удмуртии находится небольшое село Кулига, основанное в XVII веке староверами, бежавшими из центральной России на Урал. Старообрядцы образовали в селе свой собор, который существует до сих пор. В 1970-е годы в собор входило 20 человек, однако сегодня старообрядческая община состоит всего из 5 человек, 4 пожилых женщин и одного мужчины. В православные праздники собор проводит моление, которое, как правило, проходит в доме соборных старообрядцев, однако мирские (староверы, не входящие в собор) также готовы предоставить свой дом для молитвенного обряда.

В центре нашего внимания – троицкое поминальное моление. Мы подробно описываем троицкий обряд, чтобы проследить динамику служебных практик. В июне 2017 года нам удалось побывать на Троицком молении и снять его на видео.

Праздник Троицы занимает особое место в календарной обрядности кулигинских староверов. В течение пяти дней Троицкой недели, с понедельника по пятницу, в домах проводится генеральная уборка. Во всем доме наводится чистота: женщины моют полы, протирают оконные стекла, вешают чистые шторы и т. д. В пятницу, накануне Троицкой субботы, топится баня. На наш взгляд, уборка дома, обязательный поход в баню накануне моления совершаются для ритуального очищения человека, его обновления. В частности, об этом пишет А. В. Черных: «Основные элементы повседневной весенней обрядности связаны с символикой новой жизни, символикой плодородия» [Черных 2007: 156].

В Троицкую субботу с раннего утра начинается подготовка к молению. Каждый из членов собора надевает традиционную одежду: женщины – домотканые рубахи, дубасы и платки, мужчины – рубахи-косоворотки, темные штаны и шобуры. В Кулиге эта традиция сохраняется до сих пор. Необходимым элементом наряда старообрядцев является самотканый пояс. Как пишет Е. С. Данилко, «пояс выполнял функцию оберега и одновременно служил своеобразным признаком истинно православного человека» [Данилко 2000: 115]. Женщины подпоясывают дубас, мужчины – рубахи. В ходе разговора со старообрядцами нам удалось узнать, что цвет женской рубахи имеет особое значение. Староверы утверждают, что на Троицкую субботу необходимо надевать белые рубахи, на Троицу – зеленые, на осенние моления – желтые. На Пасху тоже всегда надевается рубаха белого цвета. Одна из «соборных» предложила неканоническую современную интерпретацию: «Зеленый цвет символизирует зелень, весну, желтый – осень, опадание листьев».

Платок также является необходимой деталью наряда. Платок, как и рубахи, должен быть светлым. На моление женщины надевают платок особым образом – завязывают его под подбородком, чтобы не было видно шеи.

Дом, где происходило моление, принадлежит К. А., мирской, которая не может вступить в собор «вследствие грехов» одного из родственников.

Первым в «молельный дом» должен войти духовник, после него – остальные члены собора. К приходу соборян в доме уже приготовлена вся необходимая еда: «шти» и суп, испечен хлеб и рыбный пирог, сделан квас.

При подготовке к молению духовник, перекрестившись, ставит распятие, если его нет в красном углу, достает кадильницу, лучинки для разжигания углей, свечи, а также молебен – чашу, в которую мирские перед молением или после него кладут деньги. В это же время готовится место для чтения книг: на стол, застланный светлой скатертью, ставится налой, который также накрывается тканью, кладется молитвенник. Важно, чтобы скатерть была постелена кем-то из соборных, а не мирскими. Соборяне достают подрушники и лестовки. Таким образом, внутри дома староверы создают особое сакральное пространство, в центре которого – красный угол и налой.

Важной особенностью моления кулигинских старообрядцев является использование стульев, которые задеваются при поклонах коленями и на которые кладутся подрушники. Задеть коленом стул означает «*задеть твердь*»; только убедившись, что рядом есть «твердь», человек совершает поклон.

В то время как духовник ставит иконы и зажигает свечи, остальные члены общины общаются между собой. Мирские приходят, опускают деньги в молебен, крестятся и кладут поклоны. Интересно, что каждый, кто приносит подаяние, стоит по левую сторону от духовника. При подаянии милостыни важно, чтобы сначала были положены деньги и только после этого сделаны поклоны: *«Над деньгами не читают молитву. Деньги – это такое оно»*. Милостыня не должна быть большой, поскольку, как говорят сами старообрядцы, *«большой милостыней грехи не замолишь»*.

После установления свечей духовник читает молитву. Соборяне здороваются со всем миром: *«Здравствуйте, братья и сестры»*. Затем староверы крестятся и просят простить их за грехи. Многие называют грехами использование техники: *«На тракторе, на машине много ездила»*; *«За телефон, за телевизор прости»*. Как утверждают сами старообрядцы, перечисление своих грехов участниками моления делает всех одинаковыми, равными, все становятся *«чистыми»*.

Моление длится около 3 часов. Важно отметить, что соборяне на протяжении всего моления стоят прямо, смотрят вперед, на иконы, крестятся одновременно, тем самым соблюдая дониконовские каноны. Духовник читает «начал», общий для любой молитвы, молитву «Отче наш». После этого начинается разжигание кадила. Когда оно, наконец, зажжено, духовник сначала подносит его двумя руками к иконам и свечам, затем – к налою, где лежит молитвенник. После этого каждый участник моления опускает крест в кадило. Как утверждают исследователи, каждение предполагает трансформацию пространства, предполагающую коммуникацию с другим миром [Четина 2016: 142].

Расположение соборян во время исполнения молитв также имеет особое значение. Духовник стоит ближе всех к красному углу, к иконам, он всегда стоит справа от налоя. По левую сторону от налоя, ближе к духовнику, стоит книжница – наиболее грамотная старообрядка. Рядом с ней стоят еще две женщины, которые вместе с книжницей читают и поют молитвы по книге. Сзади находятся замыкающие, повторяющие молитвы за стоящими впереди. Создаются определенные границы пространства: впереди – красный угол, позади – спины молящихся.

После каждения начинается чтение поминальников, где записаны имена как мирских, так и соборных. Важно, что читаются имена и так называемых «заложных покойников», то есть тех, кто умер не своей смертью. Книжница рассказала нам, что Троицкая суббота является Вселенской: *«Потому что видишь, эти субботы вселенские, в эти субботы молятся за всех. Даже кто утонул, кто как умер – все»*. Поминальники представляют собой либо тетради, где записаны умершие, ли-

бо отдельные листки. После небольшого перерыва читается молитва «За единоумершаго» и снова «Семнадцатая кафизма» («Тропари мертвых», глас 5). Затем во второй раз читаются поминальники.

По окончании молитвенного ритуала хозяйка говорит молящимся: *«Давайте садитесь покушать, хлеб-соль поишь»*. Важно отметить, что хлеб и соль – *самую главную пищу* – на стол должен класть член собора, остальную же еду: суп, шти, рыбу – могут ставить мирские: *«Если хлеб, соль на столе, больше ничё не надо, весь стол собранный считается»*. Во время предобеденной молитвы, как утверждают сами старообрядцы, освящается не только пространство молельного дома, но и приготовленные еда и вода: *«А вот когда они [мы] молились перед обедом, в это время вся еду освещалась. Перед обедом когда молились. Вот. Вся вода освещалась на кухне, вся еда. Она освящается»*.

Далее каждый из молящихся достает свои чашку и ложку, завернутые в полотенце, разворачивает его и ставит на него свою посуду. До того, как накладывается еда, чашки и ложки лежат вверх дном. Подобное правило можно объяснить стремлением старообрядцев сохранить чистоту посуды [Смилянская 2013: 5].

Пища во время трапезы подается также в определенном порядке: вначале – окрошка, затем – шти, к которым добавляют салат, далее – суп. На столе обязательно лежит рыбный пирог. В качестве напитка используются домашний квас, или брага, или компот. Важно, чтобы члены собора съедали все, что им накладывают в чашку.

По окончании трапезы молящиеся крестятся и кладут поклоны, благодарят за приготовленную пищу. Первым убирать свою чашку должен духовник, лишь после него – остальные члены общины. Только после того, как поели соборные, мирские могут садиться за стол.

Одна из старообрядок во время трапезы, шутя, сказала: *«Щас назад пойдём в ту сторону, запоём»*. Во время моего вечернего разговора с духовником собора и его женой мне сказали, что раньше в Троицкую субботу молодежь водила хороводы. Устраивались игры, пелись песни. Одну из них нам удалось записать:

*Семь загадок, семь загадок.
Семь загадок, все мудрены,
Семь загадок, все мудрены,
Что же летит, что же летит,
Что же летит да, без крылья?
Что же летит да, без крылья?
Летит снег, да, летит снег, да,
Летит снег, да всё без крылья,
Летит снег, да всё без крылья.*

О гуляниях в Троицкую субботу пишет Т. А. Агапкина: «В Троицкую субботу трапеза и причитания на могилах заканчивались пением и плясками как на самом кладбище, так и по дороге домой» [Агапкина 2002: 400].

Молодежные игрища в Пасхальную ночь и хороводы на Троицу, встречающиеся в настоящее время у коми-пермяков, описывает Е. М. Четина [Четина 2010: 134–142]. Как видим, старообрядцы кулигинского собора помнят о веселом времяпрепровождении в Троицу, однако сами же отмечают, что сегодня молодежь «хороводов не водит, песен не поёт».

В воскресенье, в сам праздник Троицы, как утверждают соборяне, старообрядцы не ходят на кладбище, не проводят там поминальной трапезы: «У нас не заведена такая традиция». Женщина подчеркивает, что «молитва нужна покойникам, а не еда. Они [мирские] думают, что их еда им [покойникам] поможет, а там только молитва нужна». Однако староверы добавили, что при хорошей погоде Троицкое субботнее моление может проходить на кладбище. В таких случаях и послемолитвенная трапеза проводится там же. В воскресенье староверы могут прийти на кладбище, проведать родственников и других умерших жителей села.

Таким образом, троицкая обрядность сохраняется в Кулиге в достаточно полном виде. Главным событием Троицкой недели является субботнее моление, включающее в себя не только пение молитв, но и чтение поминальников. Молитвенный ритуал в Кулиге включает в себя все основные этапы (чтение молитв, каждение, трапеза) и отличается особым поклоном, при котором обязательно нужно «задеть твердь», то есть коснуться коленом любой твердой поверхности.

Примечание

¹ По старообрядческим поверьям кулижан, еду в тарелке необходимо съесть полностью, так как вся несъеденная пища отправляется в так называемую «долговую яму», в которой оказывается человек после смерти. Оказавшись «в долговой яме», человек доедает не съеденную им при жизни пищу, теперь превращенную в червей. Человек ест с аппетитом, не замечая, что ест червей, и приговаривает: «Вкусно, вкусно».

Библиографический список

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с

Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: историко-этнографическое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 245 с.

Смилянская Е. Б. Женское служение в старообрядческой общине конца XX века (из наблюдений полевого археографа) // Одиссей: человек в истории, 2013:

Женщина в религиозной общине: Запад / Восток / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. С. 90–114.

Черных А. В. Традиционная календарная обрядность русских Прикамья. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 500 с.

Четина Е. М. и др. Традиционная обрядность и «ритуальные специалисты» в современном селе // Социо – и психолингвистические исследования. Вып. 4 / отв. ред. Е. В. Ерофеева. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2016. С. 137–144.

Четина Е. М. и др. Символические реальности Пармы: очерки традиционной культуры Пермского края / Пермь.: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. 193 с.

D. A. Mezhevaya

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

**TRINITY RITES IN THE VILLAGE KULIGA
(Udmurt Republic, Kez district)**

The article focuses on the studying of Trinity remembrance prayer which was conducted by the priestless Old Believers community of the village Kuliga (Udmurt Republic, Kez district). Based on the collected material, the stages of the prayer ritual are described and also features which are specific for this flock prayer.

Key words: Old Believers; Trinity prayer; remembrance rites.

Осипова Ксения Викторовна
старший научный сотрудник Топонимической лаборатории
кафедра русского языка и общего языкознания
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
osipova.ks.v@yandex.ru

СИМВОЛИКА ПИВА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ РУССКОГО СЕВЕРА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики», проект № 17-18-01351

В статье на основе севернорусской лексики, фольклора и ритуальных практик раскрываются символические функции пива в свадебном обряде. В качестве источников материала привлекаются диалектные словари, этнографические исследования и картотеки Топонимической экспедиции УрФУ.

Ключевые слова: напитки; пиво; Русский Север; диалектная лексика; традиционная культура; фольклор; обряд; свадьба.

Русский Север, а именно Архангельская, Вологодская области и северные районы Костромской области, относится к архаическому ареалу, где долгое время сохранялась традиция пивоварения и связанные с ней лексика, фольклор и ритуальные практики. Развитое пивоварение отличало севернорусские территории от многих центральных и южнорусских областей, что неоднократно отмечалось исследователями (см., например, [Андреева 2004, 2006; Желтов 2008]). Домашняя варка пива практикуется здесь до сих пор, несмотря на то что бытовавший еще в середине XX века обычай коллективного приготовления пива в основном уже утрачен.

Хлебная основа пива, способность к ферментации, определившие семантику достатка и плодородия, а также специфическое воздействие на психику сделали его желанным праздничным напитком крестьян (о символике пива в фольклоре и традиционной культуре см. исследования [Андреева 2004, 2006; Баранов 1996; Валенцова, Белова 2009; Воронина 2002]). В данной статье мы остановимся на культурно-языковых фактах, связанных с употреблением пива на свадьбе: будет рассмотрена его роль на основных этапах обряда, выявлены параллели между языковой семантикой и культурными функциями пива. Материалы статьи извлека-

лись из диалектных словарей, лексических картотек [КСГРС; ЛКТЭ], а также этнографических источников и исследований.

На Русском Севере пиво было основным напитком свадебного обряда: его варку начинали сразу же после сговора, пивом чествовали при встрече гостей и молодоженов, его подавали на девичнике, на просватках и на всех других застольях. Включение пива в контекст свадьбы было predetermined, в частности, тем, что его символика устойчиво ассоциировалась с темой любви. Угощение парня или девушки пивом воспринималось как приглашение к знакомству и личным отношениям: «*Да наварю я млада пива, / Пивушка пьяного, / Созову я гости в гости, гостя дорогого*» (волог.: Тотемский уезд) [СРНГ 39: 226], «*...Его звали Ванюшею Пивоварышею. / Пиво Ванюша варил / Да красивых девушек поил*» (карел.: Поморье) [Дуров: 298]. «Любовные» ассоциации пива, по наблюдениям Д. А. Баранова, могут быть наведены символикой хмеля, которая «входит в круг понятий, связанных с состоянием любви и выходом за рамки общепринятых норм поведения» [Баранов 1996: 15].

К свадьбе обычно варили от 10 до 20 ведер пива: чем богаче была семья, тем больше пива готовилось к празднику. Начало варки пива знаменовало окончательное согласие сторон жениха и невесты. Интересуясь «Заводить ли пиво?», сваты узнавали, получено ли одобрение от родителей невесты: «Говори на раз, Михаила, отдаешь дочь за сына? Он у меня пятый год по ней сохнет; ладно, – так и пива заварим. – Нет уж брат Семен, – и в уме не води» (арх.: Шенкурский р-н) [СРНГ 4: 338]. Если на сговоре было получено согласие, сторона жениха одаривала невесту деньгами, а она кланялась и подавала по стакану пива (арх.) [СРНГ 37: 53]. Когда жених с родственниками приезжали в дом невесты на смотрины, жених выставлял братину сваренного родителями пива и штоф водки [Андреева 2004: 77]. Пивом на смотринах угощали даже незваных гостей, зашедших посмотреть невесту (арх., волог., костром.) [Ефименко 1: 77; КСГРС].

Крестьяне верили, чем вкуснее получится свадебное пиво, тем лучше будет жизнь молодых. В Костромской обл. существовал свадебный обычай *спускать пиво* – гадать на пене свежего, только что слитого пива [СРНГ 40: 286]. Поскольку представление о качестве пива проецировалось на будущую судьбу молодых, иногда, чтобы уберечь жениха и невесту от сглаза, до венчания пиво не давали пить незнакомым людям (волог.: Тотемский уезд) [Андреева 2006: 17]. Если вкусное, крепкое пиво, подаваемое на смотринах, означало начало подготовки к свадьбе, то некачественный напиток или пивной осадок выражали отказ жениху при сватовстве: *гущи налить (наливать), гущу повез* (арх.: Мезенский р-н, волог.: Вашкинский р-н) [АОС 10: 166; Островский 1995: 52], *гущи на-*

лить в сапоги: «Невеста скажет: “Не иду”, пойдут жених да сват, скажут: “Гущу налили в сапоги”» (арх.: Мезенский р-н) [СГРС 3: 172], ср. *гуща* ‘осадок в пиве’ (арх., волог.) [АОС 10: 165–166; СВГ 1: 137].

Варка пива в преддверии свадьбы становилась устойчивым образом исполняемых невестой песен и причитаний. Если сватовство состоялось, в Тотемском уезде Вологодской губ. невеста шла на пивоварню, пытаясь приостановить варку пива и тем самым расстроить свадьбу. «В пивоварне невеста обращалась к отцу со словами: “*Ты на що жо, мой тятюшко, / Варишь пиво пьяное, / Да двоевару-ту хмельную? <...> Ох-ти, мне да тошнёхонько! / Варит-то мой татюшка / Он не пиво-то пьяное, / Не двоевару-ту хмельную, / А все розлуку великую*”. Затем невеста брала ковш, зачерпывала воды и старалась залить костер в пивоварне. Иногда невеста подходила к *судну* (чану для варки пива) и толкала его, но присутствующие были уже наготове и удерживали ее» [Андреева 2004: 78]. В некоторых случаях невеста приглашала на пивоварню подруг, чтобы приготовление пива убедило их в неизбежности свадьбы: «*Вы пожалуйста, девицы, / На поварню на мою; / На моей ли на поварни / Пиво пьяно на ходу*» (арх.: Кемский уезд) [Дуров: 304]. Не желая выходить замуж, девушка могла пожелать пивовару неудачи – чтобы сусло вышло густым и не сцеживалось, а пиво не бродило: «*Дабы (пиво) на судне оселось / Да кирпичом скипелось*» (арх.: Шенкурский р-н) [СРНГ 13: 223], «*Да дай-подай, подай тебе, господи, / Да суслиця небегуцево, да пивушка неживуцево*» (волог.: Тарногский р-н) [Баранов 1996: 16], а свату – «*нашим пивом залитися*» (арх.: Шенкурский р-н) [СРНГ 10: 206].

Пропивание невесты. В севернорусских говорах записано несколько вариантов свадебных терминов, образованных от гл. *пить*: *опивать, перепивки, перепой, пропивать* (невесту). Распространенное в Вологодской губ. *пропивание невесты* заключалось в том, что жених и сват угощали вином и пивом родню невесты, которая приезжала к нему в дом: встречая гостей на улице, жених подносил каждому стакан пива, а гость, возвращая стакан, подкладывал под него полотенце в подарок (волог.: Кадниковский, Тотемский уезды) [Андреева 2004: 79]. В дальнейшем гостей принимала родня невесты: во время застолья «ставилась огромная яндова с пивом, из которой хозяин ежеминутно наливал в медные стаканы и подавал гостям по старшинству. Гости, принимая стакан, привставали со своих мест». Обед не завершился, пока не заканчивалось пиво [там же]. Подобная традиция в Архангельской обл. называлась *опивание невесты*: пиво для *опивания* начинали варить после того, как получали согласие родителей и невесты (Пинежский р-н) [СРНГ 23: 257]. Обычай поочередного гощения у жениха и невесты в Костромской обл. назывался *перепивки (перепитье, перепой)* (Вохомский, Октябрь-

ский, Павинский р-ны): «На перепивки едут – какое пиво осталось, едут допивать, в дом, где невеста»; «У жениха попьют, потом к невесте на перепой ездили» (Октябрьский р-н) [ЛКТЭ]. Обмен визитами, составлявший суть *пропивания* невесты, символизировал начало знакомства и породнения сторон, представления будущих супругов крестьянской общине. На *пропивании* невесты могли присутствовать не только родственники, но и посторонние, которым подносили пиво в ответ на одобрение выбора родителей жениха и невесты: таким образом семейный выбор получал социальную поддержку со стороны односельчан.

Во время *пропивания* жених посылал пиво в качестве подарка невесте и ее подругам. В Тотемском уезде Вологодской губ. на *пропивании* гости хвалили выбор отца невесты, а затем «отец и мать невесты сообщали: “Жених посылает невесте кулебяку и бурак пива”» [Андреева 2004: 79]. С дружкой жених отправлял невесте и ее подругам пиво, вино и сладости: «Привезла дружка княжая / Нам ушат пива пьяного, / Нам ведро зелена вина, / Нам купаться меду сладкого, / Коробок сладких пряничков» (волог.) [СРНГ 16: 99].

Девичник. Пивом невеста потчевала всех гостей на девичнике: «Вы покушайте, подруженьки. / Вы братынь пива пьяного. / Вы стакан зелена вина» (волог.) [СРНГ 3: 164]. В Тотемском уезде Вологодской губ. девичник начинался причитаниями (*приплакивание к пиву*), в которых невеста просила отца принести пива и угощала всех присутствующих. Когда сваты или дружка предлагали невесте выпить, она причитала и отказывалась: «Да я обвет-от положила / Не пить пива-то пьяново...», а выпив, опять начинала причитать: «Пропила, видно, молода, / Да свою буйну голову... / Да на пивной-то братынечке!», «Не хочу пива пьянова, / Я не пью зелена вина» (волог.: Тотемский уезд) [Андреева 2004: 80–81], «Отворочусь я от столов да от дубовых, от братыни да пива пьяного» (арх.: Мезенский р-н) [СРНГ 3: 164–165]. Соглашаясь пригубить пиво и принимая подарки, невеста решалась на брак.

Прослеживается связь пива с женской красотой и силой: на девичнике перед выходом к жениху невеста, нарядившись, смотрела в братину с пивом, чтобы убедиться, хорошо ли выглядит (волог.) [Андреева 2004: 80]. Пивом угощали гостей за похвалы красоте невесты: в Кокшеньге, когда за столом отец жениха снимал с невесты фату, он обращался к окружающим: «Хвалите молодую, дак пива бочка!» – «Хороша, хороша!» [там же: 82]. В Холмогорском уезде Архангельской губ. невесту наряжали и пели на пиво: «Как ты чисто, злато серебро, чисто и прилично; как на тебя злато серебро всяк зарится <...> так бы тебя рабу N зарились бы и заглядывали все» [Ефименко 1: 101]. Использование пива в качестве зеркала, отражающего красоту невесты, находит параллель в диа-

лектной лексике: поверхность пива при варке называется *зеркало* или *лицо* (костром.) [ЛКТЭ].

Пивом невеста умывалась в бане, что символически придавало ей красоты, молодости и здоровья (ср. мотивы, сопоставляющие молодость, жизненную силу человека с этапом брожения напитка, ср. *мо́лоди* ‘пена на пиве’ (арх.), *молодое пиво* ‘сладковатое, недобродившее’ (волог., костром.) [КСГРС; ЛКТЭ]). «После мытья невеста обливала пивом из туйска лицо, руки, грудь, так чтобы пиво сливалось обратно в него. Потом это пиво ставили в подполье. Затем к нему еще добавляли воду, хлеб и соль, этой смесью невеста, намылившись мылом, умывалась перед выходом к жениху на девичнике» (волог.) [Андреева 2004: 79]. Этим пивом угощали сторону жениха во время вывода невесты, однако те догадывались «о том, что это за пиво, и лишь делали вид, что пьют его» (арх.: Холмогорский р-н, волог.: Тотемский уезд) [там же; Ефименко 1: 101]. В деревнях бассейна Уфтюги (Вологодская губ.) знахарка вытирала платком пропарившуюся невесту и капли пота выливала жениху в пиво, «подсахаривала» его [Андреева 2004: 79]. Истоки этих действий, которые имели целью укрепить любовь и семейные узы, очевидно, коренятся в магической практике привораживать любимого, добавляя капли собственного пота в его напиток.

Пиво было частью товарно-денежных отношений между женихом, невестой и гостями или между стороной жениха и невесты. Оно служило символическим товаром, который выкупали участники обряда. За угощение пивом на девичнике гости благодарили невесту деньгами, которые клали на дно выпитого стакана, ср. вологодскую свадебную песню: «*Нам испить, право, хочется / Князева пива из баклушечки. / Не лей носком, налей втулочком. / Брось гривенку на дёнышко*» [СРНГ 5: 233; Андреева 2004: 80]. Здесь же существовал обычай *подкликания к пиву*. После того, как невеста споет: «*Подойди, родимый батюшка, ты ко мне да, красной девице, на стакан, да пива пьяного, изволь принять, изволь и выкушать. С этого б да пива пьяного весела б была буйна голова, радостно бы ретиво сердце. Начинай, кормилец батюшка, мене класти золоту казну, с твоей руки да правой бы, мне наклали бы больше ста рублей*», отцу наливали стакан пива или водки, за который он клал на стол деньги. Затем деньги подавали все остальные [Тенишев 7/2: 191]. В Шенкурском уезде Архангельской губ. будущая теща подносила жениху на братине с пивом ситцевый платок. Взяв братину, жених клал в нее деньги и отдавал обратно теще, которая, слив пиво, собирала деньги и возвращала со словами: «*У нас пива нет продажного*» [Ефименко 1: 95]: отказ от денег мог означать состоявшееся породнение сторон. После венчания, в доме жениха, молодая подносила священнику и другим гос-

тям стакан пива, которые, выпив, клали в стакан монету [Ефименко 1: 79, 110]. Пивом жених и невеста откупались от тех, кто перегораживал дорогу к церкви [КСГРС].

Чаще всего распорядителем пива назначали дружку: именно он вез пиво в свадебном поезде, за что и получал прозвище *пивник*, *пивщик*, *гвоздарь* (севернорус.) [Гура 1979: 166–172]. Название *гвоздарь* связано с обозначением штыря, которым затыкали емкость с пивом. Как отмечает Д. А. Баранов, угощение пивом на свадьбе всегда происходило через посредника – брата невесты, отца жениха, свах и т. д., что отражало медиативную роль этого напитка: «весьма показательно, что пиво пили в сенях (“на мосту”) невестиного дома <...> в Вологодской губ. дружка невесты перед входом в сени три раза черпал ковшом пиво и выливал его обратно» [Баранов 1996: 17].

Ритуалы после венчания. Пиво, наряду с хлебом и солью, было частью ритуала встречи молодых и считалось залогом будущего благополучия. На главном свадебном пиру братину с пивом обязательно ставили на стол. Здесь «дружка нахваливал пивоваров жениха, его утварь для пивоварения, хмель, солод и само пиво: “*На нашем пиве пены клобук / Не можно продуть*” <...> “*медом наживлено*” <...> “*пивцо как сусле-чо!*” <...> “*ножки подшибаютча*” (арх.: Котласский р-н) [Андреева 2004: 82]. Угощение пивом выступало как знак уважения, принятия нового члена семьи, поэтому на свадьбе чествовали пивом взаимно. После того как молодому подносили стакан пива, он угощал сначала тестя, а потом и остальных гостей, низко кланяясь каждому (волог.: Кадниковский уезд) [СРНГ 8: 330]. Порядок подачи пива отражал иерархию отношений в новой семье.

На свадебном пиру пивом угощали даже незваных гостей, которые приходили посмотреть на молодоженов (арх., волог., костром.): «А сычи – незваны гости. Жених приедет за невестой – им нальют пива тшанного» (костром.: Павинский р-н) [ЛКТЭ]. Высокое качество правильно сваренного пива, его крепость, вкус и сладость обеспечивали счастливую и правильную жизнь молодых. Пивом из одного стакана поили молодых на брачном ложе, «чтобы водворить между ними взаимную любовь» [Валенцова, Белова: 45]. При этом некачественное пиво или пиво, налитое в дырявую посуду, служило знаком осмеяния и осуждения: в Череповецком уезде Новгородской губ., если невеста оказывалась не целомудренна, свахе наливали пива в стакан с отбитым дном и все пиво проливалось ей на платье [Тенишев 7/2: 598]. Отрицательные коннотации, обусловленные низкими вкусовыми качествами пива с осадком и его символическим использованием как разгонного блюда, определили развитие негативной эротической семантики, ср. *дру́зга вывезти* ‘о муж-

чине, которого женщина не может удовлетворить в постели' (костром.: Октябрьский р-н): «Легли спать парень с девкой, мужик с бабой, а он ей не хочет. Ну, скажёт, сухару вытащил, друга вывез» при *друзг* 'осадок при варке пива' [ЛКТЭ].

Символические функции пива проявляются в свадебных ритуалах, связанных с семейной и социальной коммуникацией: встреча и проводы гостей, выражение согласия на брак, чествование гостей, хозяев и молодоженов на застолье. Культурные функции пива определялись качеством напитка: если вкусное пиво подносилось в знак согласия на брак, при встрече молодоженов как залог достатка и благополучия, то жидкое пиво или его гуща подавались как знак отказа или проводов; густое, сладкое пиво символизировало красоту, здоровье и женскую силу невесты. Пиво было элементом товарно-денежных отношений между стороной жениха и невесты: его пили, принимая дары, им сторона жениха «выкупала» невесту у родителей, пиво служило символическим товаром, который покупали участники обряда. Свадебные обряды *перепивания* обозначали начало знакомства и породнения сторон, представления супругов крестьянской общине.

Библиографический список с сокращениями

Андреева Т. Б. Пиво в обрядах и обычаях севернорусских крестьян в XIX в. // Этнографическое обозрение. № 1. 2004. С. 77–88.

Андреева Т. Б. Традиции сельского пивоварения на Русском Севере в XIX – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. М., 2006.

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во МГУ, 1980–2015–. Вып. 1–.

Баранов Д. А. Символика и ритуальные функции пива // Живая старина. 1996. № 3. С. 15–17.

Валенцова М. М., Белова О. В. Пиво // Славянский древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 44–47.

Воронина Т. А. Пивоварение и связанные с ним традиции праздничного застолья в Вологодской губернии в конце XIX века (по материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева) // Важский край: Источниковедение, история, культура. Вельск, 2002. С. 68–83.

Гура А. В. О роли дружки в севернорусском свадебном обряде // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина) / отв. ред. А. К. Байбу́рин, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. С. 162–172.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.

Желтов А. А. Некоторые особенности традиционной пищи населения Присухонья и Поважья // Традиционное русское застолье: сб. ст. / сост. А. В. Костина, Л. Ф. Миронихина. М., 2008. С. 216–236.

КСГРС – *Картотека* «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

ЛКТЭ – *Лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Островский Е. Б. Ритуалы свадьбы Вашкинского района Вологодской области // Живая старина. 1995. № 4. С. 52–54.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Тенишев 1 – *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. 568 с.

Тенишев 5/1 – *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1 Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. 623 с.

Тенишев 7/2 – *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб., 2009. 624 с.

K. V. Osipova

Senior Researcher

Ural Federal University

BEER MEANING AND SYMBOLISM IN THE WEDDING RITUAL OF THE RUSSIAN NORTH: THE ETHNOLINGUISTIC ASPECT

The article reconstructs symbolic functions of beer in the wedding ritual. It is based on the North Russian vocabulary, folklore and ritual practices. The article refers to dialectal data, ethnographic studies and lexicographic files of the Ural Federal University Toponymic Expedition.

Key words: drinks; beer; Russian North; dialect vocabulary; ethnolinguistics; traditional culture; folklore; ritual; wedding.

Подюков Иван Алексеевич
профессор кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
podjukov@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Исследование выполнено в при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 17-14-59001 «Фразеология коми-пермяцкого языка
в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры»*

В статье рассматриваются семантические и формальные особенности русской фразеологии, заимствованной коми-пермяцким языком. Анализируется характер образности освоенных фразеологизмов, отмечаются причины их заимствования, дается объяснение компонентных, грамматических и стилистических изменений, сопутствующих процессам освоения иноязычных форм. Делается вывод о семантическом и в целом культурно-языковом отборе заимствованных устойчивых выражений, о стихийном характере освоения языковых форм в процессе бытовой и обрядовой коммуникации русских и коми-пермяков.

Ключевые слова: коми-пермяцкая фразеология; языковые заимствования; калькирование; семантическое, стилистическое и грамматическое освоение заимствований.

Изучение фразеологии финно-угорских языков имеет свою традицию и активно развивается на материале целого ряда языков. Давно и успешно разрабатываются проблемы описания фразеологии финских народов, в том числе с позиций лингвокультурологии (А. Алквист, М. Кууси, М. Ненонен, С. Юнтунен), исследуются особенности венгерской фразеологии (в работах Г. О. Надя, З. Уйвари, Т. Форгача). Исследуется культурная коннотированность марийской фразеологии (работы М. В. Соколовой, Л. А. Абукаевой, К. Н. Дзюиной); Г. Н. Лесниковой систематизирована и представлена с точки зрения структуры, лексико-грамматических разрядов, системных признаков и свойств фразеология удмуртского языка. Активно изучается фразеология коми-зырянского языка (И. И. Тарабукиным и Ф. В. Плесовским разработаны фразеологические словари коми фразеологии). Созданы отдельные разработки по фразеологии хантыйского и мансийского языков (В. Н. Соловар, Ю. Динисламова), в том числе раскрывающие специфику их внутренней формы и особенности фразеологической картины мира народа.

В изучении особенностей фразеологической системы коми-пермяцкого языка, в отличие от других пермских и вообще финноугорских языков (удмуртский, коми-зырянский), сделаны лишь первые шаги (работы О. А. Поповой, М. А. Томилиной). Наиболее развернутое исследование ее принадлежит О. А. Поповой, которая проанализировала структурно-семантический и грамматический аспекты коми-пермяцкой фразеологии, раскрыла особенности её системных связей (синонимические, омонимические, антонимические отношения); разработала и опубликовала первый коми-пермяцкий фразеологический словарь. К сожалению, словарь описывает лишь небольшую часть коми-пермяцкой фразеологии (в нем, включая варианты формы, представлено 3750 фразеологизмов, неполно представлен диалектный материал, отсутствуют культурные и историко-этимологические комментарии, слабо иллюстрируется использование фразеологии в живой речи).

Лингвокультурологическое описание коми-пермяцкой фразеологии приобретает особую актуальность – особенно в ситуации резкого сокращения областей применения и функций коми-пермяцкого языка, утраты интереса к нему современного поколения коми-пермяков. На основе исследования фразеологии могут быть не только раскрыты выразительные ресурсы и стилистические достоинства одного из языков малых народов России, но и показана историко-культурная уникальность коми-пермяцкого этноса, свойственные ему черты ментальности.

В ряде статей ранее мы показывали, что активное усвоение коми-пермяками русской лексики и фразеологии исторически связано не с давлением русского языка, не с навязыванием чуждых языковых форм, а является стихийным, идущим снизу процессом [Подюков 2012а, Подюков 2012б]. Один народ заимствует у другого прежде всего то, что является близким его собственной культуре, отвечает внутренним потребностям этноса и удовлетворяет такие потребности, которые не могут удовлетворить собственные культурные формы, традиции и ценности. Одновременно заимствования, отражая культурно-языковые ценности другого лингвокультурного сообщества, вносят изменения в воспринимающую культуру.

Совпадения во фразеологии неродственных языков необязательно возникают в результате заимствования из одного языка в другой и могут быть связаны с тождественностью реакции человека на внешний мир, со сходством природной и культурной среды. Так, выражение *пон гӧн* (букв. «собачья шерсть») ‘о том, кто стремится выведать что-либо’, совпадает с английским *hair of the dog* («собачья шерсть») – названием алкогольного напитка как средства от похмелья. В английском варианте значение выражения мотивировано известным разным культурам наде-

лением собачьей шерсти медицинскими свойствами (в связи с тем, что полый внутри волос собачьей шерсти обеспечивает ему дополнительные теплоизолирующие и лечебные свойства, а грубая шерсть оказывает колющее, «массажное» действие). В коми-пермяцком фразеологизме с помощью указания на утилитарно непригодную шерсть собаки (а не на ее чуткий нос, например) создается неодобрительность, и выражение строится на уподоблении разужающей «вынюхивающей» собаке. Сложно сказать, является ли заимствованием-калькой название *куль чунь* «чёртов палец» – применяемый в обрядах лечения белемнит: сближение этого камня с нечистой силой известно не только коми, но и русской и тюркской мифологическим традициям. Кроме названия *чертов палец*, известны определения этой реалии как *дедушкины пальцы* (моск.), *божый пальчик* (Полесье). У народов коми ростры белемнитов имеют названия *бес-чунь* («палец беса»), *чуд-чунь* («пальцы чуди» – мифического народа на земле коми) [Нелихов 2009].

В коми-пермяцкой фразеологии немало прямых, некалькированных заимствований типа экспрессивной (грубой) оценки хромоногого *крома бачаляга*: как и пермское диалектное выражение *хромая бачеляга*, фразеологизм содержит компонент *бачеляга*, уподобление изуродованной ноги палке (в русских говорах также *бачеляжина* – от вятск. *бачеляга* ‘палка, рычаг’, скорее всего, из звукоизобразительного *бач*, ср. пермск. *набачивать* ‘бить’). Фразеологизм *петь да шесь* представляет собой диалектную произносительную форму выражения *пять да шесть*, которое в русских говорах Прикамья может иметь и другие значения – характеризует сильный страх (Юрлинский район), состояние беременности (Октябрьский район). Выражение высоко идиоматично и основано на отдаленных ассоциациях, которые обычно привлекаются для эвфемических обозначений. По внутренней форме оно соответствует болгарскому выражению *ни пет ни шест* ‘недолго думая’ и создано как указание на отсутствие у человека возможности (времени, способности) совершать логические операции с цифрами. Закреплению фразеологизма в русской форме способствовало то, что русские числительные в коми-пермяцком языке практически вытеснили собственные числительные (впрочем, выражение зафиксировано также в форме *сьёлём вылас вит да квать* как оценка внутреннего беспокойства, букв. «у него на душе пять да шесть»). В чистом виде осваиваются не только названия сложных психологических состояний, но и особых физиологических понятий – напр., болезни глаз *курича слепота* ‘куриная слепота’ (снижение остроты зрения в условиях плохого света; основание названия – известный факт, что в темноте куры практически не видят; отметим, впрочем, что в языке сохраняется и полная калька обозначения *курög шогöt*). Без пере-

вода осваивается большое количество составных обрядовых терминов, отражающих культурные заимствования (*выжсинной брага* ‘праздник по окончанию уборки’, *девять ден* ‘поминальный день девятины’, *сята вода* ‘крещенская вода, помогающая, по поверьям, от болезней, пожара’ и пр., *Девята пятница* праздник после Троицы, «начинающий» лето).

Заимствованный фразеологизм, придя в язык, претерпевает в некоторых случаях изменения, приспосабливается к грамматическому строю данного языка. Так, оценка широколицего и краснощёкого *шаньга рожга* (от названия круглой ватрушки, известного на Урале и Русском Севере) строится по законам коми грамматики (ср. в русской речи *лицо шанежской, губы как шаньга, шаньга* вообще о полном человеке). Любопытно, что выражение в коми-пермяцком языке отличается стилистически: слово *рожа* имеет значение ‘лицо’ и лишено грубости (ср. *басок рожга* ‘с красивым лицом’). Известно мнение о том, что название обрядового печения «шаньга» (свадебного, поминального блюда) перешло в русский язык из языка коми (по версии А. С. Сидорова, круглая форма шаньги и само название соотносилось с солнцем, откуда *шоньгей* ‘солнце’ в удорском диалекте). Правы, на наш взгляд, однако, исследователи Г. Н. Каримуллина, И. С. Лутовинова, Е. Н. Шипова, которые говорят о тюркских корнях этого слова (башкирское *шэньгэ* ‘свадебная лепешка’ – в этой форме также мы видим гармонию гласных) [Шипова 1976; Лутовинова 1997; Каримуллина 2007;].

Фразеологические кальки – это фразеологические единицы, возникающие в результате точной передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов. Калькой являются выражения типа *ки сетны* букв. «дать руку» в значении ‘оказать помощь’ (из развертывания символического значения *рука* – деятельность, помощь и защита). Скорее всего, буквально заимствованным является и обозначение *не рука* о неудобстве кому-л. делать что-л. (*Этадз уджавны меным не рука* ‘так работать мне неудобно’). Выражение также строится на символизме руки как части тела человека, с которой ассоциативно связана идея деятельности, желания и способности заниматься этой деятельностью.

Кроме калек, в коми-пермяцкой заимствованной фразеологии выделяется обширная группа полукалек (оборотов, часть которых сохраняет оригинальную форму, а другая часть оформлена как перевод). Выявление полукалек облегчается сохранением в составе фразеологизма одного из компонентов. Так, в обороте *басни абу* ‘о том, что разговор окончен’, используется старое значение слова *басня* ‘рассказ, нечто высказанное’ (из *баяти* ‘говорить’). Более сложный случай – выражение *пракыс (апракыс) абу* ‘о том, у кого нет сноровки’ (известна и оценка несноро-

вистого *апра́ктõм*), которое содержит русское диалектное *апрак* (отмечено в пермских говорах, ср. также *безапрашный* ‘о неловком’), вероятно, связанное с *апракос* – со старым названием сборника евангельских чтений для воскресных и праздничных дней (из греч. «нерабочий», «праздничный»). Иронический смысл оценки формируется здесь алогичным указанием на незнание праздников.

В коми-пермяцкой фразеологии отмечается большое количество полукалек, где непереуведенный компонент обозначает заимствованное понятие или реалию (*сия олõ, кыдз барин разг.* ‘он живёт как барин’, *пожар кодь гõрд* ‘раскрасневшийся’ (букв. «красный как пожар»), *баитны кыдз радио* ‘говорить громко, во всеуслышание’ (букв. «говорить как радио»), *попаддя моз пасьтасьны* ‘одеваться, как попадья (о женщине в длинной одежде)’, *петук юр* ‘глупый’ (ср. *петушиные* (куриные) *мозги*). В ряде случаев в выражении рядом с заимствованным компонентом сохраняется его родной аналог-«конкурент» (*покой да лõнь не сетны* ‘не давать покою’ (букв. «покою и тишины не давать»); удвоение-редупликация здесь усиливает характеристику).

Многие фразеологические заимствования обслуживают потребность в детализации тех или иных понятий, состояний, действий. Таковы выражения *лэбтыны зык* ‘поднять шум’ (из *лэбтыны* ‘поднимать’ и от др.-русск. *зыкь* ‘звук’), *лэбтыны смех вылõ* ‘поднять на смех’ *кого-л.*, *ыджыт слава вылõ лэбтыны* ‘ославить, опозорить’, *смек вылõ лэбтыны* (букв. «на смех поднять»), *воля сетны* ‘дать волю, распустить кого-л.’, *жыга сетны* ‘нагнать страху’ (ср. *жигать* ‘палить, предавать огню’, *жигануть* ‘ударить сильно плетью, кнутом, прутом’), *сетны клятва* ‘дать клятву; поклясться’, *жар сетны* ‘дать жару’ (букв. «жар дать»). Выражение *душа сетны* (букв. «душу отдать») получает другое значение – ‘вкладывать душу, делать что-л., целиком отдавая себя’ (буквальный перевод *лов сетны* «душу отдать» имеет значение ‘умереть за кого-л.’). Аналогичны серийные ряды, где детализируемое состояние (обычно негативное) предстает как действующая стихийная мифологизированная сила: *опас кутõ* ‘страх берёт’ (*кутны* ‘ловить’, *опас* ‘опасность’), *õбида кутис* ‘стало обидно’ (букв. «обида поймала»), *стыд кутõ* ‘совестно’ (букв. «совесть хватает»), *боль кутчис* (букв. «болезнь взяла»).

В общем религиозном фонде коми-пермяков до сих пор сохраняется вера дохристианских времен в духов природы (нередко в христианской оболочке) в сфере низшей мифологии. Коми-пермяки сочетают в своей повседневной жизни и мифологических представлениях свои и освоенные от русских языческие верования, которые складывались на основе не земледельческого, а промыслового хозяйства (они более соответствуют условиям жизни и потребностям охотников, рыболовов, со-

бирателей). Заимствуются названия демонологических персонажей типа *ва бес* («водяной бес» ‘о водяном’), *водяной нылка* («водяная девушка» ‘о русалке’), *баня бес* (банник, дух бани), *кузь дядь* («длинный дядька» ‘о лешем’), *бесыс туй* «дорога лешего». Во фразеологизмах эти демони-мы используются для представления и оценки иррациональных состояний, поступков (*дявыс тӧдӧ!* «чёрт знает!» от *дяв* ‘чёрт, дьявол’; *нечистой дук!* ‘бранно о непослушном’ – из обозначения нечистой силы, *чомору тэно!* ‘ну тебя!’). Выражение *шышыга ветлӧ народ* ‘народ суется’ («ходит туда-сюда, сует») включает севернорусское название и чёрта, и домового, и лешего (от эвфемического *шиш* ‘островерхая куча, ворох’). Выражение *нӧкоть сӱю кутис* «его лень одолела» содержит праслав. *нога* ‘копыто – нога животного’, которое в русских говорах (арх., волог., перм., ср. уральск., томск., красноярск. и др.) используется и как общее название ряда болезней скота эпилептического характера (также вздутие живота, высыпание на языке у животного, глазная болезнь, затвердение века), и как название эпидемических болезней, нечистой силы (арх., тобольск., вятск.) [ЭССЯ 25: 170–173]. Выражение *кляп тэныт!* ‘чтоб тебе пусто было!’ содержит название затычки (вероятно, в связи с *кляпый* ‘обвислый, кривой’, хотя М. Фасмер говорит, что это темное слово [Фасмер 2003: 260]), мотивирующее требование замолчать и способ лишить свободы. В русском языке выражения *какого кляпа* и *иди на кляп* выступают как эвфемизмы матерного слова (*кляп* используется для обозначения детородного органа, как и слова типа *штырь, коряга, палка, шкворень*, даже *шест* (см. [Мокиенко 1994])).

В процессах заимствования фразеологии отражается ареальная близость, интенсивное культурно-языковое взаимодействие русского и коми-пермяцкого народов. Как отмечала А. С. Кривощекова-Гантман [Кривощекова-Гантман 1981], от русских коми-пермяки восприняли более высокий уровень хозяйства и быта, усвоили многие обрядовые формы. На фразеологических заимствованиях видна особая восприимчивость коми-пермяков к иной культуре и фактам другого языка. Обилие фразеологических, стилистически окрашенных заимствований в коми-пермяцком языке, освоенных прежде всего в активном бытовом и трудовом общении с русскими, направлено на определенную компенсацию дефицита собственных экспрессивных средств. Фразеологические заимствования осуществляются в ходе культурного отбора, а процесс их усвоения связан с адаптацией к собственной языковой системе.

Библиографический список

Каримуллина Г. Н. Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII – XX веков: автореф. ... канд. филол. наук, Казань, 2007. 20 с.

Кривощекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. М., 1981. С. 46–62.

Лутовинова И. С. Слово о пище русских. (К истории слов в русском языке). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. 304 с.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурно // Русистика. Берлин, 1994, № 1/2. С. 50–73.

Нелихов А. Е. Народные представления о рострах белемнитов // Юрская система России: проблемы стратиграфии и палеографии. Саратов, 2009. С.156–159.

Подюков И. А. Русская диалектная лексика в речи лупьинских коми-пермяков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012а. Вып. 3(19). С. 14 – 22.

Подюков И. А. Русская диалектная фразеология Прикамья в финно-угорском освоении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012б. Вып. 4(20). С. 7–14.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Астрель-Аст, 2003. 671 с.

Шинова Е. Н. 2000 тюркских слов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 392 с.

I. A. Podjukov

Professor of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PHRASEOLOGICAL BORROWINGS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

Semantic and formal peculiarities of Russian phraseology, borrowed by the Komi-Permyak language, are examined in the article. The character of the mastered phraseological units figurativeness is analyzed, the reasons for their borrowing are noted, explanation of componential, grammatical and stylistic changes, accompanying the processes of foreign languages mastering, is given. Conclusion concerning semantic and cultural-linguistic selection and borrowed phraseological units expressions on the whole, about spontaneous nature of language forms mastering in the process of everyday and ritual communication between the Russians and the Komi-Permyaks, is made.

Key words: komi-permyak phraseology; linguistic borrowings; calquing; semantic, stylistic and grammatical mastering of borrowings.

Русинова Ирина Ивановна
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
irusinova@mail.ru

Шкураток Юлия Анатольевна
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shkuratok@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ *ИКОТА*, *ИКОТКА* (по данным говоров Юрлинского района Пермского края)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-14-59009
«Фольклорная несказочная проза Северного Прикамья: универсальное, региональное,
локальное (на мат. записей второй половины XX – начала XXI вв.)»*

В статье рассмотрены мифологические значения слов *икота*, *икотка*, представленные в диалектной речи Юрлинского района Пермского края. Делается вывод о том, что на формирование многозначности изучаемых слов, появление новых (по отношению к русской диалектной языковой традиции) мифологических значений в островном русском районе Коми-Пермяцкого округа оказала влияние коми-пермяцкая традиционная культура.

Ключевые слова: Пермский край; Юрлинский район; русские говоры; мифологическая лексика; *икота*; *икотка*.

На протяжении нескольких десятилетий ученые пермских вузов записывают несказочную прозу в разных районах Пермского края. В течение последних трех лет под руководством С.Ю. Королёвой, И.И. Русиновой и Ю.А. Шкураток проводилась такая работа и в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа.

Весьма распространены в этом регионе мифологические рассказы о кликушестве. Эта болезнь в севернорусском ареале обычно называется словами *икота*, *икотка* [Левкиевская 1995: 509]. Данные наименования используются и в Пермском крае, особенно активно в его северной части (на северо-востоке и на северо-западе – в русских говорах Коми-Пермяцкого округа), а также в западных районах края – Верещагинском, Сивинском, Ильинском, Карагайском.

Существительные *икота*, *икотка* могут использоваться для названия не только заболевания, вызванного колдовством, но и нечистого духа, вселяющегося в человека и вызывающего это заболевание; человека, страдающего «икотой»; человека, «насылающего» такое заболевание. Пермские данные коррелируют с теми, что отражены в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ 12: 181–182]. Географическая привязка материалов в СРНГ – Русский Север и территории, генетически связанные с ним.

Однако мифологические рассказы, записанные в Пермском крае, свидетельствуют о том, что на этой территории, в особенности в островных русских говорах Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа, слова с корнем *-икот-* развивают и другие значения, не фиксируемые на других территориях России.

В этих говорах слова *икоты*, *икотки* обозначают не только вселенного колдуном злого духа, вызывающего приступы кликушества, но и несколько иных духов, связанных с колдуном, – его духов-помощников, которые могут принимать тот или иной облик: [А «икоты»-то – это что такое?] *Да вот ты видала на речке, как стрелы, летают, такие вот долгие. Эти вот и есь оне. Он их пускает, отпускает – оне летают. А если на кого надо, она тебе залетит, насквозь проткнёт.* [Это «икоты» летают?] *Да. Он (т. е. колдун) говорит: «Полезь в голбец». Я полез, а там вот такая как кринка. Оне – бун, – летают токо, как осы, вот так в подполье летают. Вот в этой штуке, как осиное гнездо большоё (Липухина Юрл.) [ПЗ].*

Даже если облик этих духов неясен, из контекста понятно, что это некие «существа», с помощью которых колдун причиняет вред: *А эта-то ведь женищина-то, она котора икотнича, дак она с Молдовы привезла икоты дык, хвастала одной. И вот оне с Молдовы привезли икоты-те, мне хозяйина сделали, сына сделали и мне ешию третью (Мухоморка Юрл.) [ПЗ].*

Это значение в говорах северо-востока Пермского края передается другими существительными – *беси*, *биси*, *черти*.

В русских мифологических рассказах Коми-Пермяцкого округа фиксируется сочетание *знаться с икотами*, синонимичное сочетаниям *знаться с чертями*, *знаться с бесями*, широко распространенными на северо-востоке края. Для носителей данной мифологической традиции эти выражения могут иметь конкретное значение – ‘иметь в распоряжении злых духов, с помощью которых можно причинять вред’. Однако многие жители Юрлинского района на вопрос, кто такие икоты, ответа не дают, и контексты подтверждают, что *знаться с икотами* для них – это ‘знать вредоносные заговоры’, которые можно нашептать на

питье, потом дать выпить человеку и причинить ему таким образом вред: [А есть, вы говорите, люди, которые калечат...] *Есть*. [А их у вас тут как зовут? Я слыхала – икотник.] *Да, да*. [А почему вот так?] *Разговор такой, что вот он, мол, с икотами знатся. Там вишь, обычно, кто вот с икотами – те подадут. Мы пасли с одним парнем колхозных коров. А до этого вот зимой заехал он в гости к человеку к такому [икотнику], взяли ему [парню] подали. Ну так вот, он вместо Кладова, тут рядом, 2 км, три раза съездил до Юма. Всю ночь проездил (Мухоморка Юрл.) [ПЗ].*

С другой стороны, в Юрлинском районе словами *икоты* называются не только бесы – духи-помощники колдуна, но и тот вид нечистой силы, которая в облике умершего родственника «приходит» к тоскующим членам семьи. Информанты толкуют появление такого духа следующим образом: *Митрошиха была икотница тама, и Митрофановна у её дочерь-та. Митрошиха умерла, а у её дочерь осталась жить-то в этом доме-та. Сын ушёл в армию, она осталась как одна, и икоты-то стали как ходить. Идёт ночь, я, грит, лежу на печке, смотрю: где-то как из голбца, грит, вышла. Тун-тун-тун-тун-тун-тун идёт. Посмотрю: ноги как коровьи. Возле печки стала стоять. Потом походит-походит-походит, под утро, грит, обратно туды. Все чудилося, так и остался этот дом-от там. Развалился. [Никто не смог жить?] Оно уже такое само место прокаженное. Вот оно как, мол, икоты вот. Их же надо передавать. [Это икоты ходили?] Ну как бы дух еёный всё равно ходит, икоты она как никому не передала вот (Елога Юрл.) [ПЗ].*

Если на Русском Севере *икота* – это обычно болезнь кликушество, то в юрлинских говорах этим словом могут называться и другие болезни людей и скота. Приведем примеры, подтверждающие наш тезис:

– традиционная «икота»:

И они боялись, её боялись, сестру родную. У неё была икотá. Что-то как будто вот говорило в ней. Говорят вот, подсаживали икоту. Чем-то напоят. [Кто может сделать?] Кто-то какой-то плохой человек (Усть-Зула Юрл.) [ПЗ];

– болезни, которые в других русских говорах Пермского края чаще называются словом «кила»:

Конечно, он (т. е. колдун) мог приделать. Как это называется? Икóта. Икоту поставит свою {мог}. Один раз мне ставил на плечо. Дак спать не могу: то етта ломит, то тут. Блестит прямо плечо, вот вроде как растительным маслом ле чё ле смазали. Да он и матерé ставил, и вот брату своему ставил даже (Липухина Юрл.) [ПЗ];

– болезни скота, обозначаемые в других говорах словом «порча»:

*При первом выгоне соль клали над воротами усадьбы, над дверью конюшни, чтобы никто **икоты** скоту **не клал** (Липухина Юрл.). **Может над скотом, над коровой. Корова взял, поставил – она как дурная, как бешеная, на стену будёт прыгать корова. Да, **икоту** поставит. У нас как-то он **ставил** даже на корову. Дак у ёй уж молоко вот так бежит, струя́ми прямо, она на стену прыгат, корова-та** (Липухина Юрл.) [ПЗ].*

Существительные *икота, икотка* в юрлинских говорах развивают и другие конкретные значения:

– это заговоры, которые знает колдун: [А вот ещё говорят, что колдуны тоже как-то передают вот это своё...]. *Да, да, да. [А каким способом?] Ну дак если он, к примеру, знат, он тебе или на листочке напишет это, чтоб ты выучил эти все **икоты**. Вот. Если компьютер у те{б}я робит, значит у его перенимёшь (Юм Юрл.) [ПЗ]. Была тут эта {улица}, шла вниз, эта рёлка называется **Икотская**. [А почему она так называется?] **Черт его знает. То, что, может быть, икотник жил. Ну, икоты, икоты знал человек.** [А «икоты знал» – это как?] **Ну, *икота* – это... ну как молитва, например** (Елога Юрл.) [ПЗ];*

– это «знатьё» – колдовские знания и умения. Интересно отметить и тот факт, что акт учебы неопита тоже обозначается с помощью лексических единиц, образованных от корня *-икот-*. В этом случае используется устойчивое выражение *передавать икоты*: *У нас бабушка рассказывала, отец сыну grit: «Готовься, я скоро умирать буду, надо мне передать чтоб **икоты-то**». Он grit: «Да, ну чё, передавай». Раньше как в бане передавали в чёрной это. Всё, время двенадцать часов стало, отец ему наказывает: «Не бойся ничё, заходи прямо туда». Тот начитал-начитал какие-то слова нехорошие, двери открыват бани отец-та, сыну кричит: «Прыгай!» А сын-от подошёл, и собака, grit, пась открыла. Пламя в этой пасту у собаки-то. Сын двери-то хрон да бух да, grit, оттуда. [Испугался?] **Испугался, но.** (Елога Юрл.) [ПЗ]. [Нам рассказывали, что люди, которые «портят», тяжело умирают]. *Ну, я тоже слышал вот то, что который знаткой человек, и если **икоту** свою не передал никому, то он тяжело умирает тогда. А если передал свою икоту другому-то, тогда, мол, уже, это, освободился от этой икотки, освободился* (Елога Юрл.) [ПЗ].*

Интересно отметить, что единицы с корнем *икот-* называют не только того, кто может вызвать болезнь кликушество, как это происходит на Русском Севере, но и того, кто вызывает другие болезни, а также причиняет другой вред людям и скоту, т. е. называют, так сказать, колдуна «широкого профиля»: *Вот был у нас **Спиря П.** Он в конце деревни*

там жил. Ну, называли его **икотником**, он может испортить человека, человек болеет. Говорили, может килу посадить. Ну, это вроде большого нарыва (Таволжанка Юрл.). **Икотника** не позвали на свадьбу – он наколдовал, и в трубу улетели свадебжана-те (Таволжанка Юрл.) [СРГКПО: 113]. Он как знаткой человек, **икотник**, икотит там. Дак он, видимо, знал что-то, может наговорить, и охота уже не пойдёт, если он наговорит чё-нибудь (Елога Юрл.) [ПЗ].

На остальных территориях Пермского края человек, причиняющий вред магическим способом, обозначается другими единицами: на северо-востоке словами *бесист*, *бесистый*, *чертистый*, *еретник*; на западе – словами *портун*, *портёжник* и повсеместно словом *колдун* и производными от глагола *знать*.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы: 1) Слова *икот*, *икота*, *икотка* в русских говорах Коми-Пермяцкого округа, как и на Русском Севере, обозначают кликушество, человека, страдающего этим заболеванием, человека, «насылающего» такое заболевание, и злого духа, вызывающего такое заболевание. При этом заметим, что в отличие от многих других регионов, где упоминания о кликушестве остались только в памятниках письменности и заметках этнографов XIX–XX вв., на анализируемой территории кликушество представляет собой живое явление. 2) Слова с корнем *-икот-* в русских говорах округа, кроме типичных, общих для всего Русского Севера, образуют широкий спектр значений, не связанных с кликушеством, но относящихся к колдовской практике вообще. Например, они могут называть другие болезни людей и скота, вызванные колдовством, а также другие виды магического вреда. 3) Глаголы, содержащие корень *-икот-* (*икотить*, *заикотить* и др.), теряют связь с мотивирующим существительным «икота» ‘болезнь кликушество’, получают более общее значение ‘причинять вред колдовством’. 4) Существительные *икоты*, *икотки* могут обозначать разных злых духов: вселенных колдуном и вызывающих разные болезни; духов-помощников колдуна; духа, приходящего в родной дом в облике умершего колдуна, не успевшего перед смертью передать кому-либо магические знания. 5) Причиной, вызвавшей столь бурное развитие семантики слов изучаемого корня, можно считать тесные связи русских Юрлинского района с коми-пермяками, для которых кликушество – живая традиция и которые активно используют русский корень *икот* для обозначения разных явлений, связанных с колдовством.

Библиографический список с сокращениями

Левкиевская Е. Е. Икота // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 508–511.

ПЗ – *Полевые* записи диалектологических и фольклорных экспедиций 2015–2017 гг. (рук. С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, Ю. А. Шкураток).

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

I. I. Rusinova

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

Iu. A. Shkuratok

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

**MYTHOLOGICAL MEANINGS OF WORDS IKOTA, IKOTKA
(according to the data of the Yurlinsky district of Perm Krai dialects)**

The article deals with the mythological meanings of the words *ikota*, *ikotka* ‘hiccup’, represented in the dialect speech of the Yurlinsky district of Perm Krai. It is concluded that the emergence of new (in relation to the other Russian dialects) mythological meanings in Russian isolated dialects of the Komi-Permyak Okrug was influenced by the Komi-Permyak traditional culture.

Key words: Perm Krai; Yurlinsky district; Russian dialects; mythological vocabulary; hiccup.

Савельева Мария Александровна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
savelyevamari@yandex.ru

МОДЕЛИ ТОЛКОВАНИЯ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОМ И ФИТОНИМИЧЕСКОМ СЛОВАРЯХ

Статья посвящена проблеме выработки дефиниций для толкования лексики тематической группы «Травянистые растения». На основании выводов, полученных в результате анализа структуры и содержания толкований фитонимов в диалектных словарях разного типа и в специальных тематических словарях, предлагаются способы и модели толкования народных фитонимов. В работе представлены способы подачи лексического значения фитонимов для диалектного словаря, фиксирующего лексический состав говоров, и для тематического словаря, отражающего только фитонимическую лексику.

Ключевые слова: диалектная лексикография; фитоним; дефиниция; тип толкования; модель толкования; тематическая группа; тематический словарь.

Фиксирование диалектизмов и создание диалектных словарей является одной из главных задач диалектологии. Это особенно важно в условиях урбанизации, влияния на носителей диалекта телевидения и Интернета. В статье рассматривается проблема выработки дефиниций для толкования лексики тематической группы «Травянистые растения» при составлении словарей разных типов – диалектного словаря и тематического словаря фитонимов. Адекватное отражение в словарном определении семантики слова является одной из наиболее важных проблем лексикографии, что в дополнение к значимости самого лексикографического описания лексического состава диалектов определяет актуальность данного направления работы. Опыт работы с диалектными словарями показывает, что способ толкования диалектизмов одним словарем зачастую оказывается неоднородным, разнотипным, что особенно хорошо прослеживается в пределах отдельных тематических групп слов внутри словаря.

На необходимости работы с тематическими группами лексики настаивала Н. Ю. Шведова, аргументируя это тем, что такой подход послужит «гарантией единообразных и непротиворечивых решений», поможет избежать непоследовательности в толкованиях [Шведова 1981: 171]. Ранее о пользе рассмотрения лексикографируемой единицы в кон-

тексте всей тематической группы, к которой она принадлежит, писал В. В. Виноградов. [Виноградов 1977].

Несмотря на то что в настоящее время исследователи демонстрируют интерес к фитонимической лексике, в том числе и в лексикографическом аспекте, на данный момент отсутствует подробная работа, которая бы фиксировала и представляла филологическое описание лексики территории Пермского края. При этом диалектный материал предоставляет возможность создания специального словаря фитонимов. Мы предлагаем выявить наиболее рациональные и лаконичные способы описания лексики для такого словаря.

С целью выявления продуктивных способов подачи дефиниции для лексики исследуемой тематической группы мы проанализировали словарные толкования народных названий растений в диалектных словарях разного типа. Материалом для анализа послужили толкования фитонимов в диалектных словарях XIX века («Опыт областного великорусского словаря» под редакцией А. Х. Востокова и А. М. Коркунова (1852), «Словарь областного архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого (1885), «Словарь областного олонецкого наречия» Г. И. Куликовского (1898), «Материалы для объяснительного областного словаря вятских говоров» Н. М. Васнецова (словарь, вышедший уже в 1907 г.), в современных словарях – сводном «Словаре русских народных говоров» (с 1965 г.) и нескольких региональных словарях («Словарь говоров Русского Севера» (с 2001 г.), «Словарь пермских говоров» (2000–2002), «Архангельский областной словарь» (с 1980 г.), «Областной словарь вятских говоров» (с 1996 г.)), а также в немногих существующих тематических словарях («Ботанический словарь» Н.И. Анненкова, «Словарь народных названий растений Урала» Н.И. Коноваловой (2000), «Словарь фитонимов Среднего Приобья» В.Г. Арьяновой (2006–2008), книга В. А. Меркуловой «Очерки по русской народной номенклатуре растений» (1967), пятый выпуск «Тематического словаря говоров Тверской области» (2006)).

В ходе исследования из словарей разных типов были выбраны статьи с толкованием фитонимической лексики, проанализированы способы подачи значений в них, выявлены основные семантические компоненты толкований. В качестве одного из самых частотных способов толкования фитонимов словари предлагают толкования энциклопедического типа (с привлечением ботанических и этнографических сведений), что объясняется самим предметом лексикографирования. Для описания лексики растительного мира только лишь филологическая подготовка лексикографа часто оказывается недостаточной (как и ботанических сведений недостаточно для лексикографирования фитонимов в силу отличия

задач словаря и ботанического справочника). Лексикограф, работающий с данной тематической группой диалектизмов, сталкивается с рядом сложностей, включая проблему установления соответствия описываемого растения реалии, проблему многозначности слов, называющих растения (когда один фитоним называет несколько разных растений), и дублетности (когда одно растение имеет параллельные варианты номинации).

Основным выявленным недостатком проанализированных способов толкования фитонимов является отсутствие единства в описании лексики одной группы даже в пределах одного словаря и одного способа толкования. Разнообразие толкований лексем, высокая степень вариативности их структур во многом осложняет работу читателя с диалектным словарем.

Основываясь на результатах анализа толкований фитонимов в диалектных и специальных словарях, мы попытались определить рациональный и лаконичный способ подачи значения слов ТГ «Травянистые растения». Мы разработали единый способ подачи дефиниций для фитонимов, которые входят в общий объем словника диалектного словаря, и для фитонимов, составляющих содержание специального тематического словаря народных названий растений.

Способы толкования значения слова в диалектном словаре можно разделить на две группы: это группа релятивных толкований (толкования, в основе которых системные отношения лексем – посредством синонима, через ссылку на другую словарную статью и т. п.) и группа описательных. Толкования последнего типа вызывают наибольшие трудности при их формулировании и подаче.

Первая трудность заключается в решении проблемы разграничения и соотношения филологического определения слова и энциклопедического описания реалии. Другая проблема состоит в выделении наиболее существенных семантических признаков. Субъективность в этом вопросе, обусловленная отсутствием четких критериев, часто приводит к неупорядоченности, неинформативности или же избыточности словарных дефиниций. При этом следует помнить о том, что объем дефиниции также определяется задачами самого лексикографического произведения. Специфика словаря определяет аспекты толкования фитонимов, набор компонентов дефиниции и точность описания. В целом тематический словарь фитонимов предполагает бо́льшую конкретность описания фитонимической лексики и бо́льший, нежели в нетематическом диалектном словаре, объем экстралингвистической (энциклопедической) информации.

Считаем необходимым использовать в словарях три основных способа толкования фитонимов.

1. Прежде всего, это *толкование через литературный синоним*. Данный способ применяется в словарях в тех случаях, когда в литературном языке существует слово с аналогичным планом содержания и именуемый объект общеизвестен. В качестве синонимического определения фитонима в тематическом словаре мы предлагаем использовать не просто литературный синоним, а ботаническое родо-видовое название растения. Такое решение объясняется, прежде всего, стремлением к точности лексикографического описания. Оно не противоречит задачам филологического описания лексики в словаре в силу основной особенности тематического словаря фитонимов – совмещения черт филологического и энциклопедического описания. В качестве примеров можно привести следующие толкования:

Блошнѣк Душица обыкновенная.

Востряг Осока узколистная.

Нужно заметить, что по разным причинам указать видовое определение растения не всегда представляется возможным. Такая ситуация может быть связана как с отсутствием самой информации о конкретном растении и его номинации, так и с неразличением носителями говора видовых разновидностей растения. В описанных случаях лексикограф может зафиксировать лишь родовое наименование растения, ср.:

Гонка Пастернак.

В связи с этим возникает проблема совпадения литературного и ботанического названий (поскольку многие литературные наименования растений совпадают с названием ботанического рода).

В диалектном словаре толкование через синоним для точности дефиниции предлагаем подавать по модели «*Растение + ботаническое название*». Толкование только через слово-синоним позволяет дать «экономичное» определение, однако может затруднять понимание некоторых номинаций. Предлагаемая модель не только внесет единообразие в способ представления материала, но и поможет устранить возможные неясности для того, кто будет пользоваться словарем, то есть будет способствовать точности лексикографического описания фитонима. Этим же обуславливается использование вместо литературного эквивалента ботанического родо-видового (по возможности) наименования растения. Примеры, демонстрирующие применение данного способа толкования:

Аверьянка Растение валериана лекарственная.

Блошнѣк Растение душица обыкновенная.

2. Второй способ описания фитонимов – *отсылочное толкование* (способ, характерный для словарей обоих типов). При описании дублетных номинаций, т. е. если в словаре представлено более чем одно слово с определенным значением, используется свернутое толкование отсы-

лочного типа с помощью формулы «то же, что...», содержащее ссылку на другую словарную статью:

Воспожи́нка То же, что блошник.

3. Наиболее интересны для нас *развернутые или описательные толкования*. Развернутое толкование фитонимов, которые входят в общий объем словника диалектного словаря, должно включать слово-идентификатор (в данном случае таковым выступает определение «травянистое растение»); ботаническое родо-видовое наименование растения; указание на свойство или функциональное применение растения (сорное, лекарственное, кормовое, декоративное и др.). Для демонстрации системных связей считаем необходимым приводить параллельно существующие в говоре варианты номинации растения.

Полученную модель можно отразить следующим образом: *Слово «травянистое» – свойство – слово «растение» – ботаническое название – варианты номинации*. Примеры реализации модели:

Богомо́лки Травянистое растение лютик едкий; колобок, купальница.

Горчу́шка Травянистое лекарственное растение сурепка прямая.

Развернутое толкование в тематическом словаре дополнительно включает следующие компоненты: латинское наименование растения; семейство, к которому оно принадлежит; отличительные признаки растения. В словарную статью с развернутым толкованием предлагаем включать изображение растения, которое дает наглядное представление о нем и обуславливает краткость описания реалии. Включение графической иллюстрации соответствует современному этапу и возможностям лексикографирования и отвечает требованию ориентации на читателя.

В результате получаем следующую модель развернутого толкования фитонимов: *Слово «травянистое» – свойство – слово «растение» – ботаническое название – семейство – латинское название – отличительные признаки – варианты номинации*. Пример:

Девяты́льник Травянистое лекарственное растение пижма обыкновенная из семейства сложноцветных (*Tanacétum vulgáre*); с плотными крупнозубчатыми листьями и желтыми цветками; девятигрыжник, девятисил, девятисильник, дикая рябинка, пижма. *Девятильник от девяти болезней; желтеньки цветочки у его*. Тюлькино Сол. *Девятильник, у его листья как на рябинке, цветочки желтеньки, в шапку собираются*. Осокино Сол. *Девятильник собирали да в аптеку сдавали*. Кривец Ильинск. *Девятильник – от такой длинной, головки маленькие, желтенькие, подле дороги растет*. Трошино Ильинск. *Девятильник от девяти болезней, а по-вашему – пижма*. Занино Киш.

Очевидно, что не все смысловые компоненты, входящие в предлагаемые модели толкования, могут быть отражены во всех словарных статьях, однако упорядоченное заполнение хотя бы нескольких зон уже приведет словарные толкования к единому виду.

4. Не стоит также забывать о тех случаях, когда, лексикограф не имеет никаких сведений о фитониме, за исключением того, что данное слово называет некоторое растение. Предлагаем в словарях обоих типов единообразно подавать такие фитонимы через *формулу «Растение (какое?)»*.

Предложенные нами способы и модели являются одним из путей решения проблемы разработки структуры и содержания дефиниций для системного толкования фитонимов. По нашему мнению, они отвечают основным принципам лексикографирования, сформулированным, в частности П. Н. Денисовым [Денисов 1980: 214–215]. Прежде всего, это принцип стандартности в описании одинаковых явлений на протяжении всего словаря. Принцип экономности (краткости описания) не входит в противоречие с другим требованием лексикографирования – принципом полноты. Важным также представляется соблюдение принципа эффективности описания, согласно которому прочтение дефиниции должно обеспечивать точное понимание слова в контексте на фоне его парадигматических и синтагматических связей.

Безусловно, предложенные способы толкования не являются единственно возможными. Могут быть созданы и другие модели, исходя из целей и задач составителей словаря и материала для лексикографирования.

Применение моделей для толкования слов одной тематической группы структурирует словарную статью, облегчает работу составителей словаря и делает словарь более удобным в использовании. По нашему мнению, это способствует совершенствованию диалектных словарей, создание которых является одной из главных задач диалектологии. Осуществленная работа является этапом в подготовке «Словаря народных названий растений Пермского края».

Библиографический список

Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Лексикология и лексикография: Изб. труды / отв. ред. В. Г. Костомаров. М.: Наука, 1977. С. 243–264.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 253 с.

Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. (Виноградовские чтения IX–X). М.: Наука, 1981. С. 166–179.

M. A. Savelyeva
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

MODELS OF DEFINITION OF FOIK PLANT NAMES IN DIALECT AND PHYTONYMIC DICTIONARIES

The article is devoted to a problem of definitions' developing for explanation of lexicon of a theme group "Herbaceous plants". Explanation types and models of a national names of plants are offered on the basis of conclusions received as a result of the analysis of structure and content of explanation of plants' names in dialect dictionaries of different types and in special thematic dictionaries. Ways of giving of a lexical meaning of phytonims are presented both for the dialect dictionary (fixing dialect vocabulary) and for the thematic dictionary (including only phytonims).

Key words: dialect lexicography; phytonims; definition; explanation type; explanation model; thematic group; thematic dictionary.

Сазина Дарья Александровна
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
sazina.d.a@mail.ru

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОМАРА

В работе рассматривается фрагмент языковой картины мира, который отражает представления человека о комаре. Производится анализ внутренней формы лексических единиц, обозначающих комара, семантических дериватов от данных лексем, а также фразеологизмов с участием «комариной» лексики. На основе проведенного анализа выделяются мотивационные признаки, лежащие в основе рассматриваемых языковых единиц. Предлагается классификация мотивационных признаков и связанных с ними мотивов. Составляется ономасиологический портрет комара. Дается оценка представлений о комаре в русской традиционной картине мира.

Ключевые слова: языковая картина мира; мотивационный признак; мотив; ономасиологический портрет.

Языковая картина мира человека состоит из мельчайших деталей, которые все вместе составляют сложное изображение. Любое явление природы, предметы, животные, социальные установки и связи неизменно отражаются в языке, получают оценку и используются для создания сложных образов. Составление лингвистического портрета любого явления помогает исследователям наиболее полно понять картину мира, сложившуюся в сознании человека, описать и проанализировать ее.

Для построения ономасиологического портрета реалии¹ необходимо провести анализ внутренней формы номинативных единиц, построенных на использовании в номинациях тех или иных признаков реалии. Заложенный в основу номинации признак отражает наиболее устойчивое в сознании носителя языка представление об объекте. Мотив, который является интерпретацией признака, вычленяется из семантики номинативных единиц разных уровней (единиц, называющих реалию, семантические дериваты от этих обозначений, фразеологизмов) [Березович, Рут 2000: 34].

Материалом для создания ономасиологического портрета комара послужила следующая лексика:

1) обозначения реалии («комар» – *комар, пискун, пискунок, пынка, звенец* и т. п.);

2) факты семантической деривации на базе этих обозначений (*комар* ‘муравей’);

3) фразеологизмы, пословицы, поговорки (*комар носа не подточит, слоны трутся, меж себя комаров давят* и т. д.).

Источниками материала для настоящего исследования послужили данные литературного языка и русских народных говоров: «Большой академический словарь русского языка», «Словарь русских народных говоров», словари диалектной лексики и фразеологии.

В русском литературном и диалектном языке существует довольно представительная группа «комариной» лексики, разнообразной в мотивационном отношении.

Комар принадлежит к семейству двукрылых насекомых, относящихся к группе длинноусых. Существует порядка 3000 видов комаров, всех их объединяет специфическое строение ротовых органов: губы образуют футляр, в котором спрятаны иглы. Подобное строение органов позволяет комарам питаться кровью животных и человека [Комары: эл. ресурс]. Поскольку комар существует рядом с человеком, непосредственно с ним взаимодействует, то представления об этом насекомом отражаются в языке.

Выявленные в ходе анализа мотивационные признаки логично объединить в три группы: внешние признаки, функционирование реалии и время появления. На основании проведенного анализа мы можем выделить несколько мотивов, отраженных в фактах номинации комара, фактах семантической деривации и фразеологии на основе «комариной» лексики.

I. Внешние признаки

- Комар – насекомое маленького размера.

По сравнению с человеком комар имеет очень маленький размер, что неизменно отмечается и актуализируется в речи, например отражается в пословице «*Слоны трутся, меж себя комаров давят*» [Даль 1879: 62], где такой размер комара напрямую связан с его уязвимостью и противопоставляется большому размеру и силе слона. В языке словом *комар* очень часто обозначается и другое мелкое насекомое – муравей: «*комар*» ‘муравей’ – «*Комары-то в лесу есть, если наблюдаешь за имя, рабочие, всех работающее*» (Калинино Кунг.) [СРГЮП 2009: 426]. Подобный факт семантической деривации определяется схожестью признаков этих насекомых – маленький размер, умение летать и «кусать»: «*комарики*» ‘летучие муравьи’ (Малин. Моск.) и «*комарашки*» ‘муравьи’ – «*Комарашки заели*» (Болх. Орл.) [СРНГ 1978: 226]. То же касается и наименования жилища муравьев: «*комарище*» ‘муравейник’ – «*Комары-то комарищи большие строят*» (Калинино Кунг.) [СРГЮП 2009: 426],

«*комарячья кочка*» ‘муравейник’ (Ворон.) [СРНГ 1978: 227] и «*комариное гнездо*» ‘муравейник’ [СРНГ 1976: 226].

Небольшой размер комара вызывает и семантический перенос. Например, в литературном языке прилагательное *комариный* может иметь значение ‘мелкий’, если речь идет о дожде [БАС 8: 288].

Очень часто в языке подчеркивается никчемность, уязвимость комара, которая семантически выводится тоже из его маленького размера, например, в пословице: «*Как в комаре сила*» [Даль 1879: 63]. То же значение выражают фразеологизмы «*мужик без топора хуже комара*» – «*Мужик без топора хуже комара, ничё не может сробить*» (Филлипово) [ФСРГНП 2008: 412] и «*рыбу ловить, а комаров варить*» (шутл.) ‘о неудачной рыбалке’ – «*Рыбу ловил, а комаров варил, вот такой он рыбак*» (Скитская) [ФСРГНП 2008: 250].

II. Функционирование реалии

- Комар – насекомое, издающее характерный высокий звук (писк).

Поскольку скорость движения крыльев комара равна практически 600 взмахам в секунду, во время полета насекомого происходят очень частые колебания воздуха, которые обуславливают звенящий звук, приписываемый комару в качестве одного из основных признаков.

В соответствии с данным признаком в некоторых говорах рой комаров называют *звенец* ‘рой комаров, летающий над огородами и издающий легкие звенящие звуки’ [СРНГ 1976: 214]. Активный перенос данного признака с насекомого на человека порождает, с одной стороны, производные от слова *комар* прилагательные со значением ‘очень тонкий, писклявый (о звуке, голосе)’: *комариный голосок* [БАС 8: 288], с другой стороны, устойчивые сочетания с добавочным значением навязчивости, надоедливости: «*комаром звенеть*» (экспрессивн.) ‘не давать покоя, волновать’ – «*А через минуту мысль эта улетает, вместо нее другая комаром звенит, вызывает усмешку*» (Томск.) [ФСРГС 1983: 82]. То же демонстрирует созвучное сочетание «*комаром зудеть*» ‘говорить очень высоким, тонким голосом’ – «*Писклявый голос-от, комаром зудит*» (Коровий Ручей) и (досад.) ‘надоесть кому-то’ – «*Но, комаром зудит; подь, подь, надоел уж бабке-то*» (Усть Цильма) [ФСРГНП 2008: 363].

В некоторых фразеологических сочетаниях данный признак проявляется не через слово «звенеть», а через слово «пищать». Так комар получает номинацию *пискун* – «*Пискунов-то развелось; тучами летают, житья от них нет*» (Кривец Ильинск.) [СПГ 2000: 145] или *пискунок* – «*Разосенные комарочки да пискунки не дают-то ли мне и ночи спать*» (Печор.) [СРНГ 1992: 49].

Тот же признак (изображение звуков, издаваемых комарами) актуализируется и в слове *пынка* ‘комар’ – «*Пынка укусила меня больно*»

(Калинино, Кунг.), «*Пынки в этом году уж больно злые*» (Калинино, Кунг.) [СПГ: 251]. Глаголы *пиньгать*, *пинькать* ‘пищать, жужжать; издавать тонкие звуки’ фиксируется в русских говорах Пермского края для передачи звуков, издаваемых в том числе и комарами: «*Комар сегодня весь день у меня над ухом пиньгал*» (Пянтег, Черд.) [СПГ: 145]. Этот глагол имеет звукоподражательную природу.

- Комар – насекомое, обычно встречающееся в большом количестве.

На открытой местности комары летают, образуя рой. Этот мотивационный признак разнообразно воплотился в языковых единицах. Например, о большом скоплении комаров говорят *комаристо* – «*На дворе-то очень грязно, в терему-то комаристо*» (Кадн. Волог.). [СРНГ 1976: 226]. Данный признак актуализируется также во фразеологическом сочетании *белы комары* ‘первый снег’ – «*Жать надо, надо успевать, покуль белы комары не полетят, а то снег хлеб покроет*» (Бондюг. Черд.) [СРГЮП 2009: 426].

Подобный способ организации этих насекомых породил в языке единицы, называющие большое количество или скопление чего-либо: как *комары (комаров)* ‘в большом количестве’ – «*Цыганы откроют свой шатёр, дак уж кипит робят-то, как комаров*» (Пянтег. Черд.) и *что комарья* (экспресс.) ‘очень много кого-либо’ – «*В деревне было нашего брата – малолетка, что комарья, ну и Козонковы братаны тоже крутились в этой компании*» [ФСРЛЯ 1995: 310].

Утверждать значимость данного признака для ономаσιологического портрета комара можно еще и потому, что он отражается в экспрессивных формулах. К таким относится *немилость, что комара* (экспресс.) ‘очень много’ – «*Песцы в этом году немилость, что комара*» (Сиб.) [ФСРГС 1983: 121].

- Комар – насекомое, кусающее человека.

Наравне с характерным комариным «звоном» выделяется также в языковом портрете комара и его способ питания – через укусы. Например, острый «нос» комара актуализируется в сочетании: *комар носа не подточит* (разг., экспресс.) ‘сделано так, что не к чему придраться’ – «*Дела в величайшем порядке; мотивировка коротка, точна, ясна, комар носа не подточит*» [ФСРЛЯ 1995: 310].

Поскольку комариные укусы не только неприятны и болезненны, но и зачастую многочисленны, актуализация этого признака в языке тесно связана с мотивом надоедливости. Наиболее полно он отражается в таких фразеологических сочетаниях: как *заедный комар* (досад.) ‘о надоедливом (надоевшем) человеке’ – «*Ну как заедный комар, зудит, зудит*» (Карпушовка) [ФСРГНП 2008: 307] или как *петровский комар*

‘неотвязно, надоедливо’ – «*Все к матерее лезет, как петровский комар, как не надоест за день-то*» (Силкино Караг.) [СРГЮП 2009: 426].

Несмотря на надоедливые и порой многочисленные укусы, вред, причиненный человеку одним комаром или несколькими насекомыми, нельзя назвать значительным, в отличие, скажем, от укусов хищных животных или змей. Поэтому на основе данного признака развивается мотив незначительной обиды. Он актуализируется в литературном фразеологизме *комариные укусы* ‘мелкие, не заслуживающие особого внимания обиды’ [БАС 8: 288]. Однако комариные укусы, нанесенные роем комаров, могут быть даже смертельны для человека. Поэтому в тех местах, где комары водятся в большом количестве, люди прибегают к помощи *комарников* – специальных приспособлений для защиты от комаров [БАС 8: 288].

III. Время появления

Сезонность жизнедеятельности комаров (весенне-летний период) определила наличие в народном календаре дня *Акулины – комарницы* (который совпадает с днем памяти святой мученицы Акулины) 13 июня по старому стилю (время наибольшего появления комаров). – «*Комар начинает садиться на скот и людей лишь с Акулины-комарницы*» (Колыма) [ФСРГС 1983: 7]. Также летний период, в который происходит выплод комаров, приобрел название *Акулины-заедалы*. – «*В инно лето Акулина-заедала тянется дней двадцать подряд. В друго лето и десяти дней Акулины-заедалы не насчитаешь*» (Забайк., Болонев.) [ФСРГС 1983: 7]. Актуализацию временного аспекта демонстрирует и слово *комарщина* – «летнее время, когда появляется много комаров» (Олон.) [СРНГ 1978: 227].

В целом, проведенный нами анализ показывает, что в русской традиционной картине мира представления о комаре приобретают негативную окраску, а комар (как реалия окружающего мира) получает отрицательную оценку.

Библиографический список с сокращениями

БАС – *Большой академический словарь русского языка*. Т. 8. Каюта – Кюрины. М.; СПб.: Наука, 2007. 840 с.

Березович Е. Л., Рут М. Э. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // *Известия Уральского государственного университета*. № 17. Гуманитарные науки. Вып. 3. Филология. Екатеринбург, 2000. С. 33–38.

Даль В. И. *Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* / под ред. В. И. Даля. 2-е изд. М. 1879. 690 с.

Комары // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Комары> (дата обращения: 15.04.2017).

СПГ – *Словарь пермских говоров* / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир. 2000–2002. 2 т.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья* / под ред. И. А. Подюкова. Пермь, ПГПУ. 2009–2011. 3 т.

ФСРЛЯ – *Фразеологический словарь русского литературно языка* / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. 1995. 2 т.

ФСРГНП – *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры* / под ред. Н. А. Ставшиной. СПб.: Наука. 2008. 2 т.

ФСРГС – *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. 1983. 232 с.

D. A. Sazina

Student of Philological Faculty
Perm State University

ONOMASIOLOGICAL PORTRAIT OF MOSQUITO

The article considers analysis of linguistic world-image which reflects people expositions of a mosquito. Carry out a review inner form of the linguistic units that derives from or considers lexical item «mosquito». Following the analysis defines motivational features which compiling this lexical items. The article also gives a classification of motivational features and motives. In this article onomasiological portrait of mosquito is composing. The article describes affective evaluation of expositions of a mosquito in Russian traditional world-image.

Key words: linguistic world-image; motivational feature; motive; onomasiological portrait.

Свалова Екатерина Николаевна
ассистент кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

ЖАНР ПРИМЕТЫ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: СЕМАНТИКА И ФОРМА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 17-14-5900 «Фразеология коми-пермяцкого языка
в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры»*

В статье дается характеристика морфологических особенностей и синтаксической оформленности текста народных коми-пермяцких примет. На примере текстов паремий с образами птиц исследуется коми-пермяцкий символизм гадательных текстов, выявляется связь паремий с национальной фразеологией, детализируются отдельные проявления финно-угорского культа птиц. Прослеживается этническая специфика культурно-символического восприятия диких птиц, устанавливается универсализм большого количества коми-пермяцких орнитоморфных примет.

Ключевые слова: примета как один из видов народной паремии; грамматические особенности жанра; отражение культурно-мифологической традиции в финно-угорской паремике; орнитонимические образы в гадательных текстах.

Примета – одна из разновидностей народных паремий, отражающих особенности народного знания и фольклорного мышления, представляющих культурный опыт познания явлений мира в их взаимосвязи. Это важный, хорошо сохранившийся до наших дней элемент архаической культурной традиции, в котором отражаются наиболее значимые для носителей конкретной этнической культуры смыслы. Представляя собой законченное высказывание (микротекст), примета совмещает указание на событие-причину и на событие-следствие. Основные формальные признаки примет – лаконичность и воспроизводимость: афористическое значение примет оформлено как стереотип, отмечающий прогноз стандартных наблюдаемых ситуаций. Особый интерес представляет использование в примете символов, выбор которых зависит не только от экстралингвистических факторов (география, особенности природного мира местности, характерные способы ведения хозяйства), но и от особенностей культурно-мифологической традиции, поскольку примета относится к сакральным фольклорным жанрам, является условно-магическим знаком событий жизни.

Основа семантики приметы – совмещение в одном тексте символически нагруженных компонентов, при этом, как отмечает Н. Н. Семенов, функция собственно символическая обусловлена слабой, условной мотивацией логической связи между ассоциативно обозначенными с их помощью событием и предсказанием [Семенов 2011: 37]. Выступая по сути как сложноподчиненное предложение с недифференцированным условно-временным значением (с союзом *когда/ если*), в народной речи они обычно функционируют как бессоюзные конструкции. В этом случае основным средством связи частей становится соотношение грамматических форм сказуемых. Дополнительные смысловые оттенки условно-следственного и временного значений передаются в приметах словами с модальной семантикой, модальными формами сказуемых первой и второй предикативных частей, соотношением временных форм глаголов-сказуемых. Как показала Н.И. Федорова, модальные оттенки видовременной связи бессоюзных предложений разнообразны [Федорова 2013].

В русских приметах активны формы настоящего времени несовершенного вида с семантикой временной неопределенности, выражающие многократную связь ситуаций и особенно схема соотношения сказуемых «настоящее время – будущее время», которая выражает собственно прогнозный смысл, указывает на осуществление какого-либо действия при определенных условиях (*Солнце садится в морок – дождь будет*). Аналогично по принципу бессоюзия строятся обычно и коми-пермяцкие приметы. Встречается, впрочем, и использование сложноподчиненных конструкций с союзом *кӧ*: *Керку юр вылын кӧ рака карзӧ – хозяйныслӧ умӧль олан кӧсийӧ* («На крыше дома если ворона каркает – хозяину плохую жизнь обещает»). Если в русском языке обуславливающая часть приметы представлена индикативом, а обусловленная императивом (*На Благовещенье пасмурно – не жди урожая*), примета выражает побудительно-запретительное значение и усиливается категоричность прогноза. Аналогично оформлены приметы типа *Керкуӧ кай пыралас – видзчись беда* («В доме птица побывает – жди беды»). Если обе части имеют будущее время глагола (*Утренняя заря скоро потухнет – будет ветер*), в примете выражается значение результативности привычного, повторяющегося действия; форма прошедшего времени обуславливающей части при будущем времени обусловленной подчеркивает последовательность происходящих и прогнозируемых событий. Этот же смысловой оттенок очевиден в коми-пермяцких приметах со сказуемыми в форме будущего времени: *Курӧг пондас петух моз китсасьны – лоас война* («Курица будет как петух кукарекать – будет война»). Уже сама формальная организация текстов народных примет указывает на вос-

произведение в них архаической логики мышления, отличающегося наивностью и синкретичностью.

Связь человека и природы для финно-угорских народов была сутью существования; мир природы был наделен особым смыслом, устанавливалась священная связь между богами и существами природы. В приметах, основанных на орнитоморфной символике, нашли свое отражение и углубленное знание народом особенностей природного мира, и мифологическое знание. Масса примет с образом птицы строится на наблюдениях за ее жизнью в природе: *Если дикие утки строят свои гнезда у самой воды, то наступающее лето будет сухое, а дальше от воды – дождливое* («предчувствие» птиц мотивируется необходимостью сохранить гнездо сухим); *Утки перед дождем без конца ныряют* (примета основана на том, что утки кормятся личинками, мальками, водорослями, которые перед дождем оседают на дно); *Рано утка прилетит – рано весна наступит* (на Урале приход весны обозначает массовый прилет водоплавающих, для которых нужны очистившиеся водоемы). В то же время в приметах отражается и древнее поклонение птицам, которые у финно-угорских народов олицетворяли женское начало природы, представлялись дарующим жизнь божеством [Зыков 2014]. Примета *Поймать живую дикую утку – к несчастью* является отголоском коми-пермяцкого культа перелетных водоплавающих птиц. Утка (сев. *чӧж*), персонаж, связанный с идеей творения мира, постепенно стала символизировать продолжение рода («Утка являлась символом плодородия, семейного благополучия» символизировала «единство рода» [Макарова 2004: 16]). С этой птицей у народов коми связаны специальные гадания. Весной отлавливали чирка и рассматривали его спинку; если она была белая, ожидали ясное лето, красная – лето дождливое (если спинка в красных пятнах, говорили, что лето будет непостоянное, а когда только ее передняя часть белая, а средняя и задняя красные – начало лета ясное, а остальная часть дождливая [Конаков 1994: 109]).

Народная орнитомантия (гадания по полету, поведению, крику птиц) основывается на представлении о том, что птицы связаны с богом и что им доступны высшие знания. Устойчивое поверье о залетевшей в дом птице как предвестнике несчастья (*Керкуӧ кай пыралас – видзчись беда*) связано с восприятием птицы как души умершего родственника (ср. также *Птица снится – это нехорошо; Птица над домом летает – кто-то тяжело заболевает*; приметы также отражают универсалию «птица-душа», осмысленную как вестник близкой смерти). Мистическое отношение к птицам нередко носит универсальный характер. Так, представление о кукушке как проклятой богом птице известно разным народам (русским, немцам) и скорее всего связано с поздней демонологиза-

цией наделенной языческой силой птицы. Как у русских, так и у коми-пермяков, кукушка – вещая птица, она предвещает сроки жизни и смерти, бедствия: *Если кылан пö бөрөн кукушкасö, значит, кулан. Если кылан тшыгйөн – умöля понан оны. Если пöтөн – бура. Если правöй бокөн – бур сийа, левöйөн – тожö умöль. Если одзөн кылан – синва* (д. Пятигоры, Косинский район) («Если, мол, услышишь кукушку задом, значит, умрёшь. Если услышишь голодным – плохо будешь жить. Если сытой – хорошо [будешь жить]. Если с правого бока [услышишь] – это хорошо, с левого – плохо. Если спереди услышишь – слёзы»).

Дятел привлекает внимание своей внешностью (красное пятно на голове у дятла обыгрывается в массе легенд у разных народов) и связанными с его деятельностью звуками. Как и другие лесные птицы, появившись в селении, он несет недобрую весть: *Көр кырыс пырас пö деревняас/ это тоже говорят не к добру* («Когда дятел в деревню прилетает, это тоже, говорят, не к добру» – Мысы, Гайнский район). Значимым являются длинный и короткий стук дятла: *Если дятел летом выбивает длинную дробь по дереву, приближается ненастье*. Объяснение вполне прагматично: дятел кормится насекомыми и жучками, которые прячутся под кору именно перед непогодой. Отмечен и перенос этой характеристики на более длительный срок: *Дятел стучит коротко – короткая весна будет, стучит долго – долгая весна будет* (в примете явно отражается древний культ дятла как птицы, способной вызывать дождь и, соответственно, символизировавшей плодородие).

Филин, лесная птица, ведущая ночной образ жизни, считается у коми-пермяков вестницей несчастий (*Сова не к добру, говорят, летает* – Юсьва). Мифологически птица неоднозначна: с одной стороны, этот ночной хищник связан с духами смерти, а с другой может быть чудесным помощником и хранителем рода (в связи с чем коми-пермяцкая примета *Если сова кричит на дереве рядом с жилищем, там скоро родится младенец*; ср. близкое в русских говорах Прикамья: *Сова около дома кричит к новорожденному*). Отголосок и показатель устойчивости этой ассоциации – пермский диалектный фразеологизм *филин выпарил ‘о безродном, сироте’*.

Священной у народа коми считается *сарчик* (трясогузка) (по народной этимологии, *сарчик* из *царчик* ‘маленький царь’, хотя это слово, скорее всего, тюркское заимствование, ср. татарское *сыерчык* ‘скворец’). Понимание трясогузки как дарительницы блага, «царь-птицы» мотивировано, несомненно, тем, что именно с ней как возвращающейся весной раньше других птиц связывается начало ледохода (*Трясогузка прилетела – через 12 дней лед тронется*). Отмечено общее соотнесение с этой птицей, распорядительницей тепла, удачи: *Если на вашем доме живет пти-*

ца трясогузка, это принесет удачу. Ф. А. Теплоуховым был описан праздник встречи трясогузок, существовавший у коми-пермяков в конце прошлого века, показывающий, что под трясогузками подразумевались предки, в облике птиц прилетавшие на родину (праздник прилета трясогузки *Сарчик* до сих пор отмечается в конце мая коми-язьвинскими пермяками на Вишере). Жители нескольких деревень в день прилета трясогузок встречались с угощениями на поляне у трех елей (одна из которых так и называлась *сырчик коз*, т. е. «ель трясогузки»). Считалось, что если на праздник пришло большое количество людей и было много угощений, предки остались довольны и обеспечат хороший урожай [Теплоухов 1892: 143].

Особенно почитаемы у всех народов крупные перелетные птицы. Целый комплекс примет, в том числе основанных на мифологических ассоциациях, связан у коми-пермяков с журавлем. Частотная в приметах птица у финноугров (впрочем, как и у славян, у сибирских народов, на Востоке) считалась в прошлом божеством, персонажем «иногo» мира (поэтому в Сибири встреча с ним считается опасной – приалтайское). Прямо указывает на отнесенность птицы к потустороннему миру русское выражение *на том свете журавлей пасти* ‘быть мертвым’ («Вчера постный, позавчера постный, сегодня постный. Скоро в рай нас заберут босиком, журавлей пасти – месяц уж не скоромились, – проворчал крыса!» – Максимов Ф., рассказ «Духов день»). Выражение встречается и в текстах русского фольклора (напр., в сказке «Вороватый мужик»), известно в отдельных славянских языках (в частности, в болгарском). На связь птицы с предками и смертью указывает хакасский обычай весной во время прилета журавлей или осенью в период их отлета выходить на кладбище и устраивать поминки по умершим в текущем году [Бурнаков 2012].

Благодаря связи с водой и весной журавль во многих традициях выступает в качестве вестника плодородия, приносящего дождь и тепло: *Журавли тепло приносят* (Нытвенский район); *Журка на болотину садится – пора сеять* (Чердынский район). Птица считается символом долголетия на востоке: в Японии удачей считалось увидеть журавля во сне, это означало хорошее здоровье и долгие годы процветания [Садокова 2016]. По примете, крики журавля указывают на погоду: *Если журавль кричит высоко в небе, будет ясная погода, если на земле – пойдет дождь*. Отлет журавлей связывали в Прикамье с Семеновым днем, с которого заметно уменьшался световой день. С этого дня, отправляясь на работу в поле, уже не брали с собой обеда – *паужну* («Журавли паужёнок унесли» – д. Черная, Юрлинский район). Журавль, следовательно, воспринимался и как вестник судьбы, и как распорядитель времени.

Особенно устойчива для журавля брачная и родинная тема: *Кричит над домом журавль – к свадьбе; Журавль снится – к прибавлению семейства*. С идеей брака связано старое гадание *туриэзöс лыддьыны* «считать журавлей: *Нывкаэз лыддьöны туриэзöс: ежели гозъяöсь – таво жöник сайö петны, ежели медбöрьяыс гозтöм не петны* – («Девушки считают журавлей: если с парой – в этом году замуж выходить, если последний без пары – не выйдет»). Эта же идея птицы – покровительницы брака ощущается в коми-зырянской примете *Поймать журавля – найти невесту*, в удмуртском поверье *Кто убьет журавля, у того умрет жена*. Очевидно, как результат шутливо-иронической переоценки обычая в характеристику пустого времяпрепровождения возникает фразеологизм *туриэз лыддьыны* ‘заниматься глупостями, бездельничать’ (букв. «считать журавлей»). Следы соотнесения этой птицы с темой любви, понимания ее как дарительницы жизни видны и в русской культуре. Об этом свидетельствует диалектная характеристика *журавливый* (калужское) [СРНГ 9: 229] для парня, который любит шутить с девушками (в связи с глаголом *журавать* ‘играть, шалить’ – обычно о парне с девушкой) [СРНГ 9: 228].

Сама по себе летящая стая журавлей – добрый знак. В Пермском крае считается, что журавли способны показывать заблудившемуся дорогу, увидеть их летящими – к хорошей погоде (также к счастью; увидеть сидящими – к несчастью): *Когда журавли летят, смотреть надо, какая часть клина длиннее, если правая, осень долгая и сухая будет. Как-то примечают...*» (п. Жемчужный, Гайнский район). Осень обещает быть теплой и сухой и при очень высоком полете и ровном курлыканье журавлей: *Журавли летят низко, то зима близко. Если высоко, то зима далеко*.

Как и у других народов (русских, украинцев), у коми известен запрет считать количество журавлей в стае: *Если будешь считать стаю птиц при их полете, они могут унести твой ум* [Сидоров 1928: 55]. Он, несомненно, связан с опасением подчинить божественных птиц себе (по древней магической логике, счет – способ присвоения) и таким образом вернуть их обратно, сбить с дороги (нарушить движение времени и самой жизни). По народной версии, *Если ты видишь как улетают на юг журавли, значит, уносят они у тебя что-то плохое* (с. Архангельское, Юсьвинский район). Точно также нельзя показывать на летящую стаю журавлей пальцем (птицы могут заблудиться – украинское). Последний запрет связан с известным в народной обрядности насыланием порчи указыванием пальцем (ср. понимание указательного пальца как связанного с судьбой и жизненной силой человека органа в хиромантии).

Причина активности птичьих образов в народных приметах объясняется реальными свойствами крылатых соседей человека, но в большей

степени теснейшей связью орнитосимволов с магическим мышлением. Коми-пермяцкие приметы, основанные на образах птиц, отразили амбивалентность птичьих символов в архаичных культурах вообще (совмещение тем смерти и рождения, счастья и беды и пр.). Культурные стереотипы восприятия птиц в коми-пермяцкой среде отличает конвергентность – близость к осмыслению их не только в финноугорских, но и в других мировых культурных традициях.

Библиографический список с сокращениями

Бурнаков В. А. Журавль в мифологических воззрениях хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 126–133.

Зыков С. Н. Сакральный образ птицы в предметах финно-угорской тематики // Фундаментальные исследования. 2014, № 9 (часть 8). С. 1876–1880.

Конаков Н. Д. Календарные приметы // Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. Сыктывкар, 1994. С. 107–110.

Макарова И. В. Произведения декоративно-прикладного искусства в контексте народного праздника коми-зырян: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2004. 23 с.

Садокова А. Р. Образы журавля и ворона в японских народных приметах и пословицах // Молодой ученый. 2016. № 27. С. 829–831.

Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 2011. 46 с.

Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928. 190 с.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Ленинград, 1972. Вып. 9. 362 с.

Теплоухов Ф. А. Народное празднество «Три Ёлочки» в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край: сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. комитетом. Пермь, 1892. Т. 1. С. 138–148.

Федорова Н. И. Бессоюзные предложения в системе народных примет русского языка // Филология и культура. 2013. Вып. 3. С. 149–152.

E. N. Svalova

Assistant of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

OMEN GENRE IN KOMI-PERMYAK LITERATURE: SEMANTICS AND FORM

Description of morphological peculiarities and syntactical form of the text of the folk Komi-Permyak omens are given in the article. Komi-Permyak symbolism of the fortune-telling texts is studied on the example of proverb texts with birds images, proverbs connection with national phraseology is revealed, and separate manifestations of the Finno-Ugric birds cult are shown. Ethnic peculiarities of cultural-symbolic perception of wild birds are marked, universalism of a great number of Komi-Permyak ornithomorphic omens is established.

Key words: omen as one of the types of folk proverbs; grammatical peculiarities of the genre; reflection of the cultural and mythological tradition in Finno-Ugric paremics; ornithonymic images in fortune-telling texts.

Четина Елена Михайловна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
chetina@mail.ru

Колегова Оксана Алексеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
okko.21@yandex.ru

ВОЕННАЯ ТЕМА В ФОЛЬКЛОРНО-ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ: ПОМИНАНИЕ НА 9 МАЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-14-59601
«Народная культура Прикамья: динамика фольклорной традиции»*

В ходе экспедиционных выездов сотрудники Лаборатории культурной и визуальной антропологии посетили ряд мероприятий, посвященных празднованию Дня Победы, в Кочёвском и Юсьвинском районах Пермского края. Здесь были зафиксированы семейные поминальные практики и традиция поминания в пространстве Пелымского памятного комплекса. Мемориальная плита воспринимается местными жителями как надгробная, а ритуальная трапеза и поминальный плач органично вписываются в общую поминальную традицию.

Ключевые слова: День Победы 9 мая; поминальный обряд; память о войне; памятный комплекс; ритуальная трапеза; поминальный плач.

Война и её последствия надолго остаются в памяти общества, определяя содержание культурных ориентиров. Для наших современников наиболее значимыми остаются события Великой Отечественной войны. Как отмечает В. В. Виноградов, прошлый век был разделен этой войной на две части, «многие миллионы людей определяли события своей жизни “до” и “после” нее» [Виноградов 2011: 5]. Этим объясняется широкий интерес к изучению феномена войны в различных гуманитарных дисциплинах – фольклористике, этнографии, культурологии, лингвистике. В последнее время активно проявляет себя новая междисциплинарная отрасль науки – военно-историческая антропология. Подробно о целях и перспективах развития новой науки пишет Е. С. Сенявская: «Центральным объектом изучения является армия, прежде всего в военное, но также и в мирное время, но не менее значимо изучение “человеческого

измерения” всего общества» [Сенявская 2002: 13]. По нашему мнению, антропологический подход продуктивен в работах последнего десятилетия, освещающих проблемы исторической памяти и памяти о Великой Отечественной войне.

Исследованию феномена войны была посвящена конференция Российского института истории искусств «“Грозное время”: война в зеркале человеческого восприятия», материалы которой опубликованы в шестом выпуске «Временника Зубовского института». Издание содержит два раздела: в первом исследуется природа визуализации войны, во втором – реакция носителей культуры на военные события. Следует отметить широкий спектр работ, разрабатывающих данную тематику: исследования А. Н. Крюкова, посвященные отражению темы войны в разных видах советского искусства (музыке, кино, театре); работы С. Я. Щебровой и А. В. Лукьянова о доминантах культуры войны; исследования русской исторической прозы В. К. Соколовой, Н. А. Криничной и др. [Виноградов 2011: 5–6]. Исследователи отмечают: «...с течением времени интерпретация некоторых событий [прим.: событий Великой Отечественной войны] приобретает мифологический характер. <...> Память о войне оборачивается одним из активных факторов современности» [там же]. Л. Гайна справедливо отмечает, что опыт фольклорно-этнографических исследований показывает: «любая продолжительная беседа рано или поздно повернется к военной теме» [Гайна 2011: 119].

В ходе экспедиционных выездов участники проекта в 2016 году посетили торжественные мероприятия, посвященные празднованию Дня Победы, в трёх населённых пунктах Коми-Пермяцкого округа Пермского края: с. Кочёво, с. Пелым, (Кочёвский район) и с. Архангельское (Юсьвинский район). Примечательная семейная традиция зафиксирована нами в селе Кочёво: каждый год перед праздником 9 мая члены семьи вывешивают на внешнюю стену родительского дома большой фотографический портрет своего родственника-фронтовика (отца и деда). Устойчивым знаком, сигнализирующим о том, что в этом доме жил ветеран, является также красная звезда на воротах. Фотография фронтовика, выставленная на всеобщее обозрение, является для семьи важным атрибутом поминального обряда.

В селе Пелым памятник погибшим односельчанам является местом общего поминовения. Памятный комплекс (обелиск, памятные плиты и Вечный огонь) появился здесь в 1986 году: *«И вот за это время построили, открыли памятник, наверное, 7 ноября было. А у меня сын приехал из армии как раз, ему поручили открыть и участнику войны Петру Афанасьевичу. Народу было столько! У нас был такой хороший военком. У нас погибли 176 человек, имена там их на плитах».* Списки

погибших, выгравированные на плитах, распределены по деревням, входящим в сельское поселение. Местные жители с гордостью отмечают: *«У нас ни одной ошибки не было, она [прим.: работник сельского совета] с военкоматом связывалась. Сейчас же многие пишут, что где-то написали тех, которые живые, которые не погибли – всё перепутали».*

Поминание у памятника в селе Пелым проводится уже тридцать лет, с момента его открытия. Местные жители отмечают, что администрация никогда не препятствовала проведению здесь семейных поминок: *«Никогда никто против не был. Это только приветствовали».* В настоящее время семейные «принародные» поминки проводит лишь одна 95-летняя старушка, к которой присоединяются односельчане: *«В начале она [прим. бабушка, которая поминает] сидит во время этого празднования как приглашённая – она труженица тыла, а после того как митинг кончается, она подходит к этой могилке. Вот как памятник-то открыли, самая она догадливая стала. Из других деревень не приходят, а она, смотрите, всё вспоминает. Некоторые тоже вспоминают, но не так, когда принародно, а она – принародно».*

О том, что после митинга старушка будет помянуть своего брата, знают все местные жители, поэтому многие остаются, для того чтобы вместе помянуть и своих погибших родственников. *«Начала Батуева Мария Семёновна, у неё там брат похоронен в этой плите, она всегда приходит, приглашает свою семью, свою родню, всех, которые там приходят, но многие туда приходят, и поминают».* Брат Андрей ушел на фронт совсем молодым, погиб под Берлином, был награжден орденом (*«Орден пришел уже после войны, она получила, посмертно. Видно, его уже не было, бабушка-то получила, сестра-то его»*). И если первоначально у Пелымского памятника своих погибших мужей оплакивали вдовы фронтовиков, то сейчас в живых осталась лишь Мария Семёновна, которая по-прежнему поминает своего павшего брата. К ней присоединяются члены семьи и односельчане, преимущественно старшего поколения. Местные жители отмечают, что в столь преклонном возрасте Мария Семёновна сохранила здравый ум и твердую память, и объясняют это тем, что она *«всё помнит, потому долго живет, она всех родственников своих помнит: когда умерли, когда мама умерла, когда папа умер и всех, всех. И вот, смотрите, 95 лет, а она из ума не вышла. Всё она помнит очень хорошо».*

Поминание у памятника происходит в той же последовательности и по тем же правилам, что и поминки на кладбище. На плите с именами погибших раскладывается домотканая скатерть: *«Скатёрку приносит обязательно. Потом на, как она называется, как могилка, как могилка у нас там сделана, вот на эту, там, где у неё брат, туда всё и складыва-*

ет». На скатерть выкладывается принесенная из дома поминальная еда: *«Приходит она, конечно, пистиковые пироги приносит, всё своё, шаньги приносит, иногда чекушку принесёт, квас принесёт»*. Поминальной трапезе, на которую приглашаются все присутствующие, предшествует молитва: *«Ну, бабушка-то, конечно, крестится, как обычно около могилки, а потом раскладывает своё кушанье, что она принесла, приглашает тех, кто там есть, многие приходят»*. Молитва дополняется причитанием, исполняемым на коми-пермяцком языке. Будучи участниками поминального обряда, мы отметили, что причитание содержит импровизационные элементы. Присутствующие комментируют: *«Всё жалеет, что его нету дома, что он умер где-то. Где могилка-то была, если бы у нас дома ты умер, то, конечно, я бы на могилку пошла, а ты уж меня прости, что ты тут написан, вот и всё»*. Кроме Марии Семёновны никто не причитает, но погибших вспоминают все, показывают на фамилии родственников и односельчан, выгравированные на мемориальных плитах, и говорят: *«Покойся с миром, кушайте с нами»*.

Памятник является наиболее доступным местом для проведения коллективного поминального обряда, многие жители села Пелым не имеют возможности посетить могилы не вернувшихся с войны родственников. Односельчане отмечают, что к плитам с фамилиями павших приходят *«как на кладбище»*. Местные жители часто называют плиту, на которой высечены имена погибших, *«могилкой»*. Ошибки в списках погибших воспринимаются как большое горе, т. к. они лишают возможности проводить поминки у памятника – нет фамилии человека, значит, это не его *«могилка»*. Одна из местных жительниц, скрупулезно выполняющая все предписания в поминальные дни, рассказывает об обелиске в своей родной деревне Антипино, на котором забыли написать имя её погибшего на фронте отца: *«Мы вот подошли к этому памятнику, искала, искала, искала я своего отца – там нету. Знаете, я как заплакала, мама заплакала. А это виноваты только работники сельсовета, они там всё организовали. Как они могли не написать моего отца? Мне, конечно, очень обидно»*.

В День Победы распространены также семейные поминки по фронтовикам.

«– Так, значит, вы 9-го мая утром будете папу поминать?»

– Обязательно. Внук у меня уже рыбу на пирог принес».

Нам удалось стать свидетелями такого поминания, проводимого в доме Никоновой Раисы Степановны, строго соблюдающей все поминальные дни и поминающей не только своих родственников, но и всех, с кем была знакома в жизни. Её отец пропал без вести, в связи с этим перед семьей встала трудная задача: поминать или не поминать: *«Бабушка-*

то всё говорила, что ты живой, но мы тебя не знаем, поэтому тебя поминаем».

Во время поминания Раиса Степановна много рассказывала об отце, о том, где он служил: *«Я приехала домой, это Юсьва, я сразу же написала в райвоенкомат Юсьвинский, мне написали ответ, что вот он 1910-го года рождения, ушел на фронт тогда-то, погиб в декабре 1943-го года на Ленинградском фронте, что он там работал сапёром».* Невозможность посещения могилы, ожидание того, что отец, может быть, жив, проявляется в снах Раисы Степановны: *«Тожже ко мне заходил, вот последний раз я видела, я его в коридоре встретила, я его прижалась, заплакала и говорю: «Папа, ты где был? Мама всю жизнь тебя ждала, и я ждала. Почему ты долго не приезжал? Ты бы приехал, я бы не осталась сиротой. Когда ногу сломала, ты бы на руках увез меня в больницу».* Плачу и говорю. Проснулась, и я на самом деле плачу». Рассказы о снах включают элементы традиционного плача по умершим. Подобного рода случаи мы наблюдали и в других деревнях, устные рассказы о войне органично включают плачевую традицию.

Домашнее поминание 9-е мая проводится так же, как и в остальные поминальные дни. Накрывается стол, читается молитва, перечисляются все умершие родственники: *«Я всех поминаю: на брата, на маму, на отца, на бабушку – всех поминаю».* Затем наступает поминальная трапеза, включающая чери-нянь (рыбный пирог) и шаньги. В тех семьях, где фронтовик вернулся с войны и умер дома, поминки проводятся на кладбище. Эта традиция появилась задолго до появления в Пелыме памятника: *«У нас в нашей деревне умер Боталов Денис, вот он с войны приехал, через месяц он умер. Ой, живой приехал, на костылях. Так вот, я помню, как мать рыдала, увезут её на телеге, она валялась прямо, так она рыдала, близко к сердцу, что там тебя не убили, так ты дома умер, из-за ран он умер. Вот у меня на памяти осталось, как она причитала».* Сейчас многие семьи сразу после митинга идут на кладбище: *«Вот Надежда Петровна-то, Матвеева, у них дома участник войны был, он дома умер, так они обязательно после митинга поедут на могилку».* На могилке расстилается скатерть, выкладывается поминальная еда, читаются молитвы: *«Тожже идут на могилку на 9-ое мая. Хоть дома умер, хоть где. Сто человек у нас с войны приехали, и вот в прошлом году последний умер. Все дома умерли. Конечно, их поминают, если есть родные».*

В традиционной культуре важна не просто память о погибшем, а именно поминание как особая форма контакта с другим миром. Неслучайно частотными оказываются рассказы о снах, в которых покойный может напомнить о том, что его забыли помянуть. Как видим, традиция

поминания погибших на фронте существует и по сей день. В последние годы она реализуется, в том числе, и в акциях «Бессмертного полка».

Мы присутствовали во время проведения шествий «Бессмертного полка» в селе Архангельское и в селе Кочево; в них принимают участие практически все местные жители. Здесь шествие является завершающим этапом праздничного митинга и предваряет минуту молчания. После митинга местные жители проводят домашние семейные поминки. В селе Архангельском многие отправляются на кладбище, где накануне проводится коллективный субботник. Коллективные поминальные традиции в настоящее время органично дополняются массовыми мероприятиями движения «Бессмертный полк».

Библиографический список

Виноградов В. В. «Грозное время» и проблемы его изучения // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 5–6.

Гайна Л. Праздник Дня Победы в современной русской деревне (из полевых наблюдений) // Временник Зубовского института. 2011. № 6. С. 119–123.

Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Ежегодник «Военно-Историческая антропология: предмет, задачи, перспективы развития». 2002. С. 5–22.

E. M. Chetina

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

O. A. Kolegova

Student of Philological Faculty
Perm State University

MILITARY THEME IN RITUAL TRADITION: COMMEMORATION ON THE 9TH OF MAY

During the expedition the staff of Laboratory of cultural and visual anthropology attended Victory Day's actions in Kochevsky and Yusvinsky areas in the Perm region. Here family memorial ceremony and commemoration's tradition in the Pelym's memorable complex were recorded. Memorial plate is perceived by natives as a funeral, ritual meal and funeral crying blend with the ritual tradition.

Key words: Victory Day; the 9th of May; commemoration tradition; memory of the war; memorable complex; ritual meal; funeral crying.

Шахторина Мария Алексеевна
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shahtorinamasha@rambler.ru

МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ТРАВ (по данным русских говоров Пермского края)

В статье исследуются наименования травянистых растений в русских говорах Пермского края. В качестве основного метода используется семантико-мотивационный анализ. Выделяется два тематико-мотивационных макрополя («Природа» и «Человек»), ставших основой для номинации трав. В каждом макрополе выделяются тематические группы, в которых определяются наиболее продуктивные мотивационные модели образования наименований травянистых растений в пермских говорах. Делается вывод о том, что ведущими признаками, по которым происходит перенос названия с реалии на растение, являются форма и ассоциативные связи.

Ключевые слова: травы; русские говоры Пермского края; семантико-мотивационный анализ; мотивационная модель.

Травянистые растения, будучи широко распространенными на территории России, в том числе Пермского края, играют важную роль в крестьянской жизни. В первую очередь, травы – это «народная аптека», помогающая бороться с рядом болезней; во-вторых, растения являются источником пищи как для людей, так и для домашнего скота; в-третьих, травянистые растения всегда ценились как эстетический объект. Такой широкий спектр применения трав обусловил разветвленную систему номинации растений в говорах.

В настоящей статье анализ языкового материала осуществляется с опорой на метод семантико-мотивационного анализа, который активно используется в работах представителей Уральской этнолингвистической школы [Березович 2007; Борисова 2016 и мн. др.]. Поиск мотивации слова позволяет обнаружить причину выбора лексической единицы как деривационной базы номинации.

«Отношения “левой” (внутренней) и “правой” (внешней) мотивации для одного слова, как и для целого поля, не симметричны: одни лексические поля (и отдельные слова того или иного поля) имеют развитую систему внутренних мотивационных моделей и менее развитую сеть семантической деривации (таковы, например, имена лиц, регулярно называемых по характерному действию, функции, разного рода при-

знакам и т. п.); другие, содержащие по преимуществу немотивированную лексику или “слабо мотивированную” (т. е. не располагающие набором регулярных моделей номинации), могут, однако, активно развивать собственную семантическую деривацию (т. е. имеют сильную “правую” область, мотивационную потенцию)» [Толстая 2002: 116–117].

В данной работе будет рассмотрена левая мотивацией народных фитонимов, то есть описан набор семантических сфер, привлекаемых для описания травянистых растений.

Тематико-мотивационная сфера «Человек»

К данной тематико-мотивационной группе отнесены названия растений, которые получены путем семантического переноса единиц, так или иначе связанных с жизнедеятельностью человека: с анатомическим строением тела, бытом, болезнями, а также иными реалиями, которые его окружают.

Группа «Анатомия человека»

Народное сознание антропоцентрично, оно осмысляет окружающий мир сквозь призму человека, наделяя вещи человеческими свойствами. Это отражается и в номинации трав. В наименованиях растений, мотивационно связанных со словами, обозначающими физическое строение тела человека, особое внимание уделяется *голове* (в том числе *лицу*), *животу* и *крови*.

Голова, живот и кровь в народном сознании имеют семантику жизни, энергии, а кровь мыслится и как проводник в духовный мир. Поэтому от слов с таким значением чаще всего образовывались названия лекарственных трав: *белоголовник* ‘ромашка’ (СПГ 1: 44); *жилиник* ‘подорожник’ (СПГ 1: 353); *кровохлёбка* ‘трава, останавливающая кровь’ (СРГЮП 1: 456), *пупник* ‘сивец’ (СПГ 2: 359).

Названия с компонентом *голова* чаще всего даются растениям, имеющим какие-либо шарообразные элементы (соцветия, плоды и т. п.) и таким, которые помогают от головной боли [Колосова 2009: 65]. Встречается и просто метафорический перенос названия части тела человека на название аналогичной части растения, например, *синеголовник* ‘василёк’ (СПГ 2: 538). Названия, содержащие в себе слово или сему *кровь*, обычно даются травам, либо помогающим остановить кровь, либо имеющим красные элементы в строении. В случае с подорожником – прожилки листа напоминают жилы человеческого тела. Фитонимы, получившие имена от названий частей тела и внутренних органов, называют растения, которые по своему строению напоминают эти части и органы.

Группа «Болезни и здоровье»

Человек, исследуя мир, в первую очередь отмечает полезные качества предметов. Поэтому довольно обширная группа травянистых растений получила название по имени того органа, на который направлено лечебное действие, или своим лекарственным свойствам, позволяющим излечить ту или иную болезнь.

Наиболее продуктивной в данной подгруппе является модель «прилагательное, включающее название болезни + трава»: *желтушная трава* ‘череда’ (СПГ 2: 691); *поясничная трава* ‘ромашка’ (СПГ 2: 693).

Второй по продуктивности является следующая модель «основа + суффикс *-ник*»: *суставник* ‘трава’ (СПГ 2: 663); *девятисильник* ‘пижма’ (СПГ 1: 277). Интересно, что *девятисильник* назван так потому, что, по народным представлениям, способен излечивать девять болезней, что делает его весьма ценным растением.

Еще одна мотивационная модель, которая реализуется в группе «Болезни и здоровье», – это номинация растения по названию результивного признака: *сон-трава* ‘прострел луговой’ (СРГКПАО: 318). В.Б. Колосова отмечает, что различные фитонимы, имеющие в своем названии корень *-сон-*, названы так из-за поникшей формы растения, цветок которого почти касается земли [Колосова 2009: 106].

Встречаются также фитонимы, образованные непосредственно от названия болезни: *бессонница* ‘лечебная трава от бессонницы’ (СПГ 1: 52); *куриная слепота* ‘анютины глазки’ (СРГЮП 3: 117) или ‘лютик едкий’ (АС 5: 95). По этой модели образуются как названия трав, помогающих, по народным поверьям, вылечить какую-либо болезнь (*бессонница*), так и простых, и даже сорных, растений, которым приписывается свойство вызывать недуг (*куриная слепота*).

Группа «Быт человека»

Человек в процессе жизнедеятельности окружает себя множеством вещей, необходимых для существования. И названия различных бытовых реалий могут стать источником для номинации травянистых растений.

Одной из наиболее продуктивных является модель «название предмета быта → название растения»: *часики* ‘гвоздика’ (СПГ 2: 795) (лепестки по форме напоминают стрелки часов); *будильник* ‘багульник’ (СРГСПК 1: 163) (перенос по свойству – сильный запах багульника («лесного ладана») «пробуждает»).

Вторая модель, реализующаяся в группе «Быт человека», – перенос наименования с пищи на растение («название пищи человека → название растения»): *кашка*, *кашник* ‘клевер’ (СПГ 1: 518) (при пережевывании по консистенции напоминает кашу), *колобок* ‘купальница европейская’ (пе-

ренос по форме: плоды купальницы имеют шарообразную форму и являются съедобными). На основе такой модели образуются названия съедобных травянистых растений, занимающих важное место в жизни человека, так как в неурожайные и малоурожайные годы, во время войны или другой тяжелой период жизни, эти растения спасали людей от голодной смерти.

Еще одна модель в этой группе – «название предмета одежды → название растения»: *адамов башмачок* ‘предположительно, венерин башмачок’ (СРГСПК 1: 29) (перенос по форме: цветок растения имеет полость, ассоциирующуюся с полостью башмака).

Тематико-мотивационная сфера «Природа»

К данной макрогруппе относятся такие фитонимы, названия которых были получены путем семантического переноса единиц, так или иначе связанных с природой: с названиями животных, их анатомического строения, с названиями других растений или объектов ландшафта.

Группа «Животное»

Довольно обширна группа фитонимов, частью которых является название какого-либо животного. Здесь можно выделить несколько мотивационных моделей.

Первая и самая продуктивная модель, реализующаяся в данной группе, – «название яркого признака животного → название растения», например, *дятлевник* ‘дикий красный клевер’ (СПГ 1: 327) (шарообразный клевер красного цвета напоминает яркую красную голову дятла).

Еще одна модель в этой группе – «название животного, насекомого → название растения»: *змеевик*, *змеиная трава* ‘травянистое растение, помогающее при укусах змей’ (СПГ 2: 692); *блошница* ‘душица’ (СПГ 1: 58; 222); *клоповник* ‘багульник болотный’ (СПГ 1: 532) (душица и багульник обладают сильным запахом, отпугивающим насекомых). Можно заметить, что в данной мотивационной модели представлены исключительно полезные для хозяйства травянистые растения. Это позволяет сделать вывод о том, что, используя в качестве источника номинации название животного, народная культура таким образом кодирует информацию о важной для народной жизни функции растения.

Еще одна мотивационная модель, которая представлена в группе «Животное»: «название животного, живущего в месте произрастания растения → название растения»: *лягушник* ‘травянистое лекарственное растение, произрастающее на болоте’ (СПГ 1: 670–671); *лягушачий цветок* ‘травянистое болотное растение с желтыми блестящими цветами’ (СРГЮП 3: 296–297). По данной модели в пермских говорах образуются

названия исключительно болотных растений, мотивируемые названием наиболее типичного животного, обитающего на болоте, – лягушки.

В группе «Животное» реализуется еще одна мотивационная модель: «название животного, питающегося растением / насекомом, собирающего с растения пыльцу → название растения»: *телятник* ‘растение горец птичий’ (СРГЮП 3: 199); *пчелиная трава* ‘мелисса’ (СРГЮП 3: 215). Как можно заметить, при таком принципе номинации образуются названия кормовых растений от названий домашних животных, которые питаются данным растением.

Группа «Растение»

В ряде случаев фитоним может образоваться от названия другого растения. Можно выделить несколько моделей такого образования.

Первая модель, реализующаяся в данной группе, – «название дерева → название травянистого растения»: *берёзовка* ‘лесная трава грушанка однобочная’ (СПГ 1: 48; СПГСПК 1: 90; АС 1: 66); *рябинка* ‘пижма’ (СПГ 2: 295). Обычно такой способ номинации используется тогда, когда травянистое растение имеет листья, похожие по форме на листья дерева. Таким образом, новый фитоним образуется благодаря закону аналогии, а также потому, что, как правило, листья деревьев более узнаваемы, чем какие-либо другие.

Еще один принцип номинации представлен моделью «название овоща → название травянистого растения»: *горькая редька* ‘луговая трава свербига восточная’ (СПГ 2: 456). На наш взгляд, в данной подгруппе перенос названия с одного типа растений на другой происходит из-за сходства форм частей растений (как правило, корней).

Группа «Ландшафт»

Часть растений получает свое название по тому месту, на котором она произрастает. Как правило, эти фитонимы имеют собирательное значение. Например, *луговина* ‘соб. травы, выросшие на лугах’ (СПГ 1: 660); *болотина* ‘соб. трава, произрастающая на болотах’ (СПГ 1: 65). Выбирая для номинации трав признак произрастания в определенном месте, человек таким образом упорядочивает пространство вокруг себя, классифицирует его и элементы окружающей действительности. Следовательно, посредством таких фитонимов передаются из поколения в поколение знания о месте произрастания растения.

Итак, мы видим, что спектр реалий, названия которых послужили источником для номинации растений, достаточно велик. Ведущим признаком, по которому происходит перенос названия с предмета на растение, является форма. В тех случаях, когда название растения основано

на его применении, часто работает закон аналогии (подобное лечится подобным), за этим нередко стоит форма растения (как, например, при лечении головной боли растениями, в названии которых есть слово «голова»). Ассоциативные связи также играют значительную роль в образовании новых фитонимов.

Список источников с сокращениями

АС – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь. 1984–2003. Перм. ун-т. В 6-ти т.

СПГ – Словарь Пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: «Книжный мир». 2000–2002.

СРГКПАО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого автономного округа / под ред. И. А. Подюкова. Пермь, 2006. Перм. гос. пед. ун-т. 361 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1 (А–В) / под ред. И. И. Русиновой / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь: ПГУ, 2011. 371 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 т. / под ред. И. А. Подюкова. Пермь, ПГПУ. 2009–2011.

Библиографический список

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Борисова Е. О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 306 с.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3). С. 112–127.

M. A. Shakhtorina

Student of Philological Faculty

Perm State University

MOTIVATIONAL ANALYSIS OF HERB NAMES (on materials of Russian dialects of the Perm region)

The article considers herb names of Russian dialects that used in Perm region. Main method of research is semantico-motivational analysis. The goal of this method is searching of word or seme that is source of name of herb. There are two thematic macrofields, “Nature” and “Man”, which served as base for the names of herbs. Thematic groups is distinguished in macrofields, and in groups productive motivational models of naming of herbs is describes. The conclusion is as follows: form and associative connections are the leading signs by which the name is transferred from reality to plant.

Key words: herbs; Russian dialects; semantico-motivational analysis; motivational model.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 070:3

Березина Валерия Юрьевна
преподаватель кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
lera_berezina@mail.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ МИР СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ (на примере обложек журнала «Огонёк»)

В статье рассмотрен визуальный мир советской культуры в контексте визуального поворота в гуманитарных науках; изложены результаты анализа обложек журнала «Огонёк», проведенного с помощью ключевых понятий visual turn – зрения и видения.

Ключевые слова: визуальный мир; советская культура; журнал «Огонёк»; визуальный поворот; обложка журнала; Р. Барт; Х. Фостер.

Советская визуальная культура вызывает сегодня большой интерес как искусствоведов и историков культуры, так и массового зрителя. Характерно, что в Москве за последние несколько лет был организован ряд выставок, посвященных советскому визуальному наследию. Например, в Московском музее современного искусства в 2009–2010 годы проходила выставка «Соцреализм: инвентаризация архива», по замыслу организаторов которой посетители должны были ответить на вопрос, чего больше в полотнах – творчества или пропаганды. Еще один пример, датируемый уже 2017 годом, – выставка «Соцреализм в живописи и графике» в выставочном зале галереи Аукционного дома «Совком», на которой были представлены пейзажи, натюрморты и жанровые сцены ярких представителей соцреализма XX века.

Одним из интересных и показательных явлений советской визуальной культуры является обложка журнала «Огонёк». Образы этих обложек отражают, начиная с 1922 года, всю историю советской цивилизации, образуя своего рода ее визуальную летопись. Они сегодня привлекают все возрастающее внимание. В 2015 году в московском Мультимедиа Арт Музее с успехом прошла выставка «Огонёк. Жизнь как праздник». На выставке были представлены фотографии из архива журнала с начала 1930-х до конца 1970-х годов. «Используя всю мощь сво-

его таланта, – говорилось в анонсе выставки, – фотографии конструируют образ самого счастливого человека в самой счастливой стране. Подвиги коллективного труда в полях, на заводах и стройках, картины нового быта, сцены беззаботного детства и заслуженного отдыха – в огонковских фотографиях все дышит атмосферой праздника или его предвкушения. Вместе они образуют мифологический узор коллективного счастья» [Огонек. Жизнь как праздник: эл. ресурс].

Немалый интерес к советской визуальной культуре возник и в академической среде. Так, Н. В. Захарова защищает диссертацию «Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры», в которой предпринимается попытка создания типологии женских образов и эволюция их визуализации [Захарова 2005]. Е. М. Есикова в кандидатской диссертации «Журнал “Огонёк” в контексте переходных эпох» обращается к корреляции идеологических сдвигов в обществе и отражению их на обложке журнала [Есикова 2011]. А. В. Танцева в диссертации «Журнал “Огонёк” в 1920-е годы как отражение образа советской действительности» выдвигает гипотезу о том, что через анализ образов можно судить о начале строительства советского государства [Танцева 2016].

Таким образом, исследователи пытаются найти ответы на актуальные вопросы через призму анализа советского прошлого. Однако не только сугубо историко-политический аспект исследования образов СМИ советского времени интересует нас сегодня. За последние два десятилетия современное информационное общество претерпело значительные изменения. Картинки, которые смотрели на нас раньше только со страниц журналов, теперь окружают нас повсюду. Человечество в результате научно-технической революции переживает «визуальный» поворот. Соответственно, возникает потребность в обновлении методологического аппарата при описании общественных явлений. В исследовании культуры мы обязаны обратиться к идеям, сформированным в последние 2 десятилетия в ходе визуального поворота, ставшего реакцией на смену культурных парадигм.

Понятие «визуального поворота» (visual turn) возникло в результате обобщения процессов, происходивших в начале XX века, когда в художественную практику вошли новые средства выражения: кинематограф, фотография, перфоманс, инсталляции и др. До появления технических средств, которые производят и воспроизводят картинку, изображение имело возможность быть искусством, на создание которого творец тратил иногда всю свою жизнь. С появлением средств воспроизводства изображений в науке обозначилась многогранная методологическая проблема: искусствознание с традиционными методами исследования

стало нуждаться в новых способах познания действительности, появилась потребность в новом взгляде с совершенно иным категориальным аппаратом.

Еще в 1936 году выходит в свет эссе В. Бенямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», в котором автор заявляет о всемирно-историческом перевороте: человечество скоро шагнет в новую эру, где тон всему будут задавать технические средства, которые влияют на наше восприятие. В распространении фотографии и кино Бенямин прозорливо увидел начало «всемирно-исторического переворота» в истории культуры [Бенямин 1996: 34].

По существу, он предвосхитил наступление эпохи иконоцентрической культуры, когда мир уже нельзя прочесть как текст, когда рождается новая модель культуры, где в центре не текст, а образ. Л. Н. Мазур, ссылаясь на У. Дж. Т. Митчелла – одного из первых, кто разрабатывал концепцию *visual turn*, – пишет, что «по мнению социологов, рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как текст, он становится образом. В результате реальность, в том числе историческая, переосмысливается в контексте истории образов. Визуальный поворот оказывает существенное влияние на изменение технологий исторического познания» [Мазур: эл. ресурс].

Хэл Фостер в сборнике «Visual and visibility» писал: «Why vision and visibility, why these terms? Although vision suggests sight as a physical operation, and visibility as a social fact... (Почему зрение и видение? Почему эти термины? Ведь зрение предполагает, как правило, физическую способность, а видение – скорее социальный факт жизни человека...)» [Foster 1987: 9]. Иными словами, один из главных методологических посылов визуального поворота – это разграничение понятий *зрения* и *видения* (*sight vs vision*). *Зрение* понимается как физиологический процесс, оно не меняется, это субстрат видения. *Видение* – исторический и исторически меняющийся конструкт, обусловленный социально, политически, культурно, оперирующий семиотическими кодами, впитанными с культурой. Интересна в этом смысле, например, эволюция видения в русской литературе. Если в первой четверти XIX века на язык описаний существенно влиял театр, затем живопись, то поэтика описаний современных писателей зачастую определяются кинематографом [Абашев 2014: 145].

Вехой в истории изучения поэтики визуальности стало эссе Р. Барта «Camera Lucida», посвященное фотографии. В нем Р. Барт ввел понятия, которые особо важны в нашем анализе образов на обложке журнала «Огонёк». Это понятия *stadium* и *punctum*. *Stadium* – это фотографии, которые в будущем будут легко поддаваться дешифровке, бла-

годаря *stadium* мы сможем судить об эпохе, в которой был создан снимок: «Это поле может быть более или менее стилизованным, более или менее состоявшимся в зависимости от умения фотографа, но оно во всех случаях отсылает к блоку классической информации». Что же такое *punctum* в этой диаде? Это то, что разрушает *stadium*, это тот скрытый смысл, который не лежит на поверхности, а спрятан внутри, что находит отклик в подсознании зрителя [Барт 1997].

В. В. Колодий интерпретирует *punctum* Р. Барта следующим образом: «Если в фотографии есть *punctum*, то она «цепляет», вовлекает в своё пространство, как в пустоту, причем, не витальностью, брутальными сценами, не коммуникативной агрессией, ей присущей; а тем, что в ней «разлито», рассеяно, явлено. Проблема явленности здесь противоречива: *punctum* вообще не обязательно должен быть видимым» [Колодий Н. А., Колодий В. В. 2010: 149].

Обратимся к примерам сдвигов визуальных кодов на материале обложек журнала «Огонёк». Мы продемонстрируем, как менялась тема материнства в период позднего сталинизма и в период оттепели.

Прежде чем демонстрировать, как за десять лет изменилось видение образа женщины-матери в советской визуальной культуре, покажем, как прорывается *punctum* через *stadium*, выражаясь терминами Р. Барта.

На обложке журнала в канун нового 1951 года была изображена женщина, на фоне нарядной елки склонившаяся над младенцем, лежавшем в кроватке. На шкафу виден портрет И. В. Сталина. Это *stadium* фотографии, который позволяет нам судить о времени, об идейно-политических установках общества. Однако 12 мая 1951 года сотрудники Агитпропа В. Степанов и А. Соловьев докладывают Г. М. Маленкову об очередных недочетах, вскрытых в работе «Огонька»: «...под разукрашенной елкой в кроватке лежит ребенок, и над ним склонилась молодая мать. Такая обложка может умилить читателя рождественского номера буржуазного журнала, но мало подходит для советского массового журнала» [Максименков 1946: эл. ресурс]. Можем ли мы думать, что *punctum* прорвался на поверхность, что подсознание сотрудников Агитпропа породило ассоциацию с праздником Рождества? Конечно, можем.

И уже в середине мая, к 18 выпуску (журнал выходил еженедельно), мы видим, как меняется образ женщины. Учтя наставления сотрудников Агитпропа, редакция журнала поместила на обложку фотографию женщины, но уже не склонившуюся над младенцем в кроватке, а гордо усевшую ребенка на плечо и державшую его рукой за колени. Ребенок счастлив в широкой улыбке, а в руке он уверенно держит красный флажок. Иконографический прототип такой композиции ясен: такой же плакат был создан в 1950 году, только вместо матери ребенка держал

сам И. В. Сталин, а на плакате значилось: «Озаряет Сталинская ласка будущее нашей детворы».

К середине 1960-х годов советское государство начинает реализовывать в отношении женщин так называемую идеологию домашнего очага, т. е. такие представления о роли женщины, в соответствии с которыми она в первую очередь является женой, матерью и хозяйкой дома.

Так, мы обнаруживаем на обложке журнала «Огонёк» №10 1961 года женщину, которая с нежностью смотрит на своего ребенка, сидящего у нее на руках. Голова ребенка находится очень близко к голове матери, и это создает ощущение большой привязанности между героями и обеспечивает высокую степень интимности снимка. Ребенок обнимает мать, а та, в свою очередь, смотрит на него полузакрытыми глазами, выражая согласие на любое его действие. Прототип этого снимка определяется легко – Мадонна с младенцем на руках.

Если использовать методику исследования фотографии, предложенную Р. Бартом, то здесь также стоит обратить внимание на смену плана. В 1950-е годы снимок был преимущественно среднего плана, позволявшего видеть только фигуру в целом. Читатели могли представить себе социальный портрет героя, который диктует с обложки, каким надо быть и как себя вести. В 1960-е годы появляются снимки, выполненные крупным планом, что говорит об изменении видения образа матери: женщина становится ближе, мы можем рассмотреть черты ее лица, понять, с каким чувством она смотрит, например, на своего ребенка. Фотограф пускает нас во внутренний мир героев, открывая возможности более глубокого понимания личности, чем в 1950-е годы.

В заключение скажем еще раз о том, что обращение к визуальной культуре советского прошлого актуально как никогда раньше, т. к. теперь мы можем отойти от сугубо исторического метода описания визуальных образов, которые характеризуют эпоху, теперь мультипарадигмальный подход, который можно обозначить как *visual studies*, позволяет задать широчайший спектр вопросов не только эпохе, которую отображает картинка, но и самому изображению: «Почему ты таково?»

Библиографический список

Абашев В. В. Интермедиаальные трансформации горной мифологии П. П. Бажова в романе О. Славниковой // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная литература. 2014. Вып.1(25). С.145–158.

Барт Р. Camera lucida / пер., коммент. и послесловие М. К. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе // Немецкий культурный центр имени Гёте. М.: Изд-во: Медиум, 1996. С. 34.

Захарова Н. В. Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. 178 с.

Есикова Е. М. Журнал «Огонёк» в контексте переходных эпох: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 140 с.

Колодий Н. А., Колодий В. В. Визуальный поворот и его влияние на социальное сознание // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316, № 6. С. 146–152.

Максименков Л. «Мне строго наказали – делать его хорошо и интересно...». Алексей Сурков Иосифу Сталину о журнале «Огонек». 1946 г. // Коммерсант 17.06.2007. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2299070> (дата обращения: 29.06.2017).

Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования». URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_ld/16-1-0-144 (дата обращения: 29.06.2017).

Огонек. Жизнь как праздник. URL: <http://www.mamm-mdf.ru/exhibitions/ogoniok/> (дата обращения: 25.06.2017).

Танцевова А. В. Журнал «Огонёк» в 1920-е годы как отражение образа советской действительности: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 280 с.

Foster H. Preface // Discussions in Contemporary Culture. 1987. № 1–2. P. 15.

V. Yu. Berezina

Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

**THE VISUAL WORLD OF SOVIET CULTURE IN THE CONTEXT
OF THE VISUAL TURN IN THE HUMANITIES
(the cover of the magazine “Ogoniok”)**

In the article the author refers to the visual world of Soviet culture in the context of visual revelry in the humanistic sciences, an example is given of analyzing the covers of magazine “Ogoniok” through the use of key points of visual turn – sight and vision.

Key words: visual world; the Soviet culture, the magazine “Ogoniok”; the visual turn, magazine cover; R. Barthes; H. Foster.

Воловинская Марина Владимировна
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
volovin-45@yandex.ru

ЭКФРАСИС КАРТИНЫ Г. ГОЛЬБЕЙНА МЛАДШЕГО «МЕРТВЫЙ ХРИСТОС» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» И ЕГО КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье рассматриваются созданные в разные годы экранизации романа Ф. М. Достоевского «Идиот» с точки зрения репрезентации в них экфрасиса картины Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос». В центре исследовательского внимания находится зависимость специфики репрезентации экфрасиса от творческой индивидуальности режиссера и общей концепции постановки.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; экфрасис; роман; экранизация; Ганс Гольбейн Младший.

Описание копии картины Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос» («Христос во гробе») (1521–1522) – важнейший концептуальный момент романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Закономерно, что столь значимая для понимания авторского замысла «живописная цитата» не была обойдена вниманием создателей многочисленных экранизаций.

В романе экфрасис этого полотна возникает трижды: в сцене посещения Мышкиным дома Рогожина, в последующих размышлениях главного героя о своем «крестном брате» и в «Моем необходимом объяснении» Ипполита Терентьева. Такая дискретность экфрасиса позволяет провести параллели между далекими на первый взгляд персонажами и ситуациями, служит одним из средств создания композиционной целостности.

Сама картина Ганса Гольбейна давно вызывает среди искусствоведов и филологов дискуссии о том, можно ли ее считать свидетельством неверия автора и даже проявлением кощунства по отношению к святыням. В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, ставших для Достоевского источником сведений о картине еще до того, как писатель смог составить о знаменитом полотне собственное впечатление, сказано: «Во Христе, снятом со Креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек он изображен весьма естественно» [Карамзин 1984: 99]. Утверждение об отсутствии божественного начала в облике

Христа на картине (а следовательно, невозможности воскресения) стало общим местом в рассуждениях отечественных интерпретаторов гольбейновского шедевра. Так, во «Всемирной истории искусств» по поводу картины «Мертвый Христос» говорится следующее: «Подобный подход к теме, свидетельствуя о безжалостной трезвости реалистического мастерства Гольбейна, обнаруживает такую свободу, которая граничит с безбожием» [Чегодаева 1962: 410].

Современные исследователи творчества Достоевского стремятся преодолеть сложившиеся в восприятии картины Гольбейна стереотипы и увидеть в ней новые смыслы. Это можно объяснить как общим усилением интереса литературоведения к религиозно-философской проблематике, так и открывшейся для отечественных ученых возможностью увидеть подлинник полотна (что было проблематично в советские годы), составить о нем собственное впечатление и тем самым лучше понять, что мог чувствовать Достоевский при первом знакомстве с шедевром немецкого художника.

Часто цитируемая в современных работах об «Идиоте» статья Т. А. Касаткиной «После знакомства с подлинником. Картина Ганса Гольбейна Младшего «Христос в могиле» в структуре романа Достоевского “Идиот”» интересна не только содержащимся в ней выводом о том, что на картине изображен не мертвый, как принято считать, а воскресающий Христос, но и самой логикой рассуждений.

Исследовательница обращает внимание на то, что ракурс, с которого воспринимают картину персонажи произведения, не совпадает с тем углом зрения, под которым смотрел на нее сам Достоевский. В романе несколько раз подчеркивается, что в доме Рогожина картина висела над дверью, таким образом, Рогожин, Мышкин и Ипполит смотрели на нее снизу вверх, тогда как писатель, по свидетельству жены, рискуя быть оштрафованным за нарушение правил поведения в музее, специально залезал на стул, чтобы лучше рассмотреть полотно живописца.

Ракурс – ключевое для кинематографа понятие, поэтому сделанные Т. А. Касаткиной наблюдения относительно зависимости восприятия картины Г. Гольбейна от смены ракурса имеют большое значения для анализа кинематографических репрезентаций экфрасиса картины. Кроме того, необходимо обратить внимание на степень соответствия копии картины оригиналу, ее расположение в пространстве, слова, сопровождающие ее появление на экране, место эпизода с картиной в общей концепции произведения.

Наиболее интересный вариант репрезентации экфрасиса картины представлен в фильме А. Вайды «Настасья» (1994), поставленном в стилистике театра Кабуки, где роль Мышкина и Настасьи Филипповны ис-

полняет один актер Тамасабуру Бандо (таким образом выражена мысль об универсальной природе главного героя романа). Своеобразие фильма Вайды заключается, в частности, в том, что он синтезирует театральную и кинематографическую эстетику: основное действие происходит в доме Рогожина, поэтому все визуальные объекты (картина Г. Гольбейна, портрет Настасьи Филипповны, портрет отца Рогожина) оказываются сосредоточенными в одном пространстве и образуют единое смысловое поле.

«Мертвый Христос» соотнесен в фильме прежде всего с образом Настасьи Филипповны, которая к моменту начала действия уже убита Рогожиным, но воскресает в воспоминаниях. Параллель между героиней и изображенным на полотне Г. Гольбейна Христом подчеркивается через ряд знаковых деталей: картина, частично прикрытая покрывалом, стоит на полу между колоннами, ее форма и размер, соотносимый с размером человеческого тела, вызывают ассоциацию с гробом, рядом с картиной лежат белые цветы, которые Рогожин первоначально хотел положить рядом с телом убитой, возле картины стоит круглое зеркало, к которому подходит Настасья Филипповна (вернее, Мышкин в ее образе).

Центральный эпизод, связанный с картиной, относится к последней части киноповествования: растерянно блуждающий по дому Рогожина, ищущий и не находящий выхода князь внезапно резко останавливается перед картиной, потрясенный странным ощущением. Мышкин, напряженно вглядываясь в фигуру Христа и почти прикасаясь к картине рукой, произносит знаменитую фразу «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!». Сцена заканчивается монологом героя о сущности религиозного чувства, в точности воспроизводящим авторский текст.

В отличие от фильма Вайды, характеризующегося необычностью авторского замысла, телевизионная экранизация В. Бортко (2003), появившаяся спустя девять лет после фильма «Настасья», демонстрирует максимально бережное отношение к тексту писателя и традиционализм кинематографических приемов. Эпизод с полотном Г. Гольбейна возникает в четвертой серии, когда Мышкин посещает Парфена в Петербурге. Если в романе встреча князя с картиной подготовлена рядом концептуально значимых деталей, то в фильме Мышкин видит копию «Мертвого Христа» сразу же, заходя в комнату Рогожина. В соответствии с текстом романа герои смотрят на полотно Гольбейна снизу вверх (напомним, что ракурсу восприятия современные литературоведы придают особое значение), однако картина висит не над дверью, как неоднократно сказано в романе, а над столом.

Такое пусть небольшое отступление от «буквы первоисточника» вряд ли можно объяснить режиссерской невнимательностью – Бортко убеждает нас в том, что он добросовестный и вдумчивый читатель романа. По всей видимости, предлагаемое построение внутрикадрового пространства неслучайно. На столе стоит лампа, которую можно воспринять как бытовую деталь интерьера, но можно и соотносить с лампадкой перед иконой с учетом того, что на картине изображен снятый с креста Христос. Однако Христос на картине мертвый, лампа не горит, надежда на воскресение призрачна. Для стилистики фильма Бортко в целом не характерно увлечение символикой, однако следуя за Достоевским, авторы экранизации не могут доступными телевизионному фильму средствами не подчеркнуть концептуально значимых деталей.

Интересно, что Бортко, провозгласивший главным принципом экранизации верность первоисточнику, тем не менее трансформирует слова Рогожина, заставляя его на замечание Мышкина «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть» ответить: «У иного и может» (вместо авторского «пропадает и то»). Таким образом акцент делается не на безверии Рогожина, а на его раздвоенности, драматизме его переживаний. На прощание Мышкин произносит фразу «До свидания, прощай, не оставь тебя Бог» (в романе эта фраза отсутствует), как только князь уходит, перед глазами зрителя вновь крупным планом возникает лицо гольбейновского Христа. Мы знаем, что Бог не «сохранит» Рогожина, не отведет его руку от убийства Настасьи Филипповны, и в этом плане пожелание Мышкина не осуществится, может быть, поэтому в кадре возникает лицо мертвого, не воскресшего Христа. Картина искушает Рогожина, испытывает его веру.

Стоит заметить, что, несмотря на все различие подходов А. Вайды и В. Бортко к экранизации романа Достоевского, оба режиссера вводят в фильм общую отсутствующую у автора деталь – икону в доме Рогожина. В фильме Бортко Парфен даже крестится перед образами, что еще раз показывает, что изображение Христа на картине Гольбейна не заменяет иконы, а противопоставляется ей.

Бортко принимает во внимание замечание Мышкина о хорошем качестве копии, поэтому представляет картину без искажения пропорций и сгущения красок. Безусловно, присутствие картины усиливает драматизм звучания сцены, обостряет тревожные ожидания, но вид гольбейновского Христа на экране не отвращает избытком физиологизма.

В иной стилистике представлена картина Г. Гольбейна в фильме эстонского режиссера Р. Сарнета (2011). В фильме Сарнета все построено на контрастах, оксюморонах, синтезе различных стилевых начал, что усиливает ощущение дисгармоничности создаваемого режиссером мира

и в целом не противоречит эстетике Достоевского. Экранное пространство дома Рогожина напоминает интерьер, воссозданный в романе Достоевского, только своим общим мрачным колоритом. Низкие каменные своды, беспорядок, ощущение неуюта, холода и дискомфорта. Картина Гольбейна, сразу показанная крупным планом, с одной стороны, стилистически диссонирует с бытовыми деталями (например, обилием пустых бутылок), с другой – органично вписывается в дисгармоничный мир странного рогожинского жилища. В фильме Сарнета, как и в «Настасье» Вайды, камера медленно скользит по картине, постепенно обнажая ее отдельные детали. Однако направление движения в фильме эстонского режиссера обратное: справа налево. Н. А. Агафонова замечает, что «движение справа налево способствует нарастанию драматизма, поскольку противоречит традиционному слежению взглядом» [Агафонова 2008: 31]. Именно такой эффект обратного движения мы и наблюдаем в эстонской ленте.

Способ репрезентации полотна Гольбейна в фильме призван наглядно проиллюстрировать мысль о том, что от «этой картины может вера пропасть»: постановщик укрупняет шокирующие натуралистические детали, фигура Христа выглядит крайне антиэстетично, следов истязаний на его теле в представленной копии картины даже больше, чем в оригинале, на руке зияет страшное, глубокое отверстие от гвоздя. Из четырех историй о вере, рассказанных Мышкиным в доме Рогожина, в фильме остается только одна, наиболее пессимистичная (о человеке, который, перекрестившись, убивает своего приятеля ради серебряных часов). Таким образом, все, что мы видим и слышим в этой сцене, свидетельствует о бессмысленности веры в воскресение.

Не случайно именно в структуре этого фильма такое большое место занимает трагическая исповедь Ипполита, возвращающая нас к эпизоду с картиной. Рассказ о впечатлении, произведенном на героя «Мертвым Христом», служит цели убедить слушателей в бессмысленности жизни и неизбежности самоубийства. В данной сцене мы видим наложение вербального и визуального планов, словесное описание изображения дублируется видеорядом, иллюстрирующим слова Ипполита. В романе «Мое необходимое объяснение» не повторяет эпизод в доме Рогожина, а корреспондирует с ним, создавая напряженное смысловое поле. В фильме эпизод удваивается, не добавляя при этом к пониманию картины ничего принципиально нового. Отдельно нужно сказать о раме, в которую заключена картина. Если в фильмах Вайды и Бортко рама остается семантически нейтральным элементом (у Вайды она тонкая, золотистая, у Бортко – светло-серая), то в эстонской экранизации доста-

точно широкая черная рама является дополнительной деталью, подчеркивающей мысль о смерти Христа без надежды на воскресение.

Сопоставление репрезентаций экфрасиса картины Г. Гольбейна Младшего в кинематографических версиях романа, созданных разными постановщиками, наглядно демонстрирует, как меняется восприятие художественного полотна в зависимости от режиссерского прочтения. Роман Достоевского в силу его неисчерпаемой глубины дает возможность для многообразия интерпретаций и продолжает вдохновлять художников на новые поиски.

Библиографический список

Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. 392 с.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника Л.: Наука, 1984. 727 с.

Чегодаева Н. М. Искусство Германии // Всеобщая история искусств / под ред. А. Д. Чегодаева. М.: Искусство, 1956–1966. Т. 3. 345 с.

M. V. Volovinskaya

Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

THE EKPHRASIS OF G. HOLBEIN'S YOUNGER PICTURE "THE DEAD CHRIST" IN THE NOVEL OF F. M. DOSTOEVSKY "THE IDIOT" AND ITS CINEMATIC REPRESENTATIONS

The article examines the ekphrasis of Hans Holbein's the Younger painting "Dead Christ" in the screen adaptations of F. Dostoevsky's novel "The Idiot" created in different years. The focus is on the dependence of the specificity of representation of ekphrasis from the author's creative individuality and the general concept of the film.

Key words: Dostoevsky; ekphrasis; novel; screen version; Hans Holbein the Younger.

Михайлов Сергей Сергеевич
научный сотрудник
Музей истории и культуры старообрядчества, Москва
mesherdkray@mail.ru

ЧИСТИЛЬЩИК ОБУВИ И ЗНАМЕНИТОСТЬ. ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье речь идет об одном из забытых эпизодов московской городской культуры середины XX в., а именно о знакомстве представителей ассирийской диаспоры, работавших чистильщиками обуви, с представителями творческой богемы. Со ссылкой на рассказы старожилов, приводятся случаи знакомства ассирийцев с И. Андронниковым, С. Я. Лемешевым и др. знаменитостями советской эпохи.

Ключевые слова: ассирийцы; чистильщики обуви; «точка»; знаменитость; богема; Москва; театр; знакомые; диаспора.

XX столетие является интереснейшим и очень драматическим периодом в истории нашей страны. В отличие от более ранних эпох, о нем мы можем собрать больше информации, используя в том числе и полевые источники в виде воспоминаний как непосредственных участников событий, так и их потомков. XX столетие стало также периодом, когда в России в связи с разными причинами перемещались большие группы населения, что отчасти приводило к размыванию или, в лучшем случае, трансформации региональных культур и возникновению новых этнических диаспор. Некоторые из них смогли настолько органично вплестись в местную среду, что стали восприниматься неотъемлемой частью культуры российских городов. Иногда представители подобной диаспоры, даже при ее сравнительно маленькой численности, в силу своих профессиональных моментов оказывались на виду и их роль в общей картине мира города была весьма значительна.

Ассирийцы – чистильщики обуви, проживая и работая в центре такого значительного культурного центра, каковым является Москва, в середине XX века были самобытной частью городского колорита. Их знали не только рядовые москвичи, но и многие известные люди, представители творческой богемы. Иногда ассирийцы попадали на страницы литературных произведений, о чем автор уже писал в своих работах [Михайлов 2015: 44–51]. Однако большая часть сведений о знакомстве артистов, литераторов и других известных личностей прошлого с «тружениками щетки и гуталина» осталась только в памяти потомков этих

людей. В прошлом и знаменитости, и простые люди были куда более коммуникабельными, нежели в настоящее время, что значительно упрощало подобные знакомства. Если же говорить об ассирийцах, то их экзотическая для Москвы национальность, колоритная внешность, несколько странная профессия привлекали внимание сами по себе. Если в 1920-х годах, когда чистильщика обуви, работавшего на углу Тверской и Камергерского, заметили Ильф и Петров, общению еще мешал языковой барьер (ассирийцы только-только попали в Москву из другой страны), то ко второй половине 1930-х годов ассирийцы уже прекрасно владели «великим и могучим» и их русские, еврейские и иные знакомые могли по достоинству оценить древнюю восточную мудрость, фольклор, коммуникабельность и иные ассирийские качества. Собственно в это время прежде бессловесные чистильщики обуви и семьи странных смуглых людей, колониями поселившиеся в Москве, и становятся тем феноменом городской культуры, о котором мы сейчас и пытаемся собрать историко-этнографический материал.

В 1997 году в известном историческом журнале «Родина» был опубликован небольшой материал-воспоминание В. Арутюнова «Когда Андронников молчит», рассказывающий об одном маленьком эпизоде, имевшем место в 1967 году. Речь здесь идет об общении известного литературоведа Ираклия Луарсабовича Андронникова с неким анонимным работником будки «Чистка обуви», возникшем по причине услышанной на улице классической музыки, которая доносилась из радиоприемника, висевшего на рабочем месте чистильщика. Проходивший мимо Андронников, услышав музыку, зашел в палатку и, взгромоздившись на сидения для клиента, слушал ее вместе с ассирийцем, изредка прерываясь на обсуждение того, как играли финал оркестр Герберта фон Гараяна и другие коллективы [Арутюнов 1997: 99]. В этом материале и сам чистильщик, и место его работы остаются за кадром. Однако, и в силу того, что этот эпизод общения Андронникова с обувщиком оказался не единственным и память об этом общении сохранилась и в семействе последнего, и в ассирийской диаспоре, попав на страницы национальной прессы уже в наше время [Смирнов 2000: 2–3] мы можем смело сказать, о ком здесь идет речь.

Описанная В. Арутюновым палатка чистильщика обуви в 1960-х гг. стояла у дома №26 Б по ул. Кирова (Мясницкой), в самом начале Чистопрудного бульвара, в ней работал ассириец-дизная Илья Михайлович Юнанов, житель знаменитого ассирийского дома на Самотёке. От сына Ильи Юнанова Владимира Ильича Юнанова, проживающего в Москве, нам известно, что И. Андронников после описанного события неоднократно приходил на эту «точку». Известный литературовед и ассириец

разговаривали преимущественно о классической музыке и ее исполнителях. Радио в палатке в это время, как правило, работало, частенько передавая очередной концерт. Произведения последнего также обсуждались собеседниками, причем, как рассказывает сын Юнанова, вслушавшись в передаваемое исполнение, его отец и Андронников иногда начинали спорить, какой оркестр играет и какого года запись. Когда заканчивалась музыка и диктор объявлял, что сейчас было передано, оказывалось, что прав был чистильщик обуви. Андронников весьма спокойно переносил свои проигрыши, для него было важно общение с таким знатоком музыки.

В. И. Юнанов также рассказал, что помимо И. Андронникова на рабочее место его отца заходили и другие известные в свое время люди, из которых он больше всего запомнил легендарного летчика Маресьева, прототипа главного героя «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. Обувь у него практически всегда была в идеальном состоянии, блестела, на сапогах или ботинках не было ни трещинки, ни пылинки. Маресьев заходил исключительно пообщаться с Ильей Юнановым, которого знал относительно давно. Момент их знакомства для окружающих, включая и членов семьи, остался неизвестным.

К сожалению, знакомство И. Юнанова и И. Андронникова – единственный случай подобного общения ассирийцев – работников палаток чистильщиков обуви и знаменитостей, который попал на страницы периодики, как общероссийской, так и национальной. Об остальных подобных моментах можно узнать только из рассказов московских старожилов. Кое-что из их рассказов попало в книгу, посвященную истории московской ассирийской диаспоры [Михайлов, Фарис 2015: 124–149]. Опыт работы по сбору подобного материала показывает, что у большинства живших в Москве знаменитостей был какой-то свой знакомый работник обувной «стоянки».

Одним из ярких чистильщиков обуви, известных многим деятелям советской культуры 1930-1940-х гг., был представитель племени миллеткуная Гиваргиз (Георгий) Беньяминов. Это был сам по себе интереснейший человек, замечательный рассказчик, старавшийся ходить в свободное от работы на «стоянке» время в смокинге. Его место находилось у служебных дверей Большого театра, что не могло не повлиять на круг общения этого человека. Через его щетки прошла обувь практически всех «звезд» этого театра. Его хорошо знали Максим Дормидонтович Михайлов, Иван Козловский, Ольга Лепешинская, тогда еще юная Майя Плисецкая и многие другие легенды отечественной культуры.

Особенные отношения у Беньяминова сложились с С. Я. Лемешевым, за которым после выхода в 1940 году фильма «Музыкальная ис-

тория» стали охотиться многочисленные поклонницы. Чистильщик регулярно помогал великому певцу избегать встречи с ними. Поскольку околотеатральные дамы, часто встречавшие кумиров у служебного подъезда, тоже были знакомы с человеком, трудившимся в таком «стратегическом» месте, а также были в курсе его контактов с тем или иным солистом, они пытались прибегнуть к его помощи. Поклонницы Лемешева спрашивали у Беньяминова, не знает ли он из какого именно подъезда (таковых у Большого было шесть) будет покидать театр Сергей Яковлевич? Тот посылал девушек в самый дальний выход от того, из которого Лемешев будет выходить на самом деле. Певец же успевал быстро выскочить на улицу и запрыгнуть в уже поджидавший его автомобиль, за рулем которого в то время работал этнический ассириец Авраам Адамов. Два соплеменника могли легко договориться о плане эвакуации «звезды», поскольку языка никто из девушек не понимал. Поклонницы почти никогда не успевали отреагировать.

Тем не менее почитательницы Лемешева не теряли надежды оказаться ближе к своему кумиру, пытаясь все же наладить дружбу с Беньяминовым. Девушки пытались выяснить имя чистильщика обуви, который всегда выдавал им очень длинную фразу на ассирийском, в переводе начинающуюся как «Берущий хлеб руками...», а в оригинале новоязычными словами «Ахаль пида...». Это и стало именем, под которым вся околотеатральная публика в тот период знала этого человека. Даже молодые балерины Большого в 1940-х годах были уверены, что Ахаль Пида – настоящее личное имя чистильщика, чья «точка» находилась возле служебного выхода из их театра. Беньяминов работал в указанном месте до второй половины 1940-х годов, после чего, в связи с переездом семьи из центра Москвы в поселок Ховрино (в то время еще московский пригород), перешел работать на «точку» на старом Ховринском рынке. Информацию о Г. Беньяминове автору в основном сообщил племянник последнего, Михаил Шебович Авдышо (1930–2017, беседа 1998 года). Данная информация подтверждается и другими московскими ассирийцами-старожилами.

Ассирийцы-куная, жившие в центральных московских районах, где исстари было много театров, как правило, обитали в тех же дворах, что и семьи актеров. Ассирийские дети играли в футбол и другие дворовые игры с детьми из артистических семей. Последние приобщали сверстников к театральной культуре, помогая через родителей доставать билеты и на престижные постановки. По рассказам ассирийских старожилов, из самих представителей богемы общаться с народом, чистившим обувь на столичных улицах, не любил только знаменитый Чапаев – Бабочкин. С остальными деятелями культуры отношения складывали очень хорошо.

Артисты, возвращаясь из театров, с репетиций и т. п., любили останавливаться у «точек» знакомых чистильщиков обуви, садиться, если не было посетителей, на клиентское место шкафа или, со второй половины 1940-х годов, палатки, беседовать с ними. Те оказывались в курсе всей богемной жизни. Уже связанные в то время с теневой жизнью Москвы ассирийцы могли помочь актерам дефицитом. Конечно же, знакомому представителю творческой элиты чистильщики всегда, по собственному почину, бесплатно оказывали профессиональную услугу и снабжали обувной фурнитурой. За предложенные артистом деньги могли обидеться весьма сильно.

От московской ассирийки Нины Барутовны Завзу (1931 г. р., беседа 1994 года), тоже принадлежавшей к миллет куная, ранее проживавшей в районе Никитских ворот, удалось записать немало рассказов о «профессиональных» контактах ее родственников и знакомых ассирийцев с проживавшими поблизости от мест их работы артистами московских театров, писателями и другими знаменитостями. Ее дядя по отцу, Андрей Завзу, после войны, с 1949 года, работал на углу улиц Горького (Тверская) и Огарева (Газетный пер.), возле дома № 9. У него всегда чистил свои ботинки известный писатель Сергей Михалков, причем шел для этой цели специально только к нему, игнорируя других чистильщиков по дороге. Михалков почти никогда не разговаривал с этим ассирийцем, но при этом всегда вежливо здоровался и прощался после того, как на его обувь был наведен блеск. Приходя на «точку» к родственнику, Н. Завзу часто встречала и одного из сыновей писателя – маленького Никиту, которого выводила на прогулку гувернантка-испанка, всегда проходившая с ним мимо рабочего места чистильщика обуви и здоровавшаяся с ним.

Н. Завзу рассказала и о своей соплеменнице-куная по имени Майя, работавшей на ул. Горького. В 1950-х годах она оказалась единственной из женщин куная многодетной матерью, остальные, в отличие от ассирийек других групп миллет, имели по одному-два ребенка. Мимо «стоянки» Майи (Майечки) проходили пути многих артистов московских театров, писателей, музыкальных деятелей, живших неподалеку. С ней здоровались практически все знаменитые люди. Наиболее известными из хороших знакомых Майи были М. Жаров и Л. Целиковская.

Также от московских старожилов-ассирийцев удалось записать и любопытное предание о работавшем возле станции метро «Октябрьская» чистильщике по фамилии Кало, который был знаком с первым космонавтом Ю. А. Гагариным. Последний часто, оказываясь в этом уголке Москвы, пользовался услугами обувщика, относился к нему с уважением. Работая на столь «хлебной» точке, Кало заработал неплохие деньги, на которые выстроил себе двухэтажную дачу. Напротив этого

сооружения оказалась дача достаточно завистливого работника Прокуратуры СССР, который, при помощи своих властных рычагов, попытался захватить владение ассирийца. Тот как мог пытался отстоять свою собственность и дело дошло до угрозы охотничьим оружием, которое Кало направил на комиссию, пытавшуюся выселить его из этого дачного дома. Слава Богу, Кало не взяли под стражу, и он даже мог ходить на работу. Туда в очередной раз, к своему ассирийскому знакомому, заехал Гагарин. Юрий Алексеевич заметил мрачное состояние чистильщика и поинтересовался, что у него случилось. Тот без утайки ввел космонавта в курс своей проблемы. Гагарин прямо из обувной палатки поехал к генеральному прокурору СССР Руденко. Для человека, бывшего гордостью страны, открыты были все двери и попасть в кабинет главного советского прокурора он смог сразу. А Руденко как раз на стол принесли дело Кало... Гагарину удалось спасти и человека, и его имущество.

Уже упомянутая мною Н. Завзу рассказала о знакомстве в начале 1970-х годов с одной из московских ассирийских групп миллет певицы Людмилы Зыкиной. Во время зарубежных гастролей к певице подошел ассириец, попавший во время войны в плен и впоследствии оставшийся на Западе. Он попросил передать весточку в Москве своему отцу, которого звали Дынха и который работал на одной из «точек» в центре города. Зыкина была очень смелым человеком и не побоялась выполнить просьбу оказавшегося при таких обстоятельствах за границей бывшего соотечественника. Дынха, получив весточку от сына, да еще через такую уважаемую и любимую, в том числе и ассирийцами, певицу, пригласил ее на национальный праздник, который должен был быть на днях. Людмила Георгиевна воспользовалась приглашением, познакомилась с ассирийцами, полюбила этот народ и долго поддерживала отношения с его представителями, регулярно бывая на праздниках, свадьбах и других мероприятиях. Одно время у нее была портниха-ассирийка.

Ко времени начала моего изучения ассирийской диаспоры городов России и ее роли в местной бытовой культуре, огромный пласт информации был уже забыт. В настоящее время старожилы некоторых городов, в которых проживали небольшие группы ассирийцев, могут чаще всего, помимо информации об истории своих семей, рассказать о ком-либо из соплеменников, занимавших в городе высокий пост, преподававших в наиболее известном в городе учебном заведении, и т. п. Эти сведения тоже весьма интересны и важны для общей картины места диаспоры в городе. К сожалению, в связи с уходом советских поколений и ассирийцев, и людей других национальностей мы сейчас можем зафиксировать лишь осколки сведений о, так скажем, «околобогемной» стороне московской ассирийской истории.

Библиографический список

Арутюнов В. Когда Андронников молчит // Родина. Российский исторический журнал. 1997. № 11. С. 99.

Михайлов С., Фарис В. Ассирийцы на новой Родине: русский выбор. М., 2015. 264 с.

Михайлов С. С. «...самый коричневый, самый носатый ассириец у Ильфа и Петрова: кто был прототипом. // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (г. Пермь 21 апреля 2015 года). Пермь, 2015. С. 44–51.

Смирнов В. Кто чистил башмаки Ираклия Андронникова? // Ассирийская газета. 2000. № 35 (13). С. 2–3.

S. S. Mikhaylov

Researcher of Museum of history and culture of the old believers
Moscow

SHOESHINE MAN AND CELEBRITY: A FORGOTTEN PAGE OF URBAN CULTURE

In the article we are talking about one of the forgotten episodes of the Moscow city culture of the mid-20th century, namely the Dating of Moscow representatives of the Assyrian Diaspora, worked as shoeshine man, with representatives of the creative Bohemia. With reference to the stories of old residents, provides information on cases Dating from the Assyrians by I. Andronnikov, S. Lemeshev, and other celebrities of the Soviet era

Key words: Assyrians; Moscow; shoe shiner; celebrity; bohemia; diaspora; theatres; “point”; friends.

Моисеева Анна Александровна
старший преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
akunevich@mail.ru

ОБРАЗ МАРСИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX – XXI ВВ.

В статье рассматривается своеобразие мифологического образа Марсия в поэзии XX–XXI вв. Проводятся сопоставления с поэтической традицией предшествующих эпох, выявляются причины актуализации данного образа в указанный период.

Ключевые слова: мифологические образы античности; миф о поэте; русская лирика XX–XXI вв.

Мифологический образ Марсия – фригийского сатира, дерзко вызвавшего на музыкальное состязание самого покровителя искусств Аполлона, – оказывается в большей степени востребованным русской поэзией XX века, чем предшествующих эпох, и, как показывает начало века XXI, интерес к нему в поэтической сфере все еще не угас. Во многом это связано с новым, по сравнению с культурой XVIII–XIX веков, его пониманием, иной семантической наполненностью образа.

В статье «Две интерпретации мифа о Марсии: прародитель графоманов или отец поэтов?» [Моисеева 2010] уже было выявлено первоначальное, явно негативное, понимание образа Марсия в русской культуре: родоначальник графоманов, бросающий вызов истинному поэту. Обнаруживается оно, к примеру, в известном стихотворении И. И. Дмитриева, своего рода, поэтическом кредо русского сентиментализма, «Чужой толк» (1794). Однако постепенно такое понимание вытесняется принципиально иной трактовкой: Марсий начинает восприниматься как истинный, но непризнанный гений, погибающий в борьбе за свое право на свободное творчество.

Представляется весьма вероятным, что у истоков этой традиции в России XX века стоят два переводчика близкого к символизму французского поэта Анри Франсуа Жозефа де Ренье: М. А. Волошин и Б. К. Лившиц. Именно М. А. Волошину принадлежит наиболее известный русский перевод поэмы де Ренье «Кровь Марсия» (1902), опубликованный им в 1912 году. Заключительный фрагмент поэмы написан в виде монолога обреченного на мучительную казнь сатира и часто публикуется как самостоятельное произведение под заглавием «Марсий говорит». Как непо-

средственно из этой речи, так и из всего произведения в целом, следует, что именно Марсий победил в состязании с Аполлоном, за что и был жестоко казнен позавидовавшим божеством: «...*Накажет грозный бог Сатира. Взрежет нож // Мой мягкий бурый мех, сдерет покровы кож, / Кровавая шерсть мою. Умру я. Но напрасно / Завистник царственный, соперник мой опасный, / Рукой неопытной наладивши свирель, / Мой голос отыскать захочет... А теперь / Вы тело Марсия, дрожащее от боли, / Из кожи вынете, зане – не все равно ли, / Что я уйду с земли: мой голос не умрет, / Покамест ветр морской в стволе сосны поет*» [Волошин 2016].

Вне всяких сомнений, это эмоциональное высказывание от лица мифологического героя было близко исканиям русских модернистов, поэтике богоборчества и склонности к ролевой игре, построенной на стремлении примерить «на себя» судьбы «вечных» героев, и могло впечатлить не одного только М. А. Волошина.

Б. К. Лившиц, вошедший в историю литературы Серебряного века, в первую очередь, как поэт-футурист, член легендарного кубофутуристического объединения «Гилея» и его бытописатель, автор книги мемуаров «Полутораглазый стрелец» (1933), был также блестящим знатоком французской поэзии, многие шедевры которой успешно переложил на русский язык. С творчеством де Ренье он, вне всяких сомнений, был знаком весьма основательно, о чем свидетельствуют хотя бы осуществленные Б. К. Лившицем такие незаурядные переводы его текстов, как «Эпитафия» и «Пленный шах» [Ренье Анри де 2004]. Не исключено, что это знакомство повлияло на формирование замысла одного из самых известных произведений Б. К. Лившица, сонета «Флейта Марсия», открывающего одноименный сборник 1911 года, дебютный для автора:

Да будет так. В залитых солнцем странах
Ты победил фригийца, Кифаред.
Но злейшая из всех твоих побед –
Неверная. О Марсиевых ранах

Нельзя забыть. Его кровавый след
Прошёл века. Встают, встают в туманах
Его сыны. Ты слышишь в их пэанах
Фригийский звон, неумерщвленный бред?

Еще далек полет холодных ламий,
И высь – твоя. Но меркнет, меркнет пламя,
И над землей, закованною в лед,

В твой смертный час, осуществляя чей-то
Ночной закон, зловеще запоет
Отверженная Марсиева флейта [Лившиц 1989: 39].

Отметим, что, хотя стихотворение написано не от лица самого Марсия, оно явно выражает его точку зрения на произошедшее. По форме оно представляет собой развернутую угрозу, адресованную непосредственно Аполлону-Кифареду, призыв к отмщению «за Марсиевы раны». Не случайно здесь появляется образ «сынов Марсия», продолжающих дело своего отца. С ними, как и с самим соперником солнечного божества, в тексте соотносится мотивный комплекс ночи: тьмы, холода, туманов. Можно предположить, что речь идет как раз о современных автору художниках нового типа, ниспровергателях привычных законов гармонии, воплощающих в искусстве противоположное аполлоническому иррациональное дионисийское начало. Они претендуют на казавшееся ранее невозможным уничтожение прежнего мира с его бессмертными богами. И именно «отверженная Марсиева флейта» становится символом их победы, подменяя собой трубу архангела Гавриила, должную возвещать конец света в соответствии с христианской традицией. Вне всяких сомнений, Марсий воспринимается здесь уже как воплощение подлинной поэзии.

Не менее знаменательным представляется обращение к античному мифу о Марсии А. А. Тарковского. Во втором стихотворении его цикла «После войны» (1960) имя Марсия называется трижды и соотносится непосредственно с лирическим «я» поэта: *«Меня хватило бы на всё живое – / И на растения, и на людей, / В то время умиравших где-то рядом / В страданиях немыслимых, как Марсий, / С которого содрали кожу. Я бы / Ничуть не стал, отдав им жизнь, бедней / Ни жизнью, ни самим собой, ни кровью, / Но сам я стал как Марсий. Долго жил / Среди живых, и сам я стал как Марсий»* [Тарковский 2000: 181].

Здесь акцент делается не на идее возмездия, а на идее страдания. Поэт мыслится живущим среди людей, как Марсий, с содранной кожей, принимающим человеческое страдание на себя. Если стихотворение Б.К. Лившица может восприниматься, как потенциально бросающее вызов христианской традиции – как и любой другой официальной традиции, узаконенной, признанной социумом, – то в данном случае на уровне подтекста образ поэта-Марсия сближается с образом самого Христа. Эта мысль подтверждается появлением в следующих строках обращения к Лазарю, согласно Новому Завету, чудесным образом воскрешенному Христом на четвертый день после смерти и являющемуся своего рода символом всего человечества, ради воскрешения которого Спаситель и приходил на землю претерпеть крестные муки: *«Уходишь, Лазарь? Что же, уходи! / Еще горит полнеба за спиной. / Нет больше связи меж тобой и мною. / Спи, жизнелюбец! Руки на груди / Сложи и спи!»* [там же].

Общим моментом для обоих рассмотренных текстов, очень далеких друг от друга как в концептуальном, так и в эстетическом отношении, является не характерное для всей предшествующей русскоязычной традиции возвышение Марсия, восприятие мифа о нем как своего рода аллегории трагической судьбы поэта, творческой личности как таковой. Это восприятие сохраняется и в дальнейшем.

В поэзии второй половины XX века обнаруживаются также неоднократные сближения мифологической оппозиции «Аполлон – Марсий» с противостоянием официально признанного искусства и искусства оппозиционного, неформального. В этом отношении особенно показательна поэма В. А. Сосноры «Мой милый!» из цикла «Тридцать семь» (1973).

Бросается в глаза преднамеренное отталкивание от стереотипов в восприятии мифологических образов: Аполлон – классический красавец, сатир – уродливое полуживотное. В поэме создается прямо противоположный контраст. С одной стороны, перед нами карикатура на пожилого и малосимпатичного чиновника от поэзии: *«В лифте летал Аполлон. Лилипут. В голубом. / Ласточкой галстук. С красной кифарой. / Чуть красnobров. За голубыми очками глазастые очи. / Ехал на лифте, как эхо – людям служить. Словом и славой. / Мужество – было. Гражданское. Два подбородка»* [Соснора 2001: 100]. С другой – искреннее любование свободным художником: *«В баре сидел настоящий сатир. Современник. Может быть, с рожками, только в кудрях затерялись. / Кудри его! Не описываю. Не фантаст. / Девы дышали, как лошади, кудри его пожирая очами. / Очи его! Очи ангелов или гусаров, они – цвета злата! / Ноги его! На копытах! Ну, что тут прибавить?»* [там же].

Соперничество между двумя героями преподносится как соперничество из-за женщины – нимфы Никиппы, чего не было в оригинальном сюжете. Сатир – любовник невесты престарелого Аполлона, что и провоцирует конфликт. Поэтическое же состязание между богом и сатиrom инициируется с целью восстановления репутации божества безличными «ими» (государственными органами), *«ибо: / бог Аполлон был Большой Гражданин Государства»* [там же: 102]. Результат этого состязания предreshен заранее: *«Голосом. Гласом. Мирное соревнованье систем: / кто проиграет, с того сдирается шкура. / Вы на кифаре, этот на флейте. / Он – проиграет. Он-то один, за вами – гражданская тема»* [там же].

Шкура сдирается с Марсия в воспитательных целях, чтобы сделать его таким, как все, безличным «новым человеком». При этом сцена казни изображается посредством нанизывания подчеркнута вежливых, избилующих уменьшительно-ласкательными формами реплик палача, который старательно играет роль «добротного доктора»: *«Морфий не нужен? Смеетесь? Вам больно? Ах, нет? Тише. Тем лучше? / Это – последняя*

шкурка? Не вырастет? Чушь. Сейчас все вырастает. / Кудри скальпируем. Так. Животик-то – плёнка. / Теперь повернитесь спиной. Спасибо. Копытца отвинтим. / Вы полюбуйтесь только теперь на себя: / новый совсем человек! Запевайте о новом! Шагайте шагами!..» [Соснора 2001: 103]. Таким образом, разоблачается устрашающее лицемерие системы, пытающейся представить насилие по отношению к инакомыслящим как благое дело, в том числе и для тех, кто ему подвергается.

Однако, даже обезобразив героя, не удается добиться от него желанного подчинения: «Расхохотался – Марсий. Напился. Всюду совал свою мерзкую морду. / Так и уехал без шкуры, но хохотал – как хотел!» [там же]. Не случайно в финале поэмы декларируется близость непокоренного Марсия авторскому «я»: «Может быть, нимфа Никиппа мне написала «МОЙ МИЛЫЙ!»...» [там же: 104].

Подобное сближение при такой трактовке мифа обнаруживается и у других поэтов второй половины XX века. Стоит вспомнить хотя бы стихотворение Е. А. Шварц «Элегия на рентгеновский снимок моего черепа» (1972), из которого также следует, что фигуру флейтиста Марсия автор воспринимает не только отвлеченно, «в качестве архетипа поэтической личности» [Лейдерман, Липовецкий 2003], но и конкретно как свой собственный прообраз: «Был богом света Аполлон, / Но помрачился – / Когда ты, Марсий, вокруг руки / Его от боли вился. / И вот теперь он бог мерцанья, / Но вечны и твои стенанья. / И мой Бог, помрачась, / Мне подсунул тот снимок, / Где мой череп, светясь, / Выбыв из невидимок, / Плыл...» [Шварц 2002].

Отметим, что данная тенденция сохраняется и в поэзии XXI века. Она ярко заявляет о себе в классическом по форме сонете «Где медных солнц кочуют колесницы» из цикла «Марсий» (2005) И. Лукшта «Душой бы прозвенеть степи полынной, / А там – на скудный камень, охру глины / Лечь кожей Марсия горячей, кровяной» [Лукшт 2005]. Отчетливо видна она и в тексте Е. Антипова «Марсий» (другой вариант названия: «Флейта, Аполлон и Марсий») (2013): «Вот Жизнь и Смерть, вот потолок, / вот – можно, вот – нельзя. / Бессмертны: / Флейта, / Аполлон / и Марсий, то есть – я» [Антипов 2013]. Обнаруживается в стихотворении Е. Заславской «Марсий, вызови Феба!» (2016): «...С ним я / Словно без кожи, / Совсем без кожи, / Чувствую красоту и уродство / Этого мира! / Марсий, вызови Феба!» [Заславская 2016]. Этот список современных произведений может и должен быть продолжен, а сами тексты – подвергнуты более тщательному анализу. Однако уже и приведенные примеры говорят о том, что сложившееся в XX веке представление о подвергнутом публичному осуждению и мучительной казни мифическом флейтисте как родоначальнике новой поэзии по-прежнему сохраняет

свою актуальность. В то же время оно воспринимается уже как традиционное, каноническое и бесспорное, не требующее каких-либо доказательств и разъяснений.

Библиографический список

Антипов Е. Марсий // Бельские просторы. 2003. № 4(173). URL: <http://www.bp01.ru/public.php?public=2884> (дата обращения: 03.04.2017).

Волошин М. А. Стихотворные переводы из Анри де Ренье // Серебряный век. Авторские сборники русских поэтов рубежа 19–20 вв. URL: http://rusilverage.blogspot.ru/2016/04/blog-post_3.html (дата обращения: 05.04.2017).

Заславская Е. Марсий, вызови Феба! URL: <http://zaslavskaja.com/2016/08/22/marsiy-vyizovi-feba.html> (дата обращения: 02.04.2017).

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Поэзия необарокко (И. Жданов, Е. Шварц, А. Еременко, А. Парщиков) // Современная русская литература 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 2. 1968–1990. М.: Академия, 2003. URL: http://texts.news/literaturovedenie_1041/poeziya-neobarokko-ijdanov-eshvarts-aeremenko-78609.htm (дата обращения: 30.03.2017).

Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. 720 с.

Лукич И. Марсий. URL: <http://rifma.ru/posts/post/384906> (дата обращения: 03.04.2017).

Моисеева А. А. Две интерпретации мифа о Марсии: прародитель графоманов или отец поэтов? // Филолог. 2010. № 13. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_13 (дата обращения: 01.04.2017).

Ренье Анри де. Избранные стихотворения / сост. В. Есаулов. 2004. URL: http://lib.ru/POEZIQ/RENJE/genje_stihi.txt (дата обращения: 05.04.2017).

Соснора В. А. Девять книг. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 423 с.

Тарковский А. А. Избранная лирика. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 320 с.

Шварц Е. А. Элегия на рентгеновский снимок моего черепа // Неофициальная поэзия. Антология. Кв. 37. URL: <http://rvb.ru/np/publication /01text/36/02shwarts.htm> (дата обращения: 30.03.2017).

A. A. Moiseeva

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

THE IMAGE OF MARSYAS IN RUSSIAN LYRICS OF XX–XXI CENTURIES.

In this article we investigate the specific of image of Marsyas in Russian lyrics of XX – XXI centuries. We compare it with traditions of last periods and try to find causes of its popularity.

Key words: mythological images of antiquity; myth about poet; Russian lyrics of XX–XXI centuries.

Роготнев Илья Юрьевич
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
rogotnev05@mail.ru

АНТИЧНАЯ МЕНИПЕЯ И «ЛОЖНАЯ САТИРА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье делается попытка выявить основные типы комизма на основе эстетической функции художественного приема. Основное внимание уделено анализу понятия «мениппея», полемике вокруг этого явления. Взгляды М. М. Бахтина на «мениппову сатиру», неоднократно подвергавшиеся критике со стороны академической науки, нуждаются в непредвзятом анализе и тщательной реконструкции. Можно утверждать, что бахтинские интерпретации едва ли не впервые в гуманитарной науке зафиксировали особый тип комизма, отличный от юмористики и сатиры в традиционном понимании и направленный на деконструкцию мышления и культуры. Большое значение для развития данного типа интеллектуального дискурса имела философская школа киников, в произведениях которых без труда обнаруживаются приемы деконструкции. В статье делается вывод о взаимодействии рекреационного, инвективного и философического типов комики в пространстве сатирического произведения. Выдвигаемые теоретические принципы иллюстрируются анализом текстов Д. И. Фонвизина и Н. В. Гоголя, которые объединяет специфический эффект «ложной сатиры». Показано, что комические элементы служат здесь не столько обличению социальной реальности, сколько сатирической критике нормативной ментальности.

Ключевые слова: сатира; смех; типология литературы; мениппея.

Сатира как особый тип литературы реализует сочетание резкой критики изображаемого и комического эффекта. В написанной для литературной энциклопедии статье «Сатира» (1940) М. М. Бахтин обсуждает три значения интересующего нас понятия: 1) особый лиро-эпический жанр (тексты Горация, Ювенала, Кантемира), 2) смешанный прозаический жанр, «мениппова сатира» (Петроний, Лукиан, Апулей и развитие жанра у Рабле и Сервантеса), 3) «определенное (в основном – отрицательное) отношение говорящего к предмету своего изображения» [Бахтин 1997: 11]. В третьем значении сатира – это наименование универсального межжанрового и межродового явления (по сути, название особой разновидности пафоса, как рассматривает сатиру, скажем, Г. Н. Поспелов [1971: 128–151]), в то время как в первых двух – обозначение для жанровой традиции. В действительности, Бахтин, на наш

взгляд, намечает путь к теории «двух сатир», двух линий развития сатирической литературы. Сатира условно может быть разделена на два множества текстов, архетипическими моделями для которых служат сатира-1 (горацианская) и сатира-2 (мениппова).

Представляется продуктивным отказаться на этапе анализа от классификации текстов в координатах «юмор – сатира» и обратиться к конкретным комическим элементам: сюжетным мотивам, речевым оборотам, предметным деталям и т. д. Такие элементы можно назвать «комизмами» – по аналогии с терминами «архаизм», «прозаизм» и т. п. (для образования данного термина мы используем метонимический перенос: комизм как широкое явление можно представить как систему «комизмов»). Мы можем предположить, что комизмы (художественно организованные «аномалии» – несоответствия Норме) могут выполнять три функции: *рекреационную* (наслаждение игрой беспорядка; рекреационную комику мы обычно называем юмором), *инвективную* (обличение лиц и явлений, как это происходит в сатирах Ювенала) и таинственную *миросозерцательную / философическую* функцию, которую Бахтин описывает в связи с мениппеей. Наличие этой третьей функции еще предстоит доказать, поскольку у Бахтина есть немало авторитетных и компетентных критиков.

Критикуя построения Бахтина, М. Л. Гаспаров утверждает: «Новая, небывалая литература, программу которой сочинил Бахтин, называлась мениппеей. Это название <...> отсылает к греческим сатирам Мениппа и римским Варрона, от которых сохранились только невразумительные фрагменты, легко поддающиеся невразумительным разнотолкованиям» [Гаспаров 2004]. Выдающийся филолог не вполне точен: Бахтин выводил свою «небывалую литературу» не из мениппеи, а из «области серьезно-смехового», к которой мениппея, по Бахтину, принадлежала. К той же области относил Бахтин мимы Софрона, «сократический диалог», «обширную литературу симпозионов (тоже особый жанр), раннюю мемуарную литературу (Иона из Хиоса, Крития), памфлеты, всю буколическую литературу» [Бахтин 1979: 179]. В то время как мимы Софрона, а также произведения Иона Хиосского и Крития до нас, в самом деле, не дошли, мы имеем в большей или меньшей сохранности тексты симпозионов (литературных «пиров», начиная с «Пира» Платона), античные «памфлеты» (имеются в виду, вероятно, кинические диатрибы и римские инвективы), буколики (в том числе буколический роман Лонга «Дафнис и Хлоя»). Иными словами, Гаспаров лишь отчасти прав, настаивая на «небывалости» «сочиненной» Бахтиным литературы. Более того: пользуясь непререкаемым авторитетом, филолог-классик допускает чрезмерно категоричные суждения. В частности, он заявляет, что

«у Апулея нет ничего злободневного» или, к примеру, что «Бахтин выводил из мениппеи (*ante litteram*) сократический диалог» [Гаспаров 2004]. Роман Апулея, разумеется, весьма злободневен, а сократический диалог в бахтинской исторической поэтике скорее порождает мениппею, чем выводится из нее. Отметим и то, что Бахтин вовсе не стремится ввести в заблуждение читателя, «продавая» не дошедшие до нас сочинения Мениппа и Варрона. В «Проблемах поэтики Достоевского» эти имена упоминаются в контексте истории жанровой номинации – *истории термина* «мениппова сатира», но не художественных структур.

Далее Бахтин перечисляет целый калейдоскоп имен, вполне, вероятно, загадочных для далекого от классической филологии читателя: «может быть, еще Антисфен» [Бахтин 1979: 190], Гераклид Понтик (автор, о котором известно крайне немного), Бцион Борисфент (сохранился во фрагментах), Сенека (имеется в виду его «Отыквление»), Петроний, Лукиан, Апулей. Таким образом, на пять авторов, известных только во фрагментах (Менипп, Варрон, Антисфен, Гераклид, Бцион), в бахтинском ряду приходится четыре автора, чьи произведения сохранились если не полностью, то достаточно хорошо – вообще говоря, «баланс сохранности» для изучения жанров античной литературы более чем приемлемый. Почему бы не попытаться проникнуть в мысль Бахтина – и аналитически рассмотреть те тексты, которые можно подвергнуть поэтологическому изучению?

Отметим, кстати, что Антисфен, Бцион и сам Менипп – представители кинической школы философии. Киники же разработали жанр диатрибы, развивавшийся, по мнению Бахтина, «в орбите» мениппеи [Бахтин 1979: 191]. Тяготел к кинизму Варрон. К «кинизирующим писателям» иногда относят и Лукиана – безусловного классика, автора многих известных сегодня сатирико-философских текстов. Сенека же, как известно, принадлежит к традиции стоической философии, весьма близкой кинизму. Напомню, что к киникам принадлежал и Диоген из Синопа – эта фигура превращается в раблезианском эпосе в устойчивый смеховой топос (см., например: [Бахтин 1990: 197, 426]). Для понимания того, что Бахтин называет античной карнавализованной литературой, необходимо обратиться к литературно-интеллектуальной традиции киников. Именно киники последовательно использовали комику для построения философского дискурса (и своеобразного «философского праксиса»). «Философичность – неотъемлемая черта “мениппеи”». Самые невероятные приключения героев, необузданная фантазия и смелые вымыслы авторов менипповских сатир, сочетавших реальное и сверхъестественное, историческое и легендарное, подчинены внутренней логике и преследуют идейно-дидактическую цель: создать исключительную ситуацию для до-

казательства жизненности какого-либо необычного тезиса кинической философии» [Нахов 1981: 53].

М. Л. Гаспаров прекрасно понимал, что за бахтинскими построениями стоит вполне реальная дискурсивная традиция (к тому же описанная в общих чертах хотя бы в процитированной монографии И. М. Нахова), но явно увлекся деконструкцией бахтинской исторической поэтики. «Из всей мировой литературы Бахтину в его исканиях ближе всего только трагический хаос вверху, у Достоевского, и комический хаос внизу, у Рабле, а всю промежуточную упорядоченность он романтически отвергал» [Гаспаров 2003]. На языке хаоса Бахтин, по убеждению Гаспарова, говорит с Богом, строит свой диалог с абсолютными инстанциями. Этот великолепный образчик деконструктивизма, созданный Гаспаровым на полях «Проблем поэтики Достоевского», говорит нам кое-что существенное о бахтинской мениппее: в самом деле, *карнавализованная литература в бахтинской интерпретации – это использование поэтики и семиотики хаоса для постижения смысла бытия.*

Отмечу очень точное наблюдение М. Л. Гаспарова: Бахтин «равнодушен к такому карнавальному писателю, как Аристофан (и даже нарочно отмежевывает его от Рабле в «Формах времени и хронотопа в романе») – потому что Аристофан слишком политизирован, слишком нехаотичен, а в конечном счете просто потому, что он существует – как текст, а не как домысел» [Гаспаров 2003]. Рядом с Аристофаном можно назвать и Катулла – автора, не чуждого площадной брани, трущобного натурализма, городского фольклорного смеха, элементов *ragodia sacra* и эстетики оргастического хаоса, связанного с культами Великой Матери и покровителя брачных уз Гименея. Катулл тоже существует «как текст»: три свитка его поэзии влияли на карнавализованную и «серьезную» литературу Нового времени во всяком случае не меньше, чем сатирико-философская проза Лукиана или Петрония.

Здесь я позволю себе сформулировать амбициозную программу исследования античной словесности для выявления основы и вариаций той традиции, которую принято называть «мениппова сатира»: 1) требуется выявить структуру и контент комико-философской литературы киников, 2) киническую комiku следует сопоставить с хорошо сохранившейся прозой Апулея, Петрония, Сенеки, Лукиана и 3) фрагментами Луциллия, текстами буколик и симпозионов (все это Бахтин почему-то связал с мениппейной традицией), 4) если удастся выявить какую-то «традицию» как устойчивое единство принципов «мениппеи», то эту «традицию» предстоит противопоставить сатирам Персия, Горация и Ювенала, 5) в то же время не мешает рассмотреть сатирико-философские элементы произведений Аристофана и Катулла – и попытаться вы-

яснить, почему последних Бахтин не торопится вводить в свою «серьезно-смеховую традицию».

В заключение краткого рассмотрения вопроса рискну выдвинуть гипотезу о том, что представляет собой «ядро» кинико-карнавальная традиция. В произведениях греческих нищенствующих аскетов, Лукиана, Петрония и других «мениппейных» авторов *критика нравов и порядков сочетается с деконструкцией этики, эстетики, гносеологии* репрезентируемого социума (в сущности, ту же миссию по-своему выполняет символический механизм юродства, которое обличает мышление обывателя с позиций трансцендентной мудрости). Противопоставляя норму и аномалию, комическое способно анализировать границы, различия, тождества, подобия, центральное и маргинальное – основы «метафизики». Следует учитывать, что термином «деконструкция» Жак Деррида стремился обозначить не изобретенную им методику анализа концептуальной структуры текста, а универсальное дискурсивное событие – почти столь же универсальное, что и событие понимания, которому деконструкция на первый взгляд противоположна. Если такое «событие» в самом деле имело место в духовной истории человечества как событие регулярное, то именно оно и легло в основу той структуры, которую Михаил Бахтин называл «мениппеей».

Особый интеллектуализм мениппеи отмечен еще Нортропом Фраем: по его мнению, «мениппова сатира имеет дело не столько с людьми, сколько с ментальными установками», представляет людей как «выразителей идей» [Frue 1957: 309]. Ввиду того, что анализ и своеобразная игра эрудицией становятся организующими принципами многих мениппей, исследователь считает возможным ввести альтернативную жанровую номинацию – «анатомия» [там же: 311–312].

Обратимся к примерам. Вот что сообщает о Диогене Синопском в своих «Жизнеописаниях» Диоген Лаэртский: «Большинство людей, говорил он, отделяет от безумия лишь один только палец; ведь если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на все средним пальцем, то подумают, что он сошел с ума, а если указательным, то нет» [Антология 1984: 145]. Мы видим, как с помощью каламбура Диоген подвергает сомнению представления обывателей о Норме и безумии – здесь комизм очевидным образом становится событием деконструкции.

С такими комическими деконструкциями мы встречаемся в кинической литературе постоянно, хотя последняя не устает обличать разврат, жадность, глупость и прочие пороки – вполне в духе «бичующей сатиры». В диатрибе Телета «Об апатии» мы встречаем великолепный образчик философской критики дискурса:

«Достойна похвалы дочь, просящая мать:
... родная, давшая мне жизнь,
не проливай потоки слёз по мне.
А если мать выполнит просьбу, то её сочтут чёрствой»
[Антология 1984: 199].

Предсмертное обращение к матери (вероятно, цитата из не дошедшей до нас трагедии) предстает в данном контексте инерционным, лишенным эмоционального смысла, на который реплика претендует, взыскающим более «похвалы», нежели ответного действия. Однако остроумие Телета задевает не персонажей трагедии, а сознание обывателя, который «сочтет черствой» мать, если та исполнит завет дочери. Позиция Телета в диатрибе выражена недвусмысленно: он не признает скорби по умершим и страха смерти. Деконструируется «траурная мораль»: мы сочувствуем тем, кто не желает скорби близких, и осуждаем тех, кто не скорбит. Скорбь в парадоксе Телета оказывается пустой символической практикой.

Очевидно, что комические образы в Лукиановых «Разговорах богов» обличают не столько разврат и иные пороки, сколько благочестивый культ развратных и порочных богов. Здесь комическая деконструкция предстает в своей частной форме – как демифологизация.

Обратимся к некоторым классическим примерам, анализ которых требует от нас существенного переосмысления категориального аппарата сатиrowедения.

В середине 1760-х годов Д. И. Фонвизин пишет замечательную стихотворную сатиру «Послание к слугам моим». В этом небольшом произведении затрагивается достаточно обширная проблематика. Сюжет сатиры – размышления о смысле бытия: «на что сей создан свет?». В постановке вопроса «свет», конечно, понимается как мироздание. В ответах же персонажей слово употребляется в значении «общество», а основным мотивом является тотальное «злонравие» света, вполне в духе пятой сатиры Кантемира («Сатир и Периерг») – к слову, самой мениппейной у этого, известного своим «горацианством», автора. Три персонажа фонвизинского «Послания»: Шумилов, Ванька и Петрушка – выражают три типа отношения к общественному порядку: первый предпочитает знать лишь свое место в этом несовершенном мире; второй размышляет о бессмысленности социальной жизни, видя повсюду проявления нравственных пороков; третий предлагает жить сообразно с порядком вещей, посвятив себя порокам и удовольствиям. Итог размышлений таков: злокачественность общественной жизни делает «свет» бессмысленным.

Сравним, однако, «Послание к слугам моим» с упомянутой пятой сатирой Кантемира. Если у последнего комический эффект связан с остранием человеческих нравов и порядков в восприятии мифического сатира, в обнажении их бессмысленности и порочности, то у Фонвизина описание «злонравия» почти совершенно лишено комизма:

Да, сверх того, еще заметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кашеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги – дворецкого, дворецкие – господ,
Друг друга – господу, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
[Фонвизин 1959: 211]

Легкий и афористичный слог, меткость даваемых характеристик еще не делают произведение комическим. Эффект смешного создается преимущественно *ирои-комическими средствами*: стилистическим противоречием между философской глубиной вопроса и незатейливыми рассуждениями персонажей, между народными типажам и высокими речевыми оборотами, между формой стихотворного послания и адресатами послания, между словами различных стилевых рядов – иначе говоря, на столь малом объеме используется огромный арсенал бурлескных средств:

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
«.....»
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».
К тебе я обращаю теперь мои слова,
Широкие плеча, большая голова,
Малейшего ума пространная столица!
[Фонвизин 1959: 209]

Осмеивается ли этими средствами зло? Последнее обличено, но не высмеяно: инвектива и комика соседствуют, однако *не сливаются в одном эстетическом объекте*. Возникает эффект ложной сатиры.

Ирои-комический стиль позволяет разоблачить, как кажется на первый взгляд, не самый важный и едва заметный аспект тотального «злонравия». Наиболее явно этот момент зла проявляется в ответе Шу-

милова: «Я знаю то, что нам быть должно век слугами...» [Фонвизин 1959: 209]. Здесь возникает противоречие между высоким «философическим» настроением барина и «прозой жизни» его слуги. Обличается здесь сам субъект, неудачливый философ, которого ответы слуг должны «спустить на землю». Ироико-комическая стилистика призвана вскрыть социальный смысл оторванности «проклятых вопросов» от реальной жизни, здесь показана дистанция между праздными господами и практичными рабами. Но смысл текста не сводится к этой, далеко не самой явной идее. Важнее то, что в обыденном опыте слуг раскрывается нечто, обретающее философскую значимость, – раскрывается бессмысленность света и самих «проклятых вопросов». Стилиевые приемы, конечно же, и подчеркивают эту бессмысленность. Комизм не бьет по отдельным порокам – он бьет по самой манере ставить вопросы, по самой установке отыскивать смысл в бездне пошлой и несправедливой жизни. Инвектива не становится функцией комизма, последнюю здесь почти исключительно приходится рассматривать как философическую, поскольку ироико-комика деконструирует метафизический вопрос о смысле бытия.

Подобного рода ложные сатиры (где комика и инвектива соседствуют, но не связаны друг с другом как прием и его функция) не столь уж экзотическое явление, как могло бы показаться. Так, если мы проанализируем основные комизмы гоголевских «Записок сумасшедшего» (1834), то без труда обнаружим, что в целом они связаны с аномальным состоянием героя, его фантазмами и галлюцинациями. Трудно предположить, что Н. В. Гоголь с помощью насмешки обличал безумие, психический недуг. На самом деле, здесь использован комизм, типологически близкий юродству (Ю. Манн [1995] справедливо обнаружил тот же тип литературного смеха в «Шинели» (1842)): автор, как и юродивый на паперти, провоцирует нас на смех, обличающему нас самих. Башмачкин и Поприщин смешны лишь для греховного менталитета обывателя, который призывается к духовному просветлению и состраданию. Инвектива затрагивает лишь некоторый слой (не основной) комизмов – в целом комика обсуждаемых повестей осуществляет философическую истину «Познай самого себя».

Фонвизинский и гоголевский случаи «ложной сатиры» являются, по сути, текстами с доминирующим философическим типом комизма. Иными словами, ложным здесь является сходство с сатирой отрицающего рода, в то время как перед нами не отрицание явления, а деконструкция Нормы. Не рискну назвать «Послание к слугам» и «Записки сумасшедшего» мениппеями (как Бахтин называл некоторые тексты Достоевского), но полагаю, что их роднит, скажем, с сатирами Лукиана общий доминирующий тип комизма. Предлагаемые замечания к текстам

Д. И. Фонвизина и Н. В. Гоголя призваны продемонстрировать излагаемые методологические и методические принципы и наметить перспективу анализа русской классической сатиры в горизонтах выдвинутых гипотез.

В весьма многообразной сфере комического можно выделить ограниченное количество эстетических функций комики, связанных с фундаментальными основами смеха и смехового поведения. Комический образ всегда включает в себе аномалию, эксцентрику, вызов инерции нашего мировосприятия, т. е. «Норме», укорененной в ментальной сфере. Эта игра в аномалии может быть самодостаточной (рекреационная функция) либо в известной мере назидательной, противопоставляющей аномалии некоторому идеалу (инвективная функция). Первый случай принято называть юмористической разновидностью комизма, второй – разновидностью сатирической. Между тем, существует особый род комики, обнаруживаемый в пресловутых менипповых сатирах, который, противопоставляя норму и аномалию, деконструирует саму Норму (философская функция). Я предпочитаю считать этот тип комического второй разновидностью сатиры. Так или иначе, следует признать возможность сочетания в художественных произведениях всех трех типов смеха: рекреационного, инвективного, философического.

Библиографический список

Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей / сост., вступ. ст. И. М. Нахов. М.: Наука, 1984. 400 с.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М.: Художественная литература, 1979. 470 с.

Бахтин М. М. Сатира // *Собрание сочинений*. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов / ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. М.: Русские словари, 1997. С. 11–38.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

Гаспаров М. Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // *Вестник гуманитарной науки*. 2004. № 6(78). URL: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=5492> (дата обращения: 11.07.2016).

Манн Ю. В. Карнавал и его окрестности // *Вопросы литературы*. 1995. № 1. С. 154–182.

Нахов И. М. Киническая литература. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. 303 с.

Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М.: Просвещение, 1971. 271 с.

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1 / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. XLVII + 632 с.

Frye Northrop. *The Anatomy of Criticism: Four Essays*. Princeton University Press, 1957. 383 p.

I. Iu. Rogotnev

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

ON THE OUTLINES OF TIPOLOGICAL STUDIES IN SATIRICAL LITERATURE

The article makes an attempt to reveal the main types of comicism based on different aesthetic functions of the comic dodges. The main attention is paid to the analysis of the concept of “menippea” and discussion on this phenomenon. M. Bakhtin’s views on “menippean satire”, which has been repeatedly criticized by academic science, needs an unbiased analysis and careful reconstruction. It can be argued that the Bakhtin interpretations were for the first time in the humanities a special type of comic, different from humor and satire in the traditional sense, aimed at deconstructing mentality and culture. Of great importance for the development of this type of intellectual discourse was the philosophical school of the Cynics, in the works of which the techniques of deconstruction were easily discerned. The article concludes about the interaction of recreational, invective and philosophical types of comedians in the space of a satirical work. The proposed theoretical principles are illustrated by the analysis of D. I. Fonvizin and N. V. Gogol, where we can discover the specific effect of “false satire”. It is shown that the comic elements serve not as much a denunciation of social reality as a satirical critique of normative mentality.

Key words: satire; laughter; tipology of literarure; menippea.

Туманова Ольга Сергеевна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
tumanova_os@mail.ru

**«НО ДЕРЗКОГО В ВАЛГАЛЛЕ ТЫ НАЙДЁШЬ...»:
К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ СКАНДИНАВИИ РУССКОЙ
ПОЭЗИЕЙ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

Статья посвящена восприятию Скандинавии русской поэзией конца XVIII – первой четверти XIX вв.: с момента первого появления ее образа в лирике Г. Р. Державина до «скандинавизма» русских поэтов-романтиков. Последний связан с заимствованием, ассимиляцией и трансформацией русской литературой мифологических образов Старшей Эдды.

Ключевые слова: мифологические образы; мифотворчество; пересечение культурных контекстов; женские образы.

«Скандинавизм» русской литературы имеет долгую историю, и не последнюю роль здесь сыграли исторические связи со Скандинавией. Говоря словами Ф. И. Буслаева, «мы, русские, с малых лет привыкли к мысли о каких-то темных, в доисторическом отдалении теряющихся связях древней Руси со Скандинавией» [Буслаев 1875: 3].

В данном контексте нам представляется любопытной мысль, высказанная Д. С. Лихачевым в статье «Культура как целостная среда». Он отмечает, что для русской культуры более знаменательна ось Север-Юг: «С юга, из Византии и Болгарии, пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера другая языческая дружинно-княжеская военная культура – Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией» [Лихачёв 1994: 7].

Действительно, русское видение Скандинавии имело определённую специфику: с одной стороны, она представлялась как исторически связанная с Россией страна, с другой стороны – как область, находящаяся за пределами ясного видения, как иной, запредельный и непостижимый мир. В культурном сознании русского человека прочно укоренились представления об уходящих в глубь веков связях Древней Руси со Скандинавией. В то же время Древняя Скандинавия противопоставлялась «византийскому» православию, а также и классицистическому Риму и классическому образованию. Этот момент противопоставления

особенно важен: обращение к Скандинавии в большей или меньшей степени мыслилось как «вызов общепринятой норме и выход за пределы официальной культуры» [Смирницкая 1999: эл. ресурс]. На наш взгляд, для поэтического мировоззрения ключевыми оказываются именно эти слова.

Обращения к скандинавской мифологии в русской поэзии впервые появились в XVIII в. Характерный пример – стихотворение Г. Р. Державина «На победы в Италии» (1899). В нём, вероятнее всего, впервые в русской лирике появляется Вальхалла как особый тип мифологического пространства, а также образ валькирий – скандинавских дев-воительниц, наиболее частотный из всех скандинавских образов, появляющихся в русской поэзии.

Поэт называет валькирий «валками» (*«Ударь во серебряный, священный, Далеко-звонкий, Валка, щит!..»*), Вальхаллу – «Валкалою» [Державин 1985: 386], а в «Объяснении на сочинения...» сопоставляет скандинавских валькирий (на основании родства с покровителем поэзии Одином) с античными музами: *«Древние северные народы, или варягоссы, возвещали войну и собирались на оную по ударению во щит; а валками назывались у них военные девы или музы»* [там же]. Из этого высказывания нетрудно сделать вывод, что в сознании представителей русской культуры XVIII в. скандинавский образ попал под влияние древнегреческой мифологии. Можно отметить также неформившееся написание данных мифонимов, что свидетельствует об их новизне в русской поэтической системе. Названные поэтом образы – *Валкалу* и *валок* (то есть *Вальхаллу* и *валькирий*) нужно рассматривать в непосредственной взаимосвязи. Согласно скандинавской эсхатологии, Вальхалла является субститутомрая, хотя этот рай и предназначен лишь для доблестных воинов; валькирии – проводники в Вальхаллу, по некоторым версиям они являются также дочерьми верховного бога Одина, хозяина этого мира мёртвых героев. Несмотря на то что топоним «Вальхалла» часто прямо не называется, однако обыкновено он подразумевается при введении в стихотворную ткань образа валькирий. Образ валькирий — это первый непосредственный репрезентант Вальхаллы как мифологического пространства.

Заметим, что эта традиция связана со скандинавской архаикой, так как сами мифонимы являются однокоренными: в переводе с древнеисландского *Valhöll* – «палата павших», валькирия – «собирательница павших». Как отмечает исследователь-германист Н.Ю. Гвоздецкая, «все имена валькирий, поддающиеся этимологическому истолкованию, так или иначе связаны с обстановкой битвы» [Гвоздецкая 2005: 78]. Внут-

ренняя форма мифонимов позволяет установить семантическую (и логическую) связь «битва – валькирия – Вальхалла».

Весьма вероятно, что Г. Р. Державин был знаком с древнеисландским мифом о «мёде поэзии», который причудливо преломился в его поэтическом сознании, соединившись с содержанием саг «Старшей Эдды» и с некоторыми (ставшими уже классическими) образами греческой мифологии. Отдельно стоит прокомментировать факт отнесения валькирий к «военным девам или музам». Миф о «мёде поэзии» подробно пересказан Снорри Стурлусоном в «Младшей Эдде» [Младшая Эдда 1970: 97] – средневековом учебнике скальдической поэзии. Согласно этому мифу, Один, верховное божество в скандинавском пантеоне, является покровителем *талантливых* скальдов (то есть поэтов). Данный миф объясняет и божественную сущность поэтического дара. При этом скальд – фигура, которая не тождественна западноевропейскому менестрелю; скальд – это синкретизм сил разрушения и созидания, совмещающий роли воина и поэта. Согласно такой логике, и доблестного поэта после смерти должен ожидать Один в своём чертоге – Вальхалле. Валькирии, как уже было сказано выше, согласно одной из версий мифа, являются дочерьми Одина, следовательно – покровительницами поэтов-скальдов. В результате первое изображение Вальхаллы может в некоторой степени соотноситься с традиционными представлениями о поэтическом рае.

Впрочем, иногда понятие «Вальхалла» в русской поэзии использовалось как обозначение «того света» в широком смысле этого слова: *«Услышала Эвлега стук мечей / И бросила со страхом хлад пещерный. / Приди узреть предмет любви твоей! – / Вскричал Одульф подруге нежной, верной. – / Изменница! ты здесь его зовешь? / Во тьме ночной вас услаждает нега, / Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!»* (1814) (А. С. Пушкин «Эвлега») [Пушкин 1969: 173].

Образы валькирий, появляющиеся в стихотворении К. Н. Батюшкова «Мечта», подобно валькириям Державина весьма далеки от Скандинавии. Здесь можно заметить иную тенденцию – влияние не только античной (валькирии как музы или нимфы), но и арабской мифологии. Валькирии К. Н. Батюшкова – скорее восточные гурии («загробные» возлюбленные праведников), а не грозные воительницы: *«Где дочери Веристы / Власы свои душисты / Раскинув по плечам, / Прелестницы младые, / Всегда полунагие...»* (1817) [Русская поэзия XVII – XX веков 2004: 3 629]. Подобный образ, кстати, появляется в 1828 году в стихотворении А. И. Одоевского «Скальд»: *«Утешьтесь о павших! Они в облаках / Пьют юных Валькирий живые лобзанья...»* [там же: 28 949].

Очевидно, что образ Вальхаллы (с момента его появления в русской поэзии) соотносится с образом рая (в редких случаях используется

вариант соотнесения с субститутами рая «эмпирей» и «элизиум» античного происхождения). Иными словами, именно Вальхалла мыслится русскими поэтами как единственно возможный вариант скандинавского загробного мира.

Это противоречит скандинавской мифологии, где загробный мир дробится на две части: собственно Вальхаллу, палаты Одина, куда путь открыт лишь отважным воинам, погибшим в бою (эйнхериям), и Хель – царство мёртвых, куда попадают остальные смертные. Топосы Вальхалла и Хель в скандинавской мифологии являются членами ряда бинарных оппозиций, присущих традиционной культуре: «верх – низ», «бессмертие – смерть», «свет – тьма».

Вальхалла – это «верхний мир», палаты верховного бога Одина в Асгарде, крепости богов-асов, располагающейся на небесном поле Идавэль. Вальхалла освещается блеском мечей. Эйнхерии попадают туда после смерти для того, чтобы там до наступления Рагнарёка (Конца Света в скандинавской мифологии) проводить время, наслаждаясь неиссякающим медовым молоком и неиссякающим мясом вепря, а когда придет время Последнего Боя, стать воинством Одина. Таким образом, Вальхалла представляется как обитель вечной жизни и вечной славы (можно сравнить с эддической метафорой «вечного боя» как жизни вообще). Вальхалла, несмотря на свою принадлежность к иномирным топосам, всё же мыслилась как пространство жизни.

Хель – это «нижний мир», расположенный под корнями мирового ясеня Игдрасиль, дорога туда идет вниз и к северу от мира людей, омываемая рекой Гьёлль, мост через которую охраняет дева Модгуд (архетипический образ «дороги без возврата») [Старшая Эдда 1975: 183]. Он являет собой зеркальное отражение Вальхаллы: находится под землей, оттуда нет возврата даже богам (например, Бальдеру), с ним также связаны определённые женские персонажи. Однако если валькирии (прекрасные и воинственные (то есть все же «живые») проводники павших в Вальхаллу) являются принадлежностью стихии воздуха, то Хель, хозяйка царства мертвых, и Модгуд, стерегущая мост, относятся к чудовищным хтоническим божествам, наполовину мертвецам. Хель является абсолютным пространством смерти.

Можно предположить, что такое дробление загробного мира в скандинавской мифологии поэтическим сознанием, испытавшим влияние христианской картины мира, воспринималось как аналогичное деление на рай (Вальхаллу) и ад (Хель). Следовательно, предметом изображения в русской лирике с самого начала становится более привлекательный «райский» топос Вальхаллы, в то время как Хель упоминается всего несколько раз за всю историю русской поэзии. Показательный

пример — стихотворение К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814): «...И Гела день и ночь в Валкалу провождает / Погибших бледный сонм» [Батюшков 2004: 3 629]. Здесь заметна антиномия «верхний-нижний мир»: павшие герои уходят в Вальхаллу, «наверх», Гела (судя по всему, образ Хель здесь контаминирован с образом валькирии) лишь провожает, сама оставаясь на земле.

Стоит отметить, что в Средние века, в период активной христианизации Скандинавии и борьбы с язычеством, Вальхаллу начали изображать как эквивалент аду (где «вечный бой» стал отождествляться с адскими пытками), а обитатели Вальхаллы стали демонизироваться. Подобное представление никак не отразилось на изображении скандинавских мифологических образов в русской лирике, однако Вальхалла предстаёт не как полный эквивалент христианскому раю, а как некая «усреднённая», более земная его версия.

Отдельный вопрос вызывает тот факт, что в качестве образа — репрезентанта Вальхаллы «маскулиноцентричная» русская поэзия выбирает женский образ валькирий (а не мужской — Одина или Локи, например). Можно вспомнить высказывание С. С. Аверинцева: «Если для предстояния библейскому богу нужны твёрдость и ответственность мужчины, то для пассивного медиумического вещания судьбы пригодна только женщина» (цит. по: [Михайлова 2005: 12]). Действительно, если обратиться к германской мифологии, то можно заметить, что валькирия — это ипостась обожествлённой германскими племенами Женщины, «в которой они видели не только жену и мать, но и во многом властительницу судьбы» [Михайлова 2005: 10].

В валькирическом мифе традиционно выделяют два пласта: архаический, «связанный с первобытными представлениями о существах женского пола, которые рыскали по полям сражений и кормились плотью и кровью павших», и «классический», связанный с культом Одина и Вальхаллы [Гвоздецкая 2005: 78] и «со становлением идеалов дружинного образа жизни в эпоху викингов; их задача более благородна: решить, кому жить, а кому даровать победу» [там же]. Эпическая традиция «Старшей Эдды» реализует, новый, «классический» пласт валькирического мифа. Русская поэзия конца XVIII — первой четверти XIX вв., оказавшаяся реципиентом скандинавских образов, испытала влияние традиции «Старшей Эдды» и наследовала тенденцию обращения к валькирическому мифу и представления о валькириях как об активном женском начале, творящем судьбу.

Библиографический список

- Батюшков К. Н.* Русская поэзия XVII – XX веков // Электронная библиотека: Шедевры мировой культуры на CD. М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 2004. 47 156 с.
- Батюшков К. Н.* Отрывок из писем русского офицера о Финляндии // Сочинения К. Н. Батюшкова, изданные П. Н. Батюшковым: в 2 т. СПб.: 1884. Т. 1.
- Буслаев Ф. Н.* Древнесеверная жизнь. Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей. Воронеж, 1875. С. 3.
- Гвоздецкая Н. Ю.* Валькирический миф в женских образах «Старшей Эдды» // Мифологема женщины – судьбы у древних кельтов и германцев (сборник). М.: Индрик, 2005. С. 78–103.
- Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Новый мир, 1994. № 8. С. 7–28.
- Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и ирландцев* (вступ. статья Т. А. Михайловой). М.: Индрик, 2005. 336 с.
- Младшая Эдда.* Л.: Наука, 1970.
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1969. 505 с.
- Смирницкая О. А.* Софья Свириденко и её «Эдда». URL: <http://norse.ulver.com/articles/smirn/sviridenko.html> (дата обращения: 14.03.2017).
- Старшая Эдда* (вступ. статья А. Гуревича). М.: Художественная литература, 1975. 752 с.

O. S. Tumanova

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

“YOU FIND THE DARING ONE IN VALHALLA”: TO THE QUESTION ABOUT RUSSIAN SIGHT OF SCANDINAVIA IN RUSSIAN POETRY OF XVIII – FIRST QUARTER OF XIX CENTURY

This article is devoted to the reception of Scandinavia in Russian poetry in the end of XVIII – first quarter of XIX century, from the first appearance in lyric of G. R. Derzhavin to the passion to Scandinavia by Russian romanticism poets. This appearance is connected with borrowing, assimilation and transformation mythology images from Poetic Edda in Russian literature.

Key words: mythological types; myth-making; women types; crossing of culture contexts.

Ши Шаньшань
аспирант филологического факультета
ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shishanshanchn@gmail.com

А. П. ЧЕХОВ И ПЕРМЬ

Статья посвящена литературным и внелитературным связям великого русского писателя А. П. Чехова с Пермью. В ней говорится о посещении Чеховым этого города, а также о влиянии Перми на творчество писателя.

Ключевые слова: Чехов; Пермь; рассказ «Мальчик»; пьеса «Три сестры»; пермские корни.

Впервые А. П. Чехов попадает в Пермь проездом по пути на остров Сахалин, куда в 1890 году отправляется для проведения переписи населения. Всего же в течение своей жизни Чехов побывал в городе три раза. Город не мог не оставить отпечаток в душе и произведениях писателя. Самое известное подтверждение этому связано с чеховской пьесой «Три сестры», но некоторые отсылки к Перми и Каме встречаются и в других произведениях Чехова.

Один из самых известных исследователей творчества великого русского писателя В.Ф. Гладышев, прочитав, по его выражению, насквозь полное собрание сочинений Чехова, в рассказах, повестях, записных книжках, пьесах и письмах классика обнаружил множество упоминаний о Каме, Перми и пермяках, о настоящих уральских типах. Предвестником этой темы является рассказ «Мальчики», написанный за три года до первого посещения писателем Перми. В частности, герой рассказа Чечевицын, назвавший себя Монтигомо Ястребиный Коготь, планируя побег, замечает: «Сначала – в Пермь...» [Гладышев 2008: 36]. Явные параллели с Пермским краем можно найти среди героев многих чеховских произведений: в этой связи припоминаются чайный магнат Губкин, редактор журнала «Мир искусства» Сергей Дягилев и др. В рассказе «У знакомых», написанном в 1898 году, уже после первого посещения Перми, Сергей, герой рассказа, «хлопочет, ему обещали место податного инспектора где-то там, в Уфимской или Пермской губернии...». В рассказе зазвучали будущие смятенные речи о смысле жизни, которые позже наполнят пьесу «Три сестры». Уже здесь были представ-

лены образы милых молодых девушек, которые мечтают о своем будущем. Одна из них планирует: «Надо работать... Я поступлю в Москве куда-нибудь, буду зарабатывать, помогать сестре и ее мужу...» Таким образом, мотив, который позже будет звучать рефреном в пьесе, обозначен: «В Москву, в Москву!..» [Гладышев 2008: 115].

По точному наблюдению Е. К. Созиной, отголоском уральских впечатлений звучит тема фабрики-дьявола, фабрики-чудовища в рассказе «Случай из практики», написанном в 1898 году [Созина 2009: 18]. Рассказ связывается с уральскими письмами А. Чехова не только общей проблемно-тематической оценкой заводской жизни, но и вполне очевидным повтором выразительного звукового образа – резких ударов по металлу. Эти удары не давали заснуть измученному Чехову апрельской ночью 1890 года: «Всю ночь здесь бьют в чугунные доски. На всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов». В рассказе «короткие, резкие и нечистые звуки», вызванные ударами ночного сторожа по металлической доске, оказываются воплощением дьявольской сущности завода: «И похоже было, как будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище с багровыми глазами, сам дьявол, который владел тут и хозяевами, и рабочими и обманывал тех и других».

«Я всегда в своих произведениях презирал провинцию и ставлю себе это в заслугу», – писал Чехов в своих воспоминаниях. Провинция в его понимании связана и с Таганрогом, в котором он долго жил, и с Пермью [Громов 1951: 159].

Также известно, что Чехов помогал «Смышляевской библиотеке» в Перми, высылая туда свои книги, а в диссертации по медицине на звание доктора использовал выпуски «Пермского сборника» за 1859–1860 годах (народные рецепты, заговоры и т. д.) [Радкевич: эл. ресурс]. Разумеется, здесь следует сказать о близком знакомстве писателя с деятелями культуры, тесно связанными с Уралом или родившимися в этих местах: Сергеем Дягилевым, Саввой Морозовым, Дмитрием Маминым-Сибиряком и др. «Поезжайте на Урал, природа там чудесная», – писал одному из своих знакомых А.П. Чехов, сам получивший немало впечатлений об Урале и его жителях [Интернет-журнал «Филолог» 2009: эл. ресурс].

Таким образом, можно судить, что связь с городом была намного более глубокой, чем это может показаться, учитывая упоминание Перми в письме М. Горькому по поводу «Трех сестер»: «Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три – генеральские дочки. Действие происходит в провинциальном городе, вроде Перми, среда военные, артиллерия» [Громов 1951: 164].

Первое впечатление от города у Чехова осталось отрицательное: «Кама – прескучнейшая река. Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблюю и, не переставая, тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно... Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие», – писал он из Екатеринбурга своей сестре. Вторая поездка в 1902 году по приглашению Саввы Морозова на открытие школы имени Чехова во Всеволодовилье оставила прямо противоположное впечатление: благоприятная погода, красивейшие камские виды, увлекательные разговоры со спутником (А. Чехов ехал с Саввой Морозовым, который был весьма образованным и творческим человеком) – все это содействовало приятному отдыху и создавало отличное настроение. В письме О. Л. Книппер-Чеховой, написанном 22 июня 1902 года, А. П. Чехов замечает: «...я уже в Перми... Кама – чудесная река. Надо бы нам как-нибудь нанять для всего семейства парходик и поехать не спеша в Пермь и потом обратно, и это было бы дачная жизнь самая настоящая, какая нам и не снилась. Надо бы подумать об этом».

Упоминание о Перми в письме Чехова, адресованном М. Горькому, неразрывно связало город с известной пьесой «Три сестры», создание которой Чехов начал в августе 1900 года. В Перми особенно гордятся легендой о том, что именно их город послужил основой для многих деталей, описанных в пьесе. На это же указывает то, что в произведении можно обнаружить множество черт, сближающих город в пьесе с Пермью: большая река, выпадающий иногда даже в мае снег, вокзал далеко от города, географическое расположение на северо-востоке России, о котором можно догадаться. К тому же в городе жили люди, представители настоящей русской интеллигенции, претендующие на то, чтобы стать прототипами чеховских героинь. С точки зрения исторической науки, «Три сестры» – художественный вымысел, не имеющий исторической достоверности, но чеховское замечание в письме М. Горькому, совокупность характерных деталей города, считающиеся прототипами героинь сестры Циммерман – все это позволяет проводить прямые ассоциации между реальным городом и местом действия в пьесе [Абашев 200: 31–32].

В позднюю весну 1890 года А. П. Чехов писал в письме о ветре, который дул «резко и противно», о том, что «камские города серы», а единственное дело местных жителей – «приготовление скуки, мокрых

заборов и уличной грязи». Таким образом, камские реалии постепенно проникали в создающуюся пьесу: «... Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки – лес... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который бы не был похож на других, ни одного подвижника, ни в прошлом, ни в настоящем...» (пьеса «Три сестры»). Такое описание можно сделать только под недавним впечатлением от реального города [Интернет-журнал «Филолог» 2009: эл. ресурс].

Отсылкой к конкретным географическим реалиям служит и описание вокзала в пьесе. Здесь подполковник Вершинин изумляется тому, что вокзал, вопреки логике, находится в 20 верстах. Среди пермских исследователей-литературоведов распространено мнение, что Пермь II, местный вокзал, вполне похож на это определение. Хотя вокзал Заимка, позже получивший название Пермь II, был построен только в 1909 году, такие тонкости не смущают исследователей, ведь вокзал действительно строился, согласно проекту, на почтительном отдалении. А объясняется такое «предвидение» А. Чехова знанием неких подробностей постройки и развития железнодорожной инфраструктуры края. Говорят также об оригинальной «домашней заготовке» писателя. В повести «Моя жизнь» (1895) уже появляется образ вокзала-фантома. Вокзал, находящийся в 20 верстах от города, это многозначная вместительная метафора. Для героинь пьесы вокзал – символ, фата моргана, недоступный для них, но манящий, несущий в себе возможность перемен. Вокзал — это первый шаг к осуществлению мечты: пробиться к новым горизонтам, прорваться к новой жизни, уехать, воплотить несбывшееся. Воплощение этой мечты отдалено от них, практически недостижимо [Кубасов 1998: 218].

Чехов, побывав первый раз в Перми, написал, что «в России все города одинаковы, Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула». Позже он пожаловался М. Горькому, что жизнь в Перми серая, скучная и неинтересная. Андрей Прозоров, герой пьесы, говорит: «...что-то произошло вчера около театра; все говорят, а я не знаю». Конечно, описанные особенности могут принадлежать любому провинциальному городу, каждый из которых, по мнению Чехова, не представляет никакого интереса, но, как уже говорилось, совпадение слишком многих деталей говорит в пользу проведения аналогий именно с Пермью [Дворянова 200: 2–3].

Еще одним аргументом в пользу «пермских корней» пьесы является тот факт, что среди возможных прототипов сестер Прозоровых называют сестер Циммерман, известных просветительниц, основавших частную мужскую гимназию, которая существует сегодня под названием Пермского медико-фармацевтического училища. Сестры похоронены на

старинном Егошихинском кладбище, где создана даже символическая «тропа трех сестер». Официально легенда о сестрах Циммерман, ставших прототипами чеховских трех сестер, закреплена на мемориальной доске, открытой в 2008 году [Гладышев 2008: 64].

«Три сестры» Чехова имеют неразрывную связь с Пермью. Ландшафты города: река, кафедральный собор, Театральный сквер, ротонда – не только декорации, это действующие лица, позволяющие окунуться в атмосферу провинциального города XIX века. С героинями пьесы «Три сестры» происходит все, что может произойти в человеческой жизни. Любовь и разлука, случайная встреча, крушение всех надежд, ужасающий пожар, озаривший не только город, но и жизнь героев, бессмысленная гибель и утрата жилища, где сестры и их друзья были так счастливы... Несмотря на все испытания, они мужественно и трепетно любят друг друга, они связаны навеки и непередаваемо близки. Три сестры, три прекрасных женщины, необычные не только для провинциального городка, но и для всей России, стоят, обнявшись под прощальный марш музыкантов покидающего город навсегда гарнизона. И сердце сжимается, в то время, как тайна одиночества Ирины, Маши и Ольги, эта вечная тайна мирового искусства, еще долго будет волновать людей. Сфера провинциальной русской интеллигенции вполне узнаваема, их думы и настроения типичны для рубежной России, для всего русского мира, вступающего в предгрозовую этап. Читая драматургические тексты и письма Антона Павловича, мы находим в них грозное предсказание и настроения экзистенциализма, иронический приговор «азиатчине» и благородную любовь к Родине [Созина 2010: 19].

Таким образом, предположение о том, что черты Перми и Камы можно обнаружить во многих произведениях А. П. Чехова, весьма обоснованно. Эти черты проявляются в ландшафтах, описанных в произведениях, узнаваемых прототипах, случайных фразах героев, замечаниях самого автора. И вчитываясь в строки рассказов и пьес писателя, мы открываем в них много интересного и неожиданного.

Библиографический список

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.

Гладышев В. Ф. Чехов и Пермь: Легенда о трех сестрах. Пермь: Книжный мир, 2008. 176 с.

Громов Л. П. Этюды о Чехове. Ростов-Н/д: Ростовское областное книгоиздательство, 1951. 116 с.

Дворянова О. Три сестры из Перми // Личный интерес. 2000. № 4. С. 2–3.

Интернет-журнал «Филолог». 2009. № 9. «Материалы к сценарию». URL: <http://philolog.pspu.ru/> (дата обращения: 04.09.2017).

Кубасов А. Я. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

Радкевич В. Чехов: Пермь и Кама, 20 сентября 2015 г. URL: <http://kraeved-perm.ru/index.php?id=progulki> (дата обращения: 04.09.2017).

Созина Е. К. Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топология судьбы // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 4(82). С. 15–26.

Shi Shanshan

Postgraduate Student of Philological Faculty

Lecturer of Theoretical and Applied Linguistics Department

Perm State University

ANTON CHEKHOV AND PERM

The article is devoted to the relationship between the great Russian writer Chekhov and Perm. It shows Chekhov's visit to this city and the influence on the writer's works.

Key words: Chekhov; Perm; the story "The Boy"; the play "Three Sisters"; Permian roots.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы V Всероссийской
(с международным участием) научной конференции

(г. Пермь, 10 апреля 2017 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка: *И. И. Русинова*
Иллюстрация на обложке: *Л. Г. Писорогло*
Дизайн обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 20.11.2017. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 20,63. Тираж 200 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15